

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ОТДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ

РАЗУМ И ТРУД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1967

В этом коллективном труде, написанном на основе материалов дискуссии, проведенной в мае 1965 г. Отделением литературы и языка, Отделением философии и права и Институтом языкознания Академии наук СССР, представлены статьи философов, языковедов, психологов, физиологов и семиотиков, что позволило с разных точек зрения осветить важнейшую проблему языкознания и философии — соотношение языка и мышления.

Основные аспекты этой комплексной проблемы — общественно-историческая сущность языка и мышления, их взаимодействие в историческом развитии, сущность языкового значения в его отношении к содержательной стороне мышления, физиологический механизм процессов абстрагирования, обобщения и др.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

член-корр. АН СССР *Ф. П. Филин* (отв. редактор),
член-корр. АН СССР *С. Г. Бархударов*,
доктор педагог. наук *И. Н. Жинкин*,
доктор филол. наук *В. З. Панфилов*,
доктор филос. наук *Д. П. Горский*.
К изданию работа подготовлена сотрудниками редакционно-издательской группы Института языкознания АН СССР *А. А. Ковшовой* и *Н. Д. Орловой*.

Язык и мышление

Утверждено к печати Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *В. К. Романов*   Художник *Б. И. Астафьев*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

Сдано в набор 23/III 1967 г. Подписано к печати 19/VI 1967 г.
Формат 60×90^{1/4}. Бумага № 1 Усл. печ. л. 19,5.
Уч.-изд. л. 20,2. Тираж 10 000 экз. Т-08077. Тип. зак. 2486

Цена 1 р. 39 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ВВЕДЕНИЕ

Проблема «Язык и мышление» имеет свою длительную историю. В нерасчлененном виде она была поставлена еще в Древней Греции, обсуждалась в эпоху средневековья, стала оживленно дебатироваться с началом Новой истории и получила свою настоящую научную базу в трудах классиков марксизма-ленинизма.

В 20—30-е годы вопросы взаимосвязи языка и мышления советскими лингвистами и философами изучались главным образом в плане их истории. Были сделаны попытки установить последовательно сменяющиеся друг друга этапы в развитии языка и мышления: «дологическое», «первобытно-образное», «труд-магическое» и т. п. первичные ступени мышления с соответствующими им средствами языкового выражения — «логическое», «формально-логическое», «технологическое» — и другие более поздние периоды. Некоторыми лингвистами предполагалось, например, что эргативной (дономинативной) конструкции предложения в эпоху ее становления соответствовал и особый первобытно-образный тип мышления; смена эргативного строя номинативным означала качественные сдвиги в структуре мышления. Всем известны взлеты и падения исторических исследований указанного времени. Сама постановка задачи: установить закономерности развития языка — мышления, начиная со становления человеческого общества и кончая современностью, с охватом всех известных племен, народов, наций и их языков, родственных и неродственных, чрезвычайно заманчива даже одной своей грандиозностью. Увлечение «новым учением о языке» многих лингвистов, философов, этнографов и археологов, прежде всего тех, кто в 20—30-е годы только вступал на трудную стезю научного исследования, вполне объяснимо и, вероятно, исторически оправдано.

Однако относительно скоро выяснилось, что соотношение мышления и языка, языковых средств его выражения оказалось далеко не прямолинейным, как это представлялось сначала. Различные языковые структуры с одинаковым успехом могут выражать современные достижения мышления, накопленные знания. Существование предполагавшихся этапов в истории мышления не подтвердилось научно аргументированными фактами. Неаргументированными оказались и стадияльная теория, и соответствующая

щая ей теория единства глоттогонического процесса в языкознании. Не случайно акад. И. И. Мещанинов, много сделавший в области типологического исследования языков, в поздних своих работах («Члены предложения и части речи», «Глагол» и др.) в основном опирается на языковые признаки (грамматические формы и грамматические значения), выводя за пределы исследования проблемы мышления.

События, происшедшие в языкознании в начале 50-х годов, временно отодвинули изучение взаимоотношения языка и мышления на задний план. Неудачи нового учения о языке стали очевидны. Из этого вовсе не следует, что проблемы происхождения языка и мышления, закономерностей их исторического развития с древнейших времен до наших дней перестали существовать. Воссоздание реальной истории мышления и языковых средств его выражения было и будет одной из важных задач науки об обществе, его развитии. Мы находимся на пути поисков действенных средств и методов, которые позволили бы нам встать на твердую почву фактов и в этой области знаний.

В свое время довольно значительным был интерес и к социологической стороне языка и мышления. Самым крупным трудом в социологическом аспекте является книга философа-языковеда К. Р. Мегрелидзе «Основные проблемы социологии мышления»¹, написанная в 1938 г., но не потерявшая своей актуальности и теперь. Социологический аспект изучения интересующей нас проблемы, безусловно, очень важен и должен занять подобающее место в настоящих и будущих исследованиях.

За последние годы основное внимание лингвистов, философов, психологов, представителей других дисциплин направлено на изучение структуры языка и мышления, взятой в синхронном плане, безотносительно к ее истории. Разумеется, такой аспект исследования вполне закономерен. Надо выяснить самый «механизм», «устройство» языка и мышления, их взаимосвязей. Это имеет первостепенное значение и для самого познания изучаемого предмета, и для разнообразного практического применения полученного познания. Основательное и детальное синхронное исследование языка и мышления позволит более успешно решать и вопросы их исторического развития, без чего немислимо полное и всестороннее научное познание их сущности. Как бы ни был важен сам по себе синхронный аспект, высшая ступень знания может быть достигнута только в аспекте истории, развития.

Решение сложной проблемы взаимосвязи языка и мышления предполагает объединение усилий представителей многих дисциплин. За последние годы в разных науках накопилось и накапливается большое количество новых фактов, наблюдений, открытий,

¹ К. Р. Мегрелидзе. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965.

имеющих прямое отношение к данной проблеме. Эти факты, наблюдения и открытия нуждаются в новых обобщениях с позиций марксистско-ленинской теории. Такие обобщения возможны лишь при условии дискуссий, поскольку ответы на постоянно возникающие вопросы сами по себе отнюдь не очевидны, пока творческие усилия ученых не приводят к решениям, подтверждающимся практикой. Весьма важно, чтобы в подобных дискуссиях участвовали представители разных специальностей.

В предлагаемой вниманию читателей книге отражены материалы дискуссии по проблеме «Язык и мышление», в которой приняли участие философы, языковеды, психологи, физиологи, логики, представители других наук.

Конечно, в настоящем издании не могут быть освещены и тем более решены все главные вопросы проблемы «Язык и мышление».

Проблема «Язык и мышление» представляет собой многообразный и сложный комплекс различных вопросов и аспектов.

Мышление имеет общечеловеческий характер в настоящем и на протяжении всей своей истории, иначе был бы невозможен контакт между различными человеческими коллективами, переводы с одного языка на другой, будь то языки современные или мертвые. В то же время основное средство выражения мышления, его содержания чрезвычайно многообразно: только в наше время на земном шаре насчитывается около трех тысяч языков, обладающих своими особыми структурами и системами. В принципе количество языков могло бы быть безграничным. Это обстоятельство говорит о сложности и противоречивости связей языка и мышления, закономерности которых далеко не познаны. В гносеологическом отношении эта еще не во всем познанная противоречивость неоднократно приводила и приводит ученых к неправильным решениям, к ошибкам и неудачам, когда язык и мышление отождествляются или когда язык начинает пониматься как самодовлеющая сущность, отношение которой к обществу, к объектам действительности практически, а нередко и программно объявляется предметом, стоящим за пределами науки. Конечно, язык как система знаков может изучаться и изучается как определенная структура, как бы замкнутая в самой себе. Однако такое изучение не может исчерпать языкознание, поскольку, во-первых, язык, имея знаковую функцию, не сводится к системе знаков; во-вторых, сама система знаков в своем происхождении и развитии создавалась в обществе, функционирует в обществе и зависит от него.

За последнее время, как известно, получили развитие за рубежом и у нас так называемые структуральные методы изучения языка и мышления. В этой области достигнуты уже некоторые успехи. Поскольку обнаружение структуры языка и мышления, системных связей в них еще далеко не исчерпано, следует ожидать новых открытий, которые могут быть полезными и для практической деятельности людей.

Однако формализованные методы не могут не быть ограниченными. Знак естественного или искусственного языка — лишь средство фиксации приобретенных и приобретаемых знаний, а отношения между знаками — отражение через мыслительные процессы многообразной и противоречивой действительности. Между тем у ряда ученых, на наш взгляд, имеется явное преувеличение возможности формализованных методов в процессе познания. Некоторые исследователи даже полагают, что само «видение мира», «модели мира» изменяются в зависимости от структуры языка, что на пути усовершенствования конструкции искусственных языков могут открываться даже новые философские системы, что центр тяжести в изучении истории философии и в дальнейшем развитии этой науки лежит в выработке удачной единой терминологии, основанной на структурных методах, и т. д. и т. п. Такие односторонне преувеличенные представления о возможностях структурно-формализованных методов представляют собою своего рода терминологический фетишизм, неоправданную абсолютизацию языка как знаковой системы, подмену основного вопроса философии проблемой знака.

Выяснить границы формальных структуральных методов, их реальные, а не мнимые возможности — одна из важнейших задач марксистско-ленинской методологии на современном этапе ее развития.

Для всех очевидно, что язык и мышление имели огромный прогресс за свою длительную историю. Существовали ли в их поступательном развитии какие-то определенные ступени, стадии, охватывающие все человечество, или это развитие, особенно истории языков, исчерпывалось локальными системами, мало связанными друг с другом? Попытки реализовать теорию стадильности, которые предпринимались в XIX—XX вв., в общем окончились неудачно. Но значит ли это, что в принципе отвергнута сама проблема выяснения общечеловеческих закономерностей развития языка и мышления, их ступеней? Проблемы социально-исторической сущности языка и мышления, специфических особенностей «внутренней речи», взаимосвязей грамматических и логических категорий языка, физиологического аспекта обобщения и абстракции и речевых воздействий, аспектов семиотики и искусственных языков, критика идеалистических, антимарксистских концепций и многие другие вопросы еще ждут своего решения с позиций марксистско-ленинской философии.

Разумеется, далеко не все ответы на поставленные вопросы могут быть сразу однозначными. Это вполне естественно, так как наряду с известным, достигнутым имеется еще очень много неизвестного, неустановленного. Дискуссии помогают находить однозначные ответы: известно, что в споре рождается истина.

Ф. П. Филин

СООТНОШЕНИЕ ЛОГИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

И. И. МЕЩАНИНОВ

Человеческий коллектив, создающий язык, прибегает к нему для удовлетворения своих потребностей общения, вызванных сознательной деятельностью. В процессе совершенствования сознательной деятельности коллектива язык как продукт общества подвергается «стадиальным переходам» с их длительными периодами структурных перемен.

Общение обусловило становление языка и его дальнейшее совершенствование, так же как и развитие норм мышления в процессе трудовой деятельности человеческого общества. В течение длительного периода его существования в нем произошли значительные изменения, прослеживаемые как в диахроническом разрезе его исторической жизни, так и в таком же разрезе используемой им речевой структуры. Меняющиеся условия трудовой жизни общества должны были отразиться и на средствах общения. В историческом и доисторическом периодах эти средства привлекались обществом в различной степени. Они менялись в соответствии с имеющимися в них потребностями и возможностями их осуществления обществом, пережившим качественные изменения в своем социальном строе. Наличный материал этнографических и лингвистических сведений ставит перед исследователем различные задания, обусловленные качеством полученных и изучаемых лингвистических построений.

В исторический период, в который генеалогической классификацией проводится деление языков по семьям, может ставиться задание исследовать языки в диахроническом разрезе с установлением их объединяющего праязыка. Поиски общезыковой основы в доисторический период развития языка получают иное направление. Л. В. Щерба, в личной беседе со мною, признавал бесплодность поисков в языке первобытной коммуны общих основ лексического состава создавшейся человеческой речи. Разроз-

ненные объединения в первобытной общественной среде оставались до известной степени замкнутыми в их общении друг с другом, что должно было отразиться и на использованных ими средствах языкового общения. Обособленно развивавшиеся языки первобытного общества сохраняли за каждым из них свой лексический состав, что при ограниченных потребностях сношения с другими общественными коллективами ставило их в одиночное положение. Это препятствовало их соединению в языковые семьи и тем самым затрудняло поиски общей для них праязыковой основы. Когда расширились потребности общения, использование для них отдельно существовавших языков с их самостоятельным лексическим составом стало затруднительным и более удобным для взаимного общения оказался язык жестов.

Углубляясь в изучение звуковой речи доисторического периода, Н. Я. Марр признал невозможным установление общих для нее лексических основ, объединяющих формирующиеся языки. По его мнению, объединяющее начало в структуре языков первобытного общества следует искать не в грамматическом построении самого слова, а в его фонетической передаче. Разрозненные коллективы первобытного общества создавали нужные для их общения слова, используя в них различные сочетания фонем. Образованные ими слова имели замкнутое употребление в пределах данной общественной среды и были непонятны для других. Такие слова не могли лечь в единую основу идущего процесса словотворчества первобытной общины. Но звук, становящийся в его социальном употреблении фонемой, мог оказаться общим при его использовании разными языками. Став на путь поисков различных комбинаций возможных сочетаний фонем, Н. Я. Марр, не будучи специалистом в этой области, сделал неудавшуюся попытку поставить в основу всего глоттогонического процесса «четыре лингвистических (фонемных) элемента».

Речь человека первобытного общества отличается своим качеством от речи человека уже развитого общества с его новыми расширенными потребностями в организуемой трудовой деятельности и создаваемых ею условиях социального бытия. Такие же стадийные переходы обнаруживаются и в последующие периоды развития средств общения, оказавшихся человеку необходимыми и осуществляемых различными приемами языковых построений. Каждый язык при его длительном социальном использовании вырабатывает свои структуры, но они устанавливаются в нем не самостоятельно, а в зависимости от действующих законов мышления. Человек строит свою речь, отвечающую нормам его сознания, но для ее передачи он прибегает к использованию соответствующих грамматических форм. Длительно употребляясь, эти формы вырабатывают свои закономерности в синтаксических и морфологических сочетаниях слов, по которым продолжается развитие структуры языка. Мышление ложится в основу сознательной деятель-

ности человека, который, удовлетворяя возникающие у него потребности общения, создает язык. Он, передавая логические категории мышления, придает им формальное лингвистическое выражение, создавая свои грамматические языковые категории, и тем самым устанавливается тема исследования: «Язык и мышление».

В соответствии с законами мышления устанавливаются отношения между логическими категориями и грамматическими, образующими в языке основную структуру предложения с выработанными в нем приемами использования этих категорий. Субъект (логическая категория) может передаваться различными грамматическими категориями. Он может выступать как в отдельном члене предложения (подлежащем), так и в личных окончаниях глагола, ср. *иду, идешь*, где субъект выражен личной формой спряжения, относимой также к грамматическим категориям. Они получают в языке положение устойчивое, но ограниченное их связью с синтаксическим членением предложения. Логические категории сохраняют свое самостоятельное значение, независимое от синтаксической конструкции предложения, и устанавливают связь языка с мышлением, передавая логическое содержание образуемым в языке грамматическим построениям.

В языке выделяются его грамматические категории, но они сочетаются в сознательной речи человека с логическими, без которых не может строиться речь человека и которые поэтому получают в ней ведущее значение. Выражение отношений между членами образуемого высказывания устанавливается нормами сознания, но передается грамматическими приемами, выработанными каждым отдельным языком по закрепляемым за ними системами синтаксических построений. В русском языке члены предложения получают грамматическую форму по занимаемому ими положению, по которому глагол согласуется с подлежащим, стоящим в именительном падеже. В агульском языке — языке лезгинской группы — глагол не имеет личного спряжения и по нему не различает переходных и непереходных форм, но подлежащее при них передается разными падежами, ср. построение непереходного предложения *Зи балкІан галатна* 'Моя лошадь устала'. Безобъектное предложение, в котором субъект высказывания представлен подлежащим *балкІан*, стоящим в абсолютном (прямом, именительном) падеже. Ср. в том же языке переходное предложение с тем же подлежащим в активном падеже, от которого образуются косвенные падежи: *БалкІан-ди зи ник барбатІна* 'Лошадь мое поле попортила'¹.

Одинаковое содержание предложения, передаваемое в русском и лезгинском языках, использует те же логические категории

¹ См.: Р. Шаумян. Грамматический очерк агульского языка. М.—Л., 1941, стр. 31—32, 74—75; Л. И. Жирков. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941, стр. 42—43, 61—62.

субъекта и предиката. Но их передача грамматическими категориями при том же членении предложения требует различного грамматического оформления. Логическая категория субъекта передается в русском языке единым именительным падежом подлежащего, тогда как в лезгинском языке та же логическая категория субъекта получает свое выражение в разных падежах подлежащего.

В приведенных примерах логические категории ложатся в основу синтаксического построения предложения, но непосредственно не отождествляются с грамматическим оформлением выступающих в нем членов. Один и тот же субъект получает в названных языках разные падежи подлежащего. Субъект и предикат (логические категории) могут передаваться в строе языка грамматическими категориями подлежащего и сказуемого, но могут иметь свое выражение и не в них. Логические категории связываются с грамматическими, но не отождествляются с ними.¹ Члены предложения, выступая со значением грамматических категорий, передают логические категории субъекта и предиката, которые сохраняют свое содержание независимо от синтаксического членения предложения. Предикативное значение глагола может заключаться и в его отглагольной форме. Причастие сохраняет содержание предиката также и вне сказуемого, *огонь потух, потухший огонь*. В бацбийском (тушинском) горском восточнокавказском языке причастия изменяются по временам: *тегб-уйн* 'делающий есть', *тегб-йан* 'сделавший был'². Субъект и предикат могут передаваться наречием, *холодно* (субъект испытывает состояние холода) и т. д.

Логические категории занимают ведущее положение, устанавливая общую структуру предложения. Их грамматическое выражение получает в каждом языке свою передачу по тем нормам, которые вырабатываются их синтаксическими системами. Но и они в своей основе продолжают строиться по действующим нормам мышления. Тем самым устанавливается «относительная самостоятельность языка и определяющая роль мышления в том единстве, которое они образуют»³ и которое получает свое выражение в «едином глоттогоническом процессе».

Логические и грамматические категории образуют в их взаимной связи остов всякого предложения, который выделяется во всех языках и тем самым выражает «общезыковой субстрат». В его основу ложится не морфологическое, аналитическое и аморфное сочетание отдельных слов, а синтаксическая конструкция

¹ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, стр. 153.

² См.: В. З. Панфилов. К вопросу о логико-грамматическом уровне языка. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», Bd 15, H. 3/4. Berlin, 1962, стр. 362.

всего предложения. Оно строится на предикативных отношениях, выработанных нормами мышления и передаваемых синтаксическими грамматическими категориями, образующими основное членение предложения.

В предложении выступают грамматически передаваемые категории мышления, выражающие действующее лицо, само действие и связанные с ними члены высказывания. Они прослеживаются во всех языках, обуславливаемые законами мышления и получающие грамматическое значение, устанавливаемое синтаксисом. В предложении логические категории могут не только управлять его синтаксическими построениями, но также и вступать в более тесную связь с их грамматической передачей. Устанавливаемые мышлением субъектные, объектные и атрибутивные отношения выделяют ведущие и зависимые члены предложения. Подлежащее, сказуемое, дополнения, определения и обстоятельства выступают выразителями передаваемых разновидностей этих отношений, устанавливаемых мышлением и получающих грамматическое оформление членов предложения. Они выделяются во всех языках как их синтаксическая общезыковая подоснова.

Такой общезыковой субстрат, основанный на синтаксическом (грамматическом) использовании логических категорий, подвергается в историческом процессе развития языковых структур своим качественным изменениям, образующим различные синтаксические конструкции предложения. Они привлекаются для их сравнительных сопоставлений с обнаруживаемыми в них схождениями и расхождениями. В них субстрат ложится в основу образуемых синтаксических построений, объединяя собою получающиеся их разновидности. Общим для всех них остаются логические категории, обуславливающие основное членение предложения с передаваемыми в нем предикативными и атрибутивными отношениями. Расхождения могут сосредоточиваться в их грамматическом выражении, а также в выделении самостоятельных грамматических категорий, например склонения имен по падежам и числам, спряжения глагола с его изменениями по наклонениям и т. д., отражающими логические категории, но непосредственно не везде связанные с ними в своем грамматическом оформлении.

■

Логические и грамматические категории, устанавливающие всю структуру предложения, рассматриваются исследователями как в их совокупности, так и каждый из них в отдельности. «Расхождения между грамматикой и логикой,— говорит Ж. Вандриес,— состоят в том, что грамматические категории и логические очень редко покрывают друг друга; почти никогда число первых и вторых не совпадает... Однако каковы бы ни были различия в умственных навыках различных народов, существование некоторых основных черт нельзя отрицать. Есть общечеловече-

ская логика, и главные логические категории мы находим у всех мыслящих людей: они, естественно, лежат в основе грамматических категорий»⁴. Мне кажется, что даваемую здесь формулировку следует несколько уточнить, рассматривая логические категории в том виде, в каком они выступают в языке, т. е. в неразрывной связи с грамматическими, которые наличны и в аморфных сочетаниях слов, устанавливаемых грамматическим приемом их местоположения.

Логические категории получают свое внешнее выражение в языке. Для их передачи используются в языке соответствующие грамматические построения. Логическое содержание, соединяемое с его грамматическим выражением, образуют в языке не обособленные, а совместно выступающие логико-грамматические категории, устанавливающие грамматическую форму как в морфологических, так и в аморфных конструкциях предложения. Эти выделяемые в нем категории образуются абстрактной передачей логического содержания и его же конкретизацией в грамматической форме.

Логические и грамматические категории, получая в языке общее логико-грамматическое значение, используют различные грамматические формы для выражения вкладываемого в них содержания логических категорий. При их широком использовании логико-грамматические категории сохраняют свое синтаксическое значение в структуре предложения, в оформлении его членов и выступающих в них частях речи. Одна и та же логическая категория предиката может передаваться именным сказуемым и вербальным, представляя две части речи в одном члене предложения. Одно содержание логической категории передает также и ее субъект, но в грамматическом выражении он может быть представлен как падежом подлежащего, так и личным спряжением глагола, т. е. двумя разными грамматическими формами двух членов предложения при тождестве их логического содержания. Личное спряжение глагола выделяет здесь не только грамматический субъект, но и содержание логического субъекта, которые устанавливают падеж подлежащего и грамматическое оформление сказуемого.

Образуемые в языке синтаксические построения обусловлены вкладываемым в них смысловым содержанием. Оно объединяет логическую и грамматическую категории наличного субъекта по выполняемой им функции действующего лица, сохраняя в то же время имеющиеся в нем категориальные различия. Соединение их в языке приводит к их совместному использованию по общему для них назначению, отмечаемому грамматической формой. Логическая категория субъекта выделяется логико-грамматическим оформлением грамматического субъекта. Один из них выступает с общезыковым значением, тогда как другой получает специальное грамма-

⁴ Ж. В а н д р и е с. Язык. М., 1937, стр. 112.

тическое. Он, сохраняя содержание логического субъекта, выступает и в подлежащем и в сказуемом, наполняя их одним и тем же содержанием логического субъекта.

Содержание, выделяющее субъект, предикат и атрибут, отражается в языке по той функции, с какой они выступают в строении предложения. Ими передается значение тех выражаемых языком понятий, которые вкладываются им в действующее лицо (субъект), в само действие (предикат), в зависимый член притяжательного словосочетания (атрибут). Они включаются в логические категории, соединяя их в языке с грамматическими. Образуемые ими логико-грамматические категории приводят к связи не только главных, или основных, но и всех логических категорий с грамматическими. Логические категории не выступают в языке вне их грамматического использования. Грамматические категории могут, соответствуя содержанию логических, получать самостоятельную грамматическую форму. Передаваемые ими связи логических и грамматических категорий устанавливаются при их взаимных сочетаниях в различной степени их сближения.

Выступающие в языке логико-грамматические категории могут устанавливать свободное сочетание ими оформляемых членов предложения, получающих каждый свое построение, независимое от другого, ср. грамматическую форму субъекта, выступающего при безличном сказуемом, лезгинский: *чуклулди хъсандиз атлуза* 'нож хорошо режет', где глагол *атлуза*, не имеющий личного спряжения, остается без согласования с подлежащим; ср. также сочетание двух имен в позиции подлежащего и сказуемого без наличия родовых или классных показателей и без использования вспомогательного глагола (связки), адыгейский: *Мыр-чъыгы* 'Яблона — дерево'; *Шыр-псэушъхъ* 'Лошадь — животное'. При множественном числе подлежащего именное сказуемое может оставаться в единственном числе: «яблони — дерево». Грамматическая форма ограничивается здесь выделением члена предложения. Вкладываемое содержание логической категории уточняется не этой грамматической формой, а контекстом предложения.

Таким более свободным сочетаниям членов синтаксической группы противопоставляется их же передача с выражением более тесной между ними связи, устанавливаемой специальным для того использованием грамматических форм. Образуемые ими синтаксические построения выделяются среди других своей конструкцией, объединяя в ней логические и грамматические категории общим для них грамматическим оформлением.

Грамматическая форма, используемая с таким ее назначением, выделяется по выполняемой ею функции, оказываясь выразителем логической категории с ее же грамматической передачей. Тем самым координируется логическое значение с формальным выраже-

нием грамматического. С таким значением могут выступать и отдельные члены предложения, получающие грамматическую форму по тому логическому содержанию, которое ею же передается. Такие формальные сходства устанавливают в синтаксических построениях их более тесную взаимную связь. В таком положении оказываются также упомянутые выше логическая и грамматическая категории субъекта, когда они, выступая в предложении, уточняются сказуемым в общем для них предикативном значении.

Передаваемые ими понятия в таких и подобных им синтаксических конструкциях включаются как в содержание самих логических категорий, так и в содержание образуемой грамматической формы. Ср. передачу субъектных отношений падежом именного члена и личным спряжением глагола; ср. такие же закрепляемые, но односторонние связи, передающие атрибутивные отношения сочетанием их логического содержания с соответствующим грамматическим оформлением определения и т. д.

Выступающие в них синтаксические построения связывают их логическое содержание с его грамматическим выражением. Им могут оформляться каждые члены предложения, занимающие ведущее положение в образуемой ими синтаксической группе. Оно придает логическим категориям соответствующее им грамматическое выражение. Тем самым устанавливается грамматическая категория, связанная с логическим содержанием. Грамматические категории, используемые в этих синтаксических построениях, не отрываются от логических и вместе с ними оформляют выделяемые члены предложения. Логические категории выступают в члене предложения, ограничиваясь передачей ему своего содержания. Грамматические категории оформляют член предложения и закрепляют за ним вкладываемое в него логическое содержание. Одним из таких примеров закрепления за грамматической формой заключенного в ней же логического содержания может служить передача субъектных отношений.

Логическая категория субъекта передается в предложении не только подлежащим, но также и сказуемым при личном спряжении глагола. Получая в предложении грамматическое оформление, логические категории субъекта и предиката могут выдвигать отвечающие им грамматические категории. Они выдвигаются в тех синтаксических построениях, которые отличаются от других их же разновидностей тесной формально выраженной связью категорий логики и грамматики. Понятие, вкладываемое в грамматическую форму субъекта, выделяет грамматический субъект, выступающий как в падеже подлежащего, так и в личном спряжении вербального сказуемого. Оно в таком его положении включает грамматический субъект в свою предикативную форму, которая выражает одновременно и логический субъект и грамматический. Такие синтаксические построения указывают на то, что грамматический субъект отождествляется не с одним лишь подлежащим.

Когда логическая категория сама связывается с передаваемой ею грамматической формой члена предложения, она передает грамматической форме свое содержание. Используемые здесь грамматические формы выделяются по выполняемому ими назначению в образуемых синтаксических построениях. Они объединяются как логические, так и грамматические категории, принимая на себя их совместную передачу. Грамматическая форма, предназначенная для соединения своим содержанием членов обеих категорий, сама оказывается носителем тех и других (например, грамматическое оформление действующего лица спрягаемой формой глагола, где личное окончание одновременно выражает предикативное использование показателя субъекта). Эти грамматические формы берут на себя не только синтаксическую передачу, но и само содержание логических категорий, включаемое в них самих. Ими же уточняется и синтаксическое положение выделяемых грамматических категорий, закрепляя собою их неразрывную связь с логическими. С такой же функцией выступают выражаемые языком понятия, передаваемые в грамматиках терминами «субъект» и «предикат», которые в этом их обозначении содержат как логическую, так и грамматическую категорию, таково личное спряжение глагола, в котором субъект имеет грамматическую форму по его предикативному использованию, ср. его же, получающего другую грамматическую форму в позиции подлежащего. В приведенных примерах выступает та связь, которая соединяет содержание логической категории с ее грамматическим оформлением.

Связующим элементом выступает здесь то передаваемое в языке понятие, которое соединяет свое логическое содержание со своим же грамматическим выражением, образуя устойчивое сочетание и по смысловому значению и по грамматической передаче. Вложенное в них и их же связывающее содержание передаваемых понятий выделяет их положение среди других грамматических категорий, допускающих также и свободное сочетание своих компонентов. Закрепление логического содержания за грамматическим выражением заключенного в них понятия отражается также на образуемом синтаксическом построении, когда выступающие в нем логико-грамматические категории выделяются в структуре предложения своею особою грамматическою формою.

Логические и грамматические категории ставятся в обособленное положение при таком их взаимно связанном сочетании. Выступающие здесь синтаксические конструкции с грамматическим использованием логического содержания в их тесной взаимной обусловленности образуют свою разновидность с выработанными в ней приемами сочетания логических категорий с грамматическими.

Выступающие в языке категории мышления и грамматики, представленные членами предложения, объединяются связующими их грамматическими формами. В их числе выделяются те, которые сами оказываются носителями ими же передаваемого

содержания. Такими грамматическими формами выделяются логические категории, выступающие в языке с грамматической задачей вложенного в них понятия. Они получают особое значение при основном синтаксическом членении предложения⁵.

В таком положении выделяется среди используемых языком логико-грамматических категорий особая их разновидность «понятийные категории», которые выдвигались мною и в моих предыдущих работах.

Эта разновидность логико-грамматических категорий выступает со специальным назначением: передавать логическую категорию грамматической формой, устанавливающей ее содержание. Здесь сама грамматическая форма оказывается носителем содержания ею же выделяемой логической категории.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ МЫШЛЕНИЯ И РЕЧИ В СВЯЗИ С РОЛЬЮ КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ

А. С. ЧИКОБАВА

Речь и ее взаимоотношение с мышлением занимали человеческую мысль в глубокой древности, по крайней мере за пять веков до нашей эры. Ныне взаимоотношение речи и мышления интересует специалистов в области лингвистики, психологии, логики. Ни одной из этих наук не существовало в V в. до н. э., когда на площадях древнегреческих городов велись бесконечные споры о том, чем определяется название предмета — природой предмета (т. е. обозначаемого) или установлением, обычаем... Сторонники отприродности (*physei*) и условности (*thesei*) обсуждали основной вопрос философии языка, вопрос об основе, которой определяется значение. На протяжении многих веков, прошедших с тех пор, философия сказала все, что можно было сказать по данной проблеме в плане априорного, дедуктивного анализа, сформулировав, в частности, основные возможные решения вопроса о роли языка и мышления в их взаимосвязи: при этом или один из членов взаимоотношения объявлялся ведущим, или другой; не

⁵ Ср. противоположные им синтаксические построения, в которых логические категории субъекта или предиката не получают связывающей их грамматической формы, например: передача субъектных отношений при безличной форме глагола.

было недостатка и в попытках уравновесить роль обоих членов данного взаимоотношения; выдвигались также утверждения об идентичности внутренней речи и мышления.

Примером таких высказываний могут служить следующие: I. «Мышление и речь идентичны»¹.

«Разум есть язык. Вся философия есть грамматика»².

II. «Всякое самодеятельное мышление осуществляется прежде всего без языка... Язык — продукт мышления!»³ «...Обладание языком у человека, таким образом, не причина, но действие его духовного характера. Поэтому животные не говорят уже потому, что не имеют никаких соответствующих психических образований»⁴.

III. «Речь порождается интеллектом и порождает интеллект»⁵.

В наше время взаимосвязь языка и мышления является предметом исследования трех специальных наук: логики, изучающей познавательную функцию мышления, психологии, призванной анализировать процессы мышления, и лингвистики — науки о структуре и функциях языка.

Изучая мышление, невозможно обходить язык, его роль с точки зрения мышления. Прослеживая функции языка, нельзя не касаться вопросов мышления.

Проблема значения языкового факта служит тем звеном, которое связывает речевое с мыслительным, осью, один конец которой упирается в мышление, другой — завершается речью.

Вопрос о соотношении речи и мышления подразумевает наличие обоих членов соотношения, т. е. и речи и мышления, как самостоятельных элементов с определенной спецификой.

Отрицать существование языка пока никто не пытался, но отрицание мышления как чего-то специфического — не только попытка, фигурирующая в виде частного положения. Такое отрицание выступает в роли принципиального положения а н т и м е н т а л и з м а, на котором строится бихевиоризм (Watson): «стимул — реакция» этим пытаются исчерпать все, что раньше мыслилось как сфера психического⁶. Бихевиористская лингвистика (американская

¹ «Denken und Sprechen sind identisch». — F. Schleiermacher. Psychologie. Berlin, 1862, стр. 133.

² «Vernunft ist Sprache. Die ganze Philosophie ist Grammatik». — J. G. Hamann. Schriften. Berlin, 1824, Th. VI, стр. 365.

³ «Alles selbsttätige Denken erfolgt zunächst ohne Sprache... Die Sprache ist Produkt des Denkens». — F. E. Bennecke. Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft. Berlin, 1861, стр. 54.

⁴ «Der Besitz der Sprache beim Menschen ist also nicht Ursache, sonder Wirkung seines geistigen Charakters. Schon deshalb sprechen die Tiere nicht, weil sie keine entsprechenden psychische Gebilde haben». — F. E. Bennecke. Указ. соч., стр. 55.

⁵ «Sermo generatur ab intellectu et generat intellectum». — P. A. Baelard.

⁶ Подробно см.: А. С. Чикобава. Проблема языка как предмета языковедения. М., 1959, стр. 139—151.

«дескриптивная лингвистика») соответственно элиминирует проблему значения, как проблему собственно лингвистическую. Если порой проявляется терпимость к семасиологии, то это, конечно, оправданно с точки зрения объективного положения вещей, но отнюдь не принципиальных установок бихевиоризма: антиментализм бихевиоризма, будучи последовательно применен, несовместим с понятием значения, как проявлением ментализма.

Но и в тех течениях, когда наличие обоих членов соотношения не является спорным, велики расхождения как в постановке вопроса, так и в его решении. В значительной мере это обусловлено различным пониманием того или иного члена соотношения, а нередко — и обоих членов. Вряд ли удастся избежать недоразумений, если в используемые термины «язык» и «мышление» вкладывается далеко не одинаковое значение.

Естественно потому начать с того, как нами понимаются язык, языковой факт и его значение.

Для нас язык — это система знаков, функционирующих в качестве средства общения и инструмента мысли. В языке, следовательно, в первую очередь выделяются две функции: *интериндивидуальная* (межиндивидуальная) — быть средством общения, коммуникации и *интраиндивидуальная* (внутрииндивидуальная) — быть выражением мысли⁷. Ведущая роль принадлежит первой: язык, переставший быть средством общения, считается мертвым; он не может сохранить интраиндивидуальную функцию. Никому не удастся долгое время мыслить на том языке, который нет возможности использовать в качестве средства общения (в иноязычной среде усваивается новое средство общения, и родная речь постепенно теряет интраиндивидуальную функцию).

Определяющая роль коммуникативной функции демонстрируется тем самым ярко: интериндивидуальная функция служит опорой интраиндивидуальной. Функция изложения («выражения» *Darstellungsfunktion*), которую К. Бюлер считает специфической для языка, функция объективации, требует в качестве предпосылки наличия обеих вышеназванных функций, она невозможна без интериндивидуальной и интраиндивидуальной функций. Ведущая, определяющая роль коммуникативной функции бесспорна. Все остальные функции производны.

В общелингвистических концепциях делались попытки строить теории языка с учетом лишь одной функции: интраиндивидуаль-

⁷ А. С. Чикобава. Указ. соч., стр. 170.

ной или же интериндивидуальной. Так, например, К. Фосслер рассматривает язык как индивидуальное духовное творчество, игнорируя язык как средство общения (последнее для него равнозначно автоматическому повторению, свойственному попугаю).

Бихевиорист Блумфилд и современная американская дескриптивная лингвистика, напротив, пытаются строить теорию языка, совершенно исключая интраиндивидуальную функцию. Для Фосслера язык как средство выражения — все, для Блумфилда — ничто.

«С бихевиористской точки зрения, — пишет Уотсон, — проблема понимания является чистой абстракцией. Она никогда не возникает в процессе наблюдения над поведением... Если рассматривать мышление как форму действия, а аналогичную во всех существенных отношениях с ручной деятельностью, то подобные умозрительные рассуждения относительно понимания в мышлении теряют свою таинственность и свое обаяние»⁸.

Понимание, как известно, может быть полным или частичным, неполным..., но без понимания невозможно общение людей, немислим процесс коммуникации людей.

Роли средства общения может выступать и машина, выполняющая работу переводчика. Но неправомерно приравнивать человека к автомату даже с учетом того обстоятельства, что действия человека, поначалу требующие участия сознания, при многократном повторении могут автоматизироваться, протекать без участия сознания (процессы написания букв, игра на музыкальном инструменте и т. д.).

Из определения языка как системы знаков, функционирующих в качестве средства коммуникации и орудия мысли (такое определение существует более полувека), следует, что надо, с одной стороны, изучать язык в его отношении к культуре и ее истории (культура — создание общественного человека), с другой — в его отношении к мысли и ее истории, т. е. изучать язык в его наиболее существенных моментах.

Все приемы исследования языка в его статике и динамике, в том числе математические и структурные (в теоретическом плане), оправданы постольку, поскольку выявляют закономерности, характерные для языка в этих двух измерениях.

Мы не касаемся в этой связи большого прикладного значения, которым обусловлен ныне особый интерес к использованию структурных и математических методов применительно к языку. Мы разделяем оптимизм тех специалистов, которые ждут от приме-

⁸ Дж. Уотсон. Психология как наука о поведении (перевод с англ.). М., 1926, стр. 312.

ния математических методов к фактам языка определенного вклада в теоретическое языкознание. В языке предложит множество физически воспринимаемых фактов (звуков, слов, синтагм) и их сочетаний. Закономерности, вскрываемые при изучении множеств групп и вероятностей их проявления в той или иной речи, с самого же начала обещают быть перспективными. Но центр тяжести в изучении закономерностей языка — и в его статике и динамике — лежит не в плоскости количественных взаимоотношений, а в сфере значимостей, которыми знаки языка обладают с точки зрения культуры и ее истории, мышления и его истории.

Новое здание математической лингвистики — в случае его успешного возведения — явилось бы новой отраслью науки о языке.

Вопрос о взаимоотношении языка и мышления (точнее, речи и мышления) может ставиться в плане филогенетическом: взаимоотношение в процессе их образования в роде человеческом — и онтогенетическом: в процессе их становления в жизни отдельного индивида — в окружении говорящих и мыслящих людей.

Нас интересует онтогенетический план, а именно, формирование речи как системы значащих элементов.

«Значение» понимается по-разному. Мы считаем научно правомерным то толкование, согласно которому значение рассматривается как отношение к обозначаемому, независимо от того, какими средствами репрезентируется обозначаемое. *Часы, инжир, чернила*... Каждое из этих слов может вызвать различное предметное представление (если оно появится): *часы* — настенные, ручные (золотые, серебряные), песочные, городские, солнечные и т. д., или же вызвать одно лишь представление с л о в а *часы* (или акустическое или оптическое, или моторное или же их сочетание, например, акустически-моторное). Значение слова может быть понято и при отсутствии каких-либо представлений.

Однако, несмотря на возможность существенных расхождений в предметных или же словесных представлениях, *часы* всюду будут значить предмет (прибор для измерения времени), будут относиться к предмету с данной функцией. То же самое касается слов *чернила* (химические, синие, зеленые, красные и т. д.); *инжир* (белый, черный, розовый, круглый, продолговатый и т. д.).

Слово *чернила*, если мы знаем его значение, не может относиться к прибору для определения времени; никто не спутает его

со словом *инжир*. Каждое значащее слово относится к определенному обозначаемому (в реальной действительности: объективной, субъективной). Это отношение и есть значение и е, оно независимо от средств психологических, при помощи которых репрезентируется, переживается говорящим или слушающим. Всякий толковый словарь ставит целью выявить значение слова: к чему относится то или иное слово, какое явление действительности имеется в виду.

Мы знаем значение слова, если знаем, что имеется в виду, к какому обозначаемому слово относится; незнакомое слово — это такое слово, относительно которого мы не знаем, к какому обозначаемому оно относится. Значение и есть отношение.

От значения слова отличается значение формантов, частиц. Но и здесь перед нами сфера отношений. Только обозначаемое в данном случае выявляется не так просто, как в случаях со словами, имеющими конкретное значение (ср. *часы, часов, часам; если, не, или, а, же*). Значение формантов, частиц в принципе такого же порядка, как значение отвлеченных понятий: *разум, чувство, воля, категория, сущность, бесконечность* и др.

Все значащее в языке относится и характеризуется через это отношение, как знак. Язык — система знаков.

В языке попадают и такие факты, относительно которых нам не известно, к каким явлениям объективной действительности они относятся, например *олух, прохвост*. Перед нами сфера эмоциональной действительности: эмоция заслонила собою обозначаемое; нет нужды знать, что слово *прохвост* восходит к немецкому Proffoss 'солдат, заведовавший очисткой нечистот'; 'смотритель' за арестованными солдатами, приводивший в исполнение приговоры о телесном наказании⁹. *Прохвост* не перестает быть словом бранным, независимо от того, известно бранящемуся происхождение данного слова или нет. Любопытно, однако, что вместо *прохвост* вряд ли употребят *болван*.

Эмоциональные (в частности, «бранные») слова вначале были значимыми, «относились» к определенным обозначаемым. Словоупотребление сохранило о них смутно ощущаемое переживание.

Слово без отношения к обозначаемому не является значимым, иными словами, не может функционировать как знак. Это отношение не является психическим процессом (вроде представлений, чувства, воли и т. п.), а является а к т о м, сущность которого определяется выполняемой им функцией, а не наличием тех или иных психических образов.

⁹ «Толковый словарь русского языка». Под ред. Н. Д. Ушакова, т. III. М., 1939, стлб. 1038.

Теперь о коммуникации и ее роли в процессе формирования значащих единиц речи. В речевых актах взрослых людей передается определенное содержание (*брат приехал, лампочка перегорела, снег пошел*), последовательность соответствующих процессов в говорящем определенная: языковому выражению предшествует определенное содержание; сначала «процесс мышления» — затем соответственное высказывание, т. е. речевой «процесс», — в такой последовательности протекает процесс в г о в о р я щ е м. Обратная последовательность наблюдается у слушающего: здесь процесс начинается с речевого, завершается мыслительным. О б а з в е н а н а л и ч н ы и в г о в о р я щ е м и в с л ы ш а ю щ е м. Иначе это происходит в детском возрасте. Как известно, в первые месяцы жизни ребенку нечем выражать и, что важнее, нечего выражать, поскольку в виду имеются и н т е л л е к т у а л ь н ы е процессы. Не имеется понятий, нет суждений. Не может иметь места их объективация. Лишь на втором году, в лучшем случае к концу первого года начинает появляться возможность что-то выразить (весьма недифференцированно), усиливается произношение кое-каких звуковых комплексов.

Здесь мы не касаемся вопроса о том, насколько качественно и насколько отлична детская речь, особенно первые ее этапы, является ли она а у т и с т и ч е с к о й (как ее квалифицирует Пиаже) и воспроизводит ли она филогенетически пройденную ступень, фиксируемую (в пережиточном виде) в речи так называемых примитивных племен. Нам представляется более убедительным положение, согласно которому «первичной формой интеллектуальной деятельности является действительное, практическое мышление, направленное на действительность и представляющее одну из основных форм приспособления к новым условиям, к изменяющимся ситуациям внешней среды»¹⁰.

Здесь нас интересует последовательность, в какой фиксируются в формирующемся сознании ребенка речевое и мыслительное и каково их взаимоотношение.

Физически нормальный организм ребенка получает из окружающей среды разнородные впечатления в виде зрительных, слуховых, кинестетических, вкусовых и т. п. ощущений. Но они пока еще не организованы, не соотнесены с реальной действительностью. Из слуховых впечатлений начинают выделяться слуховые впечатления от речи окружающих, вначале лишённые какой-либо функции, т. е. не имеющие значения. Процесс превращения

¹⁰ Л. С. Выготский. Мышление и речь. М.—Л., ОГИЗ, 1934, стр. 29 (разрядка наша.— А. Ч.).

слуховых впечатлений (от речи окружающих) в знаки реальной действительности знаменует усвоение речи — восприятие и воспроизводство звуковых комплексов для обозначения каких-либо фактов, процессов, порой диффузного характера: *ана!* — это и 'взять на руки', и 'вести гулять', и 'пальто', в которое малыша одевают, когда ведут гулять.

Звуковые комплексы, слышимые ребенком, ассоциируются порой самым причудливым образом (*священник* — всякий бородатый человек).

Процесс, посредством которого дифференцируется нерасчлененный комплекс и уточняется обозначаемое (т. е. устанавливается то соотношение, которое существует в речи окружающих), это — процесс длительный. Дифференцировать услышанные звуки как фонемы, произносить эти фонемы и их комплексы ребенок научается постепенно, сначала осиливая гласные, а из смычных согласных — губные, позднее — некоторые спиранты и особенно аффрикаты, и еще позднее — вибрانت *р* (место которого в детской речи заступает *л*).

Но количество фонем любого языка ограничено (в пределах нескольких десятков). Научиться их различать и произносить соответствующие комплексы — задача, которую ребенок осиливает рано и легко. Уразуметь соответствующее обозначаемое, и тенденцировать звуковой комплекс на соответствующее обозначение, т. е. усвоить значение звукового комплекса, — процесс куда более сложный, длительный.

То, что овладение речью и мышлением протекает в теснейшей взаимосвязи, общеизвестно из работ по дифференциальной психологии. Нам хочется подчеркнуть, что данный процесс идет от звукового комплекса и заканчивается нахождением обозначаемого, тем самым обретая значение.

Глухой от рождения не в состоянии воспринять речь окружающих и, следовательно, воспроизвести ее, глухой становится немым, он не имеет возможности выработать вербальное мышление. Последнее замещается вспомогательными средствами, которые им усваиваются не от глухонемых, а при помощи говорящих, располагающих всеми возможностями вербального мышления.

Но если в освоении вербального мышления звуковой комплекс служит отправным пунктом, исходным данным, а его значение (т. е. отношение к обозначаемому) является искомым, на начальных ступенях слово не может рассматриваться, как единство знака и значения (таким оно становится лишь впоследствии). Это исходное положение находит выражение в вопросе: «Каково значение слова *зги* (*Ни зги не видать!*)? Что значат слова: *гусли*, *нутрия*, *ехидна*,

ванты, шитво, суперация, дистрибуция? Термин «слово» в этих выражениях имеет в виду «звуковой комплекс». В этих вопросах прослеживается то состояние, которое характерно для развития речи в онтогенетическом аспекте.

Отыскать значение, интендировать обозначаемое — задача по трудности неодинаковая: проще ее решить, когда обозначаемым является конкретный предмет, к тому же наличный в окружающей действительности. *Ванты, рея, гафель, бизань* суть конкретные обозначаемые. Для матроса они имеют ясный смысл, в понимании же человека, никогда не видавшего парусного судна, значение их не вполне определенное: знаем, что все это относится к парусному судну (а не к животноводству!), но конкретно к чему, к каким обозначаемым, нелегко сказать. Более того, даже такие слова, как *граб* и *вяз*, *ямень* и *овес*, *лен* и *конопля*, *коршун*, *ястреб* и *сокол*, *хомяк*, *хорек* и *суслик* не только в речи детей, мало знающих растительный и животный мир, но и в речи взрослых, если они не изучали ботаники и зоологии, нередко обладают предметной отнесенностью весьма общего характера: и *граб*, и *вяз* — деревья, а не травянистые растения (и уж, конечно, не животные). Но какие именно? Попадись эти растения, их не узнать. *Хомяк, суслик* — бесспорно, грызуны. Но какие именно? Видовая отнесенность не решает вопроса об определенности значения: значение в общем правильное, но ясности, точности не хватает. Наша речь изобилует словами, значение которых далеко от ясности даже в тех случаях, когда обозначаемыми являются предметы, имеющие конкретное бытие.

Легко себе представить, насколько более сложным окажется вопрос о значениях, когда обозначаемое относится к сфере отвлеченной: нелегко довести до ясности, что понимается под тем или иным словом отвлеченного значения, когда порой единственно ясным, что оказывается налицо в сознании, — это лишь слово как звуковой комплекс. Поиски же обозначаемого ведутся в направлениях, далеко не совпадающих. Отсюда слово становится источником недоразумений вплоть до полного непонимания.

Из сочетаний, в которые слово включается, можно уяснить, как понимается значение, с каким обозначаемым соотносится слово.

Трехлетний ребенок, рассказывая о больном мальчике, заявляет с огорчением, что врач сделал больному укол и *мальчик еще больше умер*¹¹. *Умер* в понимании мальчика имеет градации

¹¹ Наблюдение автора статьи.

больше, меньше: еще больше умер значит: стало хуже. Необычное сочетание со словами *еще больше* не оставляет в этом сомнения.

Девочку двух с половиной лет спрашивают, показывая мандарин и апельсин, чего ей хочется: *мандарина или же апельсина*. Ответ звучит: *Или же апельсина*. Вспомогательное слово *или* для девочки не представляет члена синтагмы с определенной функцией. *Или же* в ответе девочки оказалось соединенным с полнозначным словом. Вспомогательные слова еще не выполняют своей функции.

В ресторане гражданин, обедая, обнаруживает пристрастие к растительным блюдам. На вопрос сотрапезника: *Вы, случайно, не вегетарианец?* следует ответ: *Нет, я горец!* По-видимому, *вегетарианец* было понято, как слово, обозначающее место, откуда человек родом. Слово оказалось отнесенным к совсем иной действительности.

Индивидуальные отклонения могут получить распространение. Такие aberrации нередко отмечаются в использовании иноязычного лексического материала. Подобные случаи приводятся в специальной литературе¹².

Д и с п а н с е р: «противотуберкулезный *диспансер*».

А н ш л а г: «материалы сессии напечатаны под *аншлагом*...».

А в т о б и о г р а ф и я: «не собираюсь рассказывать свою *автобиографию*».

Ф о л ь к л о р: «знакомит с народным *фольклором*».

Х р о н о м е т р а ж: «устанавливал *хронометраж* своего рабочего времени».

К а в а л ь к а д а: «украшенная цветами *автокавалкада* отправляется на пристань».

М а с с а: «поднять большую *массу* народа».

П р е м ь е р а: «состоялись первые *премьеры*».

С т а т у я: «автор памятника показывает только что распакованную скульптуру *статуи* сестре поэта».

Аналогичные неточности замечаются и в употреблении русских слов, например житница: «Пробудилась целина, Стала *житницей зерна*»; заповедь: «*Главная его заповедь* — помочь товарищам из бригады...».

Казалось бы нетрудно установить значение слов, обозначающих цвета, соотнести то или иное название цвета с соответствующим чувственным восприятием. Поэтому может показаться неожиданным положение, которое строится на результате эксперимента З. М. Истоминой. Оно гласит: «Устойчивая и дифференцированная связь названий с цветом устанавливалась только к пяти годам,

¹² См.: «Правильность русской речи». М., Изд-во АН СССР, 1962.— Здесь приводятся примеры неправильного понимания значений не только заимствованных, но и русских слов (глаголов, имен, служебных слов). В книге слова даны в алфавитном порядке, поэтому страниц не указываем.

причем сначала применительно только к четырем словам: красный, желтый, зеленый и синий»¹³.

Известно также, что существуют языки, в которых не имеется отдельных слов для цветов *зеленый* и *синий*, они обозначаются одним словом. Это значит, что говорящий на таком языке будет, допустим, называть *зеленым* и *синий* цвет.

В известном выражении *Синее море* (*У самого синего моря*) атрибут *синий*, пожалуй, неуместен: в солнечную погоду вода, например в Черном море, имеет скорее *зеленоватый*, чем *синий* оттенок. Отклонение в значении слова в таком случае не является индивидуальным, оно характеризует весь языковой коллектив.

Бесспорный интерес вызывают результаты опытов, когда испытуемыми были взрослые без какого-либо дефекта зрения. Группируя цвета, ряд испытуемых дает колебания при отнесении таких цветов, как *бирюзовый*, *рыжий*, *огненный* к основному цвету: «*бирюзовый* классифицируется то как *синий*, то как *зеленый*, а *рыжий* — главным образом как *желтый*, но так же, как *красный* и *оранжевый*»¹⁴.

Если соотношенность слов и цветовых восприятий подвержена колебаниям, легко представить, что может происходить с обозначаемыми, которые никогда не воспринимались говорящим непосредственно.

Вопрос о значении усложняется не только тем, что приходится преодолевать трудности по выявлению адекватного обозначаемого. Источником новых трудностей оказывается системный характер языка: включенное в систему значение обретает валентность. Это ясно проявляется в процессе сопоставления двух языковых систем. Русское *большой* и грузинское *didi* — однозначные слова, но по валентности они различны: русское слово *большой* включено в систему близких по значению — *великий*, *величественный*. В грузинском языке место их заступает *diadi* 'величественный'. Таким образом, два атрибутивных слова грузинского языка *didi* 'большой', *diadi* 'величественный' несут функциональную нагрузку трех атрибутивных слов русского языка: *великий перелом* — по-грузински *didi gardatexa* (букв. 'большой перелом'). С другой стороны, грузинские *matida* 'сестра отца', *deida* 'сестра матери', *bicola* 'жена дяди' коррелируют с русским словом обобщенного значения *тетка*. Аналогичные расхождения могут обнаруживаться в рамках родственных языков; например, грузинскому *da* 'сестра' в родственном сванском языке коррелируют два слова — *udil* 'сестра для

¹³ Ф. Н. Шемякин. «Некоторые проблемы современной психологии мышления и речи». — В сб.: «Мышление и речь». М., 1963, стр. 32.

¹⁴ Там же, стр. 30.

сестры' и დაწვირ 'сестра для брата'; с грузинским зმა 'брат' — коррелирует сванское ჳემილ 'брат для сестры' и მიუხვე 'брат для брата'.

Однозначные слова в лексической системе различных языков оказываются различными по валентности. Проблема разновалентности, выдвинутая Ф. де Соссюром и иллюстрируемая им путем сопоставления лексических и грамматических материалов разных языков, проявляется и в материалах одного и того же языка, а именно, в синонимах. Семасиологическое взаимоотношение синонимичных слов определяется различной валентностью так называемых однокоренных слов.

Значением обладают не только лексические факты, но и форманты: префиксы, суффиксы, формы словообразования, формы словоизменения — элементы деривационные, реляционные.

В объективной действительности они не находят обозначаемого. А в сфере субъективной, точнее — в категориях мысли? Деривативные факты на материале причастий: *читающий, изучающий; читаемый, изучаемый; читавший, изучавший; читанный, изученный* — словом, причастия действительного и страдательного залогов прошедшего и настоящего времени не находят полного соответствия не только в грузинском, но и в латинском, немецком языках (лат.: *legens, lectus, legendus, lecturus*). В будущем времени различаются действительный и страдательный залогов, но в настоящем и прошедшем временах нет образований, эквивалентных русским *читаемый, читавший*. 'То, что читается', 'тот, кто читал' в русском языке выражено грамматическими средствами, в латинском оно передается описательно, лексическими средствами.

Соответствует ли русским причастиям *читаемый, читавший* в качестве обозначаемого категория мыслительного порядка? Иными словами: порождаются ли грамматическими элементами категории мысли или последние существуют независимо от того или иного языка? Вопрос сложный, но вполне закономерный. Он ставился в советском языкознании в виде вопроса о «понятийных категориях», быть может, в не совсем удачной формулировке, но вопрос отнюдь не праздный, а столь же актуальный, сколь и сложный.

Отложения речевой деятельности образуют язык как возможность актуализации речевой деятельности. Речевая деятельность, как известно, носит психофизический характер. Язык существует благодаря

памяти. В процессе актуализации языка выявляется внутренняя речь. Она может различаться в зависимости от того, к какому типу памяти относится память говорящего: у обладателя моторной памяти внутренняя речь артикулируется органами речи беззвучно, но зримо; представитель зрительной памяти видит графическое изображение написанного, если, конечно, он грамотен; обладателю акустической памяти слышатся соответствующие слова; нередко случаи совмещения двух различных типов (например, оптического и моторного).

Внутренняя речь предшествует речевым актам. Еще Платон считал возможным приравнять мышление к беззвучной речи, т. е. к внутренней речи. Внутренняя речь скорее является средством, опосредствующим мышление и речевой акт, но не мышлением. Внутренняя речь — первая ступень процесса актуализации языка. Поскольку язык сохраняется благодаря памяти, можно было считать, что существование языка — психическое вопреки психофизической природе речевых актов, речи. Однако память, бытие в памяти оказывается сферой физиологии. В курсах психологии и специальных монографиях, посвященных памяти, подробно излагается психология запоминания, психология воспоминания, психология узнавания, но не найти психических свойств, характеризовавших бы такое состояние, в котором обретается то, что «хранится в памяти», может «всплыть в памяти» и может быть узнано, как нечто, бывшее сознанным.

Нельзя же персеверацию объявлять сферой психического: персеверация — явление физиологическое.

Язык усваивается ребенком в процессе общения, усваивается от окружающих. Полностью речь окружающих вряд ли может быть воспроизведена: для этого потребовалось бы актуализовать все, что отложилось под воздействием речевых актов в языке окружающих, иными словами, воспроизвести целиком и полностью весь жизненный опыт предыдущего поколения, нашедший обозначение в речи. Такая возможность исключена. Отклонения или расхождения между речью (геср. языком) предыдущего и последующего поколений возникают с естественной необходимостью в связи с различием в жизненном опыте поколений. Отклонения могут обнаруживаться прежде всего в речевом материале, т. е. в лексике, и в синтагмах и в значении их, как они усвоены ребенком; порой и в формальных элементах и в звуковом составе (в специальной литературе отмечены случаи расхождений в ф о-

нематическом составе в речи членов одной и той же семьи: в речи детей отсутствуют фонемы, которые можно наблюдать в речи представителей старшего поколения)¹⁵.

С каждым новым поколением язык рождается заново, и в тех отклонениях, которые при этом обнаруживаются, заключается одна из причин изменения языка, — так думал Пауль¹⁶, несколько преувеличивая значение данных отклонений. И все-таки Пауль, по-видимому, был ближе к действительности, чем Ф. де Соссюр¹⁷, явно недооценивающий тех расхождений, которые обнаруживаются в речи новых поколений по сравнению с речью предыдущих поколений.

Основные выводы:

1. От выражаемого — к выражению — таков путь в плане систематического анализа взаимоотношения мышления и речи: мышление, будучи исходным находит завершение в речевых актах, служащих средством общения. Иными словами — сперва и н т р а и н д и в и д у а л ь н а я (внутрииндивидуальная) функция — далее и н т е р и н д и в и д у а л ь н а я (межиндивидуальная).

2. В плане онтогенетическом, наоборот, процесс идет от выражения к выражаемому: слово-знак — непосредственная данность, значение — искомая величина. Интендирование обозначаемого (т. е. осмысление звукового комплекса) — процесс длительный.

Результаты этого процесса могут быть различными: а) процесс может завершиться точным уяснением обозначаемого; б) может привести к приблизительному знанию того, что имеется в виду; в) может окончиться неточным или даже неверным пониманием того, к чему относится слово-знак.

Следовательно, слово-знак, выступая в коммуникативной функции, становится постепенно средством выражения мысли (для усваивающего речь), становится средством объективации. Иначе говоря: слово-знак, начав с коммуникативной функции, постепенно обретает интраиндивидуальную функцию (для усваивающего речь).

3. Речевые акты — подлинная реальность языка — будучи усвоенными, служат носителями и интериндивидуальной и интраиндивидуальной функций. Язык,

¹⁵ К. В. Ломтатидзе. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1944, стр. 223—224.

¹⁶ Н. Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte. IV Aufl. Halle, 1909, § 18, стр. 34.

¹⁷ F. de Saussure. Cours de linguistique générale, II édit., Paris, 1931, Prem. partie, chap. II, § 18, стр. 106.

производная величина — результат отложения речевых актов в памяти — реализуется опять-таки в речевых актах. Речевые акты по своему проявлению носят психофизический характер. Язык как потенция существует в памяти. Бытие языка — физиологическое.

4. По назначению и использованию факты языка социальны. Язык — система знаков, физических — по материалу, социальных — по назначению. Если бы языковой знак не был физическим по материалу, он не мог бы стать средством общения. Если бы факты языка, физические по материалу, не являлись бы знаками, они стали бы предметом изучения естественных наук. Но знак, обладая значением, не может стать предметом изучения естественных наук: проблема значения чужда естественным наукам.

5. Ярусы физиологический, физический, психический, социальный в изучении языка обусловлены сложной природой языка, речи, значения речевых фактов. Все эти ярусы нужны для полного научного анализа речи и мышления.

Наиболее существенным в познании языка естественно считать высший ярус — социальный.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Г. М. КЕРТ

Вопрос о взаимоотношении языка и мышления является одним из коренных вопросов марксистско-ленинской философии.

Классики марксизма неоднократно подчеркивали, что мышление, будучи функцией мозга, является процессом, т. е. одним из видов движения вообще как формы бытия материи. К. Маркс в письме Л. Кугельману писал: «Так как процесс мышления сам вырастает из известных отношений, сам является естественным процессом, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития и, в частности, развития органа мышления»¹.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1948, стр. 442.

Здесь необходимо отметить два момента. Во-первых, указывается на характер мышления как процесса, во-вторых, подчеркивается всеобщность процесса мышления независимо от языкового выражения.

Язык — это система знаков, служащая для хранения, переработки и передачи информации. Тезис о языке как системе знаков отнюдь не исключает положений о его общественной природе, возможности его эволюции, влияния на него разнообразных экстралингвистических факторов. Язык понимается нами как условие для осуществления мышления и как средство, позволяющее хранить мысли, уже сформировавшиеся в процессе мышления, и передавать их. Такое понимание мышления и языка избавит нас, с одной стороны, от отождествления языка с мышлением, с другой — от их разведения. Между тем в литературе до последнего времени встречаются утверждения о тождестве языка и мышления, о единой речи-мысли. Так, Б. П. Ардентов, ссылаясь на утверждение К. Маркса о единстве языка и мышления, пишет: «Правы те ученые, которые говорят о речи-мысли самим написанием этих слов через дефис, подчеркивая единство, органическую связь обозначаемых ими явлений»². О «слитности» языка и мышления пишут не только лингвисты, но и философы. Так, например, Г. П. Щедровицкий утверждает: «Таким образом, мышление не является самостоятельным, непосредственно данным, непосредственно воспринимаемым объектом исследования; оно дано нам прежде всего в языке, или, вернее, нам дан язык, в котором, в частности, осуществляется мышление. Но и язык, с другой стороны, существует только в неразрывной связи с мышлением. В силу этого, приступая к исследованию мышления или языка как проявления мышления, мы не можем взять уже в исходном пункте язык и мышление отделенными друг от друга, а должны взять единое, выступающее какой-то своей стороной на поверхность и внутренне еще не расчлененное целое, содержащее в себе язык и мышление в качестве сторон. Мы будем называть это целое „языковым мышлением“, подчеркивая тем самым его внутреннюю нерасчлененность»³.

Анализ соотношения языка и мышления до последнего времени как большинством лингвистов, так и логиками сводился к изучению соотношения слова и понятия, предложения и суждения, сложного предложения и умозаключения, причем основным объектом являлось изучение соотношения предложения как языковой единицы с суждением как формой мышления. Между тем уже в этом анализе мышление как процесс подменялось анализом совершив-

² Б. П. Ардентов. «Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та», т. 71, 1964, стр. 5—6.

³ Г. П. Щедровицкий. «Языковое мышление» и его анализ. — ВЯ, 1957, № 1, стр. 56.

шейся мысли, ибо суждение и предложение предстают перед нами как свершившиеся акты. В этой связи следует напомнить высказывание А. А. Шахматова относительно определения предложения, приведенное Е. С. Истриной: «Интересно отметить, что в университетских лекциях, записи которых сохранились в архиве Шахматова, говоря об известных определениях предложения Пауля и Вундта, Шахматов упрекает их в психологическом уклоне: „Мне кажется, ошибка Пауля заключается в том, что он в своем определении имеет в виду способ образования, зарождения предложения, между тем как существо предложения осталось нескрытым; существо же этого состоит в передаче словом или словами уже готового акта мышления“. Тот же упрек относит Шахматов и к Вундту»⁴.

Как уже указывалось, при исследовании соотношения языка и мышления, как правило, анализируются формы мышления — понятие, суждение, умозаключение, причем чаще всего сопоставляются суждение и предложение. Между тем само понятие форм мышления и особенно способы их выражения в языке не получили до настоящего времени однозначного ответа ни у философов, ни у лингвистов. В самом общем виде принято считать, что язык является формой выражения мышления. «Являясь формой существования и формой выражения мышления, язык в то же время играет существенную роль в формировании сознания»⁵.

Стремление установить изоморфизм между языком и мышлением возникло еще в древней Греции. Аристотель, устанавливая соответствие языка и мышления, выделял, с одной стороны, такие грамматические категории, как имя, глагол и союз и, с другой стороны, их соответствия в мысли: это — предмет мысли — субъект (в языке — имя), то, что говорится об этом предмете — логическое сказуемое (в языке — глагол) и то, что придает единство высказыванию — логическая связка (в языке — вспомогательный глагол). С тех пор на протяжении нескольких веков как философы, так и лингвисты вопрос о соотношении языка и мышления сводили к вопросу об исследовании соотношения форм мысли и языковых форм, вернее, к отысканию аналогий форм мышления формам языка. Не ставя категорически под сомнение этот путь исследования, следует, однако, отметить незначительность достигнутых результатов. Философы и лингвисты пришли к единому мнению о том, что всякое предложение выражает структурно законченную мысль, что суждение может быть выражено предложением, но не всякое предложение выражает суждение⁶. Вместе с

⁴ Е. С. Истрина. Субъект и подлежащее как синтаксические термины. — «Уч. зап. Казахского гос. ун-та», т. XI. Алма-Ата, 1946, стр. 29.

⁵ Философский словарь. М., Госполитиздат, 1963, стр. 535.

⁶ Ср. хотя бы высказывание о количестве членов суждения Г. В. Колпанского: «Трехчленный состав суждения будет противоречить самой при-

тем сами философы признают, что остается очень много неразрешенных вопросов (многие из них были поставлены еще Аристотелем), остаются неразработанными многие вопросы теории суждений. П. В. Таванец пишет: «Достаточно сказать, что в формальной логике нет общепризнанной классификации суждений, а такие важные вопросы, как структура суждения, природа связи суждения, так называемые преобразования суждений, все еще спорны»⁷. Для языковедов и философов остаются нерешенными такие вопросы, как соотношение вопросительных, побудительных, номинативных, безличных предложений с формами мысли, в частности, с суждением. Таким образом, неразработанность таких кардинальных вопросов данной проблемы, как определение сущности суждения, а также предложения (да и вряд ли они могут быть решены при постоянном смещении языка и мышления), не дает возможности решить ее до конца. Однако главной методологической ошибкой при решении этой проблемы является установление изоморфизма между такими несопоставимыми между собою явлениями, как язык и мышление. В этом смысле отчасти прав Г. Штейнталь, который писал: «Языковые и логические категории являются несовместимыми понятиями, которые соотносятся друг с другом как понятия круга и красного»⁸.

Подлинно научное исследование процесса мышления стало возможным с возникновением науки — физиологии высшей нервной деятельности, которая позволила изучать этот вопрос не путем логического теоретизирования, а методом эксперимента. Здесь прежде всего необходимо отметить учение И. П. Павлова об условном рефлексе и о первой и второй сигнальных системах. И. П. Павлов разработал учение об условных и безусловных рефлексах как формах связи живого организма со средой. Так, например, прикоснувшись рукой к горячему предмету, человек, не осознав еще боли, быстро отдергивает руку. Такая реакция организма на внешнюю среду называется безусловным рефлексом. При еде у собаки начинает выделяться слюна. Это тоже безусловный рефлекс. Если же, например, кормление собаки сочетать с зажиганием лампы или звонком, то после нескольких повторений слюна начинает выделяться уже только при зажигании лампы или при звонке, т. е. образуется условный рефлекс не непосредственно на пищу, а на условный раздражитель (лампа, звонок). У человека таким условным раздражителем становится не свет и звук, а слово в его звуковой или графической форме.

роде суждения» («Логика и структура языка». М., 1965, стр. 79), — и П. В. Копынина: «Суждение обязательно состоит из трех частей» («Природа суждения и формы выражения его в языке». — «Язык и мышление». М., 1957, стр. 337).

⁷ П. В. Таванец. Вопросы теории суждения. М., 1955, стр. 3.

⁸ Г. В. Колшанский. Указ. соч., стр. 8.

Условные рефлексы — это приобретенные нервные связи. Значение условных рефлексов заключается в том, что с их помощью организм приспосабливается к изменяющимся условиям среды, в которой он находится.

На основе объективного метода исследования условных рефлексов И. П. Павлов разработал учение о первой и второй сигнальных системах.

Любые предметы или явления природы, если их сочетать с безусловными рефлексами, могут стать сигналами условнорефлекторной деятельности животного или человека. Эту систему сигналов, общую для животного и человека, И. П. Павлов назвал первой сигнальной системой. Вторая же сигнальная система, как подчеркивал И. П. Павлов, присуща только человеку и имеет качественное различие по сравнению с первой. Вторая сигнальная система основной своей функцией имеет восприятие речи, сигнализирующей действительность обобщенно и отвлеченно. Вторая сигнальная система осуществляет опосредствованное отражение действительности. Обе сигнальные системы человека функционируют в неразрывной связи друг с другом. Если возникновение первой сигнальной системы у животных является результатом непосредственного биологического взаимодействия животных с природной средой, то вторая сигнальная система могла возникнуть только в условиях материального производства, когда люди вступили между собой в определенные производственные отношения, когда у них появилась потребность сказать что-то друг другу.

Однако рефлекторная теория не могла объяснить многих явлений психики, например память, явления подсознания и т. д. В самом деле, простейшие опыты говорят нам, что не все явления психики можно объяснить теорией условных рефлексов. Например, обучение счету: здесь никакой безусловный рефлекс не подкрепляется, и не вырабатывается условный.

Новый подход к решению вопроса о психической деятельности и как части его — вопроса соотношения языка и мышления — может дать кибернетическая теория, составными частями которой являются понятия системы, принцип обратной связи и понятие информации. Под системой понимается совокупность некоторого количества одинаковых или различных элементов, объединенных между собою в единое целое посредством связей. Связи — это воздействия элементов системы друг на друга. Связи могут быть внутренними, когда элементы воздействуют внутри системы, и внешними, когда элементы одной системы воздействуют на элементы другой системы. Связи могут быть прямые и обратные. Элементы системы, а также сами системы могут воздействовать друг на друга в физическом смысле — через поля, частицы, тела. Однако это воздействие может измеряться изменением структуры во времени и пространстве. Это изменение физического воздействия во времени и пространстве, взятое отдельно от физического носителя, и

будет называться информацией. Информация — это сведения, являющиеся объектом хранения, передачи, преобразования. Выделить информацию из воздействия может только сложная система, способная отразить ее в собственной структуре в виде модели. Таким образом, информация о внешнем мире у человека отражается, хранится и преобразуется в коре головного мозга в виде моделей или структур. Физиологической основой этого отражения являются нервные сенсорные клетки — аксоны. Простые модели входят в состав сложных (являются их частью), сложные являются составными частями еще более сложных и т. д. О том, что в мозгу человека имеются модели, или структуры, говорят физиологические опыты, описанные Д. Вулдриджем в его книге «Механизмы мозга»⁹. При раздражении электричеством (через вживленные в мозг животных электроды) определенных участков мозга животные либо получали удовольствие, либо приходили в ярость, т. е. в мозгу имеется определенная локализация. Подобные опыты на человеке пробуждали у него воспоминания о далеком прошлом, причем по яркости и живости эти образы не уступали образам только что свершившихся событий. Об образовании в коре головного мозга структур слов говорят физиологические опыты. Так, при выработке условного рефлекса на какое-либо слово этот же условный рефлекс сохраняется и на синоним данного слова или на слово, близкое по значению. В коре головного мозга образуются словесные структуры, или, как говорят языковеды, семантические поля. В физиологии нервной деятельности данный процесс получил название генерализации.

Каким же образом происходит процесс мышления, или, говоря языком кибернетики, процесс переработки информации в человеческом мозгу? При своем функционировании (передача сообщения одним индивидуумом и принятие этого сообщения другим) язык предстает перед нами в форме речи в виде дискретной, протекающей во времени цепочки звуков. (Мы не касаемся сейчас вопросов анализа графического изображения этих звуков, т. е. письма). Таким образом, процесс восприятия звуковой речи — это процесс извлечения информации из звуков речи. Наиболее общую картину этого процесса дал Н. М. Амосов в книге «Моделирование мышления и психики»¹⁰. Орган слуха воспринимает колебания воздуха, кодирует их нервными импульсами, которые направляются в кору головного мозга. Уже на первом этапе начинается избирательность сообщения. Во-первых, человеческое ухо воспринимает волны определенного диапазона длины и не воспринимает волны, вышедших за рамки этого диапазона. Надо полагать, что в процессе

⁹ Д. Вулдридж. Механизмы мозга. М., изд-во «Мир», 1965.

¹⁰ Н. М. Амосов. Моделирование мышления и психики. Киев, 1965; он же. Моделирование информации и программ в сложных системах. «Вопросы философии», 1963, № 12, стр. 27—28.

развития слуховой аппарат формировался в неразрывной связи с произносительным аппаратом, и в силу этого произносительный аппарат в процессе филогенеза в своей функции (в смысле произнесения звуков определенной длины волн, высоты, тембра и т. д.) координировался с органом слуха. На первом этапе в коре головного мозга формируется «модель звуков» из запаса звуков, который проф. Н. И. Жинкин называет «устойчивой решеткой фоном»¹¹. Это сумма тех звуков, посредством комбинаций которых составляются слова. В этой связи следует напомнить прозорливое высказывание Ф. Энгельса о филогенезе артикулирующих органов и о причинах филогенеза: «Формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путем модуляции для все более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим»¹². Действительно, звуковая речь дала громадный толчок для развития мышления. Образы, понятия, возникающие в мозгу человека, получили материальную опору в виде комбинации звуков (причем вероятность создания этих комбинаций неисчислима). Однако было бы неверным утверждать, что слова составляются в результате отбора соответствующих звуков из этой кладовой. В долговременной памяти человека хранятся модели слов, которым соответствуют определенные комплексы клеток. «В результате сравнения информация кодируется новым кодом — кодом слов — и передается на следующий этаж коры. Там формируется новая временная модель информации, записанная уже более экономным кодом слов. Снова производится сравнение с моделями кода, на сей раз — кода фраз, и информация передается на следующий этаж. Там произойдет то же самое: выделение и моделирование высшего кода — смысла. На каждом этапе информация становится все более общей, абстрактной, но занимает все меньше места в памяти»¹³.

Конкретно к языку звуков — слов-морфем — фраз механизм перекодировки от низшего кода — звуков к высшему — смыслу очень убедительно описан в работе проф. Н. И. Жинкина «Исследование внутренней речи по методике центральных речевых помех».

Кибернетическая теория совместно с физиологией высшей нервной деятельности позволяет объяснить многие явления психики,

¹¹ Н. И. Ж и н к и н. Исследование внутренней речи по методике центральных речевых помех. «Иzv. АПН РСФСР», вып. 113, 1960, стр. 141.

¹² Ф. Э н г е л ь с. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. — К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с. Избранные произведения, т. II. М., 1948, стр. 73.

¹³ Н. М. А м о с о в. Моделирование мышления и психики, стр. 24.

не связанные непосредственно с звуковой речью. Например, память в своей физиологической основе — это временные нервные связи в коре головного мозга, длительная память возникает в результате уменьшения сопротивления синапсов (узлы нервных клеток на продольных нервных волокнах). Биохимиками уже установлено довольно точно, что молекула РНК является молекулой, кодирующей память. Конечно, процесс мышления как отражение объективной действительности мозгом нельзя сводить к биохимическим процессам, об этом предупреждал еще Ф. Энгельс, однако исследование физиологического субстрата поможет во многом наилучшим образом понять специфику этого отражения. Такое загадочное явление психики, как подсознание, получает материалистическое объяснение. Подсознание — это обработка информации моделями коры головного мозга, не усиленная вниманием. Во время беседы, сильно захватывающей внимание, человек может, например, ходить, или производить руками какие-либо действия (например, почесывание) совершенно автоматически. Как только на пути встречается препятствие, или человек почувствовал боль при раздражении, эти действия становятся фактом сознания. Н. М. Амосов утверждает, что «общее количество перерабатываемой информации несравненно больше в сфере подсознания, так как миллиарды клеток в нем взаимодействуют, возможно, и на низком энергетическом уровне, но зато постоянно»¹⁴.

Итак, поскольку язык — это система знаков, предметом языкознания становится, казалось бы, исследование лишь закономерностей дистрибуции, функционирования и развития этих знаков, оторванных от смысла. Но в том-то и дело, что эти знаки целиком связаны со значением, они являются носителями этого значения и вне этого значения не могут быть изучены до конца. Конечно, мы можем в качестве рабочего приема на определенном этапе изучать эти знаки вне значения — это фонетика (фонология уже имеет дело со значением), морфология в ее чистом виде (исследование инвентария форм слов).

Синтаксис (изучение словосочетаний и предложений) — это и есть тот отдел, откуда осуществляется перекодировка информации в более сжатые формы — смысл.

¹⁴ Н. М. Амосов. Моделирование мышления и психики, стр. 198.

ЯЗЫК И ЧУВСТВЕННОЕ ПОЗНАНИЕ

Ф. Н. ШЕМЯКИН

Под чувственным познанием подразумеваются наши ощущения, восприятия и представления, т. е. все то, что И. П. Павлов назвал первой сигнальной системой. При исследовании проблемы мышления и языка необходимо учитывать их отношение к чувственному познанию, так как оно обладает внутренне присущими ему закономерностями. Эти общие чувственному познанию всех людей закономерности обнаруживают себя и в мышлении и в языке. Мы рассмотрим некоторые стороны вопроса о том, как закономерности восприятия пространства и цвета обнаруживают себя в языке.

В психологической науке сложились две точки зрения на чувственное познание — измерительная и феноменологическая. Их нельзя не учитывать при обсуждении вопроса об отношении языка к восприятию пространства и цветовому зрению.

Г. Гельмгольд писал в свое время, что идея Б. Римана, объединяющая пространство и цвет в общем для них понятии трехмерного непрерывного множества, нашла подтверждение в физиологической оптике. Под воздействием опыта наши зрительные ощущения дифференцируются, образуя две системы — пространственного и цветового зрения. Пространственное зрение основано на измерении мускулатурой глаза направлений и углов, под которыми расположены видимые предметы. Цветовое зрение тоже является измерительным. В сетчатке имеются рецепторы трех типов, а именно, реагирующие преимущественно на длинные, на средние и на короткие световые волны. Глаз различает цвета в зависимости от сравнительного уровня возбуждения каждого из этих рецепторов при совместной их работе. Измерительное понимание восприятия пространства получило обоснование и развитие в созданной И. М. Сеченовым рефлекторной теории. В. М. Бехтерев выяснил значение аппарата равновесия для восприятия пространства. С современной точки зрения все анализаторы тем или иным способом участвуют в восприятии пространства (Б. Г. Ананьев). Измерительное понимание цветового зрения получило подтверждение и развитие в современном цветоведении. Оно стремится исследовать и дать количественное выражение законам, регулирующим отношение наших цветоощущений к спектральному составу света, воздействующего на глаз.

Феноменологическая точка зрения, к родоначальникам которой следует отнести Э. Геринга и Э. Маха, опирается на психологическое описание восприятий пространства и цвета. В каждом из этих восприятий особое место занимают три пары качеств. В восприятии пространства — это направления «вверх—вниз»,

«вперед—назад», «направо—налево». В восприятии цвета — это «белый» и «черный», «красный» и «зеленый», «желтый» и «синий». С феноменологической точки зрения эти пары качеств не связаны ни с какой внешней сознанию реальностью и представляют собою априорную внутреннюю структуру наших восприятий пространства, с одной стороны, и цвета — с другой.

С измерительной точки зрения можно либо игнорировать это феноменологическое описание наших восприятий, либо попытаться дать объяснение возникновению указанных качеств. Трудность этого объяснения состоит в следующем. Пространство, в котором мы живем, однородно и изотропно. В нем нет никаких «выделенных точек» и направлений «вверх» или «вниз» и т. д. Электромагнитные волны с физической стороны отличаются друг от друга только длинами и амплитудами, т. е. не несут в себе качеств, например «желтизны» или «синевы». Для преодоления этих трудностей измерительная точка зрения обращается к внешним условиям жизни человека и к его чувственному опыту. Представляется естественным поставить в связь чувственное различие трех пар направлений — «вверх—вниз», «вперед—назад», «направо—налево» — с трехмерностью пространства и асимметрией строения тела человека. Представляется также естественным искать объяснения преимущественного положения в наших цветовых восприятиях красных, желтых, зеленых и синих тонов в том, что они чаще других встречаются в окрасках предметов, окружающих человека. Вокруг возможности дать причинное объяснение наличию трех «привилегированных пар» качеств в восприятии пространства и в цветовом зрении развернулась борьба между сторонниками измерительной и феноменологической точек зрения на чувственное познание. Одним из дискуссионных стал также вопрос о названиях направлений пространства и цвета. Он был поставлен так: если «привилегированные пары» качеств не зависят от опыта, то от него не должны зависеть и их названия в языке.

Применительно к названиям цвета эту идею высказал Э. Геринг. Он характеризовал как «чистые», или «первичные», те четыре цветовых тона, в которых глаз не видит примесей других тонов. Так, например, согласно Э. Герингу, цветовой тон, который мы признаем первичным зеленым, является чистым и не имеет примесей ни желтых, ни синих тонов. В связи с этим язык располагает для него «простым» названием, а не таким, которое «заимствовано у естественных цветовых тел». Он называется «зеленый», а не «травяной». Хр. Ледд-Франклин утверждает, что во всех языках четыре первичных цвета обозначаются абстрактными наименованиями. Э. Кассирер истолковал понятия об этих первичных цветах как идеальную логическую систему, а К. Гольдштейн, с прямой ссылкой на него, выдвинул теорию «категориального восприятия» цвета: логическое мышление, пользуясь

абстрактными названиями цвета как инструментами, упорядочивает восприятие по «цветовым категориям». Идея о «логике цвета», которая проявляется в языке, была совершенно чужда измерительной точке зрения. Г. Гельмгольц считал, что прежде, чем возникли названия цвета, в восприятии людей должны были выделиться некоторые группы цветовых тонов, наиболее часто встречающиеся в опыте. Это — цвета огня или крови, травы или листьев, а также неба. Они легли в основу названий для красного, зеленого и синего цветов. Сначала все названия цвета являются крайне неопределенными, но их развитие, — как это сформулировал А. Кениг, — идет в направлении возрастающего приспособления к системе нормального — трихромазического — цветового зрения. Вопрос об этимологии названий цвета, их происхождении, оставался для сторонников измерительной точки зрения второстепенным¹.

Сказанное приводит к выводу, что основное расхождение между измерительной и феноменологической точками зрения коренится в понимании законов, в соответствии с которыми упорядочивается наше чувственное познание: являются ли они законами природы или разума?

Всякое измерение нуждается в системе отсчета. Материальная система отсчета, обеспечивающая человеку восприятие пространства, заложена в асимметрии строения его тела. Различие между его верхней и нижней частью, передней и задней, правой и левой сторонами дает человеку возможность дифференцированно воспринимать направления пространства. «Нормальным положением» человека в пространстве называется его вертикальная поза. Для ее поддержания нужна непрерывная активность мозга, опирающаяся на поступающие в него вестибулярные, кинестезические, зрительные и иные сигналы². Нормальное положение тела является началом координат, куда человек ставит себя, воспринимая и представляя пространство.

Под «чувственной системой отсчета» здесь будет подразумеваться такая структура наших пространственных восприятий и представлений, которая состоит в различении трех пар направлений: к голове и к ногам; по линии взгляда «прямо перед собою» и ее продолжению в обратном направлении; по линии вытянутых во фронтальной плоскости правой и левой рук. Под системой

¹ Изложение дискуссии о названиях цвета и библиографию см.: Ф. Н. Шемякин. К вопросу об отношении слова и наглядного образа. «Изв. АПН РСФСР», вып. 113. М., 1960.

² В. С. Горфункель, Я. М. Коц, М. Л. Шик. Регуляция позы человека. М., 1965.

отсчета здесь будет подразумеваться совокупность слов, обозначающих эти направления, т. е. *вверх, вниз, вперед, назад, направо, налево*. Все остальные направления обозначаются сочетаниями этих шести слов, например *впереди справа*. Такие «промежуточные» направления особых названий не имеют. Словесную систему отсчета, состоящую из шести названий направлений, можно рассматривать как изоморфную чувственной.

Чувственная система отсчета не является врожденной. Восприятие пространства развивается у ребенка постепенно и в связи с овладением им «предметными действиями»³. Первый этап формирования чувственной системы отсчета приходится на первый год жизни ребенка, в конце которого он начинает усваивать выпрямленную походку. Он приобретает умение сначала дифференцировать направления «вперед—назад», затем «вверх — вниз» и лишь потом — «направо—налево». Словесная система отсчета тоже складывается не сразу, причем ребенок сначала усваивает названия направлений⁴. Чувственное дифференцирование направлений предшествует словесному. Труднее всего дается словесное дифференцирование направлений «направо» и «налево».

Чувственная система отсчета — общая для всех людей, так как является отражением трехмерности пространства и обслуживает простейшую деятельность человека — передвижение и ориентацию в нем. Словесная же система отсчета, как можно полагать, не присуща языку изначально, она сложилась в нем в ходе истории.

С. Х. Рай, обследовавший в начале нашего века обитателей западных островов Торресова пролива, пишет, что в своем языке они «плохо различают» направления пространства. Для них имеются только два названия: слово *када* обозначает комплекс направлений «направо—вверх—вперед», а слово *мулу* — комплекс «налево—назад—вниз»⁵. Возможно, что такая «бинарная» словесная система отсчета является древнейшей. Объединение пространственных направлений в эти два комплекса встречается в сувериях. Так, Э. Унгер пишет, что в поверьях древних вавилонян направления разбивались на две группы: с понятием «хорошее, благополучие» связывались направления «вверх, направо, вперед», а с понятием «плохое, неблагоприятие» — направления «вниз, налево, назад»⁶. В их языке, однако, уже существо-

³ Б. Г. Ананьев и Е. Ф. Рыбалко. Особенности восприятия пространства у детей. М., 1964.

⁴ Ф. Н. Шемякин. Взаимоотношение чувственного и логического в норме и в патологии. «2-я Всесоюзная конференция по дефектологии». М., 1959.

⁵ S. H. R a y. The Language of Torres straits. «Report of the Cambridge Anthropological Expedition to Torres straits». Cambridge, 1909.

⁶ E. U n g e r. Wahrsage — Symbolik. 1937.

вала словесная система отсчета, состоящая из шести названий: *элу* 'вверху', *шаплу* 'внизу', *решу* 'вперед', *арка* 'позади', *имну* 'справа', *шумелу* 'слева'⁷.

В чувственной системе отсчета каждая пара направлений занимает особое положение. «Вниз» и «вверх» отражают направление земного тяготения и обратное ему. Они имеют опору в физическом мире и поэтому легко объективируются. К древнейшим представлениям о пространстве относятся те, в которых ему приписываются объективные «верх» и «низ». В мифологии многих народов, например чукч⁸, вселенная разделяется на «верхний» и «нижний» миры, а обитаемая земля рассматривается как «средний» между ними. Представление об абсолютных «верхе» и «ниже» находит выражение в некоторых языках. Так, в языке североамериканских индейцев *тэва* для каждого из направлений «вверх» и «вниз» существует по два названия: одна пара — для направлений сверху на землю и от нее — вверх, а другая для направлений от земли вниз и снизу — к земле. В их названиях бра означает 'мир', 'земля'; *ке* 'верх', *пуге* 'внизу', 'низ' (одновременно 'над', 'сверху'), *ли* и *р'а'г'е* — частицы, выражающие направление. Слово *оракелі* значит 'вверх' или буквально 'к вершине мира'; *оракел ра е* значит 'вниз' или буквально 'с вершины мира'. Слово *орануге* значит 'вниз' или буквально 'к месту под миром, под землей', а *оранугелі* — 'вверх' или буквально 'из места под миром', 'из места, над которым находится земля'⁹. Индейцы *тэва* ставят себя в «средний мир» и отсчитывают направления к нему из «верхнего» и из «нижнего» миров. Имеется немало языков, в которых одним и тем же словом обозначаются «вверх» и «небо» и «вниз» и «земля». Например, в одном из африканских языков *пги* 'наверху', 'небо', а *си* — 'земля', 'почва'. С частицей *і* эти слова превращаются в указания направлений: *инги* 'вверх', 'верх'; *і-сі* 'вниз', 'низ'¹⁰. Такого рода абсолютизация направлений «вверх» и «вниз» сохранилась в той или иной форме, вероятно, во всех языках.

Обозначение направлений «вверх» и «вниз» отнюдь не обязательно связано с их абсолютизацией. Другой способ обозначения — способ соотнесения с частями тела — таков же, как и для направлений «вперед» и «назад», «направо» и «налево». Так, во многих языках обозначение направления «вверх», а также положения «наверху» и «в верхней части» связано с представлением о голове, а обозначение «вниз», а также положение «внизу» и «в нижней части» — с представлением о ногах или седалище.

⁷ E. Unger. *Babylon, die heilige Stadt*. Berlin — Leipzig, 1931.

⁸ В. Г. Богораз-Тан. *Чукчи*. Л., 1939.

⁹ J. Harrington. *The Ethnology of the Tewa Indians*. Washington, 1916.

¹⁰ P. Rosenhuberg. *Die Baza-Sprache*. — MSOS, 1908.

На языке суахили *kichwa* — 'голова', 'верхушка', 'вершина', 'верхняя часть'; *kichwa-kichwa* — 'вверх дном'; *tako* — 'седалище', 'ягодицы', 'нижняя часть чего-либо'¹¹. Подобные примеры могут быть приведены из многих языков. В представлении о голове как о верхней части выражено то, что выше было названо «нормальной позой» или «нормальным положением» человека в пространстве.

«Вперед» и «назад» являются направлениями, связанными с передвижением человека в пространстве. «Вперед» — это направление, в котором человек обычно смотрит перед собой и идет или движется иным способом к своей цели. «Назад» — это направление, остающееся у него «за спиной», и в котором он ничего не видит. Во многих языках название направления «вперед» и положения «впереди, перед чем-либо» связано с лицом и зрением, а назад — со спиной. Так, в немецком *Gesicht* — 'лицо' и 'зрение', *Rücken* — 'спина', *zugück* — 'направление назад'. По Д. Вестерману¹², в языке фуль (банту) *yeso* — 'лицо', 'передняя сторона', 'впереди', 'напротив'; *ba'o* — 'спина', *ba'o-ba'o* — 'позади', 'назад'. На языке дуала *boso* — 'лицо', *oboso* — 'вперед', *mbusa* — 'спина', *lambusa* — 'назад'. Иногда передняя часть обозначается как «грудь». На языке хауса *gaba* 'грудь', *gaban* 'впереди', 'вперед', *ba'ya* 'спина', *ba'yan* 'позади'¹³. Интересно отметить, что на хауса *gaba* означает не только 'грудь', но и 'направление': *suu so'gaba agewa* 'они направились на север'. На индонезийском языке *hadap* тоже означает одновременно и 'передняя часть', и 'направление'. Все это можно рассматривать как языковые выражения «нормального положения» тела человека в пространстве, а также — основного направления его передвижения в нем.

Направления «направо» и «налево» различаются не по стороне тела, а по руке¹⁴. Правая рука — деятельная, а левая — помогающая. Это накладывает отпечаток на их чувственное различение и находит свое выражение в языке.

«В древнеисландском языке, — пишет С. Д. Кацнельсон, — *hond in hoergi* — правая рука, непосредственно значит „более удобная рука“. Но показатель сравнительной степени имеет здесь не обычное значение: это — не „более удобная рука“ в отличие от просто удобной, а скорее „единственно удобная рука“ в отличие от „неудобной“, левой (*hond in vinstri*)»¹⁵. Небесполезно напомнить, что в немецком языке *linkisch* — от *links* 'левый'

¹¹ Суахили-русский словарь. Под ред. Д. А. Ольдерогге. М., 1961.

¹² D. Westermann. Handbuch der Ful-Sprache. Berlin, 1909.

¹³ Хауса-русский словарь. Под ред. Д. А. Ольдерогге. М., 1963, стр. 446.

¹⁴ Р. Г. Натадзе. К вопросу о факторах непосредственного восприятия пространства. «Сообщ. АН Груз. ССР», т. 12, № 3 и 4, 1951.

¹⁵ С. Д. Кацнельсон. Историко-грамматические исследования. Л., 1949, стр. 233.

значит 'неуклюжий, неловкий'. По Э. Функе, на одном из суданских языков правая рука называется *ofla*, что буквально значит 'удвоенная рука'¹⁶. На суахили *shoto* 'левая рука', 'левая сторона', а *shoto-shoto* 'неловко', 'нескладно'.

Непосредственно связаны с практической деятельностью, с производством названия направлений «направо» и «налево» в ненецком (юрако-самоедском) языке. По-ненецки *мазаняны* 'правый' является производным от *маха* 'спина' и буквально значит 'на стороне спины'. Слово *сятаңы* 'левый' образовано от *ся* 'лицо' и буквально значит 'на стороне лица'. «Оба эти слова,— пишет Н. М. Терещенко,— исторически связаны с положением седока, едущего на легкой нарте»¹⁷. На нарте он сидит справа, левым плечом вперед. В мансийском языке левая сторона — *vorti pal*. В. Н. Чернецов производит это название от *vort* 'крень', 'смолистая часть древесного ствола'¹⁸. Из крени изготавливается внутренняя сторона клееного лука, т. е. та, за которую стрелок во время охоты держится левой рукой. «Левый» буквально значит «креньевый».

Понятия, которые выражены в словах, образующих изоморфную систему отсчета, являются относительными. А. В. Ярмоленко поставила их в связь с таким способом ориентации на местности, который обслуживается представлениями о ней, созданными по типу «карта — путь». В топографических представлениях этого типа выражена относительность направлений, их зависимость от положения и передвижения человека на местности. С более высоким типом топографических представлений — с «картой — обзорением» А. В. Ярмоленко ставит в связь систему пространственных понятий, выражаемую в названиях стран света. Ориентация по странам света имеет дело с представлениями о направлениях, которые не меняются вслед за изменением положения, занимаемого человеком на местности, и остаются постоянными¹⁹. Это ориентация константная, или устойчивая.

Ориентация по странам света есть явление исторически довольно позднее. Ей предшествовала ориентация, основанная на географических признаках местности. Ими могли быть неподвижные местные предметы, например горы, или же движения воды или воздуха, сохраняющие постоянное направление, например течение рек и ветры. Это — так называемая географическая ориентация. Ее языковое выражение не надо смешивать.

¹⁶ E. Funke. Die Sprache von Baza am Niger.— MSOS, 1915.

¹⁷ Н. М. Терещенко. В помощь самостоятельному изучению ненецкого языка. Л., 1959, стр. 44.

¹⁸ В. Н. Чернецов. Мансийский (вогульский) язык. «Языки и письменность народов Севера». Л., 1937, стр. 190.

¹⁹ А. В. Ярмоленко. Роль речи в отражении пространства.— В сб.: «Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений». М., 1961, стр. 69.

Е. А. Крейнович пишет, что, рассматривая выражение пространственной ориентации в нивхском языке, «следует отвлечься от собственных нам более поздних понятий ориентации, обозначаемых словами *север, юг, восток и запад*»²⁰. Практическое значение для нивхов, живущих охотой и рыболовством, имеют шесть направлений: вверх и вниз по течению рек, от берега в водное пространство или же в тайгу, а оттуда — к берегу. Применительно к ним в нивхском языке имеется шесть корней, из которых образуются слова для передачи пространственной ориентировки в горизонтальной плоскости. Так, корни *к'э* и *а* указывают соответственно два взаимоположенных направления: вверх и вниз по течению рек, а на побережье — вдоль реального направления береговой линии, т. е. на север и на юг. В селькупском (остяко-самоедском) языке А. Кастрен нашел в свое время название только для одного константного направления: *нарнэ пэлэк* — буквально 'сторона тундры', которое он перевел как 'север'.

Ориентация по сторонам света называется также «астрономической». В основе астрономической ориентации лежат наблюдения за движением солнца (или также звезд) в разные времена года и отвлечение его пути от связей с местными предметами. Рассматривая эту ориентацию, не следует забывать, что солнце, как и звезды, выполняло в древности двойную функцию — компаса и часов.

Чукчи, по В. Г. Богоразу-Тану, ориентируясь по солнцу и звездам, различают 22 направления, названия которых обозначают также время суток. Названиями стран света они не являются²¹. Этот пример показывает, что астрономическая ориентация не сводима к ориентации по странам света. Основным признаком ориентации по странам света является расчленение пространства на четыре направления, каждое из которых получает особое название. В китайском языке перечисление этих названий: *дун — си — нань — бэй* 'восток — запад — юг — север' означает «повсюду, везде»²².

К. Таллqvист в своем обширном исследовании названий стран света²³ показал, что они могут быть разделены на три группы. К первой относятся те, в которых сохраняется связь с географической ориентацией. Таково, например, древнегреческое название северного и северо-восточного ветра *βορρας*, буквально 'загорный ветер', откуда *τὰ βορρεια* — 'север'. Аналогично, как 'загорный', обозначается ветер в языках латинском — *transmontanus* и итальянском

²⁰ Е. А. Крейнович. Выражение пространственной ориентации в нивхском языке. — ВЯ, 1960, № 1, стр. 79.

²¹ В. Г. Богораз-Тан. Указ. соч., т. 2, стр. 21.

²² Китайско-русский словарь. Под ред. И. М. Ошанина. М., 1952, стр. 50.

²³ K. Tallqvist. *Himmelsgegenden und Winde*. Helsinki, 1928.

—tramontana. Ко второй группе относятся те, которые обозначают страны света по местоположению солнца или времени дня. Древнегреческое ἑως обозначало 'утро', 'рассвет' и 'восток'. Юг в ряде языков обозначается как «полдень» в смысле «время najwyżшего положения солнца на небе». Таковы латинское название для юга meridies, французское midi и др. Сюда же надо отнести однотипное с ними русское *полдень* в ныне устаревшем значении 'юг'. К третьей группе относятся названия стран света, не делимые от названий направлений «вперед», «назад», «направо», «налево». Так, в древнем Египте в соответствии с географическим признаком (направлением течения р. Нил) юг обозначался словом hnt 'нос', 'начало', 'спереди'²⁴, запад — imn-t 'направо', а восток — i' b-t 'налево'.

Разграничение пространства на четыре страны света, несомненно, связано с чувственной системой отсчета. Это подтверждается соединением названий стран света со словесной системой отсчета. Характерно, что лишь две страны света: юг и восток — закономерно отождествляются с направлением «вперед».

К. Таллквист в качестве примера «ориентации на юг» ссылается на китайский и маньчжурский языки. В современном китайском языке²⁵ 北 бэй 'север', 背 бэй 'спина', 'зад', 'тыльная сторона'. Связь значений «север» и «спина» С. Георгиевский объясняет тем, что в древности, при расселении, китайцы продвигались с севера на юг²⁶. Иероглиф 右 ю означает 'правая сторона', 'направо'; 'запад', 'западный'. В современном монгольском языке: ар 'спина', 'зад'; 'северная сторона горы'; хойт 'север', 'следующий'; хойтохь 'северный', 'задний'; эмнэ 'юг', 'южный', 'впереди'; зуун 'левый', 'восточный'; баруун 'правый', 'западный'²⁷. В бурятском языке: ара 'зад', 'спина', 'север'; хойно 'на севере', 'позади'; урда 'юг', 'передняя сторона'; зуу 'восток', 'левый'; баруун 'правый', 'западный'²⁸. В тувинском языке сонгу чук 'задняя сторона', 'север', Мурунуу чук 'передняя сторона', 'юг'²⁹.

«Ориентация на восток» представлена, по Таллквисту, в древнееврейском языке: qeḏem или qādim 'то, что находится спереди', 'восток'; āhōr 'задняя сторона', 'запад'; jāṣīn 'правая сторона', 'юг'; s'emal 'левая сторона', 'север'. При этом s'emal род-

²⁴ На языке махас (нилотский язык) oggo 'лицо' и 'юг'. Южная оконечность острова, расположенная против течения р. Нил, называется «лицом острова». См. об этом: С. W. M u r g a y. English — Nubian comparative Dictionary, 1923.

²⁵ Китайско-русский словарь. Под ред. И. М. Опанина. М., 1952.

²⁶ С. Г е о р г и е в с к и й. Анализ иероглифической письменности. СПб., 1888, стр. 8.

²⁷ Монгольско-русский словарь. Сост. А. Р. Ричинэ. М., 1947.

²⁸ Бурят-монгольско-русский словарь. Сост. К. М. Черемисов. М., 1951.

²⁹ Русско-тувинский словарь. Под ред. А. А. Пальмбаха. М., 1953.

ственно шумелу 'левая сторона' в аккадском языке, а *jāmīn* — древнеегипетскому *imn-t* 'правая сторона', 'запад'. В современном арабском языке *اشمال* *aš-shal* 'левая сторона' и 'рука', 'север'; *يمن* *yaman* и *يمينه* *yamina* 'правая сторона' и 'рука', а по Талликисту также 'юг'. Выражение *شاما و يمانا* *шамa ва йамна* означает 'севернее и южнее', где *йамна* 'юг' ³⁰.

На языке хинди: *пурва* 'первый', 'передний', 'восточный', 'восток'; *пашчотья* 'задний', 'западный'; *уттар* 'последующий', 'северный'; *дакшин* 'правый', 'южный', 'юг'. Аналогичны названия стран света в бенгальском языке, родственном хинди ³¹. В казахском языке *он* 'правый', *сол* 'левый'; *солтустик* 'север', *оңтустик* 'юг', т. е. буквально «левая» и «правая» стороны ³². Аналогичны названия стран света в родственном ему киргизском языке ³³. По Э. К. Пекарскому, в якутском языке *илин* 'восток', 'перед'; *ханас* 'северный', 'левый'; *унуо* 'южный', 'правый' ³⁴.

Итак, чувственная система отсчета (при нормальном положении тела человека) представляет собою основу, применительно к которой в разных языках складывается постепенно изоморфная ей словесная система отсчета направлений. Она отражает нужды практической деятельности людей и в ее формировании общественная необходимость выступает в исторически случайной форме.

Понимание цвета как трехмерного непрерывного множества означает, что каждый цветовой раздражитель имеет только три физические, а каждое цветоощущение — только три психологические характеристики. С физической стороны ими являются, как известно, коэффициент отражения, длина световой волны и «чистота», а с психологической — светлота, цветовой тон и насыщенность. Любой цвет, различаемый глазом в предметах, может быть охарактеризован применительно к этим параметрам, а при их постепенном изменении переведен в любой другой цвет путем непрерывных переходов.

Наш глаз является прежде всего светоразличающим и лишь затем — цветоразличающим аппаратом. Основная зрительная функция — световая чувствительность. При формировании человека основной биологической функцией глаза стало цветораз-

³⁰ Н. Wehr. Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart. Leipzig, 1956.

³¹ Хинди-русский словарь. Сост. В. М. Бескровный. М., 1953; Бенгальско-русский словарь. Сост. Д. Литтон и В. А. Гагинский. М., 1960.

³² Русско-казахский словарь. Под ред. Н. Турсунбаева. М., 1954.

³³ Киргизско-русский словарь. Под ред. К. Юдахина. М., 1946.

³⁴ Э. К. Пекарский. Русско-якутский словарь. СПб., 1916.

личие³⁶. Цветовой тон является одним из основных признаков, по которым мы различаем предметы и ориентируем свое поведение.

Единство и различие этих зрительных функций проявляют себя в восприятиях и в названиях цвета.

Ахроматическими принято называть белый, серый и черный цвета. Дать определение этим понятиям чрезвычайно трудно. Обычно белыми называют поверхности, равномерно рассеивающие 75% и выше всего падающего на них светового потока, черными — рассеивающие 5% и ниже, а серыми — все остальные.

Белый, серый и черный цвета представляют собой, — как это подчеркивал Г. Гельмгольц, — только интенсивности или светлоты, но не качества. В предметах глаз воспринимает их как качества только при сравнении с цветными поверхностями. Белый цвет выступает как самый светлый из тех, которые мы видим. Фактически мы называем белой любую поверхность, если она является самой светлой из находящихся в нашем поле зрения. С другой стороны, черный цвет является для нашего глаза самым темным. При низком уровне освещения все цвета исчезают, сливаясь с мраком. Все это обратило на себя внимание еще мыслителей древности (Платон, Аристотель), которые отметили, что любая цветная поверхность выглядит темнее белой и светлее черной. Они сочли, поэтому, цветом результатом «затемнения» белых поверхностей, а каждый цвет попытались истолковать как смесь света и темноты. Вплоть до И. Ньютона не прекращались попытки классифицировать цвета по степени близости их к белому или черному цвету.

Наличие во всех языках названий для белого и для черного цвета справедливо ставится в связь с тем, что все народы наблюдают смену дня и ночи, причем дневной свет воспринимается как белый. Дополнительно надо напомнить о первичности светоразличительной функции зрения по сравнению с цветоразличительной. В языке нашла также отражение двойственная природа белого и черного — как светлоты и как качества. Когда снег называют белым, а уголь — черным, то имеют в виду качества, которые иначе можно было бы назвать *белизной* и *чернотой*. С другой стороны, те самые слова, которые служат названиями этих качеств, выступают одновременно в значениях светлый и темный. Ср.: *белый* и *черный* хлеб. Это — не смешение понятий, но выражение физического факта, а именно того, что белый и черный цвета объективно представляют собою лишь светлоты.

Названия для серого цвета, обозначающие его обособленно от других, встречаются не во всех языках. Серые цвета, встре-

³⁶ См.: А. И. Богословский. Основные закономерности зрительных ощущений. «Руководство по глазным болезням», т. I. М., 1962; G. St u d n i t z. Physiologie des Sehens. Leipzig, 1952.

чающиеся в природе, редко бывают чистыми, они обычно отливают желтизной или синевой, т. е., строго говоря, являются малонасыщенными хроматическими тонами. Среди хроматических цветов наименее насыщенными являются желтый и голубой. Вероятно, поэтому в некоторых языках серый обозначается названием, общим с одним из этих тонов. Так, в чукотском языке основа *чер* используется для обозначения и желтого и серого цвета³⁶. В эвенкийском языке слово *идьямя* является названием обоих этих цветов³⁷. В чувашском языке *кэвак* обозначает «серый, сизый, голубой, синий»³⁸. Примеры можно умножить.

Хроматическими называются цвета, обладающие «цветностью», т. е. цветовым тоном и насыщенностью. Для исследования отношения названий к цвету недостаточны одни только качественные характеристики цветности. Необходимо подойти к ней также с количественной стороны и попытаться выяснить, сколько цветовых тонов и ступеней насыщенности способен различать нормальный человеческий глаз.

Наш глаз видит в предметах только те цветовые тона, которые имеются в спектре Солнца, а также пурпурные, образованные смесями синих и красных лучей. Благодаря авторитету И. Ньютона, до сих пор держится мнение о «семи цветах» спектра. В действительности их значительно больше. Дж. К. Максвелл писал, что спектр играет «тысячью цветов». Тщательные экспериментальные исследования различительной чувствительности глаза к спектральным цветовым тонам привели к выводам, которые не согласуются ни с одной из этих крайних точек зрения. Прежде всего выяснилось, что наш глаз не одинаково чувствителен к цветовым тонам. Минимумы чувствительности приходятся на фиолетовый и красный концы видимого спектра и на его середину — зеленый цвет. Максимальная чувствительность обнаруживается в областях сине-зеленого и особенно желто-оранжевого цвета, где глаз реагирует на изменение длины световой волны в пределах меньше миллимикрона. Более слабые повышения чувствительности обнаруживаются в областях сине-фиолетовых и красно-оранжевых тонов³⁹. С учетом этих минимумов и максимумов чувствительности принято полагать, что наш глаз способен различать в спектре от 150 до 200 цветовых тонов⁴⁰. К ним добавляют около 30 или больше пурпурных тонов.

³⁶ Ф. Н. Ш е м я к и н. Названия цвета в чукотском языке. «Изв. АПН РСФСР», вып. 113, 1960, стр. 73.

³⁷ Е. Д. Л ю б и м о в а. Название цвета в эвенкийском языке. «Изв. АПН РСФСР», вып. 113, 1960, стр. 68.

³⁸ В. Г. Е г о р о в. Чувашско-русский словарь. Чебоксары, 1954.

³⁹ См. рис. № 2 на стр. 53.

⁴⁰ Е. Б. Р а б к и н. Цветовое зрение и диагностика его расстройства. «Руководство по глазным болезням», т. I. М., 1962; H. Schöber. Das Sehen. Bd 2. Leipzig, 1964.

Наименьшим числом ступеней насыщенности обладает желтый цвет, который вместе с тем является самым светлым в спектре. Наибольшим числом ступеней насыщенности обладает красный цвет, а за ним — синий, который выглядит в спектре наиболее темным. Количество этих ступеней определяется в среднем в пределах от 15 до 100, т. е. очень неточно. Вообще же допускают, что наш глаз способен различать до двадцати тысяч «цветностей»⁴¹.

Под единичным подразумевается такой цвет, который для нормального глаза отличается от любого другого по признакам цветового тона, насыщенности и светлоты (раздельно или вместе взятым). Общее количество единичных цветов, доступных восприятию, определяется различно: минимальное — как несколько десятков тысяч (Е. Б. Рабкин и др.), максимальное — как приближающееся к двум миллионам (Д. Никерсон и С. Ньюэлл), а среднее — как колеблющееся между 300—600 тысячами (И. Крис, Д. Джюдд и др.).

Такова огромная трехмерная область цветов, которые человеческий глаз способен различать в предметах. Принимается ли она в ее максимальном или минимальном объеме, она значительно превышает количество названий цвета в любом языке; у народов, не имеющих письменности, их значительно меньше, чем в русском, английском, французском и подобных им развитых литературных языках⁴². В каждом из этих литературных языков существует около сотни простых, т. е. состоящих из одного слова, названий цвета. К ним добавляется еще некоторое количество специализированных названий, обозначающих, например, масти лошадей (*вороной, гнедой* и пр.) или окраски тканей (*кубовая, фрез, сомо* и пр.) и т. д. Имеются также составные названия, в их числе — специализированные (*желто-зеленый, красно-кирпичный, берлинская лазурь* и пр.). Специализированных названий особенно много в английской и американской текстильной и химической промышленности. Изданный применительно к нуждам этой промышленности «Цветовой словарь» А. Мэрц и М. Поль⁴³ включает в себя около 4000 названий, в своем подавляющем большинстве составных и специализированных.

А. Манселл справедливо отмечает, что ни одно название не способно обозначить единичный цвет, так как не выражает всех трех его характеристик одновременно⁴⁴. Каждое название охватывает поэтому некоторую группу смежных единичных цветов. Название *лимонный* может распространяться примерно на

⁴¹ J. le Grand. *Optique Physiologique*. Paris, 1946—1956.

⁴² Ф. Н. Шемякин. К вопросу об отношении слова и наглядного образа. «Изв. АПН РСФСР», вып. 113, 1960.

⁴³ A. Maerz and M. R. Paul. *A Dictionary of Color*. New York, 1930.

⁴⁴ A. Munsell. *A color Notation*, 1926.

пятнадцать цветовых тонов, а название *вишневый* — охватывать почти все пурпурные — от синеватых до красноватых⁴⁵. Не лучше, если не хуже, обстоит дело со специализированными названиями, как это было отмечено в докладе Комиссии по цветовой терминологии при английском физическом обществе⁴⁶. Еще до этого А. Мэрц и М. Поль указывали, что из собранных в их «Цветовом словаре» названий большинство является «излишними и непонятными». Они считают, что для обозначения цвета достаточно пользоваться 86-ю названиями. Предложенный ими список содержит 56 простых и 30 составных названий цвета.

Итак, каждое название цвета обозначает единичные цвета, обобщая их в некоторые группы и отвлекаясь от различий между ними. Оно является обобщенным и отвлеченным. А так как цвет обладает тремя характеристиками, то эти обобщения и отвлечения могут идти по линии каждой из них. В русском (и во многих других языках) они идут преимущественно по линии цветового тона. Не было бы, однако, ничего противоречащего природе и логике, если бы выяснилось, что в каком-либо языке они идут по линии светлоты.

Существует мнение, что в древности все названия цвета обозначали его по признаку светлоты, из чего делается заведомо ошибочный вывод, будто первобытные люди были монохроматами. Некоторые проявления классификации по светлоте обнаруживаются в языках народов, обитающих в экваториальных областях. Так, Р. Турнвальд обнаружил, что жители Соломоновых островов называли *кукум* темные образцы синего, фиолетового и красного цвета, а *какатара* — образцы не только белые, но и светлые всех цветовых тонов⁴⁷. В полинезийских языках корень *ку* связан с обозначением низких уровней светлот: на острове Маори *купара* 'черный', на островах Самоа и Тонга *улли* значит 'черный'. *Ули* на гавайском языке — 'синий', а на языке фугуна — 'черный', 'синий', 'коричневый'⁴⁸. Общность названий для синего и черного цвета известна во многих языках, в их числе и индоевропейских, например древнегреческое *кванзос*. В старину в русском языке синим мог быть назван цвет не только моря, но и угля. Для нашего восприятия синий цвет, действительно, обладает своей «внутренней темнотой».

В цвете заложена возможность, позволяющая его названиям основываться на отвлечении и обобщении признаков светлоты. Она с необходимостью реализуется, так как наш глаз является

⁴⁵ Г. И. Ашкенази. Цвет в природе и технике. М., 1955; И. А. Нечаева. Цветоведение и теория трехцветной репродукции. М., 1956.

⁴⁶ Report on Colour Terminology. The Physical Society. London, 1948.

⁴⁷ R. T h u r n w a l d. Ethnopsychologische Studien. Leipzig, 1913.

⁴⁸ Личное сообщение д-ра G. Kahlo из г. Лейпцига.

прежде всего светлоразличающим аппаратом. Сложнее обстоит дело с насыщенностью, так как от нее в высшей степени трудно отделить цветовой тон. Нет, однако, ничего невозможного в существовании названий цвета, основанных на отвлечении и обобщении признака насыщенности. Возможно, например, что в русском языке *желтый* и *голубой*, обозначающие малонасыщенные цвета, возникли из общего индоевропейского корня. По В. Далю, «голубым» народ иногда называет желтый цвет. В современном сербскохорватском языке есть слово, одновременно обозначающее оба эти цвета: *плав*.

Во всех этих случаях отвлечение и обобщение признаков светлоты или насыщенности имело место при отделении от них цветового тона. В русском, как и во многих других языках, существует некоторое количество названий, опирающихся на обобщение и отвлечение признака цветового тона при отделении от него светлоты и насыщенности. Это — общие названия цвета: *красный*, *зеленый* и т. д. Если вспомнить сказанное выше о различительной чувствительности глаза к цветовым тонам, то станет понятным, что каждое из этих общих названий обозначает их некоторую группу. По Г. Шоберу, название *красный* обозначает группу по меньшей мере из 7 цветовых тонов, *оранжевый* — 47, *желтый* — 15, *зеленый* — 67, *синий* — 47 и *фиолетовый* — 7⁴⁹.

В русском, как и в других языках, большинство названий обозначают цвет по признакам цветового тона: либо светлоты, либо насыщенности, либо обеих их вместе. Это — частные названия *алый*, *соломенный* и т. д. Особо стоит вопрос о двух группах цветовых тонов, обозначаемых словами *коричневый* и *оливковый*, в значении оливково-зеленый. Коричневый — это темный или зачерненный оранжевый, а оливковый — желтый. На понижение уровня светлоты глаз реагирует в этих случаях как на изменение цветового тона. С другой стороны, названия *оранжевый* и *желтый* в том виде, в каком они используются в обиходной речи, обозначают цвета по признакам не только цветовых тонов, но высоких уровней светлоты и насыщенности. *Коричневый* и *оливковый* не укладываются в рамки идеи о «категориальном восприятии» цвета⁵⁰.

Не существует ни физических, ни психологических границ между цветовыми тонами, а также единичными цветами. Область применения каждого названия цвета поэтому расплывчата. Она не является, однако, полностью неопределенной, иначе эти названия стали бы непонятными. Для того, чтобы охарактеризовать отношение названий (в данном случае — общих) к цвету, полезно обратиться к двум приводимым ниже графикам. На первом из

⁴⁹ H. Schöber. Указ. соч., стр. 219.

⁵⁰ D. Nickerson and S. H. Newhall. Central Notation for ISCC-NBS Color Names.— JOSA, v. 31, 1941, стр. 587.

них (рис. 1) представлены результаты опытов, проведенных двумя голландскими физиками над ста нормальными трихроматами, которые должны были подбирать названия к предъявляемым им спектральным цветам ⁵¹. Второй график (рис. 2) представляет

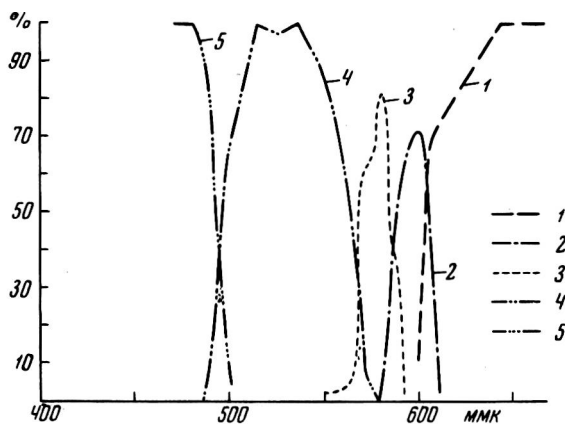

Рис. 1

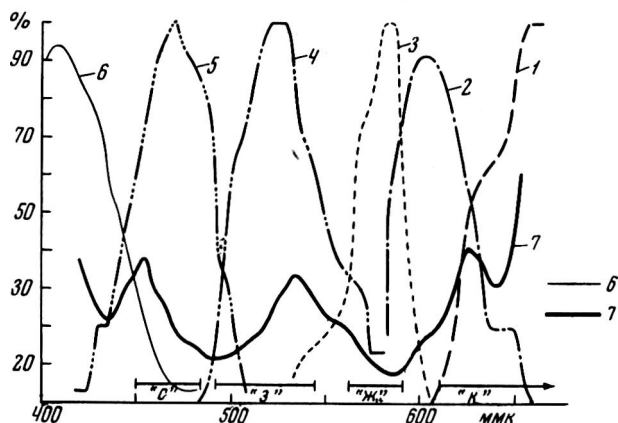

Рис. 2

собой сводку определений границ общих названий цвета, сделанных в разное время 35 специалистами — физиками, цветоводами, психологами ⁵².

⁵¹ H. Verbeek and M. Basen. Distribution of the chief colours in the Spectrum. «Physica», 1935, v. 2.

⁵² В сводку вошли определения границ названий цвета, установленные следующими исследователями: Н. Т. Федоров, Л. И. Демкина, Б. М. Теплов и П. А. Шеварев, Г. И. Ашкенази, Н. Helmholtz, J. Listing, W. Bezold, E. Schrödinger, H. Schober, E. Chevreul, F. Blottian, P. Bouma, J. le Grand,

На этих графиках по оси абсцисс отложены длины волн в мкм, а по оси ординат — % указаний на данную длину волны. Названия цвета обозначены:

1 — «красный»	4 — «зеленый»
2 — «оранжевый»	5 — «синий»
3 — «желтый»	6 — «фиолетовый»

На второй график (сплошной линией — 7) нанесена также кривая порогов различительной чувствительности к цветовым тонам для глаза (О. Штейндлер) и границы, в которых были определены «чистые цвета» в 35 опытах сторонников точки зрения Э. Геринга⁵⁸.

Сплошной линией обозначены пороги различительной чувствительности глаза к цветовым тонам. Знак с буквой под ним указывает границы определений «чистых цветов» (по определению Э. Геринга).

Графики в основных чертах совпадают друг с другом. Оба свидетельствуют, во-первых, о расплывчатости границ соседних областей применения названий цвета, и, во-вторых, о закономерности распределения каждого названия по своей области. Каждое название имеет свой «пик», по обе стороны которого частота его применения более или менее равномерно снижается. Каждый из этих «пиков» относится к узкой полосе спектра. До 100% эти «пики» поднимаются для названий *красный*, *зеленый* и *синий*, а на рис. 2 — также для названия *желтый*. Удовлетворительная корреляция констатируется между границами названий цвета и максимумами различительной чувствительности глаза к цветовым тонам, и между районами «стопроцентного» согласия в названиях цвета и ее минимумами.

В определениях чистых цветов закономерности не обнаружено. Очень велики индивидуальные отклонения: более, чем в трех—пяти случаях ни один цветовой тон не признавался чистым. На рис. 2 границы, в которых определялись чистые цвета, отмечены поэтому прямой линией. Чистые цвета не могут быть приняты за исходные при истолковании отношения названий к цвету.

Оба графика напоминают о кривых нормального распределения. Можно допустить, что в распределении названий по цветам имело место закономерное проявление случайности. Графики дают основания судить не о том, «верно» или «ошибочно» был назван тот или иной цветовой тон, а о том, с какой вероятностью мо-

J. U. Maxwell, W. Abney, R. Houstoun, A. Hardy and F. Perry, M. Luckiesh, D. Rood, R. Pickford, D. Judd, K. Kelly, Committee of colorimetry USA. etc.
⁵⁸ «Чистые цвета» взяты по определениям, которые дали E. Hering, Ch. Ladd-Franklin, L. Golditsch, H. Goldmann, H. Westphal, A. Bruck, C. Hess, H. Schober, D. Purdy, F. Dimmick and M. Hubbart и др.

жет быть он обозначен одним из заданных общих названий. Это значит, что отношения названий к цвету складываются по законам, носящим не абсолютный, но вероятностный характер.

■

Анализ названий направлений пространства и названий цвета приводит к выводу, что в языке они упорядочиваются не по образцу логической системы понятий, а применительно к внутренним закономерностям чувственного познания человека, который находится не в созерцательном, но в активном отношении к миру.

■

О ВЫРАЖЕНИИ В ЯЗЫКЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ЧУВСТВЕННОЙ И АБСТРАКТНОЙ СТУПЕНЯМИ ПОЗНАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В. В. БАБАЙЦЕВА

Внимание лингвистов к логической основе предложений обусловлено стремлением найти какие-то общие принципы для классификации безгранично разнообразных семантико-структурных типов простого предложения. Мысль, отражающая связи и отношения между предметами и явлениями реальной действительности, выражается в предложении, образуя его семантическое ядро. Качественное своеобразие с о д е р ж а т е л ь н о й стороны предложения создают и внутриязыковые факторы, как то: лексико-грамматический состав предложения, интонация, экспрессивно-эмоциональные моменты и т. д. Аналогично соотношение значения слова и понятия.

Логика как наука о законах правильного мышления оперирует только суждениями с вербализованным субъектом и предикатом. Типичные логические суждения — это уже сформировавшиеся суждения, их образованию предшествует целый ряд предварительных ступеней, отражающих взаимосвязи и переходы от чувственной ступени познания действительности к логической. Мыслительная деятельность не укладывается в строгие рамки типичного логического суждения, так как она богаче, разнообразнее, полнее отражает сложное] разнообразие действительного мира.

Разнообразие форм мысли, реализуемой в предложении, неоднократно отмечали лингвисты, наталкивая тем самым и логиков

на изучение соответствующих форм мысли. Изучение языкового и речевого материала заставило выделить мысль-вопрос, мысль-побуждение. Глубоко прав был П. С. Попов, отмечая: «Нет такой субъектно-предикатной схемы, в которую бы, как в прокрустово ложе, можно было безнаказанно втискивать все виды суждения»¹.

В своей статье мы хотим обосновать необходимость выделения особой разновидности мысли, обусловленной взаимодействием между чувственной и логической ступенями познания действительности, рассмотрев один из частных случаев этой сложной проблемы.

Как известно, в процессе познания объективного мира различаются две неразрывно связанные, но качественно особые ступени: ступень чувственного познания (первая сигнальная система, по И. П. Павлову) и ступень абстрактного мышления (вторая сигнальная система).

Чувственное познание действительности происходит при помощи органов чувств. Посредством органов чувств мы видим, слышим, обоняем, ощущаем окружающий нас действительный мир, который отражается в сознании на этой ступени в виде ощущений, восприятий и представлений. Ступень абстрактного мышления связана с образованием понятий, суждений и умозаключений. Качественное различие между ступенями познания мира заключается в том, что наглядно-чувственные образы не выражаются с помощью языковых средств, а различные формы мысли выражаются при посредстве языка. Поэтому мысль и является опосредствованным отражением действительности в сознании. Рассматривая формы мысли и то общее, что есть у всех мыслей, А. С. Ахманов подчеркивал: «...нет мысли вне ее словесного выражения в речи, нет мышления без языка...»².

Несмотря на качественное различие, две ступени познания мира не существуют изолированно друг от друга. Они взаимосвязаны, взаимообусловлены. Чувственные образы являются источником тех сведений о действительности, без которых невозможно абстрактное мышление, определяющее в свою очередь характер наглядно-чувственных образов.

Участие языка не только в оформлении, но и в формировании мысли позволяет сделать логический вывод о том, что и первые этапы в образовании мысли («зачинающаяся мысль», по выражению А. В. Савинова³), переработка в сознании содержания наглядно-чувственного материала не свободны от языковых средств.

¹ П. С. Попов. Диалектика суждения. «Академику В. В. Виноградову к его 60-летию. Сборник статей». М., 1956, стр. 200.

² А. С. Ахманов. Формы мысли и законы формальной логики. (К вопросу о предмете формальной логики). «Вопросы логики». М., 1955, стр. 54.

³ А. В. Савинов, Логические законы мышления. Л., Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 51.

Чувственная ступень познания действительности не только является генетической основой абстрактного мышления, но и сопутствует ему, внося элементы чувственного наблюдения в процесс понятийного мышления, определяя чувственные основы понятий (их связь с общими представлениями) ⁴, а также сочетание чувственных образов и логических понятий в едином акте мышления.

Удельный вес наглядно-чувственных образов и абстракций в мыслительном процессе зависит не только от стадии в развитии мышления ⁵, но и от характера мыслительного процесса на современном этапе развития человеческого общества. Особой чувственно-наглядной стадии в развитии мышления не существовало, однако нельзя не признать господства чувственно-наглядных моментов в мышлении первобытного человека.

Чем более абстрактно содержание мысли, тем меньше в ней наглядно-чувственных образов, тем более четко она оформлена. Преобладание наглядно-чувственных образов в акте познания современного человека наблюдается в эмоциональной речи, характерной преимущественно для живого процесса общения. Чем эмоциональнее процесс мышления, тем он образнее, нагляднее.

Эмоциональное состояние говорящего влияет на степень участия наглядно-чувственных образов в мыслительном процессе; на темп речи, ее прерывистость, структуру предложения и его лексическое наполнение. Эмоциональное состояние говорящего определяет также интонацию, использование частиц, междометий, вводных и вставных конструкций, присоединительных конструкций и т. п.

Таким образом, разная степень эмоциональной окраски сообщения определяет в известной мере наличие наглядно-чувственных образов в акте познания, степень логической и грамматической членимости предложения. Так, сильное чувство боли, испытываемое случайно ожегшимся человеком, вызывает у него восклицания типа: *Ой! Горячо! Горячо! Горит!* и т. п., а не предложения типа: *Я ожег себе руки горячим керосилом*. Последняя модель может появиться, когда острое чувство боли пройдет.

Способность наглядных, чувственных элементов предвосхищать «словесно еще не развернутую систему мыслей» отмечает С. Л. Рубинштейн. «Наглядные элементы, — пишет он, — включаются в мыслительный процесс в виде более или менее генерализованного содержания восприятия, в виде обобщенных обра-

⁴ См.: В. Н. Сагатовский. Чувственные основы понятия. «Вопросы философии», 1962, № 1, стр. 129 и др.

⁵ См.: В. З. Панфилов. К вопросу о соотношении языка и мышления. «Мышление и язык». М., 1957; А. Г. Спиркин. Происхождение языка и его роль в формировании мышления. Там же; М. Розенталь. Принципы диалектической логики. М., 1960.

ных представлений и в виде схем, которые как бы антиципируют и предвосхищают словесно еще не развернутую систему мыслей»⁶.

Взаимосвязь чувственного и рационального, абстрактного освещается в ряде работ П. С. Попова, сохранявшего на протяжении ряда лет неизменный интерес к вопросам соотношения логических и грамматических категорий. Отмечая необходимость различения предмета суждения, субъекта и предиката, П. С. Попов вплотную подошел к признанию суждения, образующегося сочетанием чувственного и рационального, т. е. такого суждения, первым членом которого является чувственный материал.

Выявляя в назывном суждении *Вот университетский двор* диалектику отдельного, единичного и общего, П. С. Попов справедливо называет отдельным, единичным восприятие, которое не выражено словом. Словами выражается общее. «Здесь каждое слово,— пишет он,— носитель общего, а соединение всех слов дает конкретную оболочку для индивидуального обозначения данного восприятия. Чувственный материал восприятия здесь единичное, отдельное. Осмысляющие это восприятие слова — носители общего. Опять-таки перед нами диалектика отдельного и общего»⁷. «В конечном счете,— заключает П. С. Попов,— диалектику отдельного и общего в суждениях можно сопоставить с диалектикой чувственного и рационального и в качестве предельного случая свести к ней... В этом отношении, если исходить из первоначального типа суждений, субъект соответствует тому, что нам дано конкретно, чувственно; предикат же, сравнительно с субъектом, включает элемент абстракции. Поэтому имеются все основания утверждать, что в основе диалектики отдельного и общего лежит диалектика чувственного и рационального»⁸.

С этими высказываниями нельзя не согласиться. Однако в этой же статье П. С. Попов подтверждает и ранее высказанное положение о возможности одночленных суждений: «Противоположности между субъектом и предикатом как таковыми может не быть, ибо одно звено может отсутствовать, но это вовсе не значит, что нет иной коренной противоположности»⁹. П. С. Попов и видит эту противоположность между предметом и предикатом, т. е. между тем отрезком действительности, о котором идет речь («предмет суждения») и самим высказыванием (*Светает*).

Без предмета суждения вообще не может быть суждения, но предмет суждения, являющийся основой всякого суждения, не

⁶ С. Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 61.

⁷ П. С. Попов. Указ. соч., стр. 200.

⁸ Там же, стр. 201.

⁹ Там же, стр. 200.

входит в структуру суждения как ее элемент, так как, существующий в нем нашего сознания, он лишь отражается в нем своими существенными и несущественными сторонами через понятия и наглядно-чувственные образы. «Нельзя думать,— пишет П. В. Копнин,— что если в каком-либо предложении субъект суждения не нашел выражения в специальном слове внешней речи, то, следовательно, и в мысли, в самом суждении нет субъекта. Этот субъект может быть понят из ситуации, а это означает, что в мысли он обязательно есть (иначе не может состояться суждение) и выражается определенными, общепонятными средствами»¹⁰.

Критические замечания П. В. Копнина по поводу концепции П. С. Попова недостаточно убедительны, так как, отмечая, что «субъект может быть понят из ситуации», П. В. Копнин не раскрывает «определенных, общепонятных средств», в которых субъект, не выраженный словом (а следовательно, не являющийся понятием), присутствует в мысли.

Наблюдения над языковым и речевым материалом показывают, что в значительном количестве случаев наглядно-чувственные образы, сами не находящие выражения в слове, входят в содержание предложений, выражающих двучленную мысль. Такие мысли отличаются от типичных логических суждений тем, что в них нет двух вербализованных компонентов, но они отчетливо двучленны, так как в них есть вербализованный предикат и предмет мысли, отразившийся в сознании в виде наглядно-чувственных образов.

Чувственные образы не только являются основой понятийного мышления, но и сами могут вовлекаться в мыслительный процесс в качестве его компонентов, сочетаясь с обобщенными образами предметов и явлений. Сочетание чувственных образов и логических понятий в едином акте мышления можно иллюстрировать следующим предложением:

— *Чудесно!* — думал Вараксия, крепко потирая руки. Ему рисовалась простая, милая жизнь с маленькой, умной и сердечной женой, которая все понимает, может ответить на все вопросы (М. Горький, Романтик).

Хотя наглядно-чувственные образы в предложении *Чудесно!* непосредственно не вербализованы, но они входят в его содержание, образуя первый компонент выражаемого суждения. Представление, предсказуемое словом *чудесно*, вызывается в сознании читателей авторским описанием. Ср. также:

— *Костя, как хорошо,* — шептала Маша, — *как красиво!* Я никогда в жизни еще не видела такого Енисея (С. Сартаков, Не отдавай королеву).

¹⁰ П. В. К о п н и н. Природа суждения и формы выражения его в языке. «Мышление и язык». М., 1957, стр. 340.

Маша говорит о картине ночного ледохода на Енисее, красочному и выразительному описанию которого посвящены две-три страницы авторского текста.

Характерные свойства предмета суждения отображаются в суждении не только в субъекте, но и в предикате. Так, предмет суждения, грамматической формой которого является двусоставное предложение (например, *Лес зеленеет*), отражается в своих характерных признаках не только в субъекте суждения (*лес*), но и в предикате (*зеленеет*). Если же предмет суждения не выражен в вербализованном субъекте, усиливается значение логического предиката (*зеленеет вокруг*), а на месте логического субъекта в сознании присутствует представление об окружающей действительности (в данном случае ограниченное словом *вокруг*). Если такое предложение произносится в момент непосредственного созерцания, место логического субъекта в сознании занимают восприятия и ощущения.

Наиболее точное отражение предмет суждения получает в вербализованном субъекте. Предмет мысли, не отраженный вербализованным субъектом-понятием, в сознании представлен нечетко, общо и неопределенно. Чтобы пояснить это, обратимся к такому примеру. Человек стоит на берегу Черного моря и смотрит на закат. Он видит, как меняется цвет неба и морской воды, как плещутся волны, он дышит морским вечерним воздухом и высказывает собеседнику свои впечатления одним словом: *Прекрасно!* А может сказать и так: *Прекрасен закат на Черном море!*

В суждении, выражаемом двусоставным предложением, предмет суждения отражается в сознании в виде вербализованного субъекта-понятия (*закат на Черном море*) и вербализованного предиката-понятия (*прекрасен*). В первом суждении, реализованном в предложении *Прекрасно!*, предмет мысли представлен в сознании лишь одним вербализованным понятием-предикатом, но суждение от этого не становится одночленным. Предмет суждения отражен в сознании в виде восприятий и ощущений (первый компонент) и в виде вербализованного предиката (*Прекрасно!*). В таких случаях *S* (часть классической формулы суждения) является чем-то неопределенным, неясным, но тем не менее предмет суждения собеседникам ясен: он подсказывается ситуацией.

Неопределенным субъект такого суждения является не потому, что неясен предмет суждения, а потому, что предмет суждения не отражен в первой части суждения о нем в виде логического субъекта — вербализованного понятия.

Предмет суждения, выражаемого в безличных предложениях типа *Светает, Морозит, Штормит* и т. п., не требует уточнения в вербализованном субъекте, так как лексические значения слов-сказуемых могут характеризовать только определенное состояние природы, которое представлено в сознании в виде чувственных образов.

П. В. Таванец очень точно отметил назначение субъекта в суждении: «Роль субъекта в суждении заключается в том, чтобы представлять предмет в суждении. Однако само наше утверждение или отрицание направлено не на субъект суждения, а на тот предмет, который представлен в суждении субъектом»¹¹. Из этого следует, что наличие вербализованного предиката не предполагает о б я з а т е л ь н о г о наличия вербализованного субъекта, так как содержание предиката суждения относится не к субъекту, а к предмету реальной действительности, который может отразиться в первой части суждения о нем не обязательно в виде логического субъекта-понятия.

В предложениях типа *Чудесно! Прекрасно!* и т. п. утверждается или отрицается что-либо о чем-либо. В определениях суждения, принятых в логической литературе, не сказано, что речь идет об обязательной субъектно-предикатной структуре, образуемой только понятиями. Все это позволяет назвать вид мысли, реализуемой в рассматриваемых предложениях, с у ж д е н и е м и обозначить его формулой $X - P$. Первый член таких суждений образуется наглядно-чувственными образами (психологическими категориями), второй является вербализованным понятием, т. е. логической категорией, поэтому такие суждения можно назвать логико-психологическими.

Логико-психологические суждения нередко выражаются в предложениях, тесно связанных с контекстом или речевой ситуацией. Авторские описания вызывают в сознании читателей представление о том предмете суждения, который для участников коммуникации является предметом восприятий и ощущений. Насильственное втискивание в мысль вербализованного субъекта изменит не структуру, а характер мысли, лишит ее связи с чувственным восприятием действительности.

Логико-психологическое суждение — это особая форма мысли, создающаяся сочетанием наглядно-чувственных образов и обобщенных образов-понятий. Однако логико-психологическое суждение, предшествующее в некоторых случаях образованию типичных логических суждений, нельзя рассматривать лишь как «недоразвившееся» суждение, лишь как этап, обязательно предшествующий образованию типичного логического суждения. Интересен с этой точки зрения следующий пример:

— Когда Скворцов сказал, что венчаться решено в церкви, Пал Палыч сокрушенно покачал головой. — Не стоило бы. — Почему? — *Смешно.* — *Что смешно?* — Да вся эта процедура смешна. Поп, как ворона, каркает. Столик этот дурацкий — аналой-то. Венцы. «Прииди, прииди, от Ливана невеста». *Смешно,*

¹¹ П. В. Таванец. К вопросу о классификации суждений. «Философские записки», т. VI. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 50.

право. Супруга настаивает? — Нет, — смущенно сказал Скворцов. — Неужели вы? — Я (Ю. Герман, Наши знакомые).

Показательно, что говорящему недостаточно двусоставного предложения *Процедура смешна*, выражающего типичное логическое суждение, для выражения более сложной по оттенкам мысли, которую он пытался выразить оценочным предложением *Смешно*. Поэтому говорящий, конкретизируя предмет суждения, стремится вызвать у собеседника рядом других предложений тот комплекс наглядно-чувственных образов, который кажется ему смешным. Описание наглядно-чувственных образов, по-видимому, не исчерпало всего многообразия предмета суждения, вызвавшего оценочное замечание, и оно повторяется еще раз.

Логико-психологическое суждение — это устойчивый тип мысли, о чем свидетельствует его соотносительность с определенными семантико-структурными типами предложений.

Логико-психологическое суждение может быть реализовано как в грамматически односоставных, так и в грамматически двусоставных предложениях. Последнее подтверждает его двучленный характер.

Логико-психологическое суждение лежит в основе многих разновидностей односоставных предложений¹². Таковы, например, предложения с неопределенным и обобщенным деятелем, безличные и номинативные предложения, привлекавшие внимание логиков.

Логико-психологическое суждение может быть и в основе некоторых периферийных двусоставных предложений. Таковы, например, предложения типа: *Это стол, Это чудесно* и т. п.

Местоимение *это* лишь указывает на предметы и явления, отразившиеся в сознании в виде наглядно-чувственных образов, но не является выражением понятия, так как не связано с обобщением существенных сторон конкретных предметов или явлений.

Предложения с местоимением *это* типа *Это стол* выражают суждения наименования, которые имеют место в тех случаях, когда человек выделяет из массы явлений и вещей действительного мира отдельные предметы и явления и называет их. Такие суждения двучленны: первым членом их является чувственный образ выделенного предмета.

Еще Х. Зигварт отметил эту разновидность суждения и отнес ее к «простейшим и элементарнейшим актам суждения»¹³, к тем суждениям, «которыми вообще начинается акт суждения

¹² См.: В. В. Б а б а й ц е в а. Односоставные предложения в современном русском языке. Мичуринск, 1963.

¹³ Х. З и г в а р т. Логика, т. I. Учение о суждении, понятии и выводе. СПб., 1908, стр. 58.

человека, в которых снова узнаются и наименовываются наглядно-чувственные предметы»¹⁴.

Обратимся к примерам.

... Впереди лодки, далеко на горизонте, из черной воды поднялся огромный огненно-голубой меч, поднялся, рассек тьму ночи, скользнул своим острием по тучам в небе и лег на грудь моря широкой, голубой полосой... Лодка Челкаша остановилась и колебалась на воде, как бы недоумевая. Гаврила лежал на дне, закрыв лицо руками, а Челкаш толкал его ногой и шипел бешено, но тихо: — Дурак, *это крейсер* таможенный... *Это фонарь* электрический!... Гаврила молчал, греб и, тяжело дыша, искоса смотрел туда, где все еще поднимался и опускался этот огненный меч. Он никак не мог поверить Челкашу, что *это только фонарь* (М. Горький, Челкаш).

Какая-то темная масса двигалась около реки. *Это был большой медведь* (В. Арсеньев, Дерсу Узала).

Эти примеры наглядно показывают процесс узнавания и наименования предметов действительности, непосредственно воздействующих на органы чувств. Одни считают слово *это* в аналогичных предложениях выражением понятий¹⁵, другие — «осознанным восприятием»¹⁶.

Местоимение *это*, выполняя роль грамматического подлежащего, не является лексическим выражением логико-психологических категорий, а лишь указывает на них, обозначая их место в структуре выражаемой мысли.

Тот или иной предмет действительности, о котором идет речь, может осознаваться собеседниками одновременно, но по-разному наименовываться в силу их различного жизненного опыта и ряда других субъективных и объективных причин. Наименование воспринимаемого предмета происходит вследствие ассоциации его с обобщенным образом, имеющимся в сознании. С этой точки зрения интересны следующие диалоги:

— Тетя Паша наполнила глубокую тарелку вареным рисом, белым и рассыпчатым, а по краям тарелки разложила красные мармеладки. Посредине, поверх риса, она сделала из мармеладок не то цветок, не то звезду. — *Это звезда?* — спросил Сережа. — *Это крест,* — ответила тетя Паша. — Мы с тобой пойдем прабабушку хоронить (В. Панова, Сережа).

В небольшом, но психологически очень точном рассказе «Большой и Маленький» А. Бражнин показывает восприятие мира ребенком:

¹⁴ Там же, стр. 57.

¹⁵ «Логика». М., Госполитиздат, 1956, стр. 76.

¹⁶ П. А. Беренштейн и А. Н. Шрамм. О логической форме вопроса и грамматических средствах его выражения. «Уч. зап. Калининградского пед. ин-та», вып. VI, 1959, стр. 192.

Мы стояли и слушали звонкое кукование. Маленький наморщил нос и насушился. Что-то его затрудняло. Я еще не совсем понимал, что. — *Кукушка*, — сказал я, улыбаясь. Я улыбался и кукушке и Маленькому, которого хотел ввести третьим в наши с кукушкой тесные отношения. Но он вдруг сказал хрипловатым деловым баском: — *Это не кукушка, а петух*. Этого я не ожидал. Я был застигнут врасплох и несколько обижен. — Нет, *это кукушка*... Но Маленький не сдавался и настаивал с непонятным мне упрямством: — Нет, *петух*...

Откуда же все-таки взялся этот петух? И почему именно петух? Я задумался над этим и решил в конце концов, что дело обстояло так. Маленький вырос в городе, среди камня и асфальта. Там нет никаких кукушек. Он их не видел. Он их не знал... Его жизненный опыт был против меня. Из всех птиц он знал только трех: воробья, голубя и петуха... (А. Бразнин, Большой и Маленький). Во всех приведенных примерах имеются двусоставные предложения (без местоимений-подлежащих — неполные), коммуникативным назначением которых является наименование (называние) воспринимаемых предметов. Авторские описания нужны для того, чтобы вызвать в сознании читателя представления о «наименовываемых» предметах.

Своеобразную синтаксическую конструкцию, позволяющую усилить наглядную сторону выражаемой мысли, образуют предложения типа *Это гром гремит*. Сравнивая предложения *Гром гремит* и *Это гром гремит*, видим, что обе конструкции выражают суждения, отражающие связи и отношения явлений действительного мира, но во втором варианте *Это гром гремит* местоимением *это* указывается на наличие в сознании первоначально не осознанных (т. е. не ставших понятиями) звуков. Следовательно, местоимением усиливается наглядно-чувственный момент содержания предложения.

Отмеченные синтаксические конструкции не исчерпывают всех разновидностей простого предложения, в которых находит выражение взаимодействие между чувственной и логической ступенями познания действительности. Подводя итоги, отметим, что использование чувственного материала как элемента мысли объясняется, во-первых, тем, что говорящему не всегда в процессе живого общения нужны логические формы мысли с вербализованным субъектом и предикатом, отражающими существенные признаки предмета суждения; во-вторых, тем, что ситуация (при которой возможно отражение действительности в сознании в виде ощущений и восприятий) дополняет мыслительный процесс и процесс общения, взаимопонимания наглядными признаками предметов и явлений.

Выделение логико-психологического суждения позволяет выявить семантико-грамматическое и стилистическое своеобразие большей части односоставных предложений, отграничить одно-

составные предложения от двусоставных (в частности, неполных), выяснить основу взаимодействия типов простого предложения: двусоставных, односоставных и нечленимых, вскрыть и показать синкретичный характер переходных (промежуточных) синтаксических единиц, образующихся сочетанием свойств, характерных для различных типичных синтаксических единиц.

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МЫСЛИ

А. Д. НАСЕДКИН

Процесс формирования мысли обнаруживает свои специфические особенности в зависимости от тех условий, в которых он совершается. Историческое зарождение языка и мысли существенно отличается от усвоения языка и мысли новорожденным, у глухонемого формирование мысли идет иначе, чем у человека, владеющего языком, системой форм мысли и некоторым минимумом научных знаний. Мы остановимся лишь на последнем случае.

В том, что язык является средством формирования мысли, нет никакого сомнения. После В. Гумбольдта эта идея для всех стала привычной. Однако при конкретном исследовании языка и мысли большинство авторов обнаруживают между ними такое глубокое различие, что невольно начинают рассматривать язык и мысль в виде двух параллельных взаимосвязанных потоков. И какие бы при этом не произносились слова о неразрывном существовании языка и мысли, представление об оголенном существовании мысли становится неизбежным, мысль оказывается существующей хотя и в какой-то связи с языком, но лишь рядом с ним и вне его.

Учение о функциях языка, которое призвано раскрыть непосредственную связь языка с мыслью, является малоработанной областью в науке о языке.

Особенно недостаточно исследована семасиологическая функция, т. е. то непосредственное звено, через которое осуществляется связь всей системы языка с мыслью. Можно назвать ряд известных авторов, написавших серьезные исследования по семасиологии, которые даже не употребляют самого понятия «семасиологическая функция»¹. В этих условиях возникает сомнение в реальности существования этой функции.

Частично исследована функция наименования. Под нею понимают отнесенность слова к определенному денотату. Но при

¹ См.: В. А. Звегинцев. Семасиология. М., 1957; К. А. Левко в с к а я. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лек-

этом языковеды подчеркивают независимость слова от природы обозначаемого предмета, приводя высказывание К. Маркса: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом»². Некоторые языковеды (и они совершенно правы) к тому же добавляют, что высказывание К. Маркса справедливо не только для имен собственных, но и для нарицательных. Создается парадоксальное положение: ни одно из слов не может раскрыть то явление, которое оно обозначает, и в то же время мы знаем, что высказывания, составленные из тех же самых слов, раскрывают содержание даже таких событий и явлений, о которых мы прежде абсолютно ничего не знали.

Парадокс, к которому мы пришли, свидетельствует о том, что для объяснения связи слова и предмета одной номинативной функции (F^H) недостаточно. Для этого необходимо учитывать еще и другую функцию, которую мы предлагаем назвать функцией описания (F^0).

Сущность этой функции состоит в направленности какой-либо единицы языка на отдельную сторону денотата (на его часть, свойство, отношение и т. п.). Функция описания возникает на основе функции наименования и на первый взгляд кажется ее разновидностью, но при своем употреблении в речи она обнаруживает свою противоположность функции наименования. Так, в предложении *Хирург — добряк и весельчак* слово *хирург* обнаруживает только номинативную функцию, а слова *добряк* и *весельчак*, сохраняя присущую им функцию наименования, выступают также и в функции описания, так как выделяют отдельные стороны предмета, который обозначается словом *хирург*.

Проходя через все (за исключением фонологического) уровни языковой системы, функция описания вступает в определенные отношения с функцией наименования. Среди них можно выделить четыре основных функциональных отношения: контагма (Cot), паратагма (Pat), гипотагма (Git) и по крайней мере три разновидности синтагмы (sit): морфемная (sit — m), лексическая (sit — l) и предикативная (sit — p).

Эти функции кратко можно охарактеризовать следующим образом. К о н т а г м а — это сочетание функций наименования и описания в одной речевой единице. Например:

А	В
«светает» ($F_A^0 \text{ cot } F_A^H$),	«Рассвет» (назывное высказывание)
	($F_B^H \text{ cot } F_B^0$).

сического материала. М., 1962; Д. Н. Ш м е л е в. Очерки по семасологии русского языка. М., 1964; Н. М. Ш а н с к и й. Лексикология современного русского языка. М., 1964.

² К. М а р к с. Капитал, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 107—108.

При сочетании функции наименования с функцией описания возникает качественно новая функция. Ее можно назвать функцией изображения (F^I). Функция изображения возникает на основе функций наименования и описания, которые по отношению к ней являются функциями первого порядка, в то время как функция изображения относится к функциям второго порядка. Между функциями первого и второго порядка имеют место эквивалентные соответствия, поэтому функциональные структуры составленные из функций первого порядка могут быть преобразованы в функциональные структуры второго порядка по следующим формулам:

$$F_{xy}^H \text{Git} (F_x^O \text{sit} - I F_y^O) = \text{Git} F_{xy}^I; F_x^O \cot F_x^H = \cot F_x^I = x;$$

$$F_x^H \text{sit} - p (F_y^O \cot F_y^H) = \text{sit} - p F_{xy}^I = F^I \frac{x}{y}$$

(при необходимости по тем же формулам можно функцию изображения преобразовать в функции первого порядка). Так, вышеприведенное предложение (см. стр. 67) через функцию изображения может быть представлено в следующем виде:

$$\text{Git} F_{D \cdot (ABC)}^I \text{sit} - p \text{Git} F_{E [(GH) \cdot F]}^I = F^I \frac{\text{Git} F_{D \cdot (ABC)}^I}{\text{Git} F_{E \cdot [(GH) \cdot F]}^I}$$

Но самым удивительным здесь является то, что ни функция наименования, ни функция описания сами по себе не являются изобразительными, только их сочетание дает некоторое изображение. Ср. *река, дорога, широкая* и *река широкая, дорога широкая*.

Наиболее полное выражение функция изображения получает на уровне текста. В результате практического употребления функции изображения текст оказывается более или менее полным описанием предмета. Возьмем, например, описание украинской ночи из поэмы А. С. Пушкина «Полтава»

А	В	С	
Тиха украинская ночь.			
D	E	F	G
Прозрачно небо. Звезды блещут.			
I	J	K	
Своей дремоты превозмочь			
L	M	N	O
Не хочет воздух. Чуть трепещут			
P	R	S	
Сребристых тополей листы.			

мы — заглавными буквами, а члены морфемной синтагмы малыми буквами. Тогда вышеприведенная функциональная структура будет иметь следующий вид: $F \frac{D \cdot (ABC)}{E \cdot [(GH) \cdot F]}$.

В функциях первого порядка этот отрывок текста может быть формулирован следующим образом:

$$\begin{aligned} & \lfloor^1 \{[(F_C^O \cot F_C^H) \text{ sit} - 1 (F_B^O \cot F_B^H)] \text{ Git } F_{C.B}^H\} \text{ sit} - p \\ & \text{ sit} - p (F_A^O \cot F_A^H) \lfloor^1 \text{ Pat } [F_E^H \text{ sit} - p (F_D^O \cot F_D^H)] \text{ Pat} \\ & \text{ Pat } [F_F^H \text{ sit} - p (F_G^O \cot F_G^H)] \text{ Pat } \lfloor^1 F_M^H \text{ sit} - p \{(F_{L.k.l.1}^O \\ & \text{ Cot } F_{L.k.l.1}^H) \text{ Git } [(F_L^O \cot F_L^H) \text{ sit} - 1 (F_K^O \cot F_K^H) \text{ sit} - 1 \\ & \text{ sit} - 1 (F_J^O \cot F_J^H) \text{ sit} - 1 (F_I^O \cot F_I^H)]\} \lfloor^1 \text{ Pat} \\ & \text{ Pat } \lfloor^1 \{[(F_S^O \cot F_S^H) \text{ sit} - 1 (F_R^O \cot F_R^H) \text{ sit} - 1 (F_P^O \cot \\ & \text{ cot } F_P^H)] \text{ Git } F_{S.R.P}^H\} \text{ sit} - p \{(F_{O.N}^O \cot F_{O.N}^H) \text{ Git} \\ & [(F_O^O \cot F_O^H) \text{ sit} - 1 (F_N^O \cot F_N^H)]\} \lfloor^1 = \end{aligned}$$

Преобразуя функции первого порядка в функциональные структуры функции изображения, получим:

$$\begin{aligned} = & \lfloor^1 \{[(\cot F_C^1) \text{ sit} - 1 (\text{Cot } F_B^1)] \text{ Git } F_{C.B}^H\} \text{ sit} - p (\cot F_A^1) \lfloor^1 \text{ Pat} \\ & \text{ Pat } [F_E^H \text{ sit} - p (\cot F_D^1)] \text{ Pat } [F_F^H \text{ sit} - p (\cot F_G^1)] \text{ Pat } \lfloor^1 F_M^H \text{ sit} - p \\ & \text{ sit} - p \{(\cot F_{L.k.l.1}^1) \text{ Git } [(\cot F_L^1) \text{ sit} - 1 (\cot F_K^1) \text{ sit} - 1 \\ & \text{ sit} - 1 (\cot F_J^1) \text{ sit} - 1 (\cot F_I^1)]\} \lfloor^1 \text{ Pat } \lfloor^1 \{[(\cot F_S^1) \text{ sit} + 1 \\ & \text{ sit} - 1 (\cot F_R^1) \text{ sit} - 1 (\cot F_P^1)] \text{ Git } F_{S.R.P}^H\} \text{ sit} - p \{(\cot F_{O.N}^1) \\ & \text{ Git } [(\cot F_O^1) \text{ sit} - 1 (\cot F_N^1)]\} \lfloor^1 = \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} (\text{эту запись можно упростить}) = & [(F_{C.B}^1 \text{ Git } F_{C.B}^H) \text{ sit} - p \\ & \text{ sit} - p F_A^1] \text{ Pat } (F_E^H \text{ sit} - p F_D^1) \text{ Pat } (F_F^H \text{ sit} - p F_G^1) \text{ Pat} \\ & \text{ Pat } \{F_M^H \text{ sit} - p [F_{L.k.l.1}^1 \text{ Git } (F_L^1 \text{ sit} - 1 F_K^1 \text{ sit} - 1 F_J^1 \\ & \text{ sit} - 1 F_I^1)]\} \text{ Pat } \{[(F_S^1 \text{ sit} - 1 F_R^1 \text{ sit} - 1 F_P^1) \text{ Git } F_{S.R.P}^H] \\ & \text{ sit} - p [F_{O.N}^1 \text{ Git } (F_O^1 \text{ sit} - 1 F_N^1)]\} = (\text{Git } F_{C.B}^1 \text{ sit} - p F_A^1) \\ & \text{ Pat } (F_E^H \text{ sit} - p F_D^1) \text{ Pat } (F_F^H \text{ sit} - p F_G^1) \text{ Pat } [F_N^H \text{ sit} - p \\ & \text{ sit} - p (\text{Git } F_{L.k.l.1}^1)] \text{ Pat } \{(\text{Git } F_{S.R.P}^1) \text{ sit} - p \\ & \text{ sit} - p (\text{Git } F_{O.N}^1)\} = F^1 \frac{\text{Git } F_{C.B}^1}{A} \text{ Pat } F^1 \frac{E}{D} \text{ Pat} \end{aligned}$$

$$\text{Pat } F^1 \frac{M}{\text{Git } F_{L.k.l.1}^1} \text{ Pat } F^1 \frac{\text{Git } F_{S.R.P}^1}{\text{Git } F_{O.N}^1}$$

Каждая изобразительная функция регистрирует отдельный признак описанного в тексте явления и тем самым является носителем информации о признаке предмета (i^P), а совокупность таких функций, содержащаяся в тексте, включает в себе информацию о предмете в целом (i^P). Поэтому каждому тексту можно

дать две взаимно эквивалентные интерпретации: лингвистическую (как мы поступали до сих пор) и информационную.

Применяя формулу преобразования функции изображения в семиотическую информацию

$$F^1 \frac{x}{y} = xi^p y ,$$

мы можем функциональные структуры вышеприведенного текста преобразовать в информацию.

$= (C.V.i^p A)V(Ei^p D)V(Fi^p G)V(Mi^p \bar{L}. K. J. I)V(S.'R. Pi^p o. N) = i^p_{св}$

В каждом члене приведенного информационного ряда нетрудно обнаружить суждение в классической интерпретации. Так

$$C. Vi^p_A = BC. (s)$$

есть А (Р) (*Украинская ночь есть тихая*); $Ei^p D = E (S)$ есть Д (Р) (*Небо прозрачное*) и т. д. Совокупность таких суждений образует информацию о предмете (i^p) или наше знание о нем.

Таким образом, текст как явление лингвистическое не просто связан с мыслью, а в буквальном смысле содержит ее в себе. Поэтому, прослушав текст, мы можем получить информацию даже о таких предметах, которых мы никогда не видели и о которых ничего не знали. Таким же способом мы можем приобрести сведения и о человеке, которого зовут Яковом. Язык способен не только обозначать предметы, но и изображать, описывать их. Результатом такого изображения является описание предмета или знание о нем. Это и есть мысль.

Нужно различать отражение и способность к отражению. Некоторые структуры языка, как мы убедились выше, обладают способностью к отражению (функциональные отношения — носители функции изображения), но не являются отражением, а мысль являясь отражением, заимствует способность к отражению у языковых средств.

Возникновение отражения невозможно без реализации способности к отражению, поэтому возникновение мысли невозможно без языка. Язык является необходимым условием существования мысли, и в этом прежде всего проявляется роль языка, как средства формирования мысли.

Язык как необходимое условие возникновения мысли вместе с тем играет роль решающего средства, благодаря которому осуществляется переход от живого созерцания к мысли. Когда мы обнаруживаем неизвестный нам предмет, то впервые сведения о его содержании мы получаем в форме живого созерцания, в виде некоторого множества переживаемых нами ощущений и чувственных образов. На основе живого созерцания одновременно и параллельно с ним совершается процесс вербализации чувственных образов. С помощью слов регистрируются, наименовываются переживаемые нами ощущения, а посредством сочетания слов в предложении регистрируются те отношения, которые имеют

место между ощущениями в составе чувственных образов, между образами и между образом и ощущением.

В результате наблюдаемый предмет оказывается описанным, отраженным с помощью средств языка. Образуется два отражения одного и того же предмета, которые сходны по содержанию, но совершенно различны по материалу. Так совершается перекодирование чувственно-образной информации о предмете в семиологическую информацию, так совершается скачок от живого созерцания к мысли.

Если описанный (т. е. отраженный) таким способом предмет прежде был неизвестен, то возникает потребность в его наименовании. Возникновение имени и его функции наименования обуславливается описанием. Из всего множества заключенных в описании признаков выделяются некоторые (обычно один или два наиболее ярких) и от их наименований (выступающих в функции описания) по законам языка производится слово (или словосочетание), которое и становится именем обнаруженного нами предмета. Тем самым и описание этого предмета оказывается закрепленным с помощью вновь созданного имени. Если же в таком описании будут выделены только существенные признаки, то с помощью того же самого имени будет закрепляться понятие. Так, на базе слов и выражений, на базе языковых средств, благодаря функций описания и наименования формируется одна из самых основных форм мысли — понятие.

На основе живого созерцания прежде всего возникают описания классов первых степеней, объем которых не выходит за пределы чувственного представления. Но сопоставляя между собой смежные описания классов первых степеней, отвлекаясь от частных признаков и выделяя общие, мы получили описание классов второй степени общности, посредством которого отражаются такие классы предметов, которые не могут быть отражены с помощью чувственного представления (например: *клюв* вообще, *дом*, *стол*, *человек* вообще и т. д.). Так, посредством языковых средств преодолеваются узкие горизонты живого созерцания и на основе языка формируется абстрактно-обобщающий способ отражения мира. То, что не может быть отражено с помощью живого созерцания, то может быть описано с помощью языка, и этот способ отражения не знает границ. Буквально все, что может быть обнаружено, обозначено и описано, рано или поздно будет отражено и познано.

Язык является также и орудием реализации мысли. Без языка и речи последовательная смена чувственных образов оставалась бы неуправляемой со стороны человека. Смена представлений в этом случае определялась бы только изменением ситуации. Процесс отражения был бы настолько прикован к конкретной ситуации и ограничен ею, что никакое обдумывание и размышление было бы невозможно.

Если бы даже человек и располагал некоторым множеством знаний о предметах объективного мира в виде рассмотренных выше описаний, то и в этом случае процесс отражения не был бы управляемым.

Процесс мышления становится возможным лишь при условии нормальной связи и взаимодействия двух инградентов: отражения (в форме живого созерцания или описаний) и рече-языковой деятельности. Рече-языковая деятельность — процесс управляемый. Человек сам по своему намерению воспроизводит единицы языка и связывает их в последовательный ряд предложений.

Так как единицы языка и речи в едином речевом потоке функционально связаны с отражением предметов объективного мира в форме чувственных образов и описаний, то и смена отражений под влиянием направленности речевого потока также становится направленным и управляемым процессом. Это и есть то, что мы называем мышлением.

Течение процесса мышления направляется не только непосредственно данной ситуацией, но и знаковой ситуацией, т. е. условиями прошлого опыта, описанного средствами языка и запечатленного в памяти человека. Процесс мышления оказывается свободным от ограничивающего действия непосредственной ситуации и обнаруживает относительную самостоятельность.

Наблюдая какой-либо предмет, мы воспроизводим его название, регистрируем с помощью языковых средств его свойства. Соединяя эти речевые единицы в предложение, мы тем самым формируем другую основную мысль — суждение, например: *Море (S) грозно шумело (P)*. (S есть P). В подобных случаях язык оказывается орудием формирования суждения. Для формирования суждения одной грамматической системы недостаточно, необходима также описанная нами выше функциональная система языка.

Грамматическая система языка позволяет образовать лишь предложение, число членов которого не совпадает с числом членов суждения. Так, в предложении *Здоровью моему полезен русский холод* пять членов предложения, каждый из которых обладает номинативной функцией и тем самым указывает на пять понятий. Выраженное в этом предложении суждение содержит только два понятия «русский холод» и «полезен моему здоровью».

Если связь языка и мысли ограничивать только функцией наименования, то вывод Сепира о том, что «...суть языка лежит . в классификации, в формальном моделировании, в связывании понятий»⁴ будет неизбежен. В этом случае каждый член предложения выступает в качестве знака отдельного понятия, а образование предложения сопровождается одновременным параллель-

⁴ См. Э. Сепир. Язык. Введение в изучение речи. М.— Л., 1934, стр. 18.

ным построением такой же комбинации понятий. При таком понимании связи языка и мысли язык оказывается таким орудием мысли, которое устраняет сам процесс мышления, делая его излишним и подменяя речевой деятельностью.

Если же, кроме функции наименования, учитывать функции изображения и описания, то роль языка, как орудия формирования мысли, оказывается совершенно иной.

Посредством функционального анализа в предложении, кроме членения на члены предложения, обнаруживается так называемое актуальное членение. Если вышеприведенное предложение подвергнуть функциональному анализу

$$\begin{aligned} & \{[(F_E^O \cot F_E^H) \text{ sit} - l(F_D^O \cot F_D^H)] \text{ Git } F_{E,D}^H\} \text{ sit} - p \\ & \text{ sit} - p\{(F_{C.A.B}^O \cot F_{C.A.B}^H) \text{ Git } [(F_C^O \cot F_C^H) \text{ sit} - l \\ & \text{ sit} - l(F_A^O \cot F_A^H) \text{ sit} - l(F_B^O \cot F_B^H)]\}, \end{aligned}$$

то на уровне актуального членения можно выделить два члена выраженных с помощью двух гипотагм: одна из них выделяет данное, другая — новое. И в то же время каждая из этих гипотагм регистрирует отдельное понятие, а с помощью предикативной синтагмы эти два понятия связываются в одно суждение. Причем с помощью номинативного члена предикативной синтагмы понятие выступает в своем качестве (сохраняя себя как понятие), а описательный член превращает второе понятие в свою противоположность: в отношении к первому второе понятие выступает как его признак. Мы осознаем, что русский холод обладает таким частным признаком как полезность моему здоровью.

На уровне актуального членения гипотагма может рассматриваться как формальный показатель отдельного члена, а число гипотагм, содержащихся в предложении — как показатель числа понятий того суждения, которое выражено в данном предложении.

Совсем иную роль играет контагма. Если гипотагма и предикативная синтагма являются средством формирования непосредственно данного суждения, то все входящие в состав предложения контагмы через номинативный член связывают актуально данное суждение с описаниями, сформировавшимися в прежнем опыте. В приведенном выше предложении всего одно суждение опирается на 6 описаний прошлого опыта: на описание *здоровья, меня, полезного, русского, холода и полезного моему здоровью.*

Таким образом, через функциональную систему язык становится орудием формирования не только актуально данной мысли, но и орудием мобилизации мыслей, необходимых для данного случая, из резервов прошлого опыта. Резюмируя вышеизложенное, можно отметить:

1. Язык является средством формирования мысли и как средство он выступает в роли:

1) необходимого условия возникновения и существования как мышления, так и мысли;

2) орудия, посредством которого формируется мысль.

II. Наряду с грамматической системой особенно важную роль в формировании мышления и мысли играет функциональная система языка. Функции наименования, описания, изображения и связывающие их отношения (контагма, паратагма, гипотагма и синтагма) образуют сложную функциональную структуру, с помощью которой осуществляется связь языка и предметов объективного мира и мысли. Функциональная система делает средства языка тем материалом, из которого формируется мысль.

О РОЛИ МЫШЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА

А. С. МЕЛЬНИЧУК

Вопрос о характере взаимодействия между структурой языков и свойствами мышления принадлежит к числу тех специальных вопросов, нерешенность которых отрицательно сказывается на современном состоянии разработки общей проблемы соотношения между языком и мышлением. Определение роли мышления в формировании структуры языка непосредственно связано с решением вопроса о степени единства языка и мышления или степени относительной самостоятельности того и другого. До настоящего времени различные исследователи решают этот важнейший вопрос неодинаково. Наряду с повторяемым в большинстве работ общим положением о единстве языка и мышления, в исследованиях отдельных авторов обнаруживаются исключаящие друг друга утверждения и выводы, по-разному конкретизирующие это общее положение. Такие противоположные точки зрения представлены, например, в последних работах советского психолога Н. И. Жинкина и польского философа А. Шаффа.

В своей книге «Язык и познание» А. Шафф проводит положение о том, что «всякое мышление, всякий акт мысли (человеческой) имплицитно подразумевает пользование определенным языком, причем в принципе языком оформленным и усвоенным индивидом в процессе коммуникации между людьми... Эта гипотеза, — говорит дальше А. Шафф, — заключается в том, что н е л ь з я м ы с л и т ь (т. е. мыслить по-человечески) и совершать обусловленные таким мышлением действия, е с л и в х о д е в о с п и т а

ния в соответствующий период жизни в человеческом обществе не научиться применению какого-либо языка; что мышление всегда является мышлением на определенном языке, а не чем-то, что может быть разделено на стадии: доязыкового мышления и вторичного „одевания“ мысли в слова какого-нибудь языка, втискивания их в языковой шаблон... О приведенном выше положении,— продолжает А. Шафф,— мы говорим как о гипотезе не только из-за его синтетического характера, но и потому, что оно отнюдь не является общепринятым»¹. В противоположность А. Шаффу, Н. И. Жинкин на основании проведенных им экспериментов утверждает, что «механизм человеческого мышления реализуется в двух противостоящих динамических звеньях — предметно-изобразительном коде (внутренняя речь) и речедвигательном коде (экспрессивная речь). В первом звене мысль задается, во втором она передается и снова задается для первого звена... Вообще же говоря,— отмечает Н. И. Жинкин,— никому еще не удалось показать на фактах, что мышление осуществляется средствами только натурального языка. Это лишь декларировалось, но опыт обнаруживает другое»². Можно было бы назвать и других авторов, занимающих крайние позиции, представленные в данном случае А. Шаффом и Н. И. Жинкиным³.

Противоречивость взглядов на проблему взаимосвязи языка и мышления в целом обнаруживается и в решении вопроса о влиянии мышления на структуру языка. Так, например, с одной стороны, В. Колбановский, вслед за Л. С. Выготским, допускает «различие в развитии обеих функций (т. е. мышления и речи.— А. М.), их расхождение, борьбу и взаимное проникновение этих противоположностей»⁴. С другой стороны, А. Шафф не видит «доказательств для утверждения о том, что изменения в способах мышления опережают изменения в языке, как и аргументов против монистического положения, согласно которому здесь мы скорее имеем дело с двумя отвлеченно разъединенными аспектами единого процесса: процесса понятийно-языкового мышления»⁵.

¹ A. Schaff. *Język a poznanie*. Warszawa, 1964, стр. 133—134.

² Н. И. Жинкин. О кодовых переходах во внутренней речи.— ВЯ, 1964, № 6, стр. 36—37.

³ Подробный обзор соответствующих работ преимущественно западноевропейских и американских ученых дается в монографии Ф. Кайнца о психологии языка: F. Kainz. *Psychologie der Sprache*, Bd. I, 2-te Aufl. Stuttgart, 1954, стр. 142—171. См. также: E. Cassirer. *Philosophie der symbolischen Formen*, I. Die Sprache. Berlin, 1923, стр. 55—112.

⁴ В. Колбановский. Проблема мышления и речи в исследованиях Л. С. Выготского.— В кн.: Л. С. Выготский. Мышление и речь. М.—Л., 1934, стр. XXII.

⁵ A. Schaff. Указ. соч., стр. 186.

Основная причина разногласий в понимании характера связи языка и мышления заключается в сложности и разнообразии психических процессов, объединяемых под названием «мышление», а также в особой трудности непосредственного наблюдения этих процессов в их естественном протекании. В этих условиях различные ученые включают в понятие мышления неодинаковые виды, способы и уровни умственной деятельности, а затем при сопоставлении различных высказываний о мышлении эти различия в содержании самого термина «мышление» не всегда учитываются⁶. Наиболее показательным и существенным в этом отношении является различие между пониманием мышления как оперирования обобщениями и абстракциями и распространением термина «мышление» также и на оперирование чувственными образами осмысляемых вещей и явлений. Поскольку обобщения и абстракции не могут быть представлены в сознании иначе как в условных знаках, и в первую очередь в знаках языка, вполне естественно, что при таком понимании мышления следует говорить о более тесной связи мышления с языком, чем при включении в мышление и чувственных образов. Если, однако, учесть, что и отвлеченное мышление обычно в той или иной мере сопровождается оперированием чувственными образами⁷, что роль чувственных образов в мышлении зависит от объекта мышления и от индивидуальных особенностей мыслящего субъекта⁸ и что чувственные образы в сознании человека в силу своей осмысленности резко отличаются от чувственных образов в психике животных⁹, то станет ясно, что сведение мышления к оперированию абстракциями не может стать основой для решения вопроса о взаимосвязи языка и мышления во всем его объеме.

При решении вопроса о влиянии мышления на формирование структуры языка необходимо учесть все допустимые понимания термина «мышление», так как каждая сторона мышления, выделяемая при том или ином подходе к нему, может обнаруживать какую-нибудь специфику в ее отношении к структуре языка. При этом необходимо прежде всего сформулировать такое общее определение мышления, которое могло бы служить основой для понимания всех отдельных сторон и аспектов мышления, подлежащих сопоставлению со структурой языка. Самые общие опре-

⁶ Отсутствие единого понимания мышления в качестве основной причины расхождений в понимании связи языка и мышления отмечается различными авторами. Ср.: J. V. S a r g o l. *The Study of Language*. Cambridge, 1955, стр. 103; В. З. П а н ф и л о в. К вопросу о соотношении языка и мышления. «Язык и мышление». М., 1957, стр. 119; J. C h u r c h. *Language and the Discovery of Reality*. New York, 1963, стр. 148.

⁷ См.: А. Н. Л е о н т ь е в. Мышление. «Вопросы философии», 1964, № 4, стр. 88—89.

⁸ См.: F. K a i n z. *Psychologie der Sprache*. Bd I. Stuttgart, стр. 138.

⁹ «Проблемы мышления в современной науке». Под ред. П. В. Копнина и М. Б. Вильницкого. М., 1964, стр. 94.

деления оценочного и перифрастического типа (например, определение мышления как обобщенного отражения действительности) в данном случае окажутся бесполезными, так как они не отражают природы мышления и потому не открывают никакой перспективы для сопоставления мышления со структурой языка. Целям разработки настоящей темы в наибольшей степени удовлетворяет общее определение мышления как активного, обнаруживающего определенные закономерности умственного оперирования имеющимися в сознании психическими данными, репрезентирующими подлинные или мнимые явления действительности и состоящими из конкретных представлений об этих явлениях и представлений о знаках явлений, в том числе о языковых знаках, которые вместе с тем служат опорными пунктами для выделения и закрепления отвлеченных понятий о соответствующих классах объективных явлений, их общих свойствах и отношениях. Это определение основано на марксистском понимании мышления как сложного процесса опосредствованного отражения действительности, находящего свое проявление в языке¹⁰. Но и это определение не может быть в таком общем виде применено к исследованию конкретного характера воздействия мышления на структуру языка, потому что в этом определении не отражены различные конкретные стороны и аспекты мышления, способные, возможно, по-разному влиять на языковую структуру. Поэтому приведенное общее определение мышления необходимо конкретизировать путем выделения некоторых наиболее важных для исследования поставленного вопроса сторон и аспектов мышления. Наиболее существенными с этой точки зрения представляются следующие стороны и аспекты мышления:

а) мышление как совокупность его общих свойств, форм и законов безотносительно к их конкретному проявлению в определенном содержании или к их историческому развитию;

б) мышление как общее содержание мыслей, рассматриваемое безотносительно к его историческому развитию и безотносительно к формам мыслей или вместе с этими формами;

в) мышление как совокупность и обобщенное представление наблюдаемых у мыслящих индивидов конкретных психических процессов, сопровождаемых субъективным осмыслением и оценкой их содержания со стороны мыслящих индивидов;

г) мышление как интеллектуальная деятельность человека, возникшая и развивающаяся в своих формах и содержании вместе с развитием общества;

д) мышление как конкретный мыслительный процесс, совершающийся в данном отдельном случае.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3. М., 1955, стр. 448; А. Н. Леонтьев. Указ. соч., стр. 85, 91.

Каждый из выделенных здесь аспектов мышления в отдельности целесообразно рассмотреть в его отношении к структуре языка. Однако последний аспект (конкретный мыслительный процесс) будет оставлен вне специального рассмотрения, поскольку он косвенно подразумевается при рассмотрении всех остальных аспектов мышления. Из других, не названных здесь аспектов принципиально возможным является ограничительное (отвлеченное) понимание мышления в его противопоставлении языку — как той стороны мыслительной деятельности, которую можно абстрагировать от оперирования представлениями о знаках языка. Для исследования вопроса о влиянии мышления на структуру языка этот аспект мышления кажется менее актуальным, хотя имплицитно он включается во все остальные аспекты и в определенных случаях может выступать в них на передний план.

Что касается общего определения структуры языка, то в плане разработки данной темы представляется наиболее целесообразным понимание ее как совокупности принадлежащих языку знаков и средств их образования — звуковых элементов и приемов, слов, устойчивых словосочетаний, грамматических форм и общих формальных схем образования предложений — вместе с семантическими функциями всех этих компонентов и вместе с теми многоплановыми отношениями, которые обнаруживаются между перечисленными компонентами со стороны их качества и со стороны семантики. Из специальных аспектов общего понятия структуры языка в языкознании чаще всего учитываются следующие:

а) структура как свойство языка вообще, безотносительно к какому-либо конкретному языку и к историческому развитию языков;

б) структура как строй всякого естественного языка, возникающий вместе с возникновением самого языка и изменяющийся в процессе исторического развития языков;

в) структура как изменяющийся на протяжении ряда веков строй данного определенного языка;

г) структура как строй определенного языка на данном этапе его развития.

При известных условиях возможны некоторые ограничительные понимания структуры языка, в частности отвлеченное понимание структуры языка как системы отношений, устанавливающихся между различными компонентами структуры, без учета самих этих компонентов. При подходе к структуре языка как единому целому во всем ее объеме, включая все уровни языковой структуры, такое ограничительное понимание структуры неприемлемо, так как исключение соотносящихся элементов из числа компонентов структуры исключает тем самым рассмотрение структуры этих элементов в составе общей структуры языка, т. е. не дает возможности вывести рассмотрение общей структуры языка за пределы одного структурного уровня.

Было бы полезно рассмотреть вопрос о влиянии мышления на структуру языка путем сопоставления каждого из выделенных выше пяти аспектов мышления с каждым из названных четырех аспектов структуры языка. Но в данном случае будут непосредственно учитываться только два первых, более общих аспекта структуры языка — как свойства языка вообще и как исторически развивающегося строя всякого языка. Это тем более допустимо, что любое утверждение об этих двух более общих аспектах структуры языка фактически может быть основано только на данных, относящихся к двум другим аспектам: к историческому развитию и современному состоянию отдельных языков, и, таким образом, эти последние аспекты будут опосредствованно представлены в первых.

Необходимо иметь в виду, что все результаты сопоставления выделенных аспектов мышления и структуры языка будут характеризовать только такую связь между структурой языка и мышлением, которая осуществляется стихийно, т. е. без осмысленного намерения носителей языка изменить языковую структуру или ее отдельные элементы. Намеренное воздействие носителей языка на его структуру представляет собой другую часть данной общей темы.

Вопрос о влиянии на структуру языка общих свойств, законов и форм мышления, рассматриваемых с формально-логической и общепсихологической точек зрения, является, по-видимому, самым сложным и трудным из всех вопросов, касающихся взаимодействия языка и мышления. На первый взгляд, этот вопрос может быть решен в принципе положительно ввиду таких неоспоримых фактов, как обязательное для всех языков формальное членение речевого ряда на предложения, соответствующее членению мыслительного процесса на отдельные мысли уровня суждений; различие в каждом языке наиболее существенных модальных разновидностей предложений — повествовательных, вопросительных и побудительных — в соответствии с присущим каждой мысли способом модальной соотносительности ее содержания с действительностью; свойственное каждому языку синтагматическое членение предложений, одна из функций которого заключается в различении двух синтагм предложения — исходной и основной в смысловом отношении, всегда соответствующих субъекту и предикату высказываемой мысли; наличие в каждом языке специальных простых знаков — чаще всего слов, — соотносящихся с определенными простыми понятиями или классами простых понятий различной степени отвлеченности и обобщенности. С точки зрения соотношения мышления и языка в их современном развитом состоянии следовало бы признать, что эти наиболее общие свойства структуры языка определяются соответствующими свойствами мышления. Такое утверждение может быть принято в виде рабочей формулы, вполне пригодной для разработки частных

вопросов соотношения мышления и языка в различных науках. Но при более глубоком и более общем подходе к поставленной проблеме это утверждение оказывается логически неполноценным, поскольку оперирование представлениями о знаках языка, а следовательно, и отмеченные общие свойства языковой структуры как общие способы и приемы этого оперирования входят в принятое выше определение самого мышления. С другой стороны, даже отвлекаясь от этой логической неувязки, данное утверждение нельзя признать в одинаковой степени обоснованным по отношению к каждому из названных выше свойств мышления и языка. Так, например, нет оснований искать в мышлении корни свойственного каждому языку противопоставления повествовательной, вопросительной и побудительной модальностей, явившегося в языке, как и категория глагольного лица, только следствием его функционирования в качестве средства общения между людьми. Не может быть доказана и односторонняя зависимость членения речевого ряда на предложения от членения мыслительного процесса на суждения: возможность образования сложных мыслей, заключающих в себе ряд несамостоятельных простых суждений и выражаемых в длинных периодах, состоящих из ряда несамостоятельных простых предложений, свидетельствует о том, что в самой природе мышления не заложена обязательная членимость мысли на отдельные суждения, что в принципе любой целостный мыслительный процесс, независимо от его объема, мог бы осуществиться в виде единой сложной мысли, не распадающейся на самостоятельные суждения, если бы структура языка позволяла строить соответствующие распространенные предложения или периоды на 200—300 страниц. Отсюда следует вывод, что членение речевого ряда на предложения обусловлено не членением мыслительного процесса на суждения, а тем фактом, что формальная схема автономного и относительно небольшого по объему предложения была сформирована и закреплена в качестве единственно возможной речевой конструкции в период становления языка, когда сложные мысли появлялись в голове человека еще слишком редко для того, чтобы вызвать формирование более сложных синтаксических конструкций, а может быть, еще и вовсе не появлялись.

По-видимому, при рассмотрении отдельных сторон этого вопроса может оказаться целесообразным упомянутое выше отвлеченное понимание мышления без учета того обстоятельства, что в мыслительную деятельность входит оперирование представлениями о знаках языка. Вероятно, в большинстве случаев указанные соответствия между свойствами мышления и языковой структуры являются результатом такого сложного и непрерывного взаимовлияния языка и мышления в процессе их исторического развития, при котором общие свойства в одинаковой мере определились установившейся природой обеих сторон. Однако было бы нецелесообраз-

но принимать такой вывод для всех случаев без надлежащего глубокого обоснования и, таким образом, заранее отказываться от попыток дальнейшего исследования причинных взаимосвязей между соответствующими параллельными свойствами мышления и структуры языка.

Оставаясь неизменными на протяжении всего периода существования собственно человеческого сознания, самые общие свойства и формы мышления, естественно, не могут вызывать каких-либо глубоких, интенсивных изменений в развивающейся структуре языка. Однако некоторые виды изменений языковой структуры, общие для различных языков мира, независимо от степени их генетического родства могут рассматриваться как проявление тенденции к поддержанию соответствия особенностей структуры языка общим свойствам мышления. К числу таких изменений следует отнести процессы замены устойчивых словосочетаний, обозначающих единые понятия, отдельными словами. Огромное количество производных имен существительных, образованных путем аффиксации, а также сложных и сложносокращенных слов появилось в различных языках мира именно вследствие стремления к выражению в единой словесной форме смысловой нерасчлененности понятия, обозначавшегося до того сочетанием из двух или нескольких слов. Следует, однако, помнить, что далеко не все производные и сложные слова образовались на основе словосочетаний и что все те производные и сложные слова, которые создавались в языке, так сказать, на голом месте, только по образцу уже существующих слов, не имеют отношения к данному аспекту связи структуры языка с мышлением.

Еще одним проявлением воздействия общих свойств мышления на развитие структуры языка является историческое образование сложных предложений в тех случаях, когда оно происходит путем объединения ранее самостоятельных простых предложений. Сохраняя в себе признаки, свидетельствующие о его происхождении из самостоятельных простых предложений, такое сложное предложение приобретает вместе с тем структурные черты, вводящие его в один ряд со всеми простыми предложениями. Это сближение природы сложного предложения, образованного из самостоятельных простых, с природой простого предложения обусловлено, по-видимому, наличием у наиболее сложных мыслей некоторых постоянных свойств и признаков, общих с наиболее простыми расчлененными мыслями и не зависящих от природы языковой структуры.

Менее прямой, зато более очевидной, чем зависимость структуры языка от общих свойств мышления, является зависимость языковой структуры от общего содержания общественного мышления в отвлечении от его исторического развития. Эта зависимость обнаруживается в постоянном соответствии большинства структурных единиц языка — слов (корней) и грамматических форм —

простейшим элементам общего содержания мышления, а также в постоянной готовности структуры языка к выражению любого доступного носителям языка мыслительного содержания — либо при помощи наличных компонентов структуры, либо путем введения новых компонентов и видоизменения старых. Одним из важных проявлений зависимости структуры языка от общего содержания мышления следует признать обнаруживающийся во всех морфологически развитых языках принцип одинакового грамматического оформления единиц языка, обозначающих однотипные элементы содержания мысли — понятия о предметах, действиях, качествах и т. п., а также одинакового оформления однотипных смысловых отношений между элементами содержания мысли при помощи форм словоизменения и служебных слов.

Общее содержание мышления оказывает непосредственное воздействие на историческое развитие структуры языка. Это воздействие проявляется в непрерывном совершенствовании языковых средств выражения различных мыслительных содержаний — понятий, смысловых отношений и т. п. — на протяжении всего периода существования соответствующего содержания в общественном сознании. К числу такого рода изменений структуры языка принадлежат обычные для всех языков случаи замены одного многозначного слова двумя или несколькими словами с целью более четкого выражения соответствующих значений, случаи устранения абсолютных синонимов, случаи исторической замены менее дифференцированных грамматических конструкций, выражающих различные смысловые отношения (например, конструкций с причастными оборотами) более дифференцированными конструкциями, выражающими те же смысловые отношения (например, придаточными предложениями с союзами и относительными словами) и т. д. Все такие изменения совершаются в процессе осуществления носителями языка их стремления к возможно более четкому выражению содержания высказываемой мысли, особенно в условиях ситуаций или контекстов, менее благоприятных для понимания высказывания. Общая тенденция к одинаковому оформлению элементов языковой структуры, обозначающих однотипные элементы содержания мысли или однотипные смысловые отношения между ними, в ходе исторического развития языка проявляется в виде двух родственных процессов — выравнивания форм языковых элементов по аналогии и видоизменения лексических единиц по мотивам народной этимологии. Оба эти процесса с течением времени вызывают заметные изменения в общей структуре языка.

Свойства мышления, определяемые особенностями субъективного осмысления и оценки высказываемых мыслей и их частей говорящими индивидами, тоже отражаются в структурных особенностях языка, хотя характер и объем таких структурных особенностей в различных языках изучены и сопоставлены недостаточно

полно. Наиболее распространенными в языках мира примерами особенностей языковой структуры, обусловленных субъективными свойствами мысли, являются структурные средства специального подчеркивания смысловой важности (с точки зрения говорящего) отдельных частей предложения (синтагм) или целых предложений при помощи изменения порядка слов, особого интонирования, усилительных частиц и т. п. Сюда же могут быть отнесены обычные для языков приемы эллипсиса в структуре предложения, повторы отдельных компонентов структуры предложения, в словообразовании — аффиксы эмоциональной оценки и т. п.¹¹

Определяемые особенностями субъективного осмысления общие свойства соответствующих разновидностей мыслей существенным образом воздействуют на формирование и историческое изменение структуры языка, так как с течением времени вследствие естественного износа старых средств выражения субъективных значений они теряют свою выразительность и приобретают более общие семантические функции, в результате чего возникает необходимость в образовании новых средств выражения субъективных сторон мысли. В литературе неоднократно отмечался происходящий в различных языках процесс замены старых наречий (реже прилагательных) в роли выразителей высокой степени интенсивности действия, состояния или признака вследствие выветривания их первоначальной эмоциональной нагрузки другими словами — с более яркой эмоциональной окраской (русск. *больно хорошо, ужасно красивый*, чешск. *strašně milý, ukrutně laskavý*, нем. *sehr gut, verdammt schön*, фр. *terriblement beau* и т. д.)¹². Подобно этому, в словах типа *солнце, птица*, укр. *тітка, жінка* и других суффиксы *-це, -ица, -ка*, выполнявшие вначале эмоционально-оценочную функцию, с течением времени утратили эту функцию, а потребность в выражении соответствующего эмоционального оттенка теперь удовлетворяется прибавлением других суффиксов к основам этих слов, нередко включающим и бывшие суффиксы эмоциональной оценки (*птичка, солнышко, тітонька* и др.).

Самое глубокое и непосредственное воздействие на структуру языка в направлении ее непрерывного изменения и дальнейшего формирования оказывают не постоянные общие свойства мышления и не его общее содержание, рассматриваемое безотносительно к его развитию, а непрерывный процесс развития и совершенствования мышления. При этом ясно, что роль двух выделенных выше сторон мышления — его наиболее общих свойств и форм и его общего содержания, — рассматриваемых в плане их развития, по

¹¹ Ср. V. Mathesius. *Zesílení a zdůraznění jako jevy jazykové. «Šeština a obecný jazykozpyt»*. Praha, 1947.

¹² Г. Пауль. *Принципы истории языка*. М., 1960, стр. 112; Ж. Вандриес. *Язык*. М., 1937, стр. 201—202; V. Mathesius. *Указ. соч.*, стр. 206 и др.

отношению к формированию языковой структуры не может быть одинаковой. Основное значение для развития структуры языка имеют изменения в содержании мышления, его обогащение все новыми понятиями и появление в нем все новых разновидностей смысловых отношений, отражающих бесконечно разнообразные отношения действительности.

Изменения структуры языка, вызываемые изменениями в содержании мышления, происходят различными путями. Наиболее очевидным способом таких изменений является образование новых компонентов структуры языка — главным образом слов и устойчивых словосочетаний — для выражения новых элементов содержания мысли, а также скачкообразное расширение семантических функций старых компонентов структуры для выражения новых моментов содержания. Менее заметными и резкими являются процессы сокращения частоты и постепенного выпадения из структуры языка отдельных ее компонентов или ограничения семантических функций структурных компонентов, вызываемые постепенным исчезновением из общего содержания мышления соответствующих элементов. Еще более скрыто от непосредственного наблюдения и от сознания носителей языка происходят непрерывные и многочисленные процессы постепенного переосмысления различных компонентов языковой структуры — слов, словосочетаний и грамматических форм, вызываемые постепенным нарастанием незначительных в каждом отдельном случае новых оттенков мысли, соединяемых в конкретных актах речи со старыми компонентами структуры языка. Каждое отдельное изменение в структуре языка, соответствующее изменениям в содержании мышления, для общего состояния и качества структуры остается несущественным, но совокупность таких изменений на протяжении определенного периода развития языка может привести к заметным преобразованиям всей языковой структуры или ее отдельных сторон ¹³.

Изменения структуры языка, вызываемые развитием содержания мышления, происходят непоследовательно, неравномерно и не могут быть подведены под простые и однообразные закономерности. Это объясняется прежде всего тем, что большинство новых элементов содержания мышления получает выражение лишь в специальном речевом употреблении средств существующей языковой структуры, никак не отражаясь на постоянной природе употребляемых для этого структурных компонентов. Важное значение для характера связи изменений языковой структуры с изменениями в содержании мышления имеет и то обстоятельство, что новые элементы содержания мышления появляются не у всех носителей языка одновременно, так что старое состояние структуры языка может еще на протяжении некоторого времени отражать оставшее-

¹³ См. Г. П а у л ь. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 93, 180 и др.

ся неизменным содержание мышления большинства членов языкового коллектива при появлении новых элементов содержания в мышлении части носителей языка. Наряду с этим непоследовательность и неравномерность изменений структуры языка под воздействием развития мышления определяется возможностью выражения одного и того же элемента или объективно равноценных элементов общего содержания мышления при помощи различных по своему характеру компонентов языковой структуры. Количество и степень разнообразия структурных средств языка, служащих для выражения одного и того же элемента содержания мысли, обычно зависит от его смыслового характера и от степени частоты осмысления и выражения этого элемента содержания в речевой практике, причем не все соответствующие структурные средства появляются в языке одновременно. Поэтому появление в определенный период развития языка одного из нескольких возможных средств выражения данного элемента содержания без учета времени появления других имеющихся в языке средств, выражающих аналогичное содержание, не может рассматриваться в качестве непосредственного указания на появление именно в этот период соответствующего элемента содержания в мышлении. Равным образом отсутствие в языке одного из возможных средств выражения какого-либо элемента содержания мысли не может служить основанием для вывода об отсутствии соответствующего элемента в содержании мышления носителей языка, если остается невыясненным вопрос о наличии других средств выражения тождественного содержания в данном языке. Так, например, появление на определенном этапе развития языка новых конструкций сложноподчиненных предложений еще не может быть истолковано в том смысле, что «их возникновение и развитие „неразрывно связано с мышлением“ ..., что это отражение развития мышления наших предков»¹⁴, если при этом остаются неисследованными возможности выражения аналогичных смысловых отношений при помощи других, уже до того существовавших в языке конструкций (с причастными оборотами, с однородными сказуемыми, с обстоятельственными словами и т. д.). Отсюда вытекает, что особенности какой-либо одной из сторон структуры языка (например, одной лишь грамматической системы или даже какой-либо отдельной ее части, как и одного лишь словарного состава), взятые в отрыве от других сторон структуры, не могут служить непосредственными показателями уровня развития мышления носителей языка.

Наряду со стихийными процессами изменения и развития языковой структуры в результате обуславливаемых мышлением неосознаваемых новшеств, вносимых в язык через индивидуальные

¹⁴ F. T r á v n í č e k. Historická mluvnice česká, 3. Skladba. Praha, 1956, стр. 118. Аналогичные утверждения встречаются и в ряде других мест этой книги (стр. 6, 99 и др.).

акты речи, на протяжении всего периода развития языков осуществляется в различной мере также и сознательное воздействие носителей языка на его структуру. В донаучный период это воздействие проявлялось главным образом в устанавливаемых влиятельными лицами по определенным мотивам запретах и требованиях, касавшихся употребления отдельных слов и выражений. Сюда же следует отнести случаи осознанного установления отдельными лицами при одобрении остальных членов коллектива названий для новых, неизвестных в прошлом предметов, наблюдавшиеся у нецивилизованных народов¹⁶. Трудно допустить для этого этапа возможность такого же сознательного воздействия и на грамматический строй языка. С возникновением филологии и особенно нормативного языкознания начинается эпоха эффективного сознательного воздействия филологов на структуру письменного языка, которое постепенно усиливается, а в условиях массового овладения литературным языком, наиболее характерного для социалистического общества, — все шире распространяется и на устный язык. Своеобразную разновидность процесса сознательного воздействия общества на структуру языка представляют известные в истории ряда литературных языков пуристические преобразования и рекомендации, вызываемые обычно определенными направлениями общественной мысли в национальном вопросе. Значительные сознательно осуществляемые изменения структуры естественных языков связаны с развитием различных отраслей науки; среди таких изменений особенно показательным является создание новых продуктивных рядов словообразовательных форм терминологической и номенклатурной лексики, распространяющихся не только на вновь открываемые предметы и явления, но и на давно известные обществу предметы и явления, имеющие старые названия. Наконец, структуры всех искусственных языков, создаваемых в новое время, представляют собой результаты сознательной деятельности мыслящих носителей языка, на которых, однако, в различной степени сказывается влияние структур естественных языков. Таким образом, непосредственное сознательное воздействие носителей языков на языковые структуры с течением времени в целом значительно увеличивается.

Мышление — не единственный фактор формирования и изменения структуры языка. Не менее существенную роль в этом процессе играет и другой фактор — внутренняя природа языка как относительно самостоятельного по отношению к мышлению явления, обладающего определенными физико-физиологическими свойствами и определенной структурой. Особенно отчетливо сказываются в развитии структуры языка действующие в каждом естественном языке закономерные фонетические изменения, находя-

¹⁶ См.: F. K a i n z. *Psychologie der Sprache*, Bd 2. 2-te Aufl. Stuttgart, 1960, стр. 247—248.

щиеся в постоянном взаимодействии с развитием функционально-семантической стороны компонентов языковой структуры. Менее явственна, но тоже очень важна для развития структуры языка роль системных отношений, устанавливающихся между различными компонентами структуры языка — как одноплановыми, так и принадлежащими к различным сферам структуры. Эти отношения, поддающиеся научному абстрагированию в теории языка, непосредственно проявляются в конкретных случаях речевого функционирования структурных средств языка и поддерживают или ограничивают изменения, вызываемые семантическим и фонетическим факторами, а в отдельных случаях становятся действующим началом, вызывающим образование целых новых классов структурных компонентов языка. Одним из примеров такого развития структурного компонента языка в результате действия системы является становление в индоевропейских и, возможно, других языках категории рода имен существительных, обусловленное закреплением родовых форм за частью имен прилагательных, согласовавшихся с названиями лиц и животных мужского и женского пола, и сохранением этих форм также и в случаях сочетания с именами предметов и явлений, не обладающих признаками пола¹⁷. Возможно, что и некоторые категории отвлеченных имен существительных, в частности названия действий, появились в языках под влиянием причин, исходивших от формальной структуры языка, — как, например, необходимость именной формы в случае употребления названия действия в синтаксической роли подлежащего или дополнения. Образованные таким путем компоненты языковой структуры могут оказывать обратное воздействие на содержание и формы мышления, внося в мышление такие смысловые моменты, которые в самой его природе, рассматриваемой безотносительно к структуре используемого языка, не всегда находят себе обоснование. Особенности языковой структуры тем сильнее могут воздействовать на характер и содержание мышления, чем реже мыслящий при помощи языковых средств индивид сопоставляет свои мысли с объективными данными непосредственно познаваемой им действительности¹⁸. Наиболее сильным такое воздействие структуры языка на мышление могло быть в начальные периоды существования языковой структуры, когда логическое мышление находилось еще на самой низкой ступени развития, а в формировании общественного сознания язык играл, возможно, более определяющую роль, чем непосредственный в надлежащей степени осмысленный практический опыт. Сто с лишним лет тому назад А. А. Потебня писал, что «только в ту пору, когда человеку

¹⁷ Ср. также: J. K u r y ł o w i c z. W sprawie genezy rodzaju gramatycznego. «Esquisses linguistiques». Wrocław—Kraków, 1960, стр. 151—154, где этот процесс объясняется несколько иначе.

¹⁸ Ср. также: J. S h u r c h. Указ. соч., стр. 157.

стала более-менее доступна научная система понятий, слово на самом деле вносит в мысль весьма мало; первоначально же оно, действительно, дает новое содержание, указывая на отношение мыслимой единицы к ряду других»¹⁹. Именно при таких условиях в мышлении носителей языка могут появляться не согласующиеся с реальной действительностью элементы содержания, которые послужили бы основанием Л. Леви-Брюлю для выделения особой стадии «пралогического» мышления²⁰.

В свете рассмотренных соотношений между развитием структуры языка и мышлением в его различных аспектах становится очевидной правильность высказывавшегося уже ранее положения о том, что характер взаимодействия между языком и мышлением на различных этапах их развития не остается неизменным²¹. Конкретизируя это положение данными проведенного анализа, можно заключить, что в процессе исторического взаимодействия мышления и структуры языка общее воздействие мышления на языковую структуру постепенно усиливается, между тем как обратное влияние структуры языка на мышление соответственно ослабевает.

О ВЗАИМОСООТВЕТСТВИИ ФОРМАЛЬНЫХ ТИПОВ ЯЗЫКОВЫХ И ЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ

П. В. ЧЕСНОКОВ

В связи с тем, что человек не может отразить мир сразу во всей его полноте, в его «непосредственной цельности»¹, мыслительный процесс складывается из отдельных единиц мышления, простых или сложных.

Всякая единица мышления характеризуется, во-первых, отдельностью отражения (т. е. отображением одних частей и сторон действительности в отвлечении от других частей и сторон) и, во-вторых, цельностью отражения, состоящей либо в отсутствии деления мысли на более мелкие отрезки (например, «испытание», «машина»), либо во взаимосвязи частей (например, «Испытание машины прошло успешно»).

¹⁹ А. А. Потебня. Мысль и язык. Изд. 4. Одесса, 1922, стр. 135.

²⁰ Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление. М., 1930. Ср.: E. Sapir. Language. «Selected writings of E. Sapir». California, 1951, стр. 10—11.

²¹ См.: Л. С. Выготский. Мышление и речь. М.—Л., 1934, стр. 76; А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 133.

¹ См. В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 38, стр. 173.

Речевой процесс также расчленяется на отдельные единицы, т. е. такие отрезки, которые или не допускают дальнейшего деления в соответствии с данной системой языка (например, фонемы б, к, ч в русском языке), или характеризуются взаимосвязью своих компонентов (морфемы, состоящие из фонем; слова, состоящие из морфем; словосочетания и предложения, состоящие из слов).

В зависимости от общей формы построения как логические, так и языковые единицы образуют определенные формальные типы единиц, т. е. классы единиц, объединенные одной формой (таковы, например, понятие и суждение в сфере мышления, слово и предложение в сфере языка). Поскольку язык и мышление связаны между собой, постольку существует связь между формальными типами единиц языка и формальными типами единиц мышления.

В литературе по логике и языкознанию обычно сравнивают формальные типы логических и языковых единиц, взаимно не соответствующие друг другу (понятие и слово, суждение и предложение). В результате оказывается, что либо сопоставляемые формальные типы находятся в отношении частичного совпадения (понятие и слово), либо один из них шире, чем другой (предложение и суждение). Не всякое понятие выражается одним словом (например, понятие «диалектический материализм»), и не каждое слово выражает понятие (например, понятий не выражают служебные слова).

Суждение может быть выражено только предложением, но есть предложения, не выражающие суждений (вопросительные и побудительные). Расхождение между сопоставляемыми формальными типами единиц объясняется тем, что в одном случае сравниваются формальные типы разных планов (понятие и слово), а в другом — разных уровней обобщения (суждение и предложение).

Вывод о том, что понятия не могут выражаться служебными словами, не вытекает из существующих определений понятия, но он является неизбежным следствием общей теории понятия. Следовательно, в его основе лежат посылки, которые в определениях явно не выражены.

Утверждая, что служебные слова не выражают понятий, Л. Н. Сумарокова исходит из их неспособности быть членами предложения и в связи с этим воспроизводить логические субъект и предикат, а также выступать в качестве самостоятельного средства выражения связей и отношений действительности². Таким образом, молчаливо признается, что понятие должно изображать факт действительности как нечто самостоятельное, противостоящее другим фактам. В связи с этим небезынтересно рассмотрение понятия как предиката пропозициональной функции³.

² Л. Н. Сумарокова. Служебные слова и понятие. — В сб.: «Логико-грамматические очерки». М., 1961, стр. 157.

³ Д. П. Горский. Логика. Изд. 2. М., 1963, стр. 40.

Мышление есть активная переработка информации, получаемой сознанием от внешнего мира⁴. Эта переработка пронизывает весь процесс образования понятий, которые представляют собой результат обобщения данных опыта⁵.

Каждое понятие есть прежде всего абстрагирование существенных признаков предмета от его несущественных признаков. «Абстрагировать значит полагать сущность природы вне природы, сущность человека — вне человека, сущность мышления — вне акта мысли»⁶, одним словом, сущность любого отражаемого предмета вне этого предмета. Понятие само по себе лишь концентрирует и фиксирует полученные в результате абстрагирования и связанного с ним обобщения знания о предмете, не соотнося их с самим предметом, т. е. является непредикативной единицей. Поэтому оно выступает лишь как готовый материал для мыслительного процесса, но еще не составляет самого мыслительного процесса. Мыслительный процесс образуют лишь предикативные единицы, т. е. суждение, вопрос и побуждение, которые мы объединяем общим термином «логема»⁷. Абстрагирование есть вместе с тем и мысленное отвлечение одного предмета (вещи, явления, свойства, отношения) от других, как бы тесно этот предмет ни был связан с другими. Иначе говоря, абстрагирование имеет два аспекта. Если в качестве предмета выступает свойство, состояние, отношение вещи, а не вещь в целом, то один аспект абстрагирования состоит в отвлечении существенной стороны этого свойства, состояния или отношения, в отбрасывании преходящих, несущественных моментов в самом свойстве, состоянии или отношении, а второй аспект — в отвлечении именно данного свойства, состояния или отношения от других свойств, состояний или отношений той же вещи.

Отвлечение существенной стороны в самом предмете можно назвать интенсивным аспектом абстрагирования, отвлечения предмета от других предметов — экстенсивным аспектом абстрагирования. Понятие не только отвлекает один факт от другого, но и берет его как самостоятельный объект рассмотрения, противопоставляемый другим фактам и выступающий в особом отношении к ним. Понятие может отражать как вещь в целом, так и отдельные свойства, состояния, отношения вещей («дерево», «отсутствие», «предназначение»). Без такого отражения невозможно рассмотре-

⁴ С. Л. Рубинштейн. О мышлении и путях его исследования. М., 1958, стр. 106; Ф. Н. Шемякин. Некоторые проблемы современной психологии мышления и речи. — В сб.: «Мышление и речь». М., 1963, стр. 8—13; А. Н. Леонтьев. Мышление. «Вопросы философии», 1964, № 4, стр. 85.

⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., Госполитиздат, 1952, стр. 14.

⁶ Л. Фейербах. Предварительные тезисы к реформе философии. «Принципы материалистической теории познания», стр. 79. См. также: С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 106—107, 110.

⁷ См.: П. В. Чесноков. Логическая фраза и предложение. Ростов н/Д. Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1961.

ние самих фактов. Однако для мыслительного процесса необходимо не только противопоставление фактов, но и установление связи (отношения) между ними. Поэтому среди непредикативных мыслей, образующих готовый материал для мыслительного процесса, должны быть единицы, которые, отвлекая одни факты от других, не превращают их в самостоятельный объект рассмотрения, мыслят их зависимость, непосредственную привязанность к чему-то иному, обязательную подключенность к некоторому объекту рассмотрения. Единицу такого формального типа мы называем р е л я н т о й. Релянта не может отражать вещь в целом, она отражает только отношение вещей и явлений («для брата», «из дома»).

Со стороны интенсивного аспекта абстрагирования понятие не отличается от релянты. Со стороны экстенсивного аспекта эти формальные типы логических единиц различны.

При слиянии понятия и релянты образуется мысль, которую можно назвать к о м б и н а н т о й. Логическая единица этого типа не только противопоставляет отражаемый факт другим фактам как самостоятельный объект рассмотрения, выступающий в особом отношении к ним, но и раскрывает само это отношение (*смелый* означает «являющийся носителем смелости»; *сидя* — «в состоянии сидения»; *топором* — «с помощью топора»).

Понятия и комбинанты, поскольку они изображают тот или иной факт как нечто самостоятельное, можно совместно противопоставить релянтам и объединить их общим термином с у б с т а н т а.

Рассматриваемое деление непредикативных логических единиц мы назовем условно делением со стороны внешнего отношения. Это условное наименование нуждается в уточнении, хотя как термин оно в общем приемлемо. В действительности речь идет не о констатации внешнего отношения единицы мышления к другим единицам, а о внутреннем осознании в самой единице внешнего отношения ее содержания к содержанию других единиц.

При том истолковании понятия, которое было изложено выше, никак нельзя признать, что все слова являются выразителями понятий. Понятия в чистом виде выражаются лишь существительными и прочими словами субстантивного типа в прямом падеже (если слова данного языка изменяются по падежам), а также инфинитивами при условии, что все эти разряды слов взяты вне зависимости от других слов. Такие языковые единицы принято называть номинативными, так как они являются наименованиями фактов (*человек, смелость, работать*). Служебные слова понятий не выражают, а воспроизводят лишь релянты, их можно квалифицировать как релятивные единицы, поскольку они не называют фактов, а выражают лишь отношения между ними (*выехал из города*). Что касается несубстантивных знаменательных слов (например, прилагательных и личных глаголов), а также субстантив-

ных слов в косвенных падежах, субстантивных слов в прямом падеже и инфинитивов при зависимом положении, то все они выражают больше чем понятия, а именно, комбинанты, т. е. деформированные понятия, пополненные содержанием, которое выходит за пределы понятий о данных предметах, ибо отражают еще и отношения между этими предметами и другими. Эти слова следует отнести к комбинаторным единицам, одновременно обозначающим факты и раскрывающим отношения между ними, т. е. объединяющим в себе признаки номинативных и релятивных единиц (так, *быстро* означает то же самое, что и *с быстротой*).

С другой стороны, понятия могут выражаться субстантивными и инфинитивными словосочетаниями в независимом положении (например, *новое поколение*, *увеличить скорость*). Такие словосочетания также являются номинативными единицами.

Существование понятий, которые выражаются с помощью сочетаний слов, а также наличие таких слов, которые собственно понятий не воспроизводят, а выражают релянты и комбинанты, говорит о том, что понятие и слово — единицы несоотносительные, что они принадлежат к формальным планам мышления и языка, взаимно не покрывающим друг друга. Понятие выделяется в плане внешнего отношения непредикативных единиц. Языковым эквивалентом понятия, который должен выделяться в том же формальном плане, является не слово, а номинативная единица.

Слово выступает как особый формальный тип языковых единиц в строевом плане (в плане внутреннего строя), противопоставляясь языковой конструкции, т. е. любому сочетанию отдельно значимых слов, морфеме и фонеме.

Внутренний строй слова состоит в том, что оно не делится на части, воспроизводящие отдельные мысли, а лишь в целом соотносится с единицей мышления и в то же время может расчленяться на такие компоненты, которые соответствуют определенным сторонам в содержании мысли, выражаемой всем словом, не воспроизводя их отдельно и только придавая слову в целом способность воспроизводить их в единстве с другими такими же сторонами. Так, слово *садик* выражает одну нерасчлененную мысль о маленьком саде (одно простое понятие). Идея сада и идея уменьшительности находятся в слитном состоянии и могут разделяться лишь с помощью абстракции. Само же слово состоит из двух морфем: *сад* и *ик*, соответствующих порознь этим идеям, но отдельно их не выражающих и только своим сочетанием воспроизводящих эти идеи в их единстве.

Внутренний строй языковой конструкции характеризуется тем, что она расчленяется на части, обладающие свойством воспроизводить отдельные мысли и, сочетаясь между собой, выражать отношение между этими мыслями. Например, словосочетание *солнечный день* разделяется на части, выражающие отдельные мысли о признаке и его носителе. Благодаря связи этих частей (от-

дельных слов) устанавливается отношение между указанными мыслями, отражающее связь признака и его носителя. В целом языковая конструкция выражает такую единицу мышления, которая представляет собой целостное и в то же время расчлененное отражение факта действительности, т. е. является целостной, но расчлененной мыслью.

Морфемы не соответствуют каким-либо единицам мышления. Они соотносятся лишь с отдельными сторонами в содержании мысли, выражаемой словом. Внутренний строй морфемы состоит в ее неделимости на части, соответствующие определенным сторонам в содержании мысли, воспроизводимой словом в целом, но в возможной расчлененности на такие компоненты, которые сами по себе никакому смысловому содержанию не соответствуют и выполняют функциональную роль в составе более крупных единиц (на отдельные фонемы).

Внутренний строй фонемы характеризуется отсутствием какого бы то ни было деления на функционально значимые части.

Логическим эквивалентом слова, относящимся также к строевому плану, может быть только тот формальный тип единиц мышления, который характеризуется целостностью и нерасчлененностью отражения объекта, поскольку части слова (морфемы) отдельных мыслей вообще выражать не могут, а лишь влияют на содержание единой мысли, воспроизводимой словом в целом. Логическая единица этого типа выступает в роли наименьшего отрезка мыслительного процесса. Ее мы назовем *к о н ц е п т о м*. Концепт — это единица мышления, выступающая как целостное, нерасчлененное отражение факта действительности независимо от ее внешнего отношения к другим единицам (*дом, смелый, для, ибо*). В строевом плане концепт противостоит логической конструкции, т. е. любому сочетанию концептов, выражаемому языковой конструкцией, которое может быть и сложным понятием и сложной комбинацией (*горными дорогами*), и логемой любого вида (*Ракета устремилась ввысь, Который час?*).

Как видим, самая простая единица мышления (концепт) и самая простая единица языка (фонема) не совпадают. Это вызвано тем, что со стороны внутреннего строя единиц форма (строй) языка в целом сложнее формы (строя) мышления в целом. В языке больше типов строевых единиц, чем в мышлении. Такое несовпадение оказывается возможным в силу исторически условной связи между мыслями и средствами языка. Поэтому одна нерасчлененная мысль может выражаться целым сочетанием элементарных языковых единиц, которые, в свою очередь, могут объединяться в несколько более сложных единиц (морфем), соответствующих лишь сторонам в содержании этой мысли. Отмеченное расхождение между единицами языка и единицами мышления имеет очень важное значение, так как позволяет обходиться сравнительно небольшим количеством простых единиц языка для выражения безграничного

множества мыслей за счет различных комбинаций этих единиц. Если бы этого не было, для каждой новой простой мысли приходилось бы создавать совершенно новую элементарную единицу языка, что практически было бы неосуществимым в силу ограниченных возможностей человека в области производства отдельных видов чувственно-материальных процессов органами тела.

Итак, расхождение между понятием и словом обусловлено принадлежностью этих единиц к разным формальным планам. Между суждением и предложением такого несоответствия нет, ибо оба типа единиц выделяются в одном и том же формальном плане — в плане соотношения с действительностью (соответственно в сферах мышления и языка). Здесь наблюдается различие в уровне обобщения. Формальный тип предложения связан с более высоким уровнем обобщения, чем формальный тип суждения. Первый характеризуется любой соотношенностью содержания с действительностью, второй — лишь определенным характером соотношенности. Предложению может соответствовать только такой формальный тип логических единиц, который связан с общей способностью соотносить мысль с действительностью и не ограничивается каким-либо определенным видом соотношения. Этот тип объединяет суждение, вопрос и побуждение. Логическая единица этого типа выше была названа л о г е м о й.

Основными признаками логемы являются цельность и одновременно расчлененность отражения действительности (субъектно-предикатная структура), свойство соотносить свое содержание с действительностью⁸, структурная независимость, состоящая в том, что логема не включается в структуру другой, более сложной единицы, и относительная законченность мыслительного процесса.

Обладая общими признаками логемы, каждая из основных ее разновидностей (суждение, вопрос и побуждение) отличается вместе с тем и специфическими особенностями.

Суждение утверждает соответствие своего содержания предмету действительности или предположение о таком соответствии (*Иванов болен, Иванов, по-видимому, болен*).

Вопрос относит свое содержание к предмету действительности с целью привести это содержание в соответствие (или более полное соответствие) с предметом. Спрашивая: *Твой брат — летчик?*, — мы допускаем в мысли, что брат обладает признаком, характерным для летчика. Это осуществляется благодаря допущению соответствия содержания высказанной мысли объекту. Одновременно обнаруживается стремление узнать, является ли брат в действительности летчиком или нет, т. е. обогатить нашу мысль новыми сведениями настолько, чтобы она соответствовала отобра-

⁸ См. В. З. П а н ф и л о в. Грамматика и логика. М.— Л., 1963, стр. 13.

жаемому факту. Говоря: *Где случился пожар?*, — мы утверждаем мысль о возникновении пожара в каком-то месте как бесспорно соответствующую действительности. При этом выявляется стремление узнать конкретное место отраженного события, т. е. добиться за счет обогащения мысли ее более полного соответствия объективному факту.

Побуждение относит свое содержание к предмету действительности с тем, чтобы привести предмет в соответствие с этим содержанием. Обращаясь к кому-либо: *Закрой окно*, — мы стремимся заставить этого человека осуществить действие, составляющее содержание нашей мысли, т. е. вызвать в действительности то, что пока только мыслится нами.

Каждой из основных разновидностей логемы соответствует определенная разновидность предложения: суждение находит соответствие в повествовательном предложении, вопрос — в вопросительном предложении, побуждение — в побудительном предложении. Таким образом, суждение может быть соотнесено только с одним видом предложения — с повествовательным предложением.

Хотя тип логических и языковых единиц определяется их формой, формальный тип единиц и форма не являются категориями, взаимно покрывающими друг друга. Понятие формы шире, чем понятие формального типа единиц, ибо формой обладают также логические и языковые построения, не образующие одной единицы, а представляющие собой ряд единиц. Форма отражения (для мышления) или выражения (для языка) определяет не только тот или иной формальный тип единиц, но и самую единицу как один из наиболее общих формальных типов логических и языковых построений в отличие от сочетания единиц, объединенных общностью содержания, как второго, противостоящего ему предельно общего формального типа логических и языковых построений. Из сказанного следует, что соотносительными категориями как в области мышления, так и в области языка являются форма и соответственно логическое или языковое построение вообще.

Несколько отдельных предложений, объединенных общностью содержания, принято называть сложным синтаксическим целым. Соответствующее формальное построение в области мышления, представляющее собой ряд связанных по содержанию логем, можно назвать логической цепью.

Одно и то же объективное содержание (одни и те же объективные факты) можно отразить и с помощью одной сложной логемы (например, *Когда всходило солнце, наш отряд выступал из города*) и сочетанием нескольких логем (*Всходило солнце. Наш отряд выступал из города*). Разница между одной сложной единицей и сочетанием единиц создается отражением или неотражением отношения между фактами действительности, которые выступают в роли объекта нашей мысли. Поскольку объективное содержание в

обоих случаях одинаково, постольку следует признать, что эти случаи различаются лишь формой отражения, которая состоит в цельности или раздельности отражения какого-либо «куска» действительности в мыслительном процессе.

Нам могут сказать, что логическая цепь как тип мысли слишком неопределенна. Где начало и где конец последовательного ряда логических единиц? Какие единицы, каждая из которых образует самостоятельный мыслительный акт, т. е. логемы, составляют одну данную логическую цепь и какие должны войти в другую цепь? Распространяя логическую цепь без ограничения, можно включить в нее в конечном счете все содержание какого-либо большого по объему произведения, например эпопеи «Война и мир».

Конечно, нет строгой разграничительной линии между логической цепью и сочетанием нескольких таких цепей. Но ведь нет порой четкой грани и между единицей, образующей самостоятельный мыслительный акт (логемой), и сочетанием таких единиц, ибо в природе нет вообще абсолютной разграниченности классов предметов и явлений, в связи с чем любая классификация есть грубое ление реальных фактов, несколько искусственная подгонка их под наиболее типичные образцы.

«Hard and fast lines [абсолютно резкие разграничительные линии] несовместимы с теорией развития. Даже разграничительная линия между позвоночными и беспозвоночными уже более не безусловна, точно так же между рыбами и амфибиями; а граница между птицами и пресмыкающимися с каждым днем все более и более исчезает»⁹, — пишет Ф. Энгельс.

Трудно, например, решить, воспроизводит ли следующий отрывок лишь один самостоятельный мыслительный акт, т. е. одну логему, или несколько самостоятельных актов мышления (несколько логем, по меньшей мере, две): *У косяка двери в кухню стояла девушка, одетая в белое | ее светлые волосы были коротко острижены |, на бледном пухлом лице сияли, улыбаясь, синие глаза* (М. Горький).

Отсутствие внутри этого отрывка каких-либо иных знаков препинания, кроме запятых, еще ни о чем не говорит, так как многие авторы разделяют запятыми и вполне самостоятельные мыслительные акты, если в их содержании много общего, если объективные факты, которым соответствуют эти мыслительные акты, связаны между собой, хотя эта связь в мышлении и не отражена. Отражение же такой связи может быть столь нечетким, что иногда почти невозможно определить, имеет ли вообще место это отражение. В приведенном отрывке вряд ли отражено отношение между фактами, которые отображены с помощью единиц, разделенных первой вертикальной чертой. На месте второй черты чувствуется какое-то неопределенное изображение отношения одно-

⁹ Ф. Э н г е л ь с. Диалектика природы. М., Госполитиздат, 1948, стр. 169.

временности (совместности) двух фактов или, во всяком случае, впечатления от них, но само ощущение этого изображения тоже неопределенно.

Все это говорит о том, что граница между сложной логемой и сочетанием логем (логической цепью) диалектически подвижна.

Еще более подвижной оказывается разграничительная линия между логической цепью и простым набором логем, не образующим одного логического построения. Однако и для выделения логической цепи можно наметить некоторые, хотя бы приближительные, критерии. Важнейшим из них является единство, цельность объективного содержания, отраженного сочетанием логем, непосредственная связь фактов, соответствующих отдельным логемам, которая, однако, не нашла специального отражения в мышлении. Зачастую эти факты группируются вокруг одного центрального события, так или иначе (с разных сторон) характеризуют один предмет, в результате чего содержание всей логической цепи пронизывается одной идеей. Это особенно ярко проявляется тогда, когда такое центральное событие (объединяющий предмет) находит особое отражение в одной из логем. В связи с этим остальные логемы данной цепи дополняют, уточняют, развивают содержание «центральной» логемы. Конечно, для возникновения одной логической цепи необходимо и единство всех ее компонентов во времени, их непосредственная временная связь.

Если между логемами есть значительный промежуток во времени (временная пауза), если между ними вклиниваются другие логемы, относящиеся к иным объектам, не связанным с теми, которые отражаются в логемах данного ряда, то последние, несмотря на общность содержания, одной логической цепи не составят.

Чисто механическим критерием принадлежности ряда логем к одной логической цепи может быть допустимость превращения этого ряда в одну сложную логему (даже если образующаяся логема носит весьма искусственный характер и оказывается крайне неудобной и тяжеловесной по структуре). Важна сама возможность превращения, ибо если логемы относятся к различным, не связанным между собой объектам, то такая превращаемость совершенно исключается.

Проанализируем для примера следующий отрывок из «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко:

Комсомольский регулярный режим прежде всего поднял на ноги нашу школу. До того времени она влачила довольно жалкое существование, не будучи в силах преодолеть отвращение к учебе многих колонистов.

Это, пожалуй, понятно. Первые горьковские дни были днями отдыха после тяжелых беспризорных переживаний. В эти дни укрепились нервы колонистов под тенью непрезентабельной мечты о карьерах сапожников и столяров.

Великолепное шествие нашего коллектива и победные фанфары на берегах Коломака сильно подняли мнение колонистов о себе. Почти без труда нам удалось вместо скромных сапожнических идеалов поставить впереди волнующие и красивые знаки:

В то время слово «рабфак» обозначало совсем не то, что сейчас обозначает. Теперь это просто название скромного учебного заведения. Тогда это было знамя освобождения рабочей молодежи от темноты и невежества. Тогда это было страшно яркое утверждение непривычных человеческих прав на знание, и тогда мы все относились к рабфаку, честное слово, с некоторым даже умилением¹⁰.

Приведенный отрывок выражает четыре более или менее четко разграниченные логические цепи. На письме каждой цепи соответствует отдельный абзац. Каждая из логических цепей отличается особым предметом (центральным событием), вокруг которого группируются все остальные факты, связанные между собой этим предметом. Центральным событием первой цепи является влияние комсомольского режима на жизнь колонистов. В качестве предмета второй выступает причина отвращения многих колонистов к учебе в прошлом, и все подчинено ее раскрытию. В третьей логической цепи в центре внимания изменения, происшедшие в идеалах, устремлениях колонистов. Наконец, четвертая цепь ставит своей задачей показать значение рабфака для трудящейся молодежи в период, о котором идет речь. Первая логема последней цепи воплощает в себе основную идею этой цепи, так что все остальные логемы превращаются в мысли, дополняющие, развивающие содержание первой логемы.

Между первой и третьей цепью есть прямая связь по содержанию: содержание третьей цепи является продолжением, дальнейшим развитием содержания первой цепи, так как и там и здесь изображаются изменения в настроениях, влечениях, идеалах колонистов. Но эти две группировки логем образуют все-таки разные логические цепи, потому что между ними включена группа логем иного содержания, посвященных изображению причины отрицательного отношения колонистов к учению в прежнее время.

Любую из рассмотренных логических цепей можно превратить в сложную логему. Такому преобразованию легко подвергнуть даже последнюю, самую большую логическую цепь, используя двойной сопоставительный союз *если... то*. Мы получили: «Если теперь слово «рабфак» — просто название скромного учебного заведения, то в то время это слово обозначало совсем не то, что сейчас обозначает, ибо тогда это было знамя освобождения рабочей молодежи от темноты и невежества, страшно яркое утверждение непривычных человеческих прав на знание, и тогда мы все относились к рабфаку, честное слово, с некоторым даже умилением».

Формальное отличие логической цепи от сложной логемы создается благодаря тому, что языковые единицы (предложения), которые выражают отдельные логемы, входящие в логическую цепь,

¹⁰ А. С. Макаренко. Сочинения в семи томах, т. I. М., Изд-во АПН РСФСР, 1957, стр. 253.

формально не связаны между собой и объединены только общностью выражаемого ими содержания. Если бы между этими единицами была установлена формальная связь, то оказалось бы выраженным отношение между фактами, отраженными в отдельных логемах логической цепи. Логическая цепь превратилась бы тогда в сложную логему, а сложное синтаксическое целое, соответствующее логической цепи, — в сложное предложение. Сложное синтаксическое целое характеризуется, таким образом, отсутствием формальной связи между несколькими последовательно расположенными предложениями при общности выражаемого ими содержания.

Между сложным синтаксическим целым и простым сочетанием предложений нет четкой грани, так же как ее нет между логической цепью и простым сочетанием логем. Однако в большинстве случаев сложное синтаксическое целое практически выделяемо, и критерии для его выделения те же, что и для выделения логической цепи. Тот анализ логической цепи, который был проведен выше, можно использовать и как пример общего анализа сложного синтаксического целого. При этом все, что касается логем, следует распространить на предложения, а все, что касается логической цепи, — на сложное синтаксическое целое, учтя, разумеется, специфику языковых построений, а именно то, что теперь речь должна идти не об отражении явлений действительности, а о выражении мыслей об этих явлениях.

Между формальными типами логических и языковых построений, выходящих за пределы одной единицы, не всегда наблюдается соответствие. Для умозаключения, которое является особым формальным построением мышления, но не представляет собой единицы, нельзя подыскать соответствующего формального языкового построения. Иногда таким считают сложное синтаксическое целое или даже сложное предложение. Однако это неверно, так как указанные языковые построения при одной и той же форме в одних случаях выражают умозаключение, а в других — не выражают.

Форма умозаключения создается в основном с помощью не формальных, а субстанциальных (лексических) средств языка — благодаря особому подбору этих средств, прежде всего благодаря повторению одних и тех же слов и словосочетаний, выражающих то же самое смысловое содержание, или использованию различных слов и словосочетаний, воспроизводящих одинаковое содержание. Повторение одного и того же смыслового содержания обеспечивает логическую связь, необходимую для вывода. Например:

Все металлы электропроводны.

Ртуть — металл.

Ртуть — электропроводна.

Различные формы умозаключений, в свою очередь, образуются в основном за счет субстанциальных средств — в результате со-

четания слов, определенным образом соотносящихся по значению. Так, при построении дедуктивных умозаключений (1-я фигура силлогизма) необходимо, чтобы в посылках сочетались такие слова, связь которых позволила бы выразить принадлежность предмета к классу и наличие или отсутствие признака у этого класса (см. пример выше). В посылках индуктивных умозаключений объединяются такие слова, связь которых выражает наличие или отсутствие признака у ряда предметов, а также принадлежность этих предметов к общему классу. Например:

Железо электропроводно.

Медь электропроводна.

Алюминий электропроводен.

Железо, медь, алюминий... — металлы.

Следовательно, все металлы электропроводны.

Для образования умозаключений с отношениями, помимо всего прочего, нужны слова, выражающие определенные отношения. Например:

A равно B.

B равно C.

A равно C.

Правда, отличие одних форм умозаключений от других может быть иногда связано и с определенными языковыми формами (необходимость условных предложений при построении условных умозаключений, обязательность предложений с однородными членами для выражения разделительных умозаключений и некоторые другие случаи). Но дело в том, что эти языковые формы воспроизводят не форму умозаключения, а лишь форму отдельных его компонентов — посылок, иногда заключений, т. е. участвуют в образовании формы умозаключения лишь косвенно; для построения же формы умозаключения в целом их далеко не достаточно: для этого необходимо также использование особым образом повторяющейся языковой субстанции. Мы в этом убедимся, сопоставив два следующих примера:

Если тело нагреть, оно расширится. Если тело нагреть, оно расширится.

Это тело нагрели.

Это тело вращается.

Следовательно, оно расширилось.

(Вывод невозможен).

Итак, не существует специальных форм языковых построений, которые соответствовали бы формам умозаключений. В этом состоит одно из значительных расхождений между формальным строем мышления и формальным строем языка.

Сказанное выше, однако, не означает, что отрезок речи, воспроизводящий умозаключение, не является грамматически оформлен-

ным (в языке все грамматически оформлено), но сама форма вывода создается не этой оформленностью, а сочетанием слов, особым образом соотносящихся по значению. Поэтому невозможно установить определенные формы, которые соответствовали бы формам умозаключений. Грамматическая оформленность отрезка речи, выражающего умозаключение, может быть такой же, какая наблюдается в языковых построениях, не связанных с логическим выводом. Все попытки найти языковые формы, служащие для выражения логической формы вывода, фактически подтверждают высказанные нами соображения¹¹.

Проведенные нами наблюдения позволяют сделать следующие общие выводы.

Поскольку понятие и слово, суждение и предложение являются несоотносительными категориями, снимаются сами проблемы понятия и слова, суждения и предложения. На их место выдвигаются проблемы понятия и номинативной единицы, концепта и слова, логемы и предложения. Частными проблемами общей проблемы логемы и предложения являются проблемы суждения и повествовательного предложения, вопроса и вопросительного предложения, побуждения и побудительного предложения. Рядом с проблемой понятия и номинативной единицы возникают проблемы релянты и релятивной единицы, комбинанты и комбинаторной единицы. Рядом с проблемой концепта и слова поднимается проблема логической конструкции и языковой конструкции.

В силу того, что формальными типами охватываются не только логические и языковые единицы, но и логические и языковые построения, выходящие за пределы одной единицы, важное значение приобретает проблема логической цепи и сложного синтаксического целого, т. е. сочетаний самостоятельных логем и предложений, объединенных общностью содержания.

Так как форма логического вывода выражается в основном с помощью не формальных, а субстанциальных (лексических) средств языка, не существует проблемы формальных языковых построений, соответствующих умозаключению вообще, а также его формальным разновидностям.

¹¹ См.: А. И. Шорина. К вопросу о выражении умозаключений в современном русском литературном языке. «Уч. зап. Пермского ун-та», XVI, вып. 1 (68), 1960, стр. 97—109; А. Н. Мосейко. Способы выражения умозаключений в языке. Автореф. канд. дисс. М., 1954; Д. П. Горский и Н. Г. Комлев. К вопросу о соотношении логики и грамматики. «Вопросы философии», 1953, № 6.

МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И ФУНКЦИИ

В. И. КОДУХОВ

Учение о взаимоотношении языка и мышления занимает важнейшее место в любой лингвистической теории, независимо от того, на какие философские основания она опирается и какие решения этой проблемы предлагает. Различие между лингвистическими теориями состоит в том, какое место в них занимает эта проблема в осознанной системе постулатов и какое решение предлагается. Даже в том случае, когда язык и мышление отождествляются в синкретическом явлении языка-мышления и, напротив, когда язык рассматривается как асемантизированная система знаков, проблема их взаимоотношения находит свое решение, с которым, однако, трудно согласиться как с принципиальным утверждением, а не как с рабочим приемом.

Различие в решении проблемы взаимоотношения языка и мышления обуславливается также и объективными причинами: многокачественностью языка и мышления, а потому и разносторонностью и диалектичностью их связи.

Мышление — это и логические формы мыслительной деятельности; это и типовая организация содержательного материала (система знаний); это и сам содержательный материал как отражение объективной действительности; это и отношение говорящих к содержательному материалу и объективной действительности; это и конкретный продукт мышления (высказывание). Короче говоря, мышление (сознание) имеет логическую, понятийную, познавательную, идеологическую, мыслеоформляющую и другие стороны.

Язык различно связан с разными сторонами мышления. Чаще всего рассматривают логико-языковые связи. Хотя выделение логико-грамматического уровня лингвистического анализа является чрезвычайно важным, эти связи не охватывают полностью всей проблемы связи и языка мышления. Например, предложения *Мать любит дочь* и *Дочь любит мать* выражают и отражают тождественную логическую формулу; однако с точки зрения понятийного содержания они различны: первое высказывание сообщает о прямой связи, а второе — об обратной связи, наблюдаемой в природе самих вещей, о которых говорится. В связи с этим хотелось бы напомнить высказывание В. И. Ленина: «Логика похожа на грамматику тем, что для начинающего это одно, для знающего язык (и языки) и дух языка — другое»¹.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 90.

Язык, будучи системой разных перекрещивающихся систем, обнаруживает разные свойства. Это и знаковая система, это и понятная система, это и языковая норма, это и рече-мыслительная деятельность, это и конкретный продукт языка и рече-мыслительной деятельности (речь или слог-стиль).

С точки зрения изучения проблемы взаимоотношения языка и мышления важным является разграничение асемантических и семантических элементов языковой системы, языковых единиц.

Звуки речи сами по себе не имеют значения, являются асемантическими по своей природе единицами, выполняющими перцептивную и сигнификативную функции. Описание звукового строя языка возможно путем раскрытия коррелятивных отношений и позиционной обусловленности звуков речи, наделенных артикуляционно-акустической определенностью. Однако было бы неправильно полагать, что фонологические представления являются решающими при рассмотрении проблемы взаимоотношения языка и мышления.

В последние десятилетия получили широкое распространение гипотезы, согласно которым мышление рассматривается как чистое значение, а язык — как чистая форма. Это расщепление представляется как выделение предметов разных наук, находящихся друг к другу в отношении, так сказать, дополнительной дистрибуции. В этом смысле характерна попытка логических семантиков анализировать мышление как языковую (знаковую) систему значений, тогда как структуральная лингвистика сосредоточивает свое внимание на значимости, на формальной стороне его, предельно формализуя язык. Ср., например, высказывание С. К. Шаумяна: «Структурная лингвистика, четко разграничивая лингвистическую и логическую сторону грамматического строя, сосредоточивает свое внимание на лингвистической стороне и таким образом раскрывает специфику языка. Благодаря тому, что структурная лингвистика раскрывает специфику языка, становится возможным исследовать связи языка и мышления»².

Это, конечно, лишь дедуктивное построение, или, как раньше говорили, умозрительное заключение, декларация, выдающая желаемое за действительное. Нельзя всерьез говорить о решении проблемы связи языка и мышления, если лишаешь языковые единицы и языковые отношения семантической определенности, если представляешь языковую единицу как пересечение фигур и функций, если слово заменяешь скоплением морфем, если предложение выводим за пределы языка, если признаешь изоморфность асемантических и семантических единиц. Язык, конечно, форма и структура, но не безмысленная.

² С. К. Шаумян. О теоретических исследованиях в советском языкознании. — В кн.: «Строительство коммунизма и общественные науки». М., 1962, стр. 273.

Ежи Курилович, признавая лишь изоморфность плана выражения и плана содержания, а потому самостоятельность плана выражения, говорит о параллельности структуры слога и структуры предложения, о соответствии фразеологического оборота стягиванию двух фонем в одну³. Это «совпадение» структур является внешним, не затрагивающим существа структурной организации и функционирования значимых единиц языка. Так, совпадение слога и предложения обнаруживается в том, что начальная группа согласных слога и группа подлежащего определяются как второстепенная часть. Признание изоморфизма асемантических и семантических единиц основывается на отрыве языка от мышления, на игнорировании с одной стороны качественного различия в структуре и функционировании звукового строя языка, а с другой — лексико-семантической системы и грамматического строя языка. Связь языка и мышления проявляется прежде всего на уровне семантической стороны языковых единиц; связь звука речи (и звукоряда) со значением лишь ассоциативная, знаковая.

Связи языка и мышления разносторонние. Обычно их рассматривают в аспекте формы и содержания, мысли и ее материализации, в аспекте функций (назначения) языка и мышления, в аспекте роли языка в познавательном процессе человеческого мышления.

Думается, что связь языка и мышления должна также изучаться с точки зрения степени их связанности, слитности. Связь языка и мышления — это не только их сосуществование и взаимовлияние, но и взаимопрониновение (механическое, когда специфика языка и мышления сохраняются) и отражение (органическое, когда мыслительные операции и их результаты влияют на структуру языка, а структурные особенности языка способствуют формированию самой мыслительной деятельности).

В этой связи важным является вопрос об отражательной функции языка и мышления. Обычно этот вопрос решают в плане разграничения языка и мышления по его отношению к объективной действительности. Так, Б. А. Лобовик пишет: «...язык и мышление не одинаково относятся к объективной реальности. Если мышление является отражением внешнего мира, то в целом этого нельзя сказать о языке.... Вот почему применительно к слову в целом мы не применяем гносеологической категории «отражения», а говорим, что слово обозначает вещь, объект мысли, или денотат — по терминологии математической логики»⁴.

Семантическая сторона языковых единиц обладает отражательной функцией. Языковые значения (лексические и грамматические) являются понятиями, по своей гносеологической природе не

³ Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 24 и 244.

⁴ Б. А. Лобовик. Мышление и язык. — В кн.: «Проблемы мышления в современной науке». М., 1964, стр. 72.

отличающимися от всяких других понятий. Языковое значение представляет собой отчужденное мышление, и язык развивается в процессе его использования, в результате деятельности людей, в том числе и познавательной. Языковое мышление, следовательно, не надчеловеческое; это повторяющиеся мыслительные операции и значения людей (общества), зарегистрированные в структуре языка. Отличие языковых значений от понятий, возникающих в результате непосредственных операций мышления, состоит в их назначении в акте коммуникаций, в процессе возникновения и закрепленности в системе языка.

Грамматические значения и формы, как и логические формы и законы, являются по своему назначению категориальными (классифицирующими)⁵. Возникнув в ходе исторического развития, в результате отражательной деятельности мышления, они проникли в систему языка, отразились в нем как его типовое формальное содержание, известное всем говорящим на данном языке и используемое для выражения любой конкретной мысли. Они превратились таким образом в форму, средство выражения мысли⁶. Они — тот всем известный трамплин, который позволяет говорящим не только передавать старые, но и сообщать новые мысли таким образом, чтобы они были эксплицитно выражены и поняты другими. Отличие языка от любой искусственной знаковой схемы, в том числе и математической символики, состоит в том, что язык — не только средство передачи и хранения информации, но он в то же время средство организации мысли, ее экспликации и передачи непредусмотренного содержания, включающего как понятийные, так и эмоциональные и волевые моменты.

Если мыслительные операции направлены на познания объекта (действительности), то речевые операции направлены на формирование и передачу мысли, и грамматические понятия здесь выступают уже как значения, при помощи которых, на базе которых выражается конкретная мысль, новые понятия и суждения.

Отчуждение операций мышления и знаний не является логически правильным, всесторонним и целенаправленным процессом. Это отчуждение характеризуется избирательностью, в связи с чем оно не совпадает по разным языкам, происходит в разное время и не один раз, и любой язык наполнен противоречиями и непоследовательностью (в отличие от «искусственных языков» с их стройностью, экономностью и простотой). Б. А. Серебренников справедливо отметил принцип избирательности, действующий в сфере лексики и грамматики, как один из главнейших

⁵ В. И. Кодухов. Грамматические и понятийные значения. — В кн.: «Материалы по русско-славянскому языковедению». Воронеж, 1963, стр. 252.

⁶ В. И. Кодухов. Абстрагирование в языке. — «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 165, 1958, стр. 409.

факторов создания структуры языков. «Человеческое сознание, — пишет он, — отражает все предметы, явления окружающего мира, тогда как оформление грамматической структуры языка совершается по принципу избирательности. В области лексики наблюдается только конструктивная избирательность, проявляющаяся в выборе признака, положенного в основу номинации... При создании же грамматических форм мышление ищет те особенности семантики слова, которые могли бы быть использованы для языкового выражения того или иного грамматического отношения»⁷.

Описание лексико-семантической системы и грамматического строя языка предполагает не только характеристику отношений между лексическими или между грамматическими единицами, но и выявление их семантической определенности, обусловленной их связью с экстралингвистической действительностью, с формами мышления и знаниями, накопленными в результате исторической познавательной деятельности людей.

Формальный характер грамматических значений, их организованность (структурность), которая не всегда и не во всем одинакова по языкам, породили выдвижение в лингвистических теориях значимости, корреляции, функции как самого существенного признака грамматического значения. Речь идет не о моделировании как операционалистском научно-исследовательском приеме; речь идет о неправомерности произвольного приписывания введенных для непротиворечивого описания признаков самому объекту исследования — реальному языку, являющемуся всегда результатом конкретно-исторического развития.

Термин «функция» в лингвистических работах обозначает самые различные понятия. С точки зрения обсуждаемого вопроса хотелось бы выделить два понимания термина «функция»: 1) назначение и 2) зависимость одних величин от других.

В первом случае значение слова или грамматической формы рассматривается с точки зрения выражаемых, называемых или указываемых ими понятий о вещах и самих этих вещей. Например, слово *парк* (в первом значении) указывает на рощу с аллеями, цветниками, прудами, называя ее и выражая так называемое ближайшее (формальное) понятие о названной реалии. Форма *читаю* указывает и выражает понятие о говорящем, об одновременности и т. п.

Во втором случае термин «функция» обозначает связь, причем нередко эти связи трактуются лишь как связи самих лингвистических единиц, их, так сказать, внутренняя структура, способ их описания. Так, Л. Ельмслев, опираясь на математическое (используемое и в математической логике) понимание функции, и для

⁷ Б. А. Серебряков. К проблеме типов лексической и грамматической абстракции. — В кн.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 66.

лингвистической теории дедуктивно предложил понимание функции как зависимости, выявляемой на основании деления по единообразным зависимостям членов, разделяемые на постоянные и переменные члены функции⁸.

Математическое понимание функции сталкивается, однако, с огромными трудностями анализа конкретных лингвистических единиц, так как аксиоматически предполагает игнорирование качественной определенности изучаемой единицы, расчленения плана выражения и плана содержания, целостности на сумму составных элементов.

Изучение языка с точки зрения единства его значений, средств и способов их выражения является одним из аспектов проблемы «язык и мышление» (а может быть, «язык и сознание»), хотя обсуждение этой проблемы переводится в план специального лингвистического анализа, и в частности синтаксического.

Синтаксис, как известно, не только изучает словоформы (а также синтаксическую валентность слов), но и анализирует их совместное употребление в составе синтаксических единиц высшего с точки зрения связи языка и мысли порядка. В составе синтаксических единиц слова, словоформы и словосочетания приобретают постоянные для каждой из них первичные и вторичные функции, являющиеся выражением структурных отношений синтаксических единиц — как их семантической, так и формальной сторон.

Так, сложноподчиненное предложение, являющееся сочетанием формы придаточной и формы главной частей, устанавливает между ними определенные отношения, покоящиеся на логико-синтаксических функциях. Хотя логические формы связи (функции) и значения частей сложного предложения (как и словоформ словосочетания) находятся в постоянной взаимообусловленности, их назначение и качественная определенность бывают в большинстве случаев неодинаковы.

Начнем с такого факта. В логике и грамматике выделяются атрибутивные отношения. Как сам термин «атрибут», так и понимание атрибутивных отношений заимствованы грамматикой из логики и философии. Атрибутом там называется неотъемлемое, необходимое свойство предмета, воспринимаемое как его признак. Некоторые логики даже отмечают, что атрибутивность является основным свойством многих суждений, так как суждения устанавливают отношение между предметом и его признаком.

Во многих грамматиках отмечается, что определительные отношения, наблюдаемые в синтаксических конструкциях, по своей семантической природе являются атрибутивными. Например, А. А. Шахматов писал так: «Определением выражаются атрибутивные отношения, существующие между субстанцией и явлением и

⁸ Л. Е л ь м с л е в. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. 1. М., 1960, стр. 292—293.

их признаком... Атрибутивная связь — это та связь, которая по своей природе вещей лежит между представлением о субстанции как явлении и свойственным этой субстанции признаком...»⁹.

Действительно, атрибутивные отношения играют большую роль в языковой системе, отражаясь в свойствах слов, словосочетаний и предложений. Так возникают, например, родоизменяемость прилагательных, свойственная многим языкам, определительные словосочетания, определительные предложения. Определительные словосочетания и предложения в ряде случаев выражают атрибутивные отношения в истинном их смысле, т. е. неотъемлемое свойство предмета (лица).

Однако в большинстве случаев синтаксическое определение, если оно и указывает на признак предмета (лица, явления), не имеет ни логической, ни научно-познавательной ценности: это часто внешний или случайный признак предмета, который говорящий выделил, не ставя перед собой задачи дать его определение (в логическом смысле). Например:

Приближаясь, увидел он множество народа; крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали услышал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарая стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сюртуках, казалось, о чем-то толковали (Пушкин, Дубровский).

Синтаксическими определениями здесь выступают прилагательные *дворовый*, *незнакомый*, *необыкновенный*. Вряд ли, однако, правильно рассматривать их как атрибуты в логическом смысле слова. Прилагательное *дворовый* не есть атрибутивная характеристика людей; напротив, существительное *люди* выступает в роли формальной опоры для субстантивного представления понятия «дворовый человек» (известно, что многие существительные образовывались и образуются путем их субстантивации в результате потери этой опоры в виде вводящего их существительного). Прилагательное *необыкновенный* не есть атрибутивная характеристика понятия *шум* (и *говор*); напротив, это слово характеризует необычность того, что увидел Владимир Дубровский, возвращаясь с похорон отца, и что послужило началом необыкновенного развития событий, о которых повествуется в последующем.

«Атрибутивные отношения в грамматике, — писал А. В. Бельский, — непосредственно отражают не логику суждения, а логику понятия, которое, однако, вырабатывается в результате суждения и предназначено быть источником нового суждения... Определение — это погашенное сказуемое в одном случае и более или менее приглушенное — в других. Отсюда выдающаяся роль атрибутивных конструкций в языке для развития, движения вперед мысли»¹⁰.

⁹ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 290.

¹⁰ А. В. Бельский. Грамматическое определение как средство реализации мыслей. «Уч. зап. 1 МПИИЯ», т. 5, 1953, стр. 89 и 91. Ср.: Г. П а у л ь. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 165.

В логическом смысле атрибутом имени является его способность сочетаться не только с прилагательным, но и с глаголом: *птица красивая, птица летает*. Определение в грамматике, которое в логике соответствует понятие атрибута, однако, имеет подчеркнуто суженный признак; грамматическое определение — это всегда непредикативный атрибут. Разграничение атрибутивного и предикативного словосочетания имеет для синтаксиса языка исключительное значение.

Субъектно-предикатные, или предикативные, отношения являются основой суждения и двусоставных предложений. «Субъект и предикат, эти необходимые элементы высказывания, — пишет И. И. Мещанинов, — оказываются, таким образом, основными элементами его содержания... Без них не может быть законченного высказывания, следовательно, не может быть и законченного построения предложения»¹¹. Даже в односоставных предложениях его главный член соотносится с предикатом или субъектом суждения (чаще с предикатом и сказуемым), а в таких построениях, как *Ему жаль брата и Брату писать письмо легко* обнаруживается агенс, осмысляемый как субъект суждения, хотя и нет подлежащего, типичного для номинативного строя предложения.

Известно, что с формально-структурной точки зрения в центре предложения, его «хозяином» во многих случаях оказывается сказуемое, обычно глагол; именно это свойство предложения породило учение о сказуемости, говорящее о том, что в центре предложения находится сказуемое, распространяемое другими членами предложения, в том числе и подлежащим¹².

Думается, что логико-синтаксические и формально-синтаксические особенности предложения не отрицают, а предполагают друг друга, и прав В. З. Панфилов, когда он предлагает различать предикативность и сказуемость как дополняющие друг друга понятия, которые возникают в результате соотносительности предложения как с суждением (логико-грамматический уровень), так и с языковой формой слов (морфолого-синтаксический уровень)¹³.

Сложное предложение также минимально двусоставно (особенно в «двучленных» структурах), но его двусоставность принципиально отлична от двусоставности простого предложения. Предикативные отношения между частями сложного предложения возможны лишь в некоторых формализованных конструкциях (особенно местоименно-соотносительных: *тот, кто; то, что*

¹¹ И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 7 и 107.

¹² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 166; L. Tesnière. *Éléments de Syntaxe structurale*. Paris, 1959, стр. 13—16, 61, 102—103; И. А. Мельчук. Об алгоритме синтаксического анализа языковых текстов. — В сб.: «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 7. М., 1962, стр. 46—47.

¹³ См.: В. З. Панфилов. Грамматика и логика. М.—Л., 1963, стр. 44—45.

и т. п.), встречаются сравнительно редко, преимущественно в научном стиле изложения; их частотность равна 3%. Следовательно, строение сложноподчиненного предложения соотносится обычно не с элементарным суждением, а с более сложной формой логической организации мысли, которая пока что не получила достаточной разработки, поскольку содержание сложного предложения обычно соотносят или с тем же суждением, что обнаруживается в простом предложении, или с умозаключением, причем как «старые» идеи о тождестве членов предложения и придаточных, так и «новые» процедуры выведения распространенных и сложных предложений из ядерных путем их трансформации не способствуют даже постановке вопроса об известной самостоятельности структуры сложного предложения как единицы языка.

Определительные отношения находят широкое применение в конструкциях простого и сложного предложения. Определительные словосочетания и определительные предложения общим имеют не только смысловые отношения предмета и его признака, но и то, что в обоих случаях опорой конструкции, ее «хозяином» выступает имя существительное. Эти конструкции могут выражать и собственно атрибутивные отношения. Однако отношения между частями определенных предложений используются также и для выражения таких связей, которые не являются атрибутивными в старологическом смысле слова, и это характерно для большей части определительных предложений.

Определительные предложения в ряде языков, в том числе и русском, характеризуются не только тем, что в главном предложении имеется определяемое имя существительное, но и тем, что в придаточном предложении есть релят, т. е. относительное местоимение (например, *который*), обозначающее также предмет (лицо), но преимущественно в этой синтаксической позиции, в функции союзного слова. Благодаря этому определительные отношения осознаются как предметно-аналитические, или аналитически-присоединительные; именно этим объясняется то, что *который* чаще употребляется в форме именительного и винительного падежей, например: *Я... увидел перед собою Диогена и Демокрита, которые хохотали во все горло* (Крылов); *В разгар пира в оwin зашел Травкин, которого никто не ожидал* (Казакевич).

Рассматривать содержание придаточного предложения как признак названных лиц, как их атрибутивную характеристику (Диоген и Демокрит — хохочущие во все горло особи, Травкин — никем не ожидаемый командир) — значит исказить существо передаваемой мысли. В предложениях говорится только о том, что автор увидел Диогена и Демокрита, когда они хохотали во все горло, а Травкин зашел в оwin, когда его никто не ожидал. Придаточное предложение содержит дополнительное, добавочное сообщение о том же самом лице (предмете); ср. еще: *Светила только*

одна лампочка, к о т о р а я горела тускло и дымила (Чехов). Так объединяются два сообщения в одно на основе предметно-анафорической связи, а атрибутивные отношения — преобразуются в определительные. Это уже синтаксическая функция придаточного определительного предложения и его «главного» представителя — релята (относительного местоимения).

Семантически определительные предложения основываются на том, что понятие, названное определяемым существительным, и понятие, указанное относительным местоимением, тождественны, эквивалентны друг другу. Еще А. А. Потехня указывал, что «чистая относительность» есть «полное равенство по объему относительного местоимения с именем, к коему оно относится»¹⁴. Именно эта тождественность и синтаксическая несамостоятельность релята *который*, употребляющегося в непосредственной близости (в отличие от анафорического употребления личных и указательных местоимений) от имени существительного, подчиняет придаточное главному и в то же время создает возможность последующего сообщения в этом придаточном.

Если же объем и содержание понятий, выраженных определяемым существительным и относительным местоимением (релятом) *который*, не совпадают, то придаточное предложение выступает в роли синтаксического атрибута, изменяющего объем и содержание понятия и тем самым получающего выделительно-ограничительное значение, например:

Согласованием называется такая связь, при которой зависимое слово ставится в том же числе, роде и падеже, что и основное слово (из учебника). Он имел именно тот ум, к о т о р ы й нравится женщинам (Пушкин). Значения, к о т о р ы е могут принимать буквы в данном алгебраическом выражении, называются допустимыми значениями для этих букв (из учебника по алгебре). *Есть люди, к о т о р ы е меня любят* (Капнист).

Выделительно-ограничительное значение придаточного определительного предложения зависит от строения главной части, в том числе от семантических свойств определяемых существительных. Среди них часто употребляются существительные, называющие общие, родовые понятия, абстрактные существительные: *человек (люди), дело, вещь, истина, величина* и т. п. Но их использование является лишь проявлением правила, согласно которому определяемое существительное должно обозначать или эквивалентное, или такое понятие, которое требует сужения своего объема или содержания, и именно это последнее вызывает появление придаточного с выделительно-ограничительным значением.

Определительные отношения являются общими синтаксическими понятиями, выполняющими формально-организующую

¹⁴ А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, т. 3. Харьков, 1899, стр. 347.

синтаксическую функцию, представляя собой тот случай, когда языковая семантика становится средством оформления конкретной мысли. Они допускают поэтому наполнение конструкции разными типовыми значениями, выраженными или лексико-семантическими свойствами и предложно-падежной формой определяемого слова, или употреблением того или иного релята (относительного местоимения) или союза.

Например, употребление придаточного предложения при имени существительном, семантически или словообразовательно соотношенным с изъяснительными глаголами, при сохранении атрибутивных отношений выражает одно из модально-смысловых значений, характерных для изъяснительных предложений, например: *Мысль, что он успел-таки рассказать то, что вдруг подвернулось ему на язык, еще больше веселила его* (Гарин-Михайловский). Употребление релята *где* привносит пространственное значение. В таких предложениях, как *Я пробыл у него час, в которой мы перебрали довольно разных материй* (Карамзин) или *В сию пору начинается сенокос, за которым следует жатва* (Лепехин), хотя (благодаря согласованию релята в роде и числе с определяемым существительным) и обнаруживаются определительные отношения, выражаются временные значения — одновременности и последовательности — благодаря употреблению предложно-падежных форм релята.

Синтаксические отношения видоизменяются под влиянием форм слова, являющихся элементами синтаксической конструкции. Так, определительные отношения в известном смысле зависят от наличия в языке имени существительного и синтаксических конструкций с зависимой приименной частью. Таким образом возникают причленные придаточные предложения — приименные, приглагольные, приаъективные, прimestоименные, которые выступают как обязательный, структурно необходимый элемент всех конструкций, вызванный тем, что в центре ее стоит словоформа, обладающая не одинарной, а двойной или даже тройной валентностью. Например, глаголы речи (говорения) сочетаются с субъектом и требуют делиберативного и адресатного объектов; поскольку делиберативный объект в известном аспекте мыслится как сообщение, постольку глагол речи выступает как конструктивный центр сложноподчиненного предложения: *Он сказал товарищу, что надо помолчать*. Такие конструкции обладают не только своей формой, но и своим содержанием. Это не только так называемые одночленные структуры с обязательным приглагольным придаточным, но и сложноподчиненные предложения с придаточным косвенной речи. Противопоставлять эти две стороны синтаксической конструкции — значит игнорировать их качественное своеобразие, которое делает их единицами синтаксического строя того или иного языка.

Как известно, предмет и лицо могут обозначаться местоимениями. Поэтому в языке возникают местоименно-релятные кон-

струкции, например *кто-тот, то-что*. Отношения между частями такой конструкции определяют иногда тоже как определительные или как такие, в которых функция придаточного сводится к конкретизации указательного местоимения. Между тем, такие структуры характеризуются тем, что местоименно-абстрактный характер элементов позволяет использовать их для выражения субъектно-предикатных и объектных отношений: *Кто весел, тот смеется; Я тот, кого никто не любит; Что с возу упало, то пропало; Он взял (все то), что ему было нужно* и т. п. Естественно, что под влиянием других элементов конструкции возникают новые семантические особенности (например, при препозиции зависимой, или релятивной, части привносится значение условной связи), однако во всех случаях организаторами конкретной мысли выступают логические и семантические свойства конструкции, которые служат непосредственной формой конкретной мысли, тогда как средства, создающие эту содержательную форму, носят чисто знаковый характер: ее элементы выполняют перцептивную и сигнификативную функции.

Следовательно, специфика синтаксических зависимостей состоит в том, что зависимости постоянных и переменных членов синтаксического ряда группируются по типам содержательных отношений, наполненных синтаксическими и другими значениями, что (вместе взятое) и образует непосредственную форму конкретной мысли. Типичные для данного языка синтаксические модели словосочетаний и предложений принадлежат именно языку; в речи же происходит их варьирование и наполнение конкретным лексическим материалом, необходимым для создания индивидуального стиля речи и для передачи той или иной конкретной мысли.

В ходе исторического развития языка происходят изменения в структуре как содержательной стороны, так и знаковой стороны синтаксических конструкций. Так, во второй половине XVIII в., когда утверждалась литературная норма русского национального языка, легко обнаруживаются процессы этих двух видов. Например, в структуре определительных предложений занимают известное место релятивы *кой* и *какой*. Релятив *кой* носил чисто знаковый характер, так как выполнял ту же функцию и имел то же значение, что и релятив *который*. Так возникла дополнительная избыточность, не поддержанная ни конструктивно-структурными, ни мыслительными, ни стилистическими факторами¹⁶. Это и

¹⁶ Именно этим объясняется одновременно употребление релятивов *который* и *кои* в составе одного многосложного предложения: *Вот сколь прекрасны сии собрания, которые столь торжественно выхвалял мне Припрыжкин и кои способствуют только обманывать мужей, грабить ближнего и делать дурачества!* (Крылов). Синонимия синтаксических показателей (*сей — тот — этот, кой — который — что, буде — естли — когда, а также дабы — чтобы, якобы — будто, понеже — а как* и т. п.) была вызвана

послужило причиной выпадения из русского языка релята *кой*.

Казалось бы, так же обстояло дело и с релятом *какой*. Он сохраняется в приемных придаточных определительных отношениях, в некоторых случаях (особенно при абстрактных существительных) возможна конкуренция релятов *который* и *какой*¹⁶, а в южнорусских говорах возникла тенденция к выдвиганию местоимения *какой* на положение основного релята определительных предложений¹⁷. Словом, в развитии соотношения релятов *какой* — *который* обнаружилось как будто те же тенденции развития, что и релятов *кой* — *который*.

Однако семантический фактор оказался более весомым. Определительные придаточные с релятом *какой* получили специальное значение качественного обобщения, которое усиливается, особенно при употреблении коррелята *такой*, уподобительно-сравнительной семантикой: *И по его щекам поползли вниз блестящие капельки, как и е бывают на окнах во время дождя* (Чехов). Это значение в определительные предложения привносится релятом *какой*, что и удерживает и сам релят и сами качественно-определительные предложения.

Развитие познавательной деятельности людей актуализирует многие такие отношения, которые не были важны как языковые значения в более ранний период. Например, такое предложение, как *Неоднажды было то, что мать проливала о нем слезы* (Болотов), оформлено на основе предикативных отношений частей.

Однако в связи с появлением потребности передавать модально-оценочные значения предикатная часть начинает заполняться словами определенной семантико-грамматической характеристики: *можно сказать, следует (надо) сказать, известно, кажется, жаль* и т. п., например: *Мне думается, что ты разбойник* (Сумароков); *Жаль, что вы ни за что взбесились* (Журганов). Естественно, что появление новой семантики отодвигает на второй план предикативные отношения, сжимает самую структуру сложного предложения, что наглядно может быть показано на

стилистикой трех стилей, характерной для языка художественной литературы XVIII в.; однако в конце начального периода русского национального литературного языка, подготовившего почву для блистательной поэтической деятельности Пушкина, ограничения этой тройственной нормы преодолеваются, возникает сознание преимущества единой литературной нормы, а потому экстралингвистический фактор перестает действовать в плане поддержки строевых средств языка, распределительных по жанрам произведений и стилями литературной речи.

¹⁶ См.: Е. С. Соболюков а. Синонимия сложноподчиненных предложений с соотносительными словами *тот* — *такой* и союзными словами *который* — *какой*. — В кн.: «Грамматический строй современного русского языка». Куйбышев, 1964, стр. 129—147.

¹⁷ В. И. Собиныков а. Строение сложного предложения в народных говорах. Воронеж, 1958, стр. 40.

появлении таких случаев, когда первая часть превратилась, по существу, в модальное слово — вводный член предложения, а союз «по традиции» продолжает употребляться: *По щ а с т и ю, что он еще не король* («Живописец»).

Функционирование и развитие языка в значительной степени обуславливается связью его с мышлением, с логическими формами, с накоплением новых знаний и превращением их в повторяющиеся мыслительные стандарты, что и вызывает перестройку имеющихся схем и моделей, их преобразование и возникновение новых языковых значений. Изучение языка как формализованной структуры, как замкнутой системы, как пересечения функции, изоляция их от качественной определенности семантических единиц языка значительно обедняет лингвистический анализ, хотя и создает видимость стройности, непротиворечивости и экономности самого хода рассуждения.

К ОБОСНОВАНИЮ АКТУАЛЬНОГО СИНТАКСИСА

И. Ф. ВАРДУЛЬ

Членение, которое дает в результате «исходный пункт» и «ядро сообщения», «тему» и «высказывание» (или «рему»), «данное» и «новое» и т. д., В. Матезиус назвал «актуальным» членением предложения в отличие от его «формального членения»¹. Ниже мы попытаемся определить место актуального членения в структуре языка. При этом в качестве иллюстративного материала будем пользоваться в основном тремя следующими отрезками устного русского текста: *Петр у е х а л в М о с к в у* (как ответ на вопрос *Что сделал Петр?*), *П е т р у е х а л в М о с к в у* (как ответ на вопрос *Кто уехал в Москву?*) и *Петр у е х а л в М о с к в у* (как ответ на вопрос *Куда уехал Петр?*).

Сразу же надо подчеркнуть, что язык рассматривается нами как семиотическая система. Мы подходим к актуальному членению с позиции двухчленного отношения: языковые величины — обозначаемые посредством них «кусочки» действительности (как эта действительность представляется языком), но не с позиции трехчленного отношения: языковые величины — выражаемые посредством них мысли — отражаемые в мыслях «кусочки» реальной действительности. Такой подход имеет ряд преимуществ, из которых для нас важны два. Во-первых, он делает воз-

¹ V. M a t h e s i u s. O tak zvaném aktuálním členění větném.— *Čeština a obecný jazykozpyt*. Praha, 1947, стр. 234.

можным описание языка без предварительного ответа на вопрос «что такое мысль и мышление?». Именно разработку принципов такого описания мы считаем одной из главных задач лингвистов в связи с проблемой отношения языка и мышления, ибо прежде чем сказать, в каком отношении находится язык к мышлению, надо сначала уяснить в частности, что такое язык безотносительно к мышлению. Во-вторых, такой подход позволяет полнее охватить систему языка: мы получаем возможность истолковать актуальное членение как явление в той же мере языковое, что и формальное членение, тогда как при подходе с позиции трехчленного отношения актуальное членение попадает в область мысли, а элементы этого членения признаются психологическим (или логическим) субъектом и предикатом.

Как известно, признание актуального членения явлением языка сопровождается обычно отнесением его к предложению вместе с формальным членением. А это, на наш взгляд, ведет к весьма существенному противоречию. С точки зрения формального членения, перечисленные выше отрезки русского текста суть три варианта одного предложения (составленного из подлежащего *Петр*, сказуемого *уехал* и так называемого обстоятельства места в *Москву*). С точки зрения актуального членения, эти отрезки представляют три разных предложения. В первом (если воспользоваться терминами К. Г. Крушельницкой)² *Петр* — данное, *уехал в Москву* — новое, во втором, наоборот, данное — *уехал в Москву*, а новое — *Петр*, в третьем предложении данным является *Петр уехал*, а новым — *в Москву*. Но если приведенные отрезки текста есть варианты одного предложения, они не могут быть разными предложениями. Если же они разные предложения, они не могут быть вариантами одного предложения.

Некоторые исследователи приписывают предложению два уровня или аспекта (по числу членений)³, что — это очевидно — не снимает указанного противоречия. Недостаточно также констатировать наличие двух уровней в языке, например, «синтаксического» и «логико-грамматического» вместо одного синтаксического, как предлагает В. З. Панфилов⁴. Пока мы относим предложение к обоим уровням, указанное противоречие сохранится. Единственный способ устранить его — признать, что формально и актуально членятся разные языковые величины, принадлежащие разным языковым уровням и описываемые в разных синтаксических отделах грамматики. Термин «предложение»

² См.: К. Г. Крушельницкая. К вопросу о смысловом членении предложения. — ВЯ, 1956, № 5.

³ См.: И. П. Распопов. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961, стр. 47, 51; В. З. Панфилов. Грамматика и логика. М. — Л., 1963, стр. 39; См. также: А. W. de Groot. Structural Linguistics and Syntactic Laws. «Word», v. 5, 1949, № 1, стр. 3.

⁴ В. З. Панфилов. Указ. соч., стр. 39, 74—76.

может быть применен или к тому, что членится на подлежащее сказуемое и т. д., или к тому, что членится на данное и новое, но не к тому и другому одновременно.

Уровень, образуемый формальным членением, и все величины этого уровня мы предлагаем назвать потенциально-синтаксическими, а соответствующий отдел грамматики — потенциалным синтаксисом. Уровень, образуемый актуальным членением, и все величины этого уровня предлагаем назвать актуально-синтаксическими, а соответствующий отдел грамматики — актуальным синтаксисом. Тогда в случае *Петр | уехал в Москву*, *Пётр | уехал в Москву и Петр уехал | в Москву* обнаруживается одна потенциально-синтаксическая величина, совпадающая с тем, что обычно именуют предложением, но три актуально-синтаксические величины, которые удобно назвать *с о о б щ е н и я м и* ⁵.

Два ряда синтаксических величин и два языковых уровня, к которым они принадлежат, более или менее последовательно выделялись и раньше. Напомним, что еще С. О. Карцевский различал предложение и фразу, помещал их в разные языковые планы (синтагматический и лексикологический) и относил формальное членение к предложению, а деление на *thème* и *propos* — к фразе ⁶. Следует указать также на работы А. В. де Гроота, Б. Трики и В. З. Панфилова ⁷. Нам кажется, однако, что может быть дано разграничение синтаксических уровней языка более строгое, чем в этих работах.

Известно, что интонация есть важнейшее средство актуального членения. Это признается всеми. С другой стороны, очевидно, что формальное членение безразлично к интонации (потому оно и называется формальным или формально-грамматическим). Следовательно, вполне правдоподобен тезис, что актуально-синтаксические величины *и н т о н а ц и о н н ы*, а потенциально-синтаксические — *н е и н т о н а ц и о н н ы*. Воспринимаемый нами устный текст есть поток актуально-синтаксических величин. Чтобы обнажить потенциально-синтаксический уровень, мы должны отвлечься от интонации.

Если же непрменной компонентой выражения актуально-синтаксических величин является интонация, при анализе текста, чтобы не выйти за пределы актуально-синтаксического уровня,

⁵ См.: И. Ф. Вардуть. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М., 1964.

⁶ S. Ka r c e v s k i j. Sur la phonologie de la phrase. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», № 4, 1931, стр. 189 и след.; О н ж е. Phrase et proposition. «Mélanges de linguistique et de philologie offerts à J. van Ginneken». Paris, 1937, стр. 62.

⁷ A. W. de G r o o t. Subject-Predicate Analysis. «Lingua», v. IV, 3 (apr. 1957), стр. 306, 309—311, 314—315; B. T r i k i. Principles of Morphological Analysis. «Philologica pragencia», № 3, 1961, стр. 130—131; В. З. П а н ф и л о в. Грамматика и логика, стр. 39—40 и 74—78.

надо следовать его интонационному членению. Такой анализ дает в качестве терминальных единиц синтагмы Л. В. Щербы (а именно: интонационно вычленимые содержательные отрезки текста, не делимые далее на интонационно-содержательные отрезки меньшей протяженности)⁸. Анализ потенциально-синтаксического уровня дает в качестве терминальных единиц слова или, говоря точнее, синтагмы И. А. Бодуэна де Куртенэ (а именно: или знаменательные слова, если они не сопровождаются служебными словами, или последовательности, образуемые знаменательным словом и примыкающим к нему служебным словом или словами). Так, в *Петр | уехал в Москву* обнаруживаем две синтагмы по Щербе (*Петр* и *уехал в Москву*), но три синтагмы по Бодуэну (*Петр*, *уехал* и *в Москву*). Как видим, минимальные величины синтаксических уровней четко различаются: синтагма Щербы всегда или больше синтагмы Бодуэна, или равна ей. На этой основе различаются и все остальные величины этих уровней, так как актуально-синтаксические величины есть комбинации синтагм в первом смысле, а потенциально-синтаксические величины строятся из синтагм во втором смысле.

Итак, опираясь на противопоставление «интонационность — неинтонационность», мы можем достаточно строго расщепить актуально- и потенциально-синтаксический уровни в плане выражения. В чем же различие этих уровней в плане содержания?

Существует два основных объяснения смысла актуального членения (если оставить в стороне теории, приписывающие это членение мысли). Согласно В. Матезиусу, актуальное членение есть результат влияния контекста и ситуации⁹. Однако легко показать, что в действительности это членение зависит от контекста и ситуации не больше, чем, например, лексический состав предложения: ситуация, в которой может встретиться сообщение *Петр | уехал в Москву*, действительно, отлична от ситуации, в которой встречается сообщение *Пётр | уехал в Москву*, но она в равной мере отличается и от ситуации, в которой встречается сообщение *Петр | уехал в Ленинград*. Другое объяснение принадлежит К. Г. Крушельницкой и А. В. де Грооту¹⁰. По их мнению, в актуальном членении выражается отношение говорящего к тому, о чем идет речь, причем отношение это ставится в один ряд с эмоциональной оценкой, не имеющей ничего общего с актуальным членением. Эта точка зрения еще менее приемлема ввиду ее явной неопределенности.

⁸ Ср.: А. С. М е л ь н и ч у к. Порядок слов и синтагматическое членение предложения в славянских языках. Киев, 1958.— Автор этой работы представляет актуальное членение как членение интонационное.

⁹ См.: V. Mathesius. Указ. соч.

¹⁰ См.: К. Г. К р у ш е л ь н и ц к а я. Указ. соч., стр. 65; A. W. de Groot. Subject-Predicate Analysis, стр. 303, 309—310, 314.

Думается, что смысл актуального членения остается трудно-уловимым не из-за специфики самого этого членения. Причина кроется в другом: мы исходим из неточного толкования специфики того, что членится формально. Надо заново пересмотреть отношение между актуально- и потенциально-синтаксическими величинами в плане содержания. Воспользуемся для этого противопоставлением «коммуникативность — номинативность». Выше мы приняли, что текст, как он дан нам в нашем восприятии, представляет собой поток актуально-синтаксических величин. Следовательно, именно эти величины осуществляют языковое общение, и в этом смысле они **к о м м у н и к а т и в н ы**. Потенциально-синтаксические величины есть всего лишь потенциальные средства общения. Они предназначены для называния предметов информации, т. е. тех сегментов действительности, информация о которых передается соответствующими актуально-синтаксическими величинами. В этом смысле они **н о м и н а т и в н ы**¹¹.

Такое решение вопроса позволяет строго разграничить синтаксические уровни со стороны содержания. Но оно имеет и одно непривычное следствие. Если все потенциально-синтаксические величины номинативны, номинативным должно быть признано и предложение. Это утверждение, однако, вполне правдоподобно, если под предложением понимать то общее, что имеется в ряду сообщений типа *Петр|уехал в Москву, Пётр|уехал в Москву, Петр уехал|в Москву* и т. д. Предложение *Петр уехал в Москву*, извлекаемое из приведенного ряда, называет предмет информации, общий для всех этих сообщений. Этим предметом информации является факт совершения лицом по имени «Петр» действия «уехать в Москву» (в предложении содержится также указание, что совершение этого действия действительно имело место и что оно имело место в прошлом от момента речи).

Некоторые логики (Г. Фреге, А. Черч и др.) считают предложения «именами особого рода»¹². Лингвисты же говорят о категории предикативности. Но если эта категория трактуется как отнесенность высказывания к действительности, она сводима к бытийности обозначаемого. Согласно А. И. Смирницкому, *Приехал доктор* отличается от *приезд доктора* тем, что в первом случае подчеркнута реальность совершения «доктором» действия «приехать» и указано время совершения этого действия¹³. Именно в этих двух моментах обнаруживается отнесенность высказывания к действительности. Но можно пойти и другим путем. Разделим все обозначаемые потенциально-синтаксические величины

¹¹ Ср.: И. П. Распопов. Указ. соч., стр. 51.

¹² См.: Б. В. Бирюков. Теория смысла Готлоба Фреге. — В сб.: «Применение логики в науке и технике». М., 1960, стр. 523—527.

¹³ А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 101—103.

на бытийные и небытийные и припишем всем бытийным обозначаемым способность иметь модальный и временной признаки, а всем небытийным обозначаемым — неспособность иметь эти признаки. Тогда предикативность можно будет определить как обладание бытийным обозначаемым.

Итак, по-видимому, можно принять, что предложение называет предмет информации. Его содержание целиком зависит от этого предмета: разные предметы информации дают разные предложения, и разные предложения называют, как правило, разные предметы информации. Что же касается сообщения, то его содержание обуславливается не только предметом информации. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры, когда относительно одного и того же предмета информации строится более чем одно сообщение. Ср. хотя бы: *Петр | уехал в Москву*, *Пётр | уехал в Москву*, *Петр уехал | в Москву* — три разных сообщения об одном и том же предмете. Содержание сообщения складывается из содержания соответствующего предложения, называющего предмет информации, и двух добавочных компонент содержания.

Каждое сообщение можно представить как результат выбора одного из множества сообщений, предметы которых различны. П е р в о й добавочной компонентой содержания сообщения является указание на этом множество. Например, сообщение *Петр | уехал в Москву* не просто называет факт отъезда Петра в Москву как предмет передаваемой информации. Оно еще включает в себя указание на то, что это сообщение выбрано из множества сообщений, для предметов которых характерны тождественные субъекты и нетождественные формы проявления бытия субъектов. Ср.: *Петр | уехал в Москву*, *Петр | послал телеграмму*, *Петр | ничего не предпринял* и т. д. Сообщение *Пётр | уехал в Москву*, помимо указания на предмет информации, дает понять, что это сообщение выбрано из множества сообщений, для предметов которых характерны не тождественные субъекты, но тождественные формы проявления бытия субъектов: Ср.: *Пётр | уехал в Москву*, *Брат Петра | уехал в Москву*, *Павел | уехал в Москву* и т. д.

На основании сказанного новую информацию (т.е. содержание ядра или нового) можно определить как информацию о том, чем р а з л и ч а ю т с я предметы сообщений, из множества которых выбрано данное сообщение. Исходную информацию (т. е. содержание исходного пункта, или данного) можно определить как информацию о том, в чем предметы сообщений этого множества с о в п а д а ю т. Отсутствие в сообщении исходного пункта (данного) означает, что сообщения, из множества которых выбрано это сообщение, не совпадают друг с другом ни в какой части своих предметов, ср.: *Светает*, *Идет дождь* и т. д. Отсутствие ядра (нового) вообще невозможно. Такое сообщение могло бы принадлежать только множеству сообщений, предметы которых полностью совпадают, а это равносильно отсутствию выбора,

ибо выбор предполагает минимально два нетождественных предмета.

Второй добавочной компонентой содержания сообщения является указание на характер вероятного воздействия данного сообщения на слушающего. Сообщение или просто передает информацию о названном предмете информации, или запрашивает дополнительную информацию о нем, или же побуждает к реализации своего предмета. Так сообщения делятся на повествовательные, вопросительные и побудительные. Обычно это деление приписывается предложениям. Но если предложение номинативно, оно не может обладать повествовательностью, вопросительностью или побудительностью. Эти признаки принадлежат самой информации, не ее предмету, обуславливающему содержание предложения.

Как видим, актуализация есть восполнение в названии предмета информации того, что не достает этому названию, чтобы быть реальным носителем информации в процессе общения. Другими словами, актуализация есть, так сказать, «коммуникативизация» номинативных средств языка.

Существование в естественных языках двух синтаксических уровней объясняется тем, что в них различия между сообщениями не исчерпываются различиями между предметами информации. Если бы сообщения не содержали указания на множества, из которых они выбраны, и если бы они либо совсем не различались по характеру своего вероятного воздействия на слушающего, либо же различие в характере воздействия совпадало с различием в предметах информации, тогда бы сообщение было неотлично от предложения и число синтаксических уровней языка сократилось до одного.

В чем же смысл актуального членения? Что дает указание на множество, из которого выбрано данное сообщение? Ответ на этот вопрос находим в теории информации. В этой теории имеется понятие количества информации, в соответствии с которым можно утверждать, что сообщение содержит тем больше информации, чем больше число сообщений, которые вероятны в данной ситуации и из числа которых выбрано это сообщение. Наоборот, чем меньше число таких вероятных сообщений, тем меньше информации содержится в данном сообщении. Отсюда правомерно заключить, что смысл актуального членения состоит в языковом ограничении количества передаваемой сообщением информации. Например, выделение в сообщении *Петр | уехал в Москву* данного *Петр* и нового *уехал в Москву* исключает возможность вхождения во множество, из которого выбрано это сообщение, таких сообщений, как *Брёт Петра | уехал в Москву*, *Павел | уехал в Москву* и т. д. Тем самым сокращается мощность этого множества, а следовательно, и количество информации, передаваемой сообщением *Петр | уехал в Москву*.

Надо только иметь в виду, что ограничение количества информации языковыми средствами негативно. Опираясь на актуальное членение, можно сказать, какие сообщения не принадлежат множеству, из которого выбрано данное сообщение. Но актуальное членение не позволяет установить, какие именно сообщения принадлежат этому множеству. Количество информации в сообщениях никогда не превышает предела, вводимого актуальным членением, но оно может быть, и, как правило, бывает намного ниже этого предела.

О ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ В ЯЗЫКЕ

Н. З. КОТЕЛОВА

Работы философов, лингвистов, психологов показывают, что язык и мышление образуют диалектическое единство, «в котором язык, при определяющей роли мышления, представляет собой относительно самостоятельное явление, в свою очередь оказывающее известное обратное воздействие на мышление»¹. Язык и мышление связаны многоаспектными зависимостями и обусловленностями. Эти связи неодинаковы по интенсивности и характеру на разных уровнях языка (что, в частности, объясняет и наличие национальных своеобразий языков при тождестве мышления)² и на разных уровнях мышления, которое также не представляет собой бесформенной массы, беспорядочного набора элементов.

В лингвистических работах в последнее время все больше внимания уделяется явлениям так называемого актуального членения предложения, иллюстрирующим теснейшую связь языка и мышления. В связи с изучением актуального членения предложения встают вопросы о его сущности и природе, принадлежности его языку или мышлению, о месте в системе, о всех проявлениях актуального членения и понятиях, необходимых для его описания, о строении актуально членяемой речи, о широте проявлений актуализации и речевых отрезках с непроявившимся актуальным членением.

Наибольшим разнообразием отличаются мнения о сущности соответствующих явлений и их месте в системе. Одни исследова-

¹ В. З. Панфилов. Логика и грамматика. М., 1963, стр. 3.

² Там же, стр. 11.

тели считают, что явления актуального членения относятся к логике, другие — к языку (освобожденному от мыслительного содержания или включающему его), третьи — к логико-языковому уровню. Исследователи, считающие актуальное членение языковым явлением, относят его или к языку или к речи, помещают его или в грамматику или в лексику. В пределах же грамматики одни связывают его с предложением как языковой единицей, выделяя в нем особый (логико-грамматический) уровень или отождествляя его с формально-грамматическими явлениями предложения, другие говорят о необходимости выделения специфических единиц — сообщения, фразы.

Наиболее аргументированной как с философской, так и с лингвистической точки зрения представляется интерпретация соответствующих явлений В. З. Панфиловым³. Поскольку, как показывает В. З. Панфилов, актуальное членение представляет собой выражение языковыми средствами логической структуры, правомерен вывод о его логико-языковой сущности и о наличии особого логико-языкового уровня. Точка зрения, согласно которой актуальное членение — внутриязыковое явление, не снабжена убедительными аргументами и не объясняет всего разнообразия относящихся сюда фактов. Удовлетворительная интерпретация, например, «одночленных», по определению Л. В. Щербы, фраз типа *Грачи прилетели, Пошли пароходы* может быть дана только на основе теории логико-грамматического уровня. Представляется оправданным и рассмотрение явлений актуального членения как грамматических, а не лексических, так как оно отражает не отношения конкретных слов, а отношения их общих свойств, позиций в логическом высказывании. Выражены эти отношения грамматическими средствами — интонацией, ударением, а в некоторых языках и специальными частицами.

В. З. Панфилов, анализируя два уровня — синтаксический и логико-грамматический, соотносит их только с предложением. Здесь концепция В. З. Панфилова представляется нам менее последовательной. Постольку поскольку выделяется особый уровень, должны быть выделены конституирующие этот уровень единицы. Выделение в языке особого уровня и означает наличие в языке рядов однородных единиц, признаков, связей, законов, наличие специфической регламентации функционирования этих единиц и соотношения их свойств. Так, например, слово, являясь единицей языка вообще, «межуровневой» единицей, вместе с тем на разных уровнях представляет собой разные единицы: лексему, семему, словоформу, синтаксему. Так же и один и тот же речевой отрезок: на синтаксическом уровне («потенциальный син-

³ См.: В. З. П а н ф и л о в. Указ. соч.; О н ж е. К вопросу о логико-грамматическом уровне языка. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikations Forschung», Bd 15, N. 3/4. Berlin, 1962.

таксис»⁴) — предложение, на логико-грамматическом уровне («актуальный синтаксис»⁵) — другая единица. Предлагаемые для обозначения единиц логико-грамматического уровня термины «фраза» и «фразема» неудобны, так как они уже используются для обозначения единиц другого уровня — фразеологического. Термин «сообщение» более приемлем, однако он предполагает отсутствие сообщения у формально-грамматического предложения. Сущность предложения как единицы логико-грамматического уровня состоит в актуализации сообщения, уточнении его смысла и обнаружении целей высказывания.

Изучение логико-грамматического уровня предложения будет способствовать прояснению не только многих теоретических вопросов, касающихся взаимоотношения языка и мышления. Оно очень много даст и для более объективного и углубленного исследования собственно языковых явлений, таких, например, как организация контекста предложения, порядок слов в предложении, зависимость слов в предложении и фразе, отличительные признаки сложных слов, словосочетаний⁶ и лексико-фразеологических единиц и др. Ниже мы попытаемся показать это на ряде примеров.

Несмотря на большую литературу о фразеологизмах, до сих пор не выяснены, например, объективные критерии разграничения идиоматичных и неидиоматичных сочетаний. Обычно применяются чисто смысловые критерии: степень смысловой мотивированности сочетания, цельность значения, смысловая неразложимость, отношение к денотату и т. п. Методами установления значения являются собственная оценка того или иного сочетания, или обращение к словарям (что связано с зависимостью от смысловой разработки отдельных слов в словаре⁷), или использование реальных текстов переводов⁸, также не дающее в руки исследователей объективных критериев⁹. Одно из объективных средств разграничения идиоматичных и неидиоматичных сочетаний дает логико-грамматический уровень анализа языковых явлений.

⁴ См.: И. Ф. Вардуль. Об актуальном синтаксисе. — В кн.: «Язык и мышление». Тезисы докладов. М., 1965, стр. 124—128.

⁵ Там же.

⁶ См.: В. З. Панфилов. Сложные существительные в нивхском языке и их отличие от словосочетаний (к проблеме слова). — ВЯ, 1958, № 1, стр. 110—111.

⁷ В а г - Н и л л е л. Idioms. «Machine translation of languages». New York — London, 1955; И. А. М е л ь ч у к. О терминах «устойчивость и идиоматичность». — ВЯ, 1960, № 4.

⁸ И. А. М е л ь ч у к. Указ. соч.

⁹ См.: Н. З. Котелова. О применении объективных и точных критериев описания сочетаемости слов. — ВЯ, 1965, № 4.

Идиоматичное сочетание является синтетическим, оно представляет собой неразложимое единство нескольких компонентов, не отождествляемых с лексическими единицами словарного состава. Нетождественность их со словами подтверждается невозможностью одного из них быть актуализованными на логико-грамматическом уровне. В свободном сочетании слов *новой пьесы брата* может быть актуализован любой элемент. В идиоматичных сочетаниях *ворон считать, водой не разольешь, шапками закидаем, играть в бирюльки, десятая вода не киселе, книга за семью печатями* и т. п. не может быть актуализован ни один элемент. Идиоматичное сочетание может быть актуализовано только все целиком. Невозможность разделения элементов сочетания на данное и новое свидетельствует об идиоматичности таких, например, сочетаний, как *мозолить глаза, махнуть рукой, сесть в лужу, обвести вокруг пальца, последняя спица в колеснице, держать кого-нибудь в черном теле*, не относимых некоторыми лингвистами к идиоматичным сочетаниям¹⁰.

Экспериментирование с логическим ударением не обязательно производить в целом предложении. Возможность логического выделения выявляется в словосочетании и даже в слове. Повидимому, в этом случае выявляются лишь потенции того или иного элемента. Получение логического ударения элементом означает, что он становится логическим предикатом при выражении законченной мысли в предложении. Интонационные возможности одних элементов могут быть связаны только с функцией «данного» (например, в устойчивых сочетаниях), других — только с функцией «нового», третьих — с той и другой функцией.

Таким образом, экспериментирование с ударением и интонацией, этими формальными проявлениями логико-грамматического уровня, может служить объективным критерием разграничения идиоматичных и неидиоматичных сочетаний.

Особенно ценным такой прием оказывается для разграничения идиоматичных сочетаний с высокой степенью устойчивости сочетания для одного из компонентов. Так, в устойчивых сочетаниях *ахиллесова пята* и *лукулловский пир* возможности актуализации компонентов различны: в первом ни один из компонентов не может быть актуализован, во втором компонент *пир* может быть «данным», компонент *лукулловский* — «новым». Возможность компонента актуализоваться свидетельствует об аналитичности образуемого сочетания, если даже слово характеризуется единичной сочетаемостью, ср. *прядать ушами, гомерический смех, наголову разбить, пить вприкуску, плакать навзрыд, глаза навыкат, обложной дождь* и др.

Экспериментирование с актуализацией дает возможность глубже изучить отношения элементов в разных типах высокоус-

¹⁰ См.: А. Г. Руднев. Проблема фразеологии. Л., 1960, стр. 20—24.

тойчивых сочетаний: в сочетаниях при наличии омонимичной лексемы (*прясть ушами*, ср. *прясть нитки*), в сочетаниях при наличии свободной (*прясть ушами*) и несвободной (*гремучая змея, гремучий газ, гремучая ртуть, крошечный ад, крошечная тьма*) омонимичной лексемы, в устойчивых сложениях разного типа (*скетинг-оринг, перекасти-поле, давным-давно, штабс-капитан, приват-доцент*, ср. неустойчивые сложения: *товарно-пассажирский, северо-запад*).

Актуализация элементов в синтагматическом ряду обусловлена наличием парадигматического ряда хотя бы для одного из членов сочетания. При этом даже минимальный парадигматический ряд делает актуализацию возможной. Так, слово *автогенный* реализуется лишь со словами *резка, сварка*. Наличие двух членов парадигматического ряда обуславливает возможность употребления слова *автогенный* в качестве «данного», а слова *резка* или *сварка* в соответствующих сочетаниях — в качестве «нового» (слова *резка* и *сварка* свободно употребляются в качестве «данного», они не имеют «предсказуемых» элементов, парадигматический ряд сочетающихся прилагательных не ограничен).

Ограниченная парадигматичность наблюдается и при варьировании одной и той же идиомы: *невзвидеть света (дня), показать (здать) фегеру* и т. п. Однако в этих случаях актуализация невозможна, что служит объективным подтверждением неотожествляемости компонентов идиоматического сочетания со словом, а также критерием установления варьирования одной и той же единицы.

Показательные результаты дают также наблюдения за актуализуемостью элементов в сочетаниях типа *осклабить зубы, осклабить губы, осклабить уста, осклабить лицо*. Парадигматический ряд состоит из четырех членов. Однако элемент *осклабить* не может быть «данным». Дело в том, что здесь все четыре лексических элемента парадигматического ряда имеют один и тот же денотат, они находятся в метонимических семантических отношениях.

Неоднородны в отношении возможностей актуализации элементы терминологических сочетаний и бытовых названий. Одни из таких сочетаний являются неразложимыми, совпадая по структуре с идиоматичными и имея в своем составе неактуализуемые элементы (*анютины глазки, иван-чай, вольтова дуга, медвежья лапа, черная ножка*), другие имеют в своем составе один могущий быть актуализованным элемент (*ватманская бумага, творительный падеж, начертательная геометрия*), третьи содержат только актуализуемые элементы (*математический анализ, сложное предложение*). Таким образом, экспериментирование с логико-грамматическим членением показывает, что терминологические сочетания, как и нетерминологические, могут быть идиоматичными и неидио-

матичными, свободными и несвободными, устойчивыми и неустойчивыми ¹¹.

Непроницаемость идиоматичного сочетания для актуализации позволяет не только разграничивать разные типы сочетаний (включая штампы, клише, крылатые слова, поговорки, пословицы), но и уточнять состав того или иного идиоматического сочетания. В лингвистических работах, в словарях нередко приводятся такие идиомы: *работать спустя рукава, лить как из ведра, любить без ума, как лунь седой, дрожать как осиновый лист, в три погибели согнуться, в пол-уха слушать, русским языком говорить, жить как птица небесная* и под. ¹² Эксперименты же с логическим ударением в этих сочетаниях показывают, что в них содержатся идиомы *спустя рукава, как из ведра, без ума, артефовы веки, как лунь, как осиновый лист, в три погибели, в пол-уха, русским языком, как птица небесная*, элементы которых не отождествляются со словами и не могут быть актуализованы. Элементы же *работать, лить, любить, жить, седой, дрожать, согнуться, слушать, говорить, жить* не входят в состав идиом, что свидетельствуется возможностью их быть «данным» в сочетании: *работать (хорошо, легко, заинтересованно) спустя рукава*. Идиомы, являющиеся синтетичной частью указанных сочетаний, не могут быть «данными», так как они сочетаются высокоустойчивой связью с элементами *работать, жить, любить* и т. д.

В связи с тем значением, которое имеют явления логико-грамматического уровня для изучения фразеологических связей и фразеологических единиц, встает вопрос, не является ли актуализуемость компонентов фразеологического сочетания элементом его структуры, подобно порядку слов, который, по мнению некоторых лингвистов, является элементом структуры фразеологического сочетания ¹³. На этот вопрос, по-видимому, следует ответить отрицательно. Фразеологические сочетания (сочетания слов как лексем) выделяются на фразеологическом уровне, регламентируются явлениями этого же уровня, описываются в терминах лексики и фразеологии. Логико-грамматический уровень характеризуется своим набором элементов, единиц, их специфическими связями и соотношениями, своеобразной регламентацией. Указанные же соотношения явлений этих двух уровней свидетельствуют о системности языковых явлений, расширяющей,

¹¹ В связи с этим следует отметить справедливость критики преувеличений в обособлении терминов в системе языка. См., например: В. К. Никитин. О системности термина. — ВЯ, 1966, № 1.

¹² См., например: Е. А. Иванникова. О фразеологических единицах, эквивалентных словосочетанию. «Проблемы фразеологии и задачи ее изучения. Тезисы докладов». Череповец, 1965.

¹³ См.: О. А. Лаптева. Расположение компонентов устойчивого словосочетания как элемент его структуры. — ВЯ, 1959, № 3.

в частности, возможности установления соответствия между языковыми элементами плана содержания и плана выражения. Так, неотожждествляемость компонентов сочетания со словом — свойство элементов на одном уровне — не находит явного формального выражения на этом же уровне, но имеет формальное подтверждение на других уровнях: логико-грамматическом (интонация, ударение, в ряде языков — специальные частицы), формально-грамматическом (подстановки, замены, грамматическая сочетаемость). Ср. также выявление полисемии на морфологическом, синтаксическом, стилистическом уровнях.

Если относить, вслед за В. З. Панфиловым, функциональную, содержательную сторону актуального членения к логике, а средства — к грамматике, то следует считать, что актуализуемость элемента связана с соотношением его с понятием. Этот факт имеет чрезвычайно большое значение для рассмотрения вопросов о природе, типах, соотношении и разграничении слова, морфемы, значения.

Так, например, в некоторых работах утверждается, что в языке есть категории слов, не имеющих лексического значения и не соотносящихся с понятиями. С. Д. Кацнельсон «предлоги, союзы, частицы и многие другие слова (как, например, *вдруг, уже, очень, сам, некоторый, каждый, казаться, начинать* и др.)» определяет как «слова с грамматическим значением (или ... «грамматической функцией»)»¹⁴, служебные слова, не выступающие в речи в роли членов предложения и подлежащие компетенции грамматики.

Против такой точки зрения можно привести следующие возражения:

1) Эти слова имеют лексическое значение, что и отражается словарями: «Перед...1. На некотором расстоянии от лицевой стороны, впереди кого-, чего-либо — *Катерина Андреевна остановилась перед столом...* 6. В отношении кого-, чего-либо — *Савельич передо мною был прав...* 8. За некоторое время до чего-либо — *Перед отъездом...* 9. Впереди, рядом с кем-либо и в присутствии кого-либо, на виду у кого-либо — *Как важный Грим Смел чистит ногти перед ним...*»¹⁵ и т. д. В этих определениях содержится указание на набор дифференцированных семантических признаков, конституирующих значение. Особенно емки частицы по выражаемому ими смыслу (см. в словарях *лишь, таки* и др.).

2) Если содержащиеся в словарях формулировки считать характеристикой грамматической функции этих слов, их грамматического значения, то нужно еще доказать, что грамматические значения не соотносятся с единицами мышления.

¹⁴ С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. Л., 1965.

¹⁵ «Словарь современного русского литературного языка АН СССР (в 17-ти томах)», т. 9. М., 1959.

3) Эти слова могут быть выделены логически, могут актуализоваться, значит, они соотносятся с понятиями. Ср.: *Нет, дерево растёт перед домом; Он уже пришёл, Они начали играть, Каждый день надо приходить* и т. д. Явления логико-грамматического уровня и формальные средства этого уровня оказываются важными для установления соотношения языковых единиц и единиц мышления.

В. З. Панфилов, исходя из невозможности актуализации морфем, считает, что они имеют значение, но не выражают понятия, что свидетельствуется, в частности, «невозможностью сделать логическое ударение на морфеме как части слова»¹⁶. Однако, по-видимому, актуализация морфем лишь менее частотна, актуализуемость морфем выражена слабее, чем у слов, но вообще ее отрицать нельзя. Могут получить логическое ударение префиксы (*не ре солить, не до солить, при ставить, по д ставить, написать, по д писать, при писать, до писать* и т. д.) и выступать предикатами логического суждения (*нет, этот суп не ре солен*).

В особых условиях могут актуализоваться даже чисто грамматические морфемы (*чита л и, чита ю т, чита т, бу д е т чита т ь*). Могут ли вообще существовать значения без понятий? Если значение — функция, отношение между словом (или другим знаком) и понятием, то оно и существует постольку, поскольку существует слово (или другой знак) и понятие. Значение — то, что дает понятию быть выраженным в языке¹⁷. По-видимому, морфемы и слова связаны с разными типами понятий. При дифференциации смысловых единиц необходимо учитывать разные возможности языковых элементов к актуализуемости в речи.

Логико-грамматический уровень предложения оказывается, таким образом, чрезвычайно важным для исследования языка как знаковой системы. Тот или иной звуковой комплекс является знаком в зависимости от наличия соотнесенности его с какой-либо единицей мышления, каким-либо мыслительным содержанием. Эта соотнесенность сопровождается возможностью звукового комплекса актуализоваться в потоке речи. В таком случае интонация и ударение приобретают большее значение как формальные, объективные средства отождествления звукового комплекса со знаком.

Расчленение грамматического и логико-грамматического уровней и их специфических явлений, единиц, регламентаций совершенно необходимо при изучении синтаксиса предложения, при определении понятий предложения, предикативности, модаль-

¹⁶ В. З. Панфилов. Логика и грамматика, стр. 6—7.

¹⁷ В этой связи можно указать и на сомнительность положения, принятого при создании синонимического словаря, о наличии у синонимов смысловых различий при тождестве выражаемого ими понятия. См.: А. П. Е в г е н ь е в а. Проект словаря синонимов. М., 1964, стр. 10, 11.

ности, наклонения и т. д., выяснении роли порядка слов, интонации, логико-грамматического ударения в предложении.

Проиллюстрируем значение явлений логико-грамматического уровня для изучения предложения на примере установления синтаксических связей в предложении. В статье «Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения»¹⁸ Н. Ю. Шведова делает попытку выделить в структуре предложения самостоятельные распространители предложения, по форме совпадающие с компонентами словосочетания, но не являющиеся в действительности его членами. К таким распространителям относятся объекты: *Г р у б и я н а м не место в футболе*¹⁹; *С ы н у исполнился год*; *С п о г о д о й не везет*; *У э т о г о писателя уже опубликован сборник рассказов*; *Д л я р о д и т е л е й ты опять мальчишка*; *А р т и с т у удалось захватить зрителя своей игрой*, обстоятельства: *П р и а в т о п р о к а т е создаются общественные советы*; *Д о в о й н ы он был плотником*; *П о ф о р м е он как бы и прав, а п о с у щ е с т в у губит новое дело*, предложения с *когда, где*: *Т а м, на берегу, когда на землю опустится роса, остро и горько пахнет степная полынь*; *В одном из самых очаровательных мест Цейлона, у озера Паракрама, где прохаживаются розовые фламинго и пятнистые лани, мы увидели высеченное на камне изречение цейлонского профессора* — так называемые «придаточные предложения», в которых «придаточности... нет»²⁰.

Сделанные автором выводы чрезвычайно серьезны. Они резко изменяют существующие до сих пор способы и критерии установления связей в предложении. Серьезны последствия таких выводов и для лексикографии. Практика характеристики сочетаемости слов в словарях (ср., например, пометы *кому* при глаголах *удаваться, исполниться*, фразеологизме *не место* и т. д.) оказывается несостоятельной, а составление словаря сочетаемости — задачей проблематичной.

Однако при ближайшем рассмотрении концепция разграничения истинных и ложных сочетаний оказывается неубедительной. Приведенные автором в доказательство наличия в русском языке «детерминирующих членов» и «мнимых словосочетаний» примеры чрезвычайно пестры. Объективно они иллюстрируют самые разнообразные синтаксические явления, отражающие особенности связей слов в предложении. Это и употребление падежных форм (дательный, творительный падежи), обусловленных структурой оборота (*м не больно*), и зависимость падежной формы от лексико-

¹⁸ ВЯ, 1964, № 6.

¹⁹ Здесь и далее в примерах подчеркнута выделенная Н. Ю. Шведовой часть предложения, рассматриваемая ею как детерминирующий член.

²⁰ Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 93.

фразеологического или грамматического комплекса с большей или меньшей синтетичностью его структуры (*При жизни отца семья не знала забот; Будем бдительны во имя мира; Не хватило у него настойчивости с прокуратурой; Ему теперь хоть трава не расти; Отдал дачу в распоряжение местного Совета с просьбой использовать ее под детский сад*), и разные случаи двусмысленной синтаксической связи слов, когда для устранения этой двусмысленности большое значение приобретает порядок слов (*Между друзьями начался крупный разговор; При автопрокате создаются общественные советы*), и близкие к вводным части предложения (*Вопреки предсказаниям моего спутника, погода прояснилась*), и употребление падежных форм, позиции которых представляют собой по внутренней форме свернутые придаточные предложения (*Малышом он мечтал о многих профессиях*).

В основном же привлечший внимание автора материал объективно отражает проявления логико-грамматического уровня предложения.

Автор делает оговорку об использовании только письменной речи, которая не содержит данных об интонации и ударении. Однако для того, чтобы устранить допущение действия факторов логико-грамматического уровня, необходимы эксперименты с логическим ударением в анализируемых речевых отрезках. Следовало также давать более широкий контекст для этих отрезков, так как организация контекста предложения теснейшим образом связана с его актуальным членением. При наличии предположения о действии актуального членения в обследуемом материале посылка об использовании только письменной речи, в кратких извлечениях и без привлечения эксперимента, не корректна. Надо заметить, что для обоснования формально-грамматического анализа автор в ряде случаев отступает от установки использовать только письменную речь. Ср.: «По своему интонационному рисунку эти соединения резко отличаются от соединений первого типа; для них характерно подчеркнутое интонационное расчленение»²¹. Не ясно также определение письменной речи как ее противопоставление не устной речи, а разговорной²².

Определенный порядок слов (детерминирующий член в начале предложения) автор считает обычным для предложений такого типа. В приведенных автором примерах детерминирующий член оказывается в начале предложения в 209 случаях из 238.

Отрыв падежной формы от глагола и постановку ее в начало (или конец) предложения автор объясняет актуализацией только при наличии регулярной (необходимой) связи в словосочетании

²¹ Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 92, 93.

²² Там же, стр. 85.

(учить нужно детей). При отрыве же слабоуправляемой падежной формы последняя может быть только детерминирующим членом. Действие актуализации здесь отрицается без объяснений.

Указывая на «слабую изученность собственно грамматических норм словорасположения и зыбкость критериев того, что называется «актуальным членением»²³, автор оперирует все же некоторыми данными порядка слов для доказательства невхождения детерминирующего члена в словосочетание.

Так, если падежная форма, находящаяся в начале предложения, является детерминирующим членом, то в ряде случаев передвижение ее в предложении связано с установлением автоматического контактирования ее с именем. Ср.: *При автопрокате создаются общественные советы и Создаются общественные советы при автопрокате*. Остается неясным, почему нет «автоматического контактирования» падежной формы с глаголом и в словосочетании *создаваться при автопрокате* (в первом предложении)²⁴. Нужно заметить, что при анализе подобных предложений автор не ограничивает случаев изменения только синтаксических связей (*При автопрокате создаются общественные советы; Между друзьями произошла ссора*) и случаев изменения конкретного содержания предложения (*На Западе раздаются призывы перейти в наступление в битве идей и Раздаются призывы перейти в наступление в битве идей на Западе*) при передвижке падежных форм в предложении.

В подавляющем большинстве приведенных автором примеров нахождение элемента в начале предложения объясняется задачами логико-грамматической актуализации (хотя здесь можно говорить лишь об обычности, но не обязательности того или иного порядка слов при том или другом виде логико-грамматического членения). Формально-грамматические связи при этом не разрушаются. См. следующие примеры: *Уволейболистов победила женская команда столицы; Грубиянам не место в футболе; За окном стемнело; На часах было начало одиннадцатого; До войны он был плотником; По окончании университета он уехал в Сибирь; Вечерами геологи долго не расходились по палаткам; Из пустыков не стоит поднимать шум; В честь юбилея был устроен банкет; В результате усилий коллектива достигнуты большие успехи в работе; У саратовцев есть одна интересная идея; В Москву ожидается приезд команд США и Финляндии и т. д.*

²³ Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 84.

²⁴ Описаны случаи синтаксической двусмысленности, устраняемой только порядком слов (см.: К. А. Рогова. О порядке слов в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1964).

«Данное» (субъект, тема) при логическом членении — это известное, «новое» (предикат, рема) — неизвестное. «Известным» в данном акте мысли является такой смысловой отрезок, который уже был представлен в предшествующих актах мысли (в связанном тексте — только в предшествующем тексте), а не как известное, определенное, узнанное из контекста или ситуации. В материалах Н. Ю. Шведовой немало таких предложений, когда элемент, названный автором детерминирующим членом, оформлен как данное — известное. Ср.: *У этого писателя уже опубликован сборник рассказов; Тут нам знакомы все стороны вопроса; В связи с этим не полностью используются рабочие; Шофер долго хлопает дверцей: в ней испорчен замок; С ним не до шуток; По отношению к нему мы допустили бестактность* и под.

Н. Ю. Шведова считает, что «детерминирующий объект» и «детерминирующее обстоятельство» «опираются на структуру простых двучленных сочетаний с необязательной связью»²⁵. Однако фактически в приведенных ею материалах немало примеров, когда разрывается обязательная синтаксическая связь, т. е. связь, противопоставляемая только эллипсу. Так, например, в предложениях *Сыну исполнился год; Грубиянам не место в футболе; Ей мало было собственного дома; Ему теперь хоть трава не расти; С ней обошлись невнимательно* связь глагола (фразеологизма, беслично-предикативного слова) с падежными формами обязательна, регулярна. Разрыв такой связи может произойти только в связи с модификациями на логико-грамматическом уровне, что мы и видим в приведенных предложениях. Автор же считает, что формы *сыну, грубиянам, ей, ему, с ней* не являются членами словосочетаний.

Обязательной связью может быть и связь с обстоятельственным значением (хотя автор утверждает, что обязательная связь имеет только объектное значение). В этих случаях она противопоставляется не только эллипсу, но и синонимичной связи. В предложениях *Документ лежит у Виктора на столе; Тут в зарослях находится одна из интимнейших наших святынь* глаголы образуют истинные, а не «мнимые» сочетания с обстоятельствами места, так как не реализуются в данных значениях вне таких сочетаний. На логико-грамматическом уровне комплексы у *Виктора на столе* и *Тут в зарослях* могут выполнять функцию «данного» или «нового» и противопоставляться второй части предложения.

Отказавшись от интерпретации своего материала как отражающего членение на логико-грамматическом уровне, автор стремится отыскать в нем такие проявления, особенности, которые, по его

²⁵ Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 80.

мнению, свидетельствуют о существовании «детерминирующих членов» и «мнимых словосочетаний».

Истолкование соответствующих фактов содержит неточности, противоречия и натяжки. Утверждается, что предложения *Много веков человек был привязан к земле; При всех его достоинствах он мне не нравится; Еще в райцентре ему рассказали о делах колхозе* потому не содержат глагольных сочетаний со стоящей в начале предложения падежной формой, что недопустимы «исходные» сочетания *привязать (кого к чему) много веков, нравиться при всех достоинствах, рассказать в райцентре*. «Исходность», допустимость сочетаний — свойства, приписываемые произвольно. Несуществующими «системно» в языке считает автор сочетания *беготня в первом действии, бледность в первом действии, возобновление бесед по новому кругу, подчеркивание на отчетной конференции* и мн. др., что не аргументируется и не подтверждается материалами.

Утверждается, что в предложении *В Грузии вчера шел снег* нет сочетания *в Грузии шел*, так как «исключены трансформации группы «глагол + детерминирующий член» в именное словосочетание с существительным, словообразовательно соотносящимся с глаголом»²⁶. Но ведь здесь дело только в словообразовательных свойствах глагола, который не дает производного отглагольного существительного. Сочетание же *выпадение снега в Грузии* уже возможно. То же в аналогичным образом анализируемых предложениях *В парке выросла ледяная горка, В багровых отблесках огня кузнец казался великаном, На Ставрополье ширится движение за перевыполнение плана хлебозаготовок, При переполненных трибунах проходили встречи футбольного чемпионата*²⁷ и др. Получается, что в предложении *На Ставрополье расширяется движение за перевыполнение плана* — действительное глагольное сочетание (есть сочетание *расширение движения на Ставрополье*), а в предложении *На Ставрополье ширится движение за перевыполнение плана* — мнимое сочетание (нет именного сочетания).

«Мнимость» сочетания доказывается также «приемами проверки трансформируемостью». «Детерминирующие члены, — пишет автор, — не трансформируются в синонимическую конструкцию»²⁸. Однако в подавляющем большинстве приводимых автором примеров такая трансформируемость обычна, как вообще для всех форм с обстоятельственной связью: *У берега по льду еще можно ездить на тракторе* (ср. *возле берега*); *До войны он был плотником* (ср. *перед войной*); *По окончании университета*; *в ерситета он уехал...* (ср. *после окончания университета*);

²⁶ Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 87.

²⁷ Там же, стр. 90.

²⁸ Там же, стр. 88.

От испуга он не мог говорить (ср. вследствие испуга, с испуга); По проекту здесь вырастет крупнейший ... завод (ср. в соответствии с проектом). Доказывая же «нетрансформируемость», автор приводит такие предложения: *Враги социализма рассчитывали, что вместе с ликвидацией культа личности будет перечеркнуто все, сделанное партией и народом, Мои заботы ничто рядом с заботами ради-ста*. В первом из них, пишет автор, «детерминирующее обстоятельство со значением совместности, сопутствования (*вместе с ликвидацией культа личности*) не может быть заменено группой с *совместно*», во втором отмечается «возможность построения *Мои заботы ничто около (вблизи и т. п.) забот радиста*»²⁹. Однако здесь дело не в трансформируемости, а в том, что *вместе* в первом предложении имеет значение «одновременно», а не «совместно», а *рядом* во втором предложении имеет значение «в сравнении», а не «вблизи».

Совершенно неубедительно также рассуждение о системности связей в действительном сочетании *в первом действии выступать (играть, петь, танцевать и т. п.)* и несистемности связей в мнимом сочетании *в первом действии бежать (бледнеть, платить и т. д.)*, ср.: *В первом действии плательщица бледнеет и краснеет. Во втором — закрыв лицо руками, бежит по этажам... А в третьем — платит*, так как в первом и втором случае неодинаковы синтаксические отношения: в *первом действии выступать* — это объектные отношения (в чем), в *первом действии бежать* — это обстоятельственные отношения (когда), также системные (как и в первом случае).

Некоторые основания для усмотрения отсутствия связей в рамках словосочетания имеются в тех из приведенных автором примеров, в которых падежная форма представляет собой как бы свернутое придаточное предложение: *Малышом он мечтал о многих профессиях* («когда он был малышом»), *Сталева ром будешь получать до трехсот рублей* и под. Предложения эти интересны и в логико-грамматическом аспекте. Они как будто допускают два логических ударения: на элементе *малышом* и на любом другом (кроме элемента *он*). Однако типы актуального членения в простом и сложном предложении не изучены. Предложения указанного типа, а также «одночленные» фразы с нереализованным логическим ударением представляют для такого изучения большой интерес.

Выше приведены примеры значения явлений логико-грамматического уровня для исследования вопросов лексикологии, фразеологии, синтаксиса, вопросов теории знака, соотношения языка и мышления. Логико-грамматическое членение имеет большое значение и для многих других аспектов теоретического и при-

²⁹ Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 88.

кладного языкознания, например, для вопросов культуры речи, для теории построения выразительной как письменной (организация контекста, порядок слов, константность, дистантность отдельных элементов), так и особенно устной речи, когда реализуется интонация и ударение.

Начавшееся изучение логико-грамматического ударения дополняет наши представления о языке в целом, в особенности о тех его звеньях, которые непосредственно соотносятся с мышлением.

О ВЗАИМОСВЯЗИ МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА И РЕЧИ НА КОММУНИКАТИВНОМ УРОВНЕ

В. С. ЮРЧЕНКО

Объектом нашего анализа явится целое, образуемое взаимосвязью мышления, языка и речи на коммуникативном уровне, причем не языка (речи) вообще, а прежде всего русского языка. Многие положения, если они будут правильными для русского языка, будут правильными и для многих других языков, но, очевидно, не для всех. Как известно, существуют отдельные термины для обозначения соответствующих единиц этого целого: единицу мышления называют суждением, единицу языка — предложением, единицу речи обычно называют фразой. Задачей данной статьи является попытка по-новому подойти к решению проблемы взаимоотношения мышления, языка и речи на коммуникативном уровне, а именно: наметить некоторые самые общие пути для выделения указанных единиц мышления, языка и речи и отграничения их друг от друга, а также для выявления их взаимосвязи и взаимообусловленности.

При анализе проблемы о взаимоотношении суждения и предложения обычно допускалась одна ошибка: считалось, что отношение к суждению любого предложения — будь оно двусоставным или односоставным, глагольным или именным и т. д. — является одинаково прямолинейным и непосредственным. При решении данного вопроса фактически игнорировалась система в синтаксисе, т. е. игнорировался иерархический характер отношений между разными структурными типами предложения: фактически разные типы предложения рассматривались как лежащие на одном уровне, на одной плоскости и не связанные друг с другом. Нам же представляется, что более правильным было бы сначала проанализировать отношение к логическому суждению основной инвариантной структуры предложения и лишь затем рассмотреть, как

и почему видоизменяется это отношение при выражении логического суждения производными типами предложения.

Решение поставленной задачи начнем с поисков основной инвариантной структуры предложения. При нахождении этой структуры будем руководствоваться следующими двумя положениями:

1) Основная инвариантная структура предложения есть инвариантная структура основного типа предложения.

2) Основным типом предложения, очевидно, следует считать такой тип предложения, из инвариантной структуры которого логически выводятся все остальные типы предложения¹.

Таким образом, основная инвариантная структура предложения — это наиболее общая, базисная синтаксическая структура, которая имплицитно содержит в себе все другие структурные разновидности предложения и «порождает» их как свои языковые варианты.

Есть серьезные основания полагать, что основным типом предложения в русском языке, а также, очевидно, и в других индоевропейских языках, например английском, немецком, французском, является повествовательное распространенное двусоставное глагольное. Этот тип предложения встречается в речи наиболее часто. Кроме того, анализ показывает, что из инвариантной структуры этого типа логически выводятся другие структурные разновидности предложения, и прежде всего такие его важнейшие типы, как двусоставное именное, безличное и номинативное.

Важно подчеркнуть, что все перечисленные свойства основного типа предложения являются существенными, релевантными. Особенно приходится настаивать на свойстве распространенности. Оно обычно рассматривается как несущественное, в связи с чем, например, предложение, репрезентованное во фразе *Мальчик спит*, считается в такой же мере законченным, как и предложение, репрезентованное во фразе *Мальчик читает книгу*, а предложение, репрезентованное во фразе *Мальчик спит на диване*, считается даже структурно избыточным, так как *на диване* якобы ничего не добавляет к структурной завершенности предложения. Такого взгляда, как известно, придерживались и придерживаются представители не только традиционного языкознания, но и всех новейших течений в лингвистике, включая и структурализм.

Мы же считаем, что при выделении основной инвариантной

¹ См. также: В. С. Ю р ч е н к о. Об основной инвариантной структуре предложения и системе в синтаксисе. — В сб.: «Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка (материалы конференции). М., 1965; О н ж е. О системе в синтаксисе (методологический аспект проблемы). «Материалы научной конференции по методологии и методике лингвистических исследований». Уфа. Башкирский ун-т, 1966; О н ж е. Некоторые методологические вопросы исследования структуры предложения. «Материалы VIII межобластной конференции языковедов Поволжья». Куйбышев, 1967.

структуры предложения надо непременно взять за исходное распространенное (двусоставное глагольное) предложение, причем обязательно такое, которое распространено за счет приглагольных второстепенных членов — дополнения и обстоятельства. Это обусловлено, в частности, тем, что в противном случае нельзя будет, оставаясь на почве грамматики, сделать переход от нераспространенного предложения к распространенному, от подлежащего и глагола-сказуемого к дополнению и — особенно — обстоятельству. Как известно, такой переход обычно трактуется как распространение смысла (семантики), заключенного в главных членах предложения. Но такое толкование грамматиста удовлетворить не может. Кроме того, и с точки зрения методологической неверно пытаться вывести полную структуру, например, *Ребенок спит на диване* из неполной, усеченной структуры *Ребенок спит*. Чтобы найти основную инвариантную структуру предложения, надо подвергнуть основной тип предложения анализу, который предполагает процесс абстрагирования и обобщения, состоящий из двух этапов: 1) отвлечение от членов предложения, не связанных с глаголом-сказуемым, т. е. от определения и приименных¹ дополнения и обстоятельства; такое отвлечение обусловлено тем, что глагол-сказуемое, как увидим ниже, является конститутивным элементом, или ядром, инвариантной структуры предложения, в связи с чем те члены предложения, которые непосредственно с ним не связаны, в частности определение, лежат, очевидно, за пределами этой структуры (хотя эти члены предложения на следующих этапах анализа могут и должны быть выведены из этой первичной структуры); 2) сведение приглагольных дополнения и обстоятельства к единству на уровне инвариантного структурного содержания предложения.

Интерпретация дополнения и обстоятельства как единого члена предложения (а т р и б у т а в широком смысле слова) обусловлена тремя основными причинами.

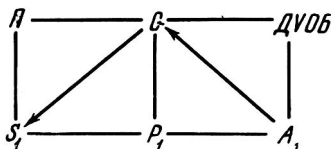
Во-первых, это связано с тем, что различие между дополнением и обстоятельством лежит на более высоком, точнее, на более конкретном уровне, предполагающем анализ отношений не грамматических классов слов (частей речи), из которых и образуется как раз инвариантная структура предложения, а лексических, точнее, лексико-грамматических подклассов слов, прежде всего подклассов глагола, но также и подклассов существительного; ср.: *Он влюбился в Москву* (дополнение) и *Он отправился в Москву* (обстоятельство), *Он писал пером* (дополнение) и *Он писал днем* (обстоятельство), где появление то дополнения, то обстоятельства обусловлено прежде всего лексико-семантическими различиями грамматически тождественных слов *влюбился* и *отправился*, *пером* и *днем*, хотя и не только этим. Влияние лексического значения того или иного слова на синтаксическую функцию другого слова (как и на собственную синтаксическую функцию) пред-

полагает наличие структуры предложения и может проявиться только в ней.

Во-вторых, дополнение и обстоятельство необходимо свести к единству еще и потому, что между ними действительно нельзя провести в синхронном (функциональном) плане никакой четкой границы. Так, если поместить на одном конце оси наиболее типичное дополнение (прямое), например *Он строит дом*, а на другом — наиболее типичное обстоятельство (образа действия), например *Он строит хорошо*, то между этими двумя, казалось бы, противоположными членами предложения можно поместить столько переходных, промежуточных форм (типа *Книга лежит на столе* — «где?» или «на чем?»), что крайние случаи объективно сольются, объединятся.

И, наконец, третьей основной причиной является тот факт, что наречие (обстоятельство) генетически возникает обычно из именных форм, первичная функция которых — выражать дополнение, причем этот процесс свойствен не только историческому прошлому языка, но и его настоящему. Существует мнение, согласно которому даже те наречия, которые выражают наиболее типичное обстоятельство, т. е. наречия на *-о* (типа *хорошо*), произошли из формы винительного падежа единственного числа имен существительных среднего рода, т. е. от той грамматической формы, которая выражает наиболее типичное — прямое дополнение².

Сведя дополнение и обстоятельство к единству (к единому инвариантному содержанию)³, мы легко можем установить, выявить инвариантную структуру основного типа предложения, иначе говоря, основную инвариантную структуру предложения. Последняя в этом случае будет включать в себя следующий оптимальный набор элементов: субъект₁, выраженный подлежащим, предикат₁, выраженный сказуемым, и атрибут₁, выраженный дополнением или обстоятельством (либо одновременно дополнением и обстоятельством)⁴.

² См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 64; В. А. Трофимов. О некоторых словосочетаниях наречного типа в современном русском языке. — ВЯ, 1960, № 4.

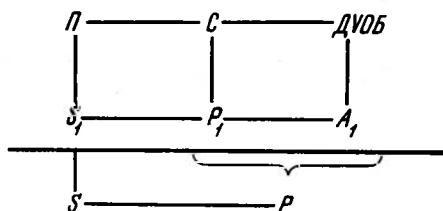
³ См.: Г. В. Колшанский. Логика и структура языка. М., 1965, стр. 103—108.

⁴ Условные знаки, сокращения: П — подлежащее, С — сказуемое, дЮвб — дизъюнкция «дополнение или обстоятельство» (означающая сторона предложения); S₁ — субъект₁, P₁ — предикат₁, А₁ — атрибут₁ (означаемая сторона предложения). Необходимо предостеречь против неправильного тол-

Таким образом, основная инвариантная структура предложения является не двучленной ($S_1\Pi-P_1C$), как принято думать, а трехчленной ($S_1\Pi-P_1C-A_1$ дVоб).

Если сделать следующий шаг на пути абстрагирования и обобщения, и, отвлекаясь от элементов формы «п—с—дVоб», свести два элемента структуры содержания P_1-A_1 к новому единству, а именно к логическому предикату (P), то мы получим уже формальнологическое суждение, точнее, его предметно-атрибутивное содержание: субъект (предмет) — предикат (признак). Другими словами, сведение двух элементов структуры содержания P_1-A_1 основного типа предложения к качественно новому единству, т. е. к P, представляет собой вых о д за пределы предложения и переход к структуре суждения.

Схематически это можно изобразить следующим образом:

Известно, что члены предложения в основном типе предложения связаны друг с другом таким образом, что образуют два состава: состав подлежащего и состав сказуемого. Эти два состава — не что иное, как языковая (грамматическая) форма выражения двух членов указанной логической структуры $S-P$, при этом состав подлежащего выражает субъект, а состав сказуемого — предикат. Особенно надо подчеркнуть то обстоятельство, что логический предикат (P) выражается не сказуемым, не грамматическим предикатом, как обычно считается, а всем с о с т а в о м сказуемого, т. е. $P_1 + A_1$. Отсюда видим, что (1) предложение может быть сведено к логической структуре $S-P$ лишь строго определенным и однозначным образом и что (2) т р е х ч л е н н а я инвариантная структура предложения выражает д в у ч л е н н у ю инвариантную логическую структуру $S-P$ (в этом и состоит сущность двусоставности предложения).

кования положений данной работы из-за омонимии терминов: здесь под субъектом, предикатом и атрибутом понимаются дискретные единицы синтаксического (структурного) содержания предложения. Поэтому первые два термина нельзя смешивать с формально-логическими терминами (субъект—предикат), а третий — с наименованием компонента атрибутивного словосочетания—определением. Чтобы разграничить эти три ряда понятий [1] субъект₁ — предикат₁ — атрибут₁; 2) субъект — предикат; 3) атрибут] будем употреблять термины, составляющие первый ряд, с индексом 1.

Но можем ли мы утверждать, что грамматическая структура (модель) предложения, даже не «наполненная» вещественным (лексическим) содержанием выражает некоторую логическую структуру $S-P$ (предмет — признак)? Безусловно, можем. Отрицать это — значило бы разрывать язык (предложение) и мышление.

Логическая структура $S-P$ представляет собой результат отражения в мышлении при помощи языка (предложения) всеобщей структуры объективного мира. При помощи предложения любое целостное, глобальное явление действительности, любой экстралингвистический факт логически (в мышлении) расщепляется на два первичных элемента: «предмет — признак», связанных между собою строго определенным образом, а именно: признак зависит от предмета.

Но логико-языковому отражению действительности, как и самой структуре $S-P$, присуще внутреннее противоречие, которое состоит в том, что в каждом отдельном случае выявленный предмет всегда один, а всевозможных признаков у него объективно бесконечно много. Это противоречие находит свое первое разрешение в том, что к структуре $S-P$ присоединяется второй признак (A_1), отличный от первого (P), вследствие чего логическая структура $S-P$ превращается в языковую категорию — структуру означаемой стороны предложения ($S_1-P_1-A_1$). Иначе говоря, присоединение к структуре $S-P$ второго признака происходит на уровне инвариантного структурного содержания предложения, которое в связи с этим представляет собой первую ступень конкретизации нашего знания о предмете.

Таким образом, в отличие от логической структуры $S-P$, в которой отражен один, к тому же предельно абстрактный признак, в означаемой стороне предложения содержатся уже два, притом различных признака: P_1 и A_1 . При этом важно, что оба признака характеризуют один и тот же предмет (S_1) и, следовательно, оба зависят от него.

Но чем же обусловлено различие между P_1 и A_1 ? И к чему оно сводится? Поскольку связь между элементами структуры $S_1-P_1-A_1$ обусловлена тем, что элементы располагаются во временной последовательности, иначе говоря, линейным характером языковых единиц, то A_1 (второй признак) не может относиться к S_1 (предмету) непосредственно, а только через посредство P_1 (первого признака), точнее, через форму его выражения — глагольное сказуемое. А это, в свою очередь, означает, что языковый предикат (P_1), в отличие от логического (P), не только выражает признак предмета, но и занимает особое, центральное положение во всей структуре предложения — является опосредствующим звеном между A_1 , выраженным дополнением или обстоятельством, и S_1 , выраженным подлежащим. Тем самым P_1 вместе с формой своего выражения — глагольным сказуемым становится основным, конститутивным элементом (ядром) всей структуры предло-

жения. Что же касается A_1 и форм его выражения — дополнения и обстоятельства, то они, занимая крайнее, периферийное положение, становятся, в свою очередь, второстепенными членами.

Таким образом, различие между P_1 и A_1 (активная, связующая роль первого и зависимое положение второго) с точки зрения лингвистической обусловлено линейным характером структуры предложения.

Анализ показывает, что найденная нами основная инвариантная структура предложения обладает двумя важными свойствами. Прежде всего, два элемента означаемой стороны предложения — S_1 и P_1 , — входящие в эту структуру, могут устраняться, редуцироваться в самом языке. Причины этого явления, очевидно, лежат в самой природе элементов, образующих инвариантную структуру предложения, и в способе их связи между собою.

Выше уже отмечалось, что природа элементов, образующих структуру означаемой стороны предложения ($S_1—P_1—A_1$), имеет предметно-атрибутивный характер. Эти элементы представляют собой, по существу, результат отражения в языке (предложении) — через ступень логической структуры $S—P$ — всеобщей структуры объективного мира, т. е. результат расщепления в языке (предложении) любого явления экстралингвистической действительности на предмет (S_1) и два его различных признака (P_1 и A_1). Наличие же в инвариантной структуре предложения двух признаков создает объективную возможность устранения, редукции одного из них. При этом редукции в языке подвергается не тот элемент (признак), который занимает крайнее, периферийное положение, т. е. не A_1 , а тот, который занимает «срединное» положение, т. е. P_1 .

Что касается связи между элементами основной инвариантной структуры предложения, то, она, как уже отмечалось, обусловлена тем, что элементы располагаются во временной последовательности, иначе говоря, линейным характером языковых единиц. В силу этого A_1 не может относиться к S_1 непосредственно, а только через посредство P_1 , точнее, через форму его выражения — глагольное сказуемое. Предикативное (сказуемое) отношение, которое является конститутивным, специфическим для структуры предложения, и есть отношение A_1 , выраженного дополнением или обстоятельством, к S_1 , выраженному подлежащим, через глагольное сказуемое — форму выражения P_1 . Как видим, предикативное отношение связывает в органическое единство все элементы основной инвариантной структуры предложения, а также оба ее плана — план содержания и план выражения. Предикативное отношение пронизывает все предложение, исключая лишь один его член — определение, которое входит в структуру предложения в качестве элемента словосочетания.

Опосредствующая функция сказуемого, в свою очередь, обуславливает то, что оно выступает как бы «заместителем» (субсти-

тутом) S_1 , получая от последнего в связи с этим его некоторые важнейшие грамматические черты: так, сказуемое уподобляется S_1 — подлежащему по грамматическому признаку лица, а также числа и рода. Это обстоятельство имеет двойное значение: во-первых, категория лица, а также числа и рода является грамматической (формальной) основой, на которую опирается предикативное отношение, а во-вторых — повторение некоторых признаков (свойств) S_1 в форме P_1 , т. е. в глагольном сказуемом, создает объективную возможность устранения, редукции S_1 .

Последствия редукции S_1 и P_1 весьма значительны; в конечном счете они сводятся к появлению в языке новых типов предложения, качественно отличных от его основного типа — распространенного двусоставного глагольного.

Редукция S_1 ведет к появлению в языке безличных предложений типа *Светает*. При этом в плане выражения остается как бы след S_1 — в форме некоторого подобия категории лица и рода у сказуемого, выраженного безличным глаголом, ср. *Светает, Светало*, или, как, например, в немецком, английском и французском, в форме безличного местоимения, ср.: *es regnet, it rains, il pleut*. В безличном предложении A_1 свободно находит свое проявление (ср. *Светает рано*), но предикативное отношение в связи с редукцией S_1 здесь существенно деформировано.

Будучи внутриязыковым образованием, безличное предложение не соотносится непосредственно с логической структурой $S - P$. Только один член этой структуры — предикат — эксплицитно выражен в данном типе предложения (в этом и состоит сущность односоставности безличного предложения).

Редукция S_1 — процесс постепенный, основные ступени которого являются релевантными. Определенно-личное, обобщенно-личное и неопределенно-личное предложения — это отдельные значимые ступени редукции S_1 .

Редукция P_1 ведет к тому, что его место начинает занимать A_1 , который получает в этом случае непосредственную зависимость от S_1 и таким образом становится предикативом — содержанием именного сказуемого. Следовательно, в результате редукции P_1 в языке возникают именные предложения типа *Брат является инженером. Мальчик — очень способный* и т. д. Редуцированный P_1 оставляет в плане выражения свой след в форме материальной или нулевой глагольной связки: ср.: *Он был, (есть), будет инженер*. Редукция P_1 , точно так же как и редукция S_1 , происходит постепенно, о чем свидетельствует, в частности, факт отсутствия четкой границы между связочными и знаменательными глаголами.

В именных предложениях предикативное отношение есть отношение именной части сказуемого (предикатива) к S_1 — подлежащему через посредство глагольной (наличной или нулевой) связки. Предикативное отношение в именном предложении прояв-

ляется наиболее полно и четко. Именное предложение также наиболее адекватно выражает логическую структуру S — P.

Второе свойство основной инвариантной структуры предложения состоит в том, что каждый из элементов ее плана содержания ($S_1 — P_1 — A_1$) вместе с соответствующим элементом плана выражения (П—С—ДУ об) может *опускаться в речи*, причем — и это особенно важно подчеркнуть — пропуск в речи A_1 , выраженного дополнением или обстоятельством, в отличие от пропуска S_1 или P_1 , обычно не нарушает структурную цельность предложения как единицы языка. Это объясняется тем, что при пропуске A_1 предложение предстает перед нами как цельное структурное ядро, состоящее из S_1 — подлежащего и P_1 — сказуемого и имеющее все необходимое, чтобы осуществилась его специфически предикативная функция: абсолютно любое нераспространенное глагольное предложение может быть распространено за счет A_1 , выраженного дополнением или обстоятельством. А это значит, что пропуск атрибута в речи не затрагивает основную инвариантную структуру предложения как единицу языка. Нераспространенное предложение есть сохраняющий свою структурно-языковую цельность речевой вариант распространенного. Отсюда видим также, почему происходит фетишизация главных членов предложения и отношение между ними, которое почти всеми рассматривается как предикативное. На самом же деле оно является лишь частью более сложного — транзитивного по своей логической природе и конститутивного для структуры предложения — отношения и может быть правильно понято только через это последнее.

Чтобы состоялся акт речевого общения, грамматическая структура (модель) предложения должна наполниться конкретным лексическим (вещественным) содержанием. Такое наполнение происходит в речи; оно приводит к образованию реальной коммуникативной единицы — фразы, которая характеризуется целым рядом особенностей, причем таких, которые, с одной стороны, отграничивают ее от предложения, а с другой — одновременно неразрывно связывают ее с ним⁵. Подобно предложению, фраза тоже может рассматриваться в двух аспектах: со стороны своего внутреннего содержания и со стороны внешней формы. До сих пор обычно рассматривалась лишь внешняя сторона фразы, особенно ее интонационная форма, а что касается специфически фразового содержания, то оно, как правило, не исследовалось.

⁵ Предложение и фразу в нашем понимании ср. с предложением и высказыванием у Б. Трнки; см. его статьи: Morfologické protiklady. «O vědeckém poznání soudobých jazyků». Nakladatelství Československé Akademie věd. Praha, 1958; Principles of morphological analysis. «Philologica Pragensia», IV, 3, 1961.

На наш взгляд, фразовое содержание характеризуется следующими основными чертами (перечисляем их, сопоставляя с соответствующими особенностями выявленного выше плана содержания предложения).

1) Если содержание предложения ⁶ является инвариантным, т. е. постоянным, неизменным, то содержание фразы, наоборот, является вариантным, так как всякий раз изменяется от одной фразы к другой.

2) Если содержание предложения является структурой, которая имеет определенное число элементов, связанных между собой строго определенным образом ($S_1 - P_1 - A_1$), то содержание фразы, наоборот, является «сплошным», глобальным. Оно имеет смысл только как целое.

3) Если содержание предложения является грамматическим ($S_1 - P_1 - A_1$), то содержание фразы является лексическим, вещественным. Это важное различие обусловлено тем, что слова входят в предложение своей грамматической стороной — грамматической формой и грамматическим значением, а во фразу — своей лексической стороной.

4) Если содержание предложения соотносится с любым явлением экстралингвистической действительности, следовательно является виртуальным, то содержание фразы соотносится лишь со строго определенным явлением, т. е. актуализировано. Это различие связано с тем, что в содержании предложения находит свое отражение всеобщая структура мира (предмет и его признаки), а в содержании фразы — конкретное, т. е. локализованное определенным образом во времени и пространстве явление действительности.

Представим перечисленные признаки в таблице:

	Содержание предложения ($S_1 - P_1 - A_1$)	Содержание фразы
1	Инвариантное	Вариантное
2	Структурное	Глобальное
3	Грамматическое	Лексическое
4	Виртуальное	Актуализированное

Указанные признаки связаны друг с другом не только при переходе из языка в речь и обратно (инвариантное — вариантное; структурное — глобальное и т. д.), но и в пределах каждой из рассматриваемых единиц в отдельности (инвариантное — струк-

⁶ Термин «Содержание предложения» тождествен в данной работе термином «план содержания предложения» и «означаемая сторона предложения». Различие между этими тремя терминами чисто стилистическое.

турное и т. д.; вариантное — глобальное и т. д.). А это, в частности, означает, что лексическое в речи является одновременно актуализированным, поэтому его никак нельзя смешивать с лексическим в языке.

Признаки 3 и 4 являются важнейшими: они определяют основной, специфически лингвистический водораздел между предложением и фразой. Последний, как видим, проходит на грани грамматического и актуализированного лексического. Предложение — это структурно-грамматическая основа вещественного (лексического), при этом обязательно актуализированного содержания фразы. Предложение — это грамматический фундамент, на котором зиждется ее индивидуально-лексическое содержание, внешне оформляемое при помощи интонации. Но отсюда следует, что предложение и фраза одновременно и различны между собой и, предполагают, взаимно дополняют друг друга.

Анализ процесса речевой коммуникации показывает, что фраза является одним из элементов структуры речевой ситуации, другими элементами которой выступают, с одной стороны, субъекты речевого акта (говорящий и слушатель), а с другой — то или иное явление экстралингвистической действительности, которое находит свое отражение, во-первых, в сознании (мышлении) субъектов речи, а во-вторых, объективно в самой фразе. Все элементы структуры речевой ситуации взаимосвязаны, а это значит, что объективно взаимосвязаны между собой субъекты речевого акта: говорящий, слушающий и фраза. Фразы не может быть без данных, конкретных субъектов речи, как и наоборот, субъектов речи — с точки зрения лингвистической, конечно, — не может быть без фразы. Последняя как раз и связывает между собой говорящего и слушателя, а без такого «связывания» (т. е. без понимания — через фразу — слушателем говорящего) не может быть никаких субъектов речи.

Но фраза находится в противоречивых отношениях с субъектами речи. Это проявляется в том, что в процессе речевой коммуникации фраза всякий раз распадается на две части, которые находятся в разных, неодинаковых отношениях к двум субъектам речевого общения: одна часть фразы, еще до ее произнесения, известна не только говорящему, но и слушателю (последнему она известна либо из контекста, чаще всего из предшествующей фразы, либо из речевой ситуации), — эта часть представляет собой основу высказывания; а другая часть не известна слушателю до произнесения фразы, ибо определяется одним лишь говорящим, — эта часть является целью, или поводом высказывания. Первую часть назовем **данное (Д)**, а вторую — **предикруемый член (П)**⁷.

⁷ Более подробно об этом см. мою работу «Некоторые вопросы теории актуального членения фразы» (сб. «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Изд-во Саратовского ун-та, 1965).

Данное и предизируемый член предполагают друг друга: нельзя сообщить кому-либо нечто новое (П), не присоединив его к уже известному для слушателя, к данному; с другой стороны, никакого целенаправленного речевого акта не состоится, если мы сообщим слушателю только данное, не присоединив к нему нечто новое. Следовательно, Д и П взаимосвязаны; тем самым они образуют определенную двучленную структуру. Ее ядром, или конститутивным элементом, является предизируемый член,— поскольку последний, в отличие от данного, никогда в речи не опускается; иначе говоря, предизируемый член всегда имеет словесное выражение.

Отношение между Д и П есть отношение *п р е д и ц и р о в а н и я*, которое проявляется в двух общих формах: 1) в форме *утверждения* чего-либо о чем-либо (ср.: Этот завод *досрочно выполнил годовой план*); 2) в форме *отрицания* присущности чего-либо чему-либо (ср.: Этот завод *не является отстающим предприятием*). Кроме того, отношение между Д и П может быть также квалифицировано либо как истинное (если оно соответствует объективной связи между явлениями или сторонами действительности), либо как ложное (если оно не соответствует объективной связи явлений или сторон действительности). Но отсюда следует, что связь между Д и П (предизирувание) имеет по существу чисто логический, а не лингвистический характер и что сама структура Д—П в связи с этим является логическим суждением⁸, если брать это последнее в том его классическом определении, которое было дано ему еще Аристотелем. Как известно, Аристотель говорил, что суждение есть «высказывание, утверждающее или отрицающее что-нибудь о чем-нибудь»⁹.

Однако членение фразы на Д и П, внутренняя природа которого, как было сказано, является логической, имеет также и лингвистические аспекты, которые в основном сводятся к следующим трем моментам: 1) указанное членение лингвистически обусловлено связью фразы с участниками речи: говорящим и слушателем; 2) это членение, как увидим ниже, взаимодействует с грамматической структурой предложения; 3) оно имеет чисто лингвистические средства выражения (интонация, порядок слов, специальные слова-частицы).

Учитывая, с одной стороны, внутреннюю логическую природу структуры Д—П, а с другой — то, что ей присущи также и лингвистические аспекты, мы будем называть эту структуру *актуальным суждением*. Второй компонент термина (суждение) указывает на структурный характер продукта рас-

⁸ Ср. толкование этой структуры как логической в кн: В. З. Панфилов. Грамматика и логика. М.—Л., 1963, стр. 32—33.

⁹ Аристотель. Аналитики первая и вторая. М., 1952, стр. 9.

смаатриваемого членения фразы и его логическую сущность, а первый (актуальное) — на его лингвистические аспекты.

Основным средством оформления предизируемого члена, представляющего собой ядро актуального суждения, является логическое ударение. Последнее, вообще говоря, не связано с определенными членами предложения и поэтому может падать на любое слово фразы. Иначе говоря, предизируемый член может быть выражен любым словом (или группой слов), входящим во фразу, а остальные слова становятся соответственно выражением данного. Следовательно, Д и П не закреплены взаимнооднозначно за определенными компонентами фразы, а свободно взаимодействуют с ними.

Это обстоятельство создает возможность образования из предложения, наполненного одним и тем же лексическим (вещественным) содержанием, целого ряда индивидуально-определенных фраз, причем таких, которые будут иметь различное коммуникативное содержание и выполнять в связи с этим в речи различные коммуникативные функции, в частности отвечать на разные вопросы.

Выше было показано, что фраза неразрывно связана с грамматической структурой предложения. Отсюда естественно возникает вопрос: как же относится актуальное суждение Д—П, которое представляет собой результат логического членения фразы, обусловленного ее различным отношением к говорящему и слушателю, к логической структуре S—P, выражением которой является предложение (состав подлежащего и состав сказуемого)?

На первый взгляд кажется, что между актуальным суждением и логической структурой S—P нет никакой связи. Такое мнение может сложиться по двум причинам: во-первых, потому, что Д и П не закреплены каким-то единственным и однозначным образом за компонентами фразы, а стало быть, и за членами предложения, тогда как члены логической структуры S—P закреплены за двумя составами предложения строго однозначно (субъект — за группой подлежащего, предикат — за группой сказуемого); во-вторых, потому, что Д и П непосредственно взаимодействуют не с членами предложения, а лишь с тем конкретным вещественным (лексическим) содержанием, которым последние наполняются в данной фразе. Так, для произносящего фразу *Мой брат уехал вчера в Москву* важно выделить не синтаксический член предложения — обстоятельство места, а лишь то вещественное содержание, которое заключено в словах *в Москву* и которое отличается от вещественного содержания, выраженного, например, словами *в Ленинград*.

Однако и та и другая причина проявляет себя лишь в каждом отдельном и конкретном случае, потому что в целом, в итоге, — как показывает анализ большого количества речевого материала, — действуют какие-то иные закономерности, так как между

членами актуального суждения и членами предложения все же намечается определенная связь, зависимость.

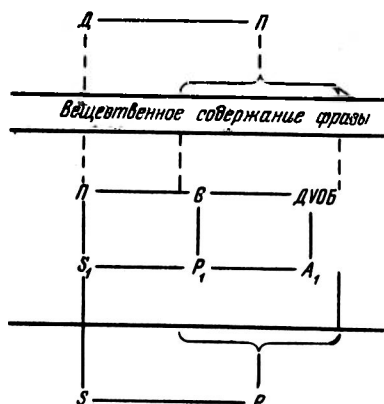
Так, можно отметить совершенно явную тенденцию, которая состоит в том, что предизируемый член в подавляющем большинстве случаев (по нашим подсчетам, примерно в 90 случаях из 100) ¹⁰ выражается словами, которые входят в состав сказуемого, а данное в связи с этим столь же часто выражается словом, которое является подлежащим. Связь членов актуального суждения Д и П соответственно с подлежащим и сказуемым очень ярко проявляется, в частности, в предложениях тождества (типа *Пушкин — поэт*), в которых подлежащее и сказуемое на языковом уровне не дифференцируются, формально не различаются. В этих предложениях сказуемым всегда является тот компонент, который вместе с тем выступает в качестве предизируемого члена, а подлежащим — тот, который функционирует как данное. Внутренняя связь предизируемого члена со сказуемым подтверждается также и тем, что определение при номинативном предложении (например, *Зеленая трава*) превращается в сказуемое, если на него падает логическое ударение, ср. *Зеленая трава*. Отсюда следует, что случаи синтаксической нейтрализации между подлежащим и сказуемым или между сказуемым и определением устраняются на уровне актуального (логического) членения фразы, причем таким образом, что сказуемое соотносится с предизируемым членом, а подлежащее — с данным.

Но объективная связь актуального членения фразы с грамматическим членением предложения на состав подлежащего и состав сказуемого есть по существу связь актуального суждения с логической структурой S—P, выражением которой являются указанные «составы» предложения. А если это так, то можно высказать предположение, что актуальное суждение есть реальное (речевое) проявление логической структуры S—P и что, следовательно, логическое суждение, рассматриваемое в плане взаимоотношения мышления, языка и речи, есть единство двух структур, из которых одна (S—P) является предметно-атрибутивным содержанием логического суждения, а другая (Д—П) — его внешней речевой формой ¹¹.

¹⁰ В. С. Юрченко. О функционально-структурных типах фразы в русской разговорной речи. «Вопросы стилистики», вып. 1. Изд-во Саратовского ун-та, 1962, стр. 136—139.

¹¹ Такое предложение находит свое подтверждение и в выводах ученых-логиков. Так, П. В. Таванец считает, что «по своему формальному содержанию всякое суждение выступает как мысль, имеющая атрибутивный характер...», тогда как «признак «быть утверждением или отрицанием чего-либо о чем-либо» является отличительным признаком формы суждения» («Вопросы теории суждения». М., 1955, стр. 18—19). См. также: М. Н. Алексеев. Диалектика форм мышления. М., 1959, стр. 106, 107 и др.

Таким образом, не только предложение и фраза, но и логические структуры $S-P$ и $D-\Pi$ взаимосвязаны и предполагают друг друга. Покажем на схеме взаимосвязь всех четырех единиц ¹²:

Из проведенного анализа видим, что суждение, предложение и фраза предстают перед нами как действительно диалектическое единство — такое, в котором происходит как бы «замыкание на себя», потому что структура, которая лежит в о с н о в а н и и всего единства ($S-P$), обогатившись языковым и речевым содержанием, выступает затем как своеобразный преобразованный результат этого единства ($D-\Pi$).

Наблюдения показывают, что актуальное суждение выражает логическую структуру $S-P$ наиболее адекватно в именных фразах типа *Москва — столица СССР*, *Дерево — высокое* и т. д. Этому способствует особый характер инвариантной структуры именного предложения. Последняя является двучленной, что, как мы видели, обусловлено редукцией P_1 и преобразованием A_1 в P_1 . Будучи же двучленной, структура именного предложения ближе стоит к бинарным логическим структурам $S-P$ и $D-\Pi$, чем трехчленный инвариант двусоставного глагольного предложения.

Что же касается фраз, в основе которых лежит распространенное двусоставное глагольное предложение, то здесь совпадение актуального суждения и логической структуры $S-P$ бывает как полным: D (*Директор нашего завода*) — Π (*уехал в Москву*), так и частичным (*Директор нашего завода уехал в Москву*) — Π (*вчера*).

Но актуальное суждение, по-видимому, никогда не выражает логическую структуру $S-P$ абсолютно адекватно; более того,

¹² Сплошными линиями отмечены постоянные связи, а пунктирными — наиболее вероятные (итоговые).

в отдельных случаях между указанными двумя структурами возникает как бы противоречие, которое внешне сводится к тому, что в качестве данного функционирует не подлежащее, а группа сказуемого, а в качестве предикцируемого члена — соответственно подлежащее (или его группа): Д (*В Москву уехал*) — П (*директор нашего завода*). Таким образом, логическая структура S—P и актуальное суждение Д—П не только взаимосвязаны, но и относительно самостоятельны.

С точки зрения методологической, такое несовпадение содержания и формы не является чем-то случайным, необычным; оно наблюдается и в других областях действительности¹³. Однако конкретная совокупность причин, порождающих указанное противоречие, должна быть детально исследована и объяснена, и сделать это — насущная задача лингвистов и логиков.

Со своей стороны укажем лишь, что возможность несовпадения структур S—P и Д—П обусловлена уже тем обстоятельством, что они разделены языком (предложением) и речью (фразой). Это создает некоторый разрыв между названными структурами, потому что при такой взаимосвязи мышления, языка и речи, с одной стороны, логическая структура S—P непосредственно взаимодействует с предложением, в основе которого лежит не один признак, а два — P₁ и A₁, которые оба в равной мере могут предикцироваться, т. е. выступать в качестве предикцируемого члена, а с другой — актуальное суждение в каждом отдельном случае непосредственно взаимодействует с вещественным содержанием фразы, которое относительно независимо от предложения.

Однако случаи несовпадения, как полного, так и частичного, структур S—P и Д—П обусловили то, что одни ученые считают логическим суждением структуру S—P, а другие — структуру Д—П (необходимо только иметь в виду, что в истории языкознания и логики та и другая структуры часто трактовались идеалистически и психологически), и споры о том, кто прав, идут вот уже в течение столетия, если не более, с переменным успехом то той, то другой точки зрения. При этом большинство современных логиков и лингвистов склонно считать логическим суждением структуру Д—П.

Впрочем, интересно отметить, что истолкование логического суждения то как структуры S—P, то как структуры Д—П имеет место обычно при теоретическом осмыслении единицы мышления, в частности при прямом ответе на вопрос: что такое суждение и как оно относится к предложению? Когда же логики практически оперируют суждением (например, рассматривая вопрос о классификации суждений и т. д.), то они чаще

¹³ Ср., например, отклонение цены от стоимости товара, денежным выражением которой она является («Политическая экономия». М., 1962, стр. 61, 67).

всего понимают его как единство структур S—P и Д—П, что видно хотя бы из того, что они всегда иллюстрируют свои рассуждения именными фразами, в которых эти структуры, как правило, совпадают.

Итак, предложение и фраза «разными путями» сводятся к формально-логическому суждению: предложение — через грамматическое членение на состав подлежащего и состав сказуемого, а фраза — через актуальное членение на данное и предизируемый член. При этом предложение сводится к предметно-атрибутивному содержанию логического суждения, а фраза — к его внешней речевой форме. Следовательно, предложение и фраза, помимо своего рече-языкового единства, органически связаны также и единством выражаемой ими единицы мышления — суждения.

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ТРУДАХ ВИЛЬГЕЛЬМА ГУМБОЛЬДТА И В НЕОГУМБОЛЬДТИАНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

В. М. ПАВЛОВ

Неогумбольдтианское направление в современном языкознании стремится к выведению методики анализа и описания конкретных языков из некоторой системы общих положений о природе языка, в которых центральное место занимает вопрос об отношении языка, мышления и действительности, мира «вещей». Обсуждение проблемы языка и мышления выдвигает поэтому в качестве одной из задач критическое рассмотрение неогумбольдтианской философии языка. Она приобретает особый интерес уже благодаря развернутому характеру теоретических построений, выгодно отличающему неогумбольдтианство от многих идеалистических школ современного буржуазного языкознания, которые предпочитают уклоняться от открытого изложения своих философских позиций. К тому же в неогумбольдтианской теории существенную роль играет учет многообразия языков мира и их действительных различий, что заставляет еще и еще раз задуматься над весьма серьезным противоречием, не преодоленным пока еще и в материалистическом языкознании. Это противоречие выявляется при сопоставлении нескольких принципиальных положений, каждое из которых в общем виде представляется бесспорным: а) мышление человека едино в своих закономерностях, поскольку в нем осуществляется опосредованное отражение

единых закономерностей объективной действительности; оно не зависит, следовательно, в этом отношении от различий национальных языков; б) язык и мышление представляют собой неразрывное единство, одно не существует без другого; в) каждый национальный язык отличается глубоким формальным и смысловым своеобразием. Задача заключается в таком развитии этих положений, которое позволило бы объединить их в строгую систему последовательной и непротиворечивой теории. Очевидно, что узел противоречия — в положении о единстве языка и мышления, и от направления конкретизации этого тезиса зависит сама возможность построения такой теории.

Неогумбольдтианское языкознание отнюдь не ориентируется на требование согласовать национальное своеобразие языков с единством человеческого мышления. Более того, единство человеческого мышления фактически отвергается как Гумбольдтом, так и его современными последователями. По этому важнейшему вопросу философия языка Гумбольдта и неогумбольдтианской школы стоит в непримиримом противоречии с марксизмом: «Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же ...» (Маркс). Тем не менее мы с большим интересом обращаемся к гумбольдтианскому направлению в философии языка. Его анализ необходим, чтобы разработать такую постановку вопроса, которая отвечала бы поставленной выше задаче.

В рамках краткого сообщения нет возможности останавливаться на отличиях неогумбольдтианской философии языка от концепции Гумбольдта. Но с точки зрения нашей темы они и несущественны. Главный теоретик неогумбольдтианства, боннский профессор Лео Вейсгербер, во всем основном, что касается отношения языка, мышления и действительности, опирается на Гумбольдта.

В связи с задачей настоящего сообщения нужно иметь в виду следующие стороны воззрений Гумбольдта на язык.

1. В познавательном отношении есть субъективная сторона: «Совокупность доступного познанию лежит, как поле, обрабатываемое человеческим духом, между всеми языками и независимо от них, посредине; человек может приблизиться к этой чисто объективной сфере не иначе, как посредством свойственных ему способов познания и чувствования, то есть субъективным образом»¹. Возразить пока нечего. Однако субъективной стороне Гумбольдт придает ведущую, определяющую роль в познавательном процессе. Синтезируя этот акцент на субъективном с тези-

¹ W. von Humboldt. Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung. «Wilhelm von Humboldts gesammelte Schriften», Bd IV. Hrsg. von der Königl. Preuß. Akad. der Wissenschaften. Berlin, 1905, стр. 27.

сом о единстве языка и мышления, Гумбольдт ставит идеи в одностороннюю зависимость от языка и приходит к субъективистской картине всеобщей связи: «Так как чувство и деятельность человека зависят от представлений, а представления от языка, то все вообще отношения человека к внешним предметам обусловлены тем, как эти предметы представляются ему в языке»². Следующим шагом теории естественно оказывается положение о национально-своеобразном «языковом мировоззрении»³.

2. Как известно, основным способом существования языка Гумбольдт считал его существование в деятельности и как деятельности (язык как *energeia*). Все, с чем сталкивается человек, его деятельность, язык «преобразует в собственность духа»⁴. При этом необходимо указать на глубокую внутреннюю связь между тезисом о языке как *energeia* и идеей «языковой внутренней формы». «Языковая внутренняя форма» в теории Гумбольдта — не элемент языка или свойство некоторой категории языковых образований, а важнейший атрибут языка в целом. Язык в качестве *energeia*, т. е. в первичном и основном способе своего существования, и есть «языковая внутренняя форма»⁵, форма процесса «преобразования» мира «в собственность духа». Гумбольдт последователен. Отрыв субъекта от объекта закономерно ведет к поискам источника упорядочения чувственных впечатлений внутри самой духовной, идеальной сферы и в ее самостоятельной активности. Кант видит это упорядочивающее начало в априорных категориях разума. Гумбольдт аналогичную роль отводит языку. «Языковая внутренняя форма» — национально-своеобразный способ представления предметов внешнего мира, стоящий между человеком и природой и создающий особое «языковое мировоззрение» каждого народа⁶.

Как же, в связи с указанными сторонами концепции Гумбольдта, представляется в его теории единство языка и мышления? Хотя среди формулировок Гумбольдта можно встретить и такие, в которых язык и мышление различаются как явления, между которыми устанавливаются известные отношения (например, «язык есть орган, образующий мысль»⁷), в теории Гумбольдта гораздо сильнее выступает направленность на неразличимое

² W. von Humboldt. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1836, стр. 58—59 (факсимилеgetreuer Nachdruck — Berlin, 1935).

³ W. von Humboldt. Über die Verschiedenheit..., стр. 58.

⁴ W. von Humboldt. Über den Nationalcharakter der Sprachen (Bruchstück). «Wilhelm von Humboldts gesammelte Schriften», Bd IV, стр. 420.

⁵ W. von Humboldt. Über die Verschiedenheit..., стр. 44—45; 91 и сл.

⁶ W. von Humboldt. Über die Verschiedenheit..., стр. 46.

⁷ Там же, стр. 50.

слияние мышления со смысловой стороной языка. Язык представлен как отношение «звук : мысль», вернее, в связи с «энергетическим» пониманием языка, следовательно, с переходом от языка к речи («самое существование духа можно себе представить только в деятельности и как деятельность»⁸) — как отношение «звучание : мышление». Мы отдаем себе отчет в том, что, исключив из анализа антиномию языка как *energeia* и языка как *ergon*, мы идем по линии упрощения концепции Гумбольдта. Однако это упрощение не задевает того круга взаимосвязанных положений его теории, который через слияние мышления со смысловой стороной языка замыкается на субъективном «языковом мировоззрении» народа.

Развивая в наши дни идею о субъективной детерминации языковых содержаний («Inhalte»), Л. Вейсгербер стремится обосновать ее пространным анализом многочисленных примеров. Приведем образец его рассуждений. Наукой, в данном случае ботаникой, установлено, что с точки зрения признаков, существенных для объективной классификации растений, нет причин выделять такие классы,⁹ как *Unkraut* (сорняки) или *Obst* (фрукты). Следовательно, заключает Вейсгербер, эти группировки и понятия о них, которые составляют «содержания» соответствующих слов, сформировались под определяющим воздействием субъективного отношения, отношения человека к некоторым совокупностям в действительности разнородных предметов⁹. Субъект и объект представлены как извечные полюсы оскостенелой антиномии. Объективность однородного практического отношения этих (во многих других отношениях разнородных) предметов к человеку сбрасывается со счетов — и торжествует вполне тривиальная метафизика, которой, видимо, всегда суждено служить инструментом всякого идеализма, пусть зачастую и анонимным. Характер отражения существенным образом определяется не свойствами отражаемого объекта, а свойствами отражающего — языка-мышления: «Дело не только в том, что явления прокладывают себе путь к восприятию, но существенно и то, как они представлены сознанию. В этом и заключается собственная сфера языкового воздействия: вычленение, разделение, упорядочение, оценка — это и есть средства духовного преобразования, которые определяют путь от мира «вещей» к миру осознанного бытия. Так же и суждению, которое скрыто содержится в каждом таком восприятии и осознании явлений, придают определенную направленность заранее данные («vorgegeben») языковые средства»¹⁰. А от характера осмысления зависит

⁸ W. von Humboldt. *Über die Verschiedenheit...*, стр. 41—42; ср. также стр. 91.

⁹ L. Weisgerber. *Von den Kräften der deutschen Sprache I. «Die Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik»*, 3 Aufl., Düsseldorf, 1962, стр. 57.

¹⁰ L. Weisgerber. *Von den Kräften der deutschen Sprache III. «Die Muttersprache im Aufbau unserer Kultur»*, 2. Aufl., Düsseldorf, 1957, стр. 35.

и поведение человека, его практическое отношение к миру вещей и к другим людям, о чем Вейсгербер не устает напоминать читателю. Поэтому вслед за Гумбольдтом Вейсгербер выводит «языковое мировоззрение», которое у него переименовано в «языковой промежуточный мир» («die sprachliche Zwischenwelt»), глубоко своеобразный у каждого народа, говорящего на особом национальном языке.

Не приходится оспаривать национально-самобытный и своеобразный характер семантики конкретных языков. С другой стороны, большим достижением советской психологии явилась разработка понятия «речевое мышление» (Л. С. Выготский и его последователи), представляющего речь как средство отражения действительности в сознании. Можно было бы сослаться на то положение диалектико-материалистической гносеологии, согласно которому познание есть процесс бесконечного приближения к объекту и в каждый данный момент лишь относительно адекватно ему, а мера этой адекватности выявляется в практическом взаимодействии людей с объектами и друг с другом, в деятельности, и признать далее на этом основании различия речевого мышления у разных народов несущественными по отношению к практическим результатам мыслительной деятельности и таким способом «закрывать» проблему. Однако такое рассуждение, вероятно по существу правильное, не может быть принято без дальнейшего исследования и обоснования. В нем имплицитно содержится вопрос, настоятельно требующий ответа: почему, точнее, благодаря чему смысловые различия языков, являющихся орудиями речевого мышления, несущественны по отношению к его результатам? Нетрудно заметить, что этот вопрос ориентирует на обнаружение инвариантного содержания различных национальных «речевых мышлений» и тесно связан одновременно с вопросом об инвариантном содержании речевого мышления, осуществляемого средствами одного языка, о его объективности. Ибо только при условии (относительной) адекватности объективному миру речевого мышления на основе русского, немецкого, турецкого, бирманского и какого угодно иного языка возможна передача того же содержания средствами любого из этих языков (перевод). Равным образом объективность речевого мышления является в конечном счете условием действительного и действительного, т. е. взятого не абстрактно, но проверяемого деятельностью взаимопонимания и в обычном случае общения на одном языке. (Чтобы не усложнять вопроса, мы отвлекаемся здесь от иллюзорных продуктов общественного сознания: мифологических представлений, идеи бога, философского камня и т. п., которые, в свою очередь, хотя и сложным путем, возникли на почве объективных отношений человека к природе и к другим людям.) «Совокупность доступного познанию», если воспользоваться уже приведенной метафорой Гумбольдта, не только «лежит, как

поле, обрабатываемое человеческим духом, между всеми языками и независимо от них, посредине», но и открывает свои объективные свойства мышлению, осуществляемому средствами любого языка. Этот путь постановки проблемы подводит нас к необходимости раскрыть конкретные механизмы разрешения противоречия между неисчерпаемой глубиной и многообразием свойств и отношений объективной действительности, требующих осмысления и выражения, и ограниченной, к тому же национально-своеобразной емкостью исторически сложившихся средств «естественного» языка.

Отталкиваясь от гносеологического аспекта проблемы, мы через ее лингвистический аспект (обобщенные языковые средства речевого мышления) переходим к аспекту психологическому (вопрос о конкретных механизмах речевого мышления, в процессе которого практически разрешается указанное противоречие). Картина не будет полной без учета также и физиологического аспекта проблемы. Нужно настойчиво подчеркивать эту взаимосвязь аспектов единой проблемы, потому что, с одной стороны, наиболее важной задачей является сейчас именно ее рациональная постановка, а с другой стороны, еще раздаются голоса, призывающие к решительному и «чистому» размежеванию, в частности, лингвистики и психологии. Такие призывы могут только нанести вред, так как психология и учение о высшей нервной деятельности должны и могут дать естественно-научное обоснование выводов как языкознания, так и гносеологии. В настоящее время исследование взаимосвязи аспектов проблемы языка и мышления выдвигается на первый план, оно необходимо должно предшествовать их разделению.

В национальном своеобразии семантики конкретных языков находит выражение ее относительность. Инвентарю языковых средств свойственна известная односторонность и неполнота охвата существенно объективного и тем самым инвариантного содержания речевого мышления (данного, естественно, в неразрывной связи с общением и деятельностью в целом, как момент, сторона социальных связей). Относительность языка преодолевается речью. Это совсем не значит, что речь легко и просто преодолевает относительность языкового инструментария. Речь направлена на такое преодоление, в ней дана возможность «мыслить» вещи, не отраженные или односторонне отраженные в семантике элементов языка, взятых порознь и в отвлечении от речевого процесса — слов, фразеологии, грамматических форм. Речь позволяет выйти за их пределы, создает новые, ситуативно и контекстуально обусловленные смыслы целых речевых отрезков, в которых смысловую лабильность обнаруживают и фиксированные содержания слов. Интересно отметить, что в резком противоречии с декларированным «энергетическим» пониманием языка Вейсгербер фактически не выходит за рамки компонентов

языка, составляющих его статический остов: слов, словообразовательных и словоизменятельных морфологических средств, синтаксических схем предложения. Исследуется их динамический эффект, их Leistungen. Динамический же эффект процесса речемышления Вейсгербер, по существу, и не затрагивает. Его способ «видения» языка гораздо более статичен, чем он пытается заверить читателя.

В речи говорящий создает новые, отсутствовавшие ранее в его собственной речевой практике (как активной, так и пассивной) комбинации элементов языка и тем самым новые «смыслы». Нам представляется, что наряду с отражением новых в практике данного индивида связей элементов действительности одним из источников речевого творчества является потребность в преодолении относительности семантики языковых средств, относительности, о которой мы говорили выше и которую мы ставим в связь с национальным своеобразием языков (через их сравнение она и выявляется — это старый и широко практикуемый прием исследования). Но тогда недостаточно полное и недостаточно точное соответствие избираемого слова, оборота речи, грамматической формы должно и осознаваться как таковое относительно какого-то «нечто», подлежащего более полному и более точному охвату в мысли и в выражении (трудность, с которой на каждом шагу встречается, в частности, переводчик). Вряд ли можно сомневаться в том, что процесс поиска способов выражения, которые удовлетворяли бы говорящего, успешно решая стоящую перед ним задачу, совершается под контролем сознания. Чтобы иметь право говорить о контроле сознания, достаточно сослаться на часто наблюдаемые внутренние отрицательные оценки собственной речи, типа: *Это не то...*, *Нужно не так...*, переходящие и в оценку, обращенную к собеседнику: *Я не то хотел сказать...* или *Я неудачно выразился...* и т. п. По-видимому, человек способен сознавать отношение мысли, как она частично дана в смысловой стороне языка и как частично в речи создается заново в ориентации на объективный предмет мысли, к самому предмету мысли. И так как возможность сличения «языковой мысли» (назовем ее так для краткости) с предметом мысли где-то за пределами сознания абсурдна, остается предположить, что именно в психике, в сознании устанавливается отношение между языковой мыслью и каким-то иным способом отражения и фиксации предмета.

Для объяснения адекватности процесса отражения, совершаемого в речи, в речевом мышлении, миру вещей, — а эта адекватность составляет необходимую предпосылку как успешного интересубъективного речевого взаимодействия, так и перевода

с одного языка на другой, — мы и вводим в теорию идею некоего «противочлена» языковой мысли и вместе с ним — противоречие между содержанием этого «противочлена» и содержанием языковой мысли. Природа того члена отношения, который противостоит совокупным выразительным возможностям языка и речи, подлежит исследованию. Наиболее вероятно, что «противочленом» языковой мысли является чувственный образ, но вряд ли дело здесь обстоит просто. Скорее всего среди самих чувственных образов есть сложная иерархия образований, по-разному относящихся к разнотипным и разнофункциональным элементам языковой мысли, начиная от зрительного образа единичной «телесной» вещи через все более и более обобщенные представления предметов вплоть до схематических образов абстрактных, «идеальных» предметов, сущностей и их отношений. Чувственное познание — не только элементарная, первая и низшая ступень познания, но оно сопровождает, переходя к своим высшим формам, и отвлеченное опосредованное отражение, вплетаясь в него и взаимодействуя с ним, причем в формах, которые в конечном счете восходят к непосредственным чувственным образам вещей, как бы неузнаваемо эти последние ни были преобразованы в процессе обобщения и схематизации.

Неуловимость того «противочлена» языковой мысли, о котором мы говорим, и то обстоятельство, что представление о нем лишь изредка проскальзывает в теоретической литературе и до сих пор почти нигде не играло сколько-нибудь действенной роли в теории речи, также нуждаются в объяснении. Чувственный «противочлен» языковой мысли непрерывно ускользает как раз в процессе его осознания, как бы сбрасывается в результате перевода в мысль и слово и поэтому сам по себе как отдельное психическое образование не осознается. Он составляет смутный фон движения мысли, роль которого становится заметной в случаях неудач выражения, нарушения нормального соответствия, достаточного для взаимопонимания и совместной деятельности. В процессе же речевого мышления мы осознаем не чувственный образ, а соответствие содержания речи нашему намерению осветить те или другие свойства объективного предмета, так как чувственный образ как бы выносится на сам предмет. Я мыслю не образ вещи, но самую вещь, являющуюся объектом моей деятельности (и именно в силу того, что она является объектом моей деятельности). Однако это все-таки практическая иллюзия, т. е. хотя и практическая, но иллюзия. Чувственный образ является действительным компонентом системы отражательной деятельности, взаимодействующим с речевым мышлением. Его «вынос» на вещь обусловлен наличием самой вещи как объективного тела, существующего в реальном пространстве. «Противочленом» языковой мысли могут быть, однако, и чувственные образы «вещей», имеющих иной, не «телесный» способ существования — чувств, отно-

шений, свойств и т. п. Будучи обобщенными представлениями чувственно воспринимаемых проявлений «телесных» вещей, к тому же данных чувственному восприятию в разное время и в разных точках пространства, они не могут быть вынесены ни на одну из них. «Дружба» не может сознаться как человек — носитель данного чувства-отношения. И тем не менее это не только слово как «оболочка мысли», «оболочка» чисто абстрактного образования, за ним стоит определенное чувственное содержание, хотя связь с этим содержанием и носит опосредованный характер. Это слово-понятие так же, как любые «конкретные» имена, обобщает нечто объективно существующее, стоящее вне его содержания, нечто такое, что своими корнями уходит в мир вещей-тел, какой бы косвенной, многоступенчатой ни была эта связь. Поэтому объективная реальность, к которой относится «абстрактное» имя, принципиально предстает и как образ. С этим отношением дана и возможность связи обозначения, существующая для понимания функции слова в речи и тех формальных преобразований, которым оно в речи подвергается (к примеру, употребление разных форм артикля при имени существительном).

Вместе с тем в таких случаях открывается возможность иной практической иллюзии, противоположной первой по направлению, но совпадающей с ней по результату. Если там образ выносится на вещь, то здесь образ порождает «идеальную вещь», приобретающую как бы отдельное существование. Этот процесс, естественно, совершается на основе языка (существительные как знаки отдельных самостоятельных сущностей-вещей, в которых стирается различие между их телесным и нетелесным бытием; употребление любых существительных в качестве грамматических субъектов или объектов в предложении и т. д.). Оба вида разнонаправленного преобразования действительных отношений в человеческой голове порождаются деятельностью человека и играют в ней, по всей вероятности, противоречивую роль, не подрывая, однако, ее успешного хода и результатов. Для нас существенно сейчас то, что в обоих случаях одним из членов преобразуемого отношения оказывается чувственный образ вещи, как телесной, так и идеальной. Он коррелирует со словом и восходит, хотя и с разной степенью опосредованности, к элементарной ступени чувственного познания. Развиваемое здесь представление позволяет вывести единый принцип взаимодействия речевого мышления с чувственным познанием, взаимодействия, которое и направляет речевое мышление на преодоление относительности языковых средств в борьбе за соответствие объекту, за все более глубокий, всесторонний и точный охват его действительных свойств. Во избежание досадных недоразумений следует подчеркнуть, что механизмы описанных преобразований, как они нам представляются, при всей сложности опосредований,

детерминированы объективной реальностью; в замыкании психических связей на вещах находит выражение общий принцип вторичности сознания по отношению к объективной действительности. Представление об «идеальных вещах» этому не противоречит: вырастая из чувственной практики человека, они в чувственной же практике доказывают свое соответствие объективному миру.

■ Таким образом, есть веские основания полагать, что в речевом творчестве разрешается противоречие между тем содержанием отражения, которое прокладывает себе путь к осмыслению, выражению и коммуникации, и наличными языковыми средствами речевого мышления. Это содержание отражения не дано сознанию непосредственно, но его значение, тем не менее, очень велико. Во-первых, оно принципиально едино для человека вообще и может быть понято — в меру его объективности! — как инвариантное содержание общечеловеческой отражательной деятельности, зависящее не от языковых различий, а непосредственно от условий жизни. Во-вторых, оно играет регулирующую роль по отношению к речевому мышлению, в которое язык вносит субъективно-относительный момент, но которое в процессе своего осуществления способно за счет творческого комбинирования элементов языка преодолевать его историческую ограниченность. Единство языка и мышления связывает единство человеческого мышления с разнообразием языков мира, включаясь в системное строение сознания и психики вообще — и только при этом условии.

Мы часто находим в психологической и в философской литературе положение о неразрывной связи абстрактно-понятийной и чувственной сторон познания. Физиологи, со своей стороны, говорят о взаимодействии двух сигнальных систем. Задача состоит сейчас в том, чтобы, объединив усилия этих наук и работу языкознания, создать в творческом синтезе возможно более конкретное представление о единстве языка и мышления. В настоящей статье сделана гипотетическая попытка наметить в общих чертах направление такого синтеза, общий контур взаимосвязи ряда аспектов проблемы. Автор сознает, что эта попытка не может претендовать на что-либо большее, чем возможное уточнение исходных позиций для перспективной постановки проблемы.

РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛЬНОСТИ РЕЧИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВЫЯСНЕНИЯ ХАРАКТЕРА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

(О случаях калькирования
с нарушением норм языка¹)

П. С. ПОЦОВ

Следует различать: 1) галлицизмы, т. е. отдельные слова и выражения, заимствованные из французского языка, например: *merci* за конфеты; *bonjour* за внимание² и 2) кальки. Под калькированием тоже разумеется перенесение элементов одного языка в другой, но понятие это шире: оно охватывает наряду с перенесением слова или значения слова в другой язык также и перенос языковой конструкции из чужого языка с сохранением морфологических особенностей строя этого иностранного языка. Ярким примером такого перенесения является русское слово *сосредоточить*, возникшее в XVIII в. путем перевода морфемы за морфемой французского глагола *concentrer*: *con* — приставка, *centr* — корень, *er* — окончание глагола. Кальки имеют устойчивое значение в том языке, куда они перенесены и где они инкорпорировались. Так, приведенное нами слово *сосредоточить*, сохраняющее свое постоянное значение и в современном русском литературном языке, в настоящее время вряд ли можно назвать галлицизмом. Но могут встречаться случаи калькирования, не имеющие общезыкового значения, а сводящиеся к чисто индивидуальному применению отдельных выражений преходящего или даже случайного характера. Мало того, самое литературное употребление подобных калькирований приводит к возможности создания персонажей, речь которых отличается использованием своеобразных особенностей определенного круга калек. Меткие и художественно-рельефные приемы использования калькирования в речи мы находим в творчестве А. Н. Апухтина, знатока русского и французского языков и превосходного стилиста. А. Н. Апухтин сумел показать, что в высшем аристократическом свете конца прошлого века лица привилегированных сословий, словно бы мысля по-французски, сохраняли русскую речь. Здесь несомненный парадокс, и вместе с тем коренится глубокая языковая проблема. Мы всегда готовы выставить тезис о том, что естественные языки в отличие от мышления, имеющего общечеловеческий характер, являются национальными. Это под-

¹ Настоящий этюд базируется на материале французского языка.

² Здесь и далее примеры взяты из кн.: «Сочинения А. Н. Апухтина». СПб., 1898.

тверждается очень простым историческим наблюдением и неопровержимой ссылкой на то, что все языки имеют свой особый строй и свою лексику. Вместе с тем нет ни одного случая, чтобы нельзя было перевести тексты одного языка на другой, причем такое сопоставление разноязычных текстов возможно лишь благодаря единству мышления. При всем том у самых рафинированных и тонких языковедов мы обнаруживаем следующую тенденцию: усматривать различные типы мышления у людей, пользующихся разными системами языков. Академик Л. В. Щерба утверждал, что можно мыслить по-французски, по-английски, и система рассуждений или своеобразие мысли англичанина не совпадает с системой мысли француза. Превосходным материалом для характеристики системы мышления, свойственной определенному языку при фактическом использовании других языков с совсем иным строем, может служить литературный эксперимент, предпринятый А. Н. Апухтиным. В его повести «Архив графини Д» имеется один своеобразный по своей речевой характеристике персонаж — княгиня Кривобокая. Ее аристократический стиль связан с использованием французского языка, которым она владела блестяще. Это позволяло ей не только легко переходить с одного языка на другой, но и строить свою речь на французский лад, фактически говоря по-русски. Она произвольно меняла структуру русской речи, заменяя русские обороты французскими. У других персонажей данного рассказа мы этого не наблюдаем. При характеристике этих персонажей их аристократизм выявляется иными способами: классовый же стиль княгини Кривобокой раскрывается средствами ее речевых особенностей.

Литературный языковой стиль княгини Кривобокой отображен, согласно замыслу А. Н. Апухтина, в восьми ее письмах. Эти письма содержат пятнадцать калькированных выражений. Некоторые из них повторяются в нескольких письмах. Это придает письмам единство стиля. Ряд калькированных связан с использованием одного и того же слова, например предлога *par*.

1) Письмо 13-е: *Вы были выбраны через восклицанье, без всякой баллотировки* (через восклицанье — *par acclamation*).

2) Письмо 20-е: *У него семь человек детей, и я через жалость назначила его секретарем Общества* (через жалость — *par pitié*).

3) Письмо 28-е: *Эти дамы согласились: Вера через доброту, а баронесса, чтобы разозлить Анну Михайловну* (через доброту — *par bonté*).

4) Письмо 44-е: *...и я через жалость назначила ему полторы тысячи жалованья в год* (через жалость — *par pitié*).

Французский предлог *par* по своему употреблению гораздо шире использования русского предлога *через*, чаще всего употребляющегося для выражения временных и главным образом пространственных отношений. Если порою в русском языке

предлог *через* и встречается в значении «при посредстве», «помощью» или даже «из», то все же в основе лежат материальные отношения (ср., например: *Через Советы рабочие и крестьяне управляют государством; Оповестить о чем-нибудь через газеты*). Абстрактные же отношения в русском языке не выражаются при помощи предлога *через*.

Использование предлога *через* для передачи этих отношений является типичным калькированием.

Рассмотрим остальные кальки, приведя их в хронологическом порядке последовательности писем:

5) Письмо 13-е: *Я люблю думать, что после такого лестного избрания Вы отказываться не будете* (я люблю думать — *j'aime à penser*).

6) Письмо 13-е: *Поднимается занавес, и вижу я Катю почти совсем раздетую. Ну, думаю себе, какая же это Орлеанская дева? Это, на прот и в то го, прекрасная Елена* (напротив того — *au contraire*).

7) Письмо 13-е: *А пока заставьте играть телеграф о Вашем согласии* (ср. подавать знаки кому-либо — *faire du télégraphe à qn*).

8) Письмо 16-е: *Вот посудите из этого* (судить из — *juger... par*).

9) Письмо 20-е: *Даже Петр Иванович, который два года меня буд и р о в а л и не клал ко мне ногу, пожаловал сюда* (ср.: *je ne remettrai pas les pieds chez vous*).

По поводу слова «будировать» В. И. Ленин подчеркнул: «Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет, то некоторые ошибки... совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормошить»³.

10) Письмо 24-е: *Я нашла Олю в хорошем положении* (ср.: *les couches*).

11) Письмо 24-е: *Если Вы услышите, что кто-нибудь из наших петергофских знакомых собирается позитить Наденьку, чтобы с ней обвенчаться, прошу Вас дел а т ь г л у х о е у х о* (делать глухое ухо — *faire sourde oreille*).

12) Письмо 41-е: *Голова моя уходит* (*Ma tête s'en va*).

13) Письмо 4-е: *Будь Неверов постарше и начни он ухаживать за одной из моих первых дочерей, я бы за т в о р и л а е м у с в о ю д в е р ь* (ср.: *pousser la porte au nez de quelqu'un*).

14) Письмо 47-е: *...она и тогда уже начинала пошаливать; но когда она бросила свой чепец через мельницу, я перестала ее видеть* (она бросила свой чепец через мельницу — *elle a jeté son bonnet par dessus le moulin*).

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 49.

15) Письмо 47-е:... я перестала ее видеть (j'ai cessé de la voir).

О своем языке в одном из писем Кривобокая пишет: *Я очень большая патриотка. Иначе не говорю и не пишу, как по-русски.* Отсюда ее французско-русский стиль. Но в связи с этим стилем, как сказано выше, появляется принципиальная проблема. Кривобокая пользовалась индивидуальным языком, своего рода «*mélange*». Можно ли предполагать, что это не отражалось на ее способе мышления, на ее «логике»?

Далее здесь возникает и вопрос более общего характера, а именно: действительно ли логический строй мышления определяется каждый раз тем или иным языком, который используется в процессе мышления. Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. В самом деле, мы же сопоставляем, например, строй английского и французского языков. Очевидно, что при таком сопоставлении мысль не может по своему логическому строю соответствовать то английскому, то французскому языку, как полагал в свое время акад. Л. В. Щерба и как продолжают настаивать на этом такие видные современные языковеды, как Б. Л. Уорф, Э. Сепир и автор интересной книги «*Das Gesetz der Sprache*» Л. Вайсгербер.

В противном случае понадобилось бы еще что-то третье, как высказывался еще Аристотель, понадобилась бы третья логика, которая сделала бы возможным сопоставление логического строя французской и английской речи. А это приведет к *regressum ad infinitum* — это будет ряд, уходящий в бесконечность. Вряд ли можно удовлетвориться подобным решением проблемы. Как же в таком случае истолковать сочетание калек со строем мысли, соответствующим тому языку, куда входят калькированные выражения? Я думаю, что здесь искать решение проблемы нужно не в логическом плане, а в психологическом. Психология речи отлична, когда имеется в виду русский или французский язык. Стиль речи включает психологический момент. Но логика речи, как французской, так и русской, равно английской и любой иной, одинакова и покоится на общих закономерностях, которые присущи всякому мышлению вне зависимости от того, каким языком мы пользуемся (даже с включением калек, подобных вышеприведенным).

■

О ПРОБЛЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ [ПОНИМАНИЯ] ЗНАКОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Д. П. ГОРСКИЙ

Проблема значения знаковых выражений в настоящее время всесторонне обсуждается научной общественностью. Однако, как нам представляется, эта проблема в самом широком семиотическом плане недостаточно точно сформулирована.

На наш взгляд, эта проблема состоит в выявлении критериев, позволяющих по отношению к различным сферам и уровням познания, овладения общественным опытом давать обоснованные ответы на такого рода вопросы:

а) Понимаемо ли то или иное знаковое выражение субъектом или нет? Каков уровень этого понимания? Каковы способы поднятия уровня понимания знакового выражения субъектом до того уровня, который свойствен науке?

б) Правомерно ли введение в науку того или иного знакового выражения (соответственно понятия, абстракции, идеализации, принципа, постулата, утверждения и т. д.)?

в) Как оправдать, что данному, непосредственно обнаруженному факту (событию, совокупности явлений), выраженному с помощью знаков, мы дали правильную интерпретацию (истолкование, объяснение)? Как обосновать, что данная интерпретация научной теории является хорошей, а другая — плохой? Как обосновать, что формальная система имеет научное значение, а не является простой игрой в символы, и т. п.

Эта проблематика имеет и философский, и лингвистический, и логический, и психологический, и педагогический, и кибернетический, и другие аспекты.

В философском, методологическом плане создание общей марксистской теории значения чрезвычайно важно. Дело в том, что познание как процесс общественный, коллективный не может осуществляться без знаковой деятельности, в форме которой и происходит обмен мыслями между людьми. Отсутствие взаимопонимания является непреодолимым тормозом для любой другой совместной деятельности, в том числе и познавательной.

Научные теории создаются еще до проверки их на практике в целом. При этом в теорию вводятся идеализированные допущения, абстрактные объекты и т. п. Поэтому естественно возникает вопрос, оправдано ли их введение. Может быть, мы создаем такую теорию, которая заведомо является несостоятельной? При выдвижении и обосновании гипотез также всегда возникает вопрос: а имеют ли они вообще смысл, являются ли они правомерными.

Более того, опытная практическая проверка того или иного утверждения, выраженного в форме предложения, не может быть осуществлена, если предложение нами не понято. Если же оно будет понято проверяющими различно, то в ходе опытной проверки мы можем получить различные результаты (кстати, неоднозначность получаемых в таком случае результатов часто определяется неоднозначностью интерпретаций фактов, высказываемых в предложениях, которые при этом на определенном уровне могут пониматься однозначно). Что вообще является гарантией того, что люди, использующие одни и те же знаковые системы, понимают их однозначно? Какие уровни этой однозначности понимания существуют?

Это означает, что решение данных и аналогичных им вопросов связано с существенным обогащением общей методологии наук.

Поскольку в практике реального познания решение проблем значения часто предшествует решению иных познавательных проблем, мы не имеем возможности опираться на весь мощный арсенал средств познания, который может быть использован лишь позднее. Очевидно, что требования, предъявляемые к критериям понимания знаковых выражений, не могут быть в этих случаях столь же сильными, как, например, требования, предъявляемые к правилам истинности, позволяющим устанавливать изоморфизм образа отображаемому.

Несостоятельность неопозитивизма в решении проблемы значения на путях чистого эмпиризма, с нашей точки зрения, объясняется стремлением неопозитивистов свести проблему значения к поискам слишком сильных критериев (ср., например, правила: «иметь значение — это значит быть непосредственно проверяемым», «термин имеет значение, если он имеет непосредственно фиксируемый номинат: денотат или десигнат»). Однако еще до проверки истинности того или иного предложения мы уже на каком-то уровне его понимаем (следовательно, оно для нас имеет значение). Мы на каком-то уровне понимаем и многие ложные предложения, а также предложения, термины которых заведомо не имеют непосредственно фиксируемых номинатов в действительности.

С другой стороны, ярко выраженные менталистские концепции значения в принципе не объясняют вообще процесса понимания знаковых выражений. Сказать, что я понимаю предложение *A* потому, что я владею соответствующей мыслью, суждением — это значит почти ничего не сказать. Проблема, оставаясь нерешенной, перемещается в иную, еще менее исследованную сферу действительности — сферу сознания, которую наука как раз и пытается изучить через ее проявления (в том числе и через непосредственно регистрируемые формы знаковой деятельности и поведения). То, что нам не понятно, мы пытаемся в таком случае пояснить через то, что нам еще менее понятно. Уже совсем

плохие рекомендации дают менталистские концепции значения, когда речь заходит о правомерности, смысле вводимых в науку новых знаковых выражений. Сказать, что введение этого термина правомерно потому, что я и м е ю о н е м п о н я т и е — значит оправдать введение в науку любых бессмыслиц (на этом основании можно пытаться вводить в науку и такие термины, как «бог», «ангел», «вечный двигатель», «индетерминизм» на том основании, что им соответствуют известные понятия в уме людей). Сказать же, что можно вводить лишь те термины, которым соответствуют истинные мысли,— это значит отказаться от решения проблематики теории значения, заранее предполагая ее решенной.

Аналогичные попытки решения проблем значения встречаются и в лингвистике. Существует множество концепций значения (различные варианты эмпирической теории проверяемости, синтаксическая, функционалистская, бихевиористская, прагматистская, операционалистская, каузальная, реалистическая, концептуалистская и др.). Каждая из них имеет и некоторые рациональные моменты и существенные недостатки (а в данном случае мы отвлекаемся от философских интерпретаций концепций значения).

Существенными недостатками теорий значения во всяком случае являются следующие: а) односторонность, выражающаяся в абсолютизации какого-то отдельного момента процесса установления смысла, значения; б) созерцательность и неконструктивность.

Мы позволим себе сформулировать лишь идею такой теории значения, которая была бы лишена указанных недостатков. Назовем ее с и н т е т и к о - г е н е т и ч е с к о й.

Создание такой теории значения предполагает формулирование двоякого рода правил: правил введения знаковых выражений и правил их удаления. На этой основе мы и можем определить, когда знаковое выражение в определенной ситуации имеет значение, смысл, когда оно понимаемо. Знаковые выражения имеют смысл, значение, являются понимаемыми, когда человек (если речь идет об овладении естественным языком) или человечество (если речь идет о развитии науки) при их употреблении использует правила введения и правила удаления.

Созданная на этой исходной идее общая теория значения подразделяется в первую очередь на два больших раздела. Первая часть рассматривает процессы овладения значениями сложившихся знаковых систем (в том числе, и преимущественно, естественными языками). Вторая часть рассматривает процессы введения новых знаковых выражений. В науке этот процесс неизбежно связан с введением новых понятий, абстракций, идеализаций, гипотез, постулатов, принципов и т. п. Поэтому здесь вопрос

о значении вновь вводимых знаковых выражений является одновременно вопросом об обосновании правомерности введения в науку соответствующих абстракций, идеализаций, понятий и т. д.

Представляется необходимым сформулировать некоторые правила введения и удаления знаковых выражений прежде всего по отношению к первой части теории значения. При этом будет рассматриваться лишь одна компонента значения знакового выражения, а именно, его вещественное значение.

О в л а д е н и е   п о н и м а н и е м ,   с м ы с л о м
з н а к о в ы х   в ы р а ж е н и й   п у т е м
о с т е н с и в н ы х   о п р е д е л е н и й

Начальный этап овладения родным языком опирается на широкое использование обучающимся так называемых о с т е н с и в н ы х о п р е д е л е н и й.

Суть остенсивных определений состоит в том, что обучающий показывает какой-то предмет и одновременно называет, характеризует его вербально. Этот способ формирования значений знаковых выражений не предполагает использования обучаемым никаких других значений знаковых выражений.

При овладении пониманием знаковых выражений путем остенсивных определений обучаемый опирается на свои восприятия демонстрируемого предмета, на восприятия знаковых выражений и на различного рода деятельность, осуществляемую при этом.

По своей логической характеристике остенсивные определения, видимо, можно отнести (с известными оговорками, конечно) к типу семантических определений. Здесь, как во всех семантических определениях, имеющих номинальный характер, вводится значение знакового выражения по отношению к некоторому объекту. Однако если в семантических определениях на вербальном уровне обозначаемый предмет явно упоминается (например, в определении: «Слово «пятиугольник» обозначает многоугольник с пятью сторонами»), то в остенсивных он непосредственно демонстрируется.

В процессе овладения пониманием знаковых выражений остенсивным путем один и тот же предмет, демонстрируемый обучаемым в различных ситуациях, наделяется им одним и тем же именем. Это нацеливает обучаемого на выделение и фиксацию в этом предмете тождественного, инвариантного, сохраняющегося в различных ситуациях, и тем самым обеспечивает сравнительно быстрое овладение правилами отождествления предмета с самим собой (во всяком случае, по отношению к сравнительно простым ситуациям). С другой стороны, наименование одним и тем же именем различных предметов нацеливает обучаемого на выделение в них общего и тем самым способствует усвоению правил отожде-

ствления различных предметов, образованию на этой основе «абстрактных предметов» — классов и соответствующих им понятий.

Важно подчеркнуть, что формирование значений знаковых выражений остенсивным путем осуществляется в процессе деятельности, в процессе оперирования предметами, для которых и вводятся соответствующие имена. Это оперирование предметами сопровождается усвоением соответствующих выражений, в которых фиксируются не только их свойства, но и способы их употребления, использования, образования. Например, при формировании значения слова *молоко* остенсивным путем мы не просто показываем соответствующий предмет и называем его *молоко*, но и говорим *выпей молоко, дай молока, подогрей молоко, налей молока, молоко вкусное, молоко в бутылке* и т. п. Эти команды и описания сопровождаются показом действий, которые затем повторяются ребенком. Ребенок таким путем усваивает остенсивно не только значение отдельных слов, но и значения контекстов (предложений, описаний), привыкая тем самым к определенным грамматическим стандартам родного языка, которые он затем начинает самостоятельно и активно использовать по отношению к усвоенным словам в ситуациях, аналогичных первоначальным.

Здесь применяются правила введения и удаления знаковых выражений.

Правило введения знакового выражения есть правила остенсивных определений, используемых обучающим: он демонстрирует ситуацию, показывает предмет, оперирует с ним и употребляет соответствующее знаковое выражение.

Правило удаления знакового выражения состоит в умении обучаемого находить предметы по их именам и описаниям, выполнять определенные действия, услышав известные предложения-предписания, отыскивать ситуации, соответствующие контекстам.

Правило введения есть правило, научающее заменять демонстрируемые предметы и действия соответствующими словами, словосочетаниями и предложениями; правило удаления есть правило, научающее, наоборот, элиминировать введенные остенсивным путем знаковые выражения, заменяя их соответствующими предметами, действиями, ситуациями.

Критерий понимания знаковых выражений, усвоения их значения на этом этапе овладения языком состоит в оценке умения обучаемым различать и отождествлять знаковые выражения по непосредственно данным номинатам (денотатам и десигнатам): по предметам с их свойствами и по действиям, совершаемым с ними; наоборот, в оценке умения обучаемым отождествлять

и различать номинаты по соответствующим знаковым выражениям.

Уже в этих элементарных правилах, относящихся к самому первоначальному уровню овладения значениями знаковых выражений *implicite* содержатся различные способы установления значений, формулировавшиеся в качестве универсальных представителями различных теорий значения.

В самом деле, сформулированные выше правила введения и удаления предполагают:

а) Наличие непосредственного соотнесения знака с его денотатом (некоторые варианты реалистической теории значения и теории эмпирической проверяемости).

б) Наличие непосредственной деятельности по разысканию соответствующих предметов, по осуществлению соответствующих команд и предписаний; успех такой деятельности может рассматриваться как аргумент в пользу того, что значение соответствующих знаков усвоено (прагматическая и бихевиористская теории значения).

в) Описание способов употребления предмета, обозначаемого одним и тем же термином (что предполагает наличие различных контекстов), имеет существенное значение для выработки все более надежных умений у обучающегося однозначно соотносить знаковые выражения и соответствующие объекты (в особенности когда речь идет о так называемых имплицитных остенсивных определениях: ср. определения значений таких слов, как *это, то, до, после, далеко, близко*). В этом заключены элементы функционалистской теории значения.

г) Поскольку правило введения предполагает учет тождеств и различий предметов, их отображение и закрепление в памяти человека, то можно сказать, что эти правила человеком успешно используются лишь тогда, когда он образовал понятия, соответствующие определенным словам (концептуалистская, менталистская теории значения).

Можно было бы показать, что сфера и эффективность этого способа формирования значения, смысла знаковых выражений, их понимания весьма ограничены. Не говоря уже, например, о том, что значения многих слов, выражающих понятия высоких ступеней абстракций, не могут быть сформированы остенсивно, даже те значения знаковых выражений, которые образованы остенсивным путем, еще очень неопределенны: они обычно правильно используются лишь в ситуациях, близких к тем, в которых происходило остенсивное овладение пониманием соответствующего знакового выражения. Заметим, что если можно овладеть остенсивно (и то в известном ограниченном смысле) значениями таких слов, как *кошка, собака, слон*, то уже значениями таких слов, как *позвоночное, животное* овладеть остенсивным путем не представляется возможным.

О в л а д е н и е з н а ч е н и е м , п о н и м а н и е м з н а к о в ы х в ы р а ж е н и й н а у р о в н е в е р б а л ь н ы х о п р е д е л е н и й , н е п р е д п о л а г а ю щ е м с и с т е м а т и ч е с к о г о о б у ч е н и я .

Дальнейший процесс овладения пониманием знаковых выражений связан с использованием вербальных определений. Огромное множество знаковых выражений родного языка становится для нас понятным, приобретает для нас смысл, значение лишь на основе вербальных определений. Их суть состоит в том, что значение новых, не известных нам знаковых выражений сводится к значениям, к пониманию выражений, усвоенных остенсивным путем, или к пониманию слов, значение которых уже, в свою очередь, выяснено путем их сведения, редукции к выражениям, усвоенным остенсивно. Каждое явное вербальное определение имеет вид: $Dfd \equiv Dfn$. При истолковании их как реальных мы можем эти определения интерпретировать следующим образом: термины Dfd и Dfn обозначают одни и те же объекты, они равнозначны, имеют одну и ту же сферу приложения (они равнообъемны). При их истолковании как номинальных мы можем дать им такую интерпретацию: а) термин Dfd имеет то же значение, что и термин Dfn ; б) термин Dfd является сокращением для термина Dfn . Известно, что каждое научное определение удовлетворяет следующим требованиям: переводимости или элиминируемости, однозначности и отсутствия порочного круга¹.

На этом уровне овладения значениями знаковых выражений мы пытаемся в целях объяснения неизвестных значений через уже известные использовать схему явных вербальных определений. И это — то новое, что характеризует данный уровень овладения значениями знаковых выражений. (Разумеется, что новое, появляющееся на каждом следующем уровне, не исключает, а, наоборот, предполагает использование способов, свойственных предшествующему уровню. Более того, их сочетание создает новые плодотворные эффекты.)

Новое знаковое выражение, значение которого неизвестно обучаемому, играет роль термина Dfd . Термин Dfn представляет собой выражение, значение которого уже получено или непосредственно остенсивным путем, или через некоторые другие выражения, которые разъяснились вербально и в конечном счете сводились к выражениям, объяснявшимся остенсивно.

Однако на данном уровне овладения значениями знаковых выражений использование схемы $Dfd \equiv Dfn$ и правил определения имеет свои специфические черты. На данном уровне расширение

¹ См. об этом: Д. П. Горский. О видах определений и их значении в науке. — «Проблемы логики научного познания». М., 1964.

языка путем введения новых выражений и их значений довольно редко осуществляется путем определений, удовлетворяющих всем формальным требованиям. Используемые здесь определения, как правило, не удовлетворяют требованию переводимости, взаимозаменяемости в любых контекстах (или — что то же самое — требованию равнообъемности Dfd и Dfn). Термин Dfn представляет собой описание специфических характеристик лишь в отношении тех типичных для повседневной практики представителей класса, по отношению к которым вводится новое имя. Поэтому взаимозаменяемость терминов Dfd и Dfn имеет место лишь для этих типичных, лишь встречающихся в нашем ограниченном опыте представителей. В качестве терминов Dfn часто выступают описания не специфических свойств объектов, а типичных способов их употребления, использования, а также описания типичных экземплярификаций, примеров, характеризующих номинат.

На этом этапе освоения семантики языка большую роль играют и так называемые контекстуальные определения. Если незнакомое слово неоднократно встречается в различных речевых контекстах, понимаемых обучаемым, и при этом эти контексты соотносятся им как-то с реальными ситуациями и с иной деятельностью, сопровождающей речевую, то обучаемый часто научается самостоятельно отождествлять значение этого нового для него слова со значениями иных выражений, которые ему понятны. Обладая определенным запасом понимаемых знаковых выражений, введенных вербальным путем, значения которых усвоены независимо друг от друга (т. е. их значения выяснены с помощью различных описаний, игравших роль Dfn в схеме $Dfd \equiv Dfn$), обучаемый начинает самостоятельно устанавливать между ними и их сочетаниями, оформленными по правилам грамматики, тождества и различия по смыслу. Ср., например, умение ребенка отгадывать загадки: содержанию загадки, описываемому в известных ему выражениях (Dfn), он ставит в соответствие, и притом однозначное (что часто определяется качеством загадки), выражение, являющееся отгадкой (Dfd).

К прежним правилам введения и исключения знаковых выражений на данном уровне добавляются:

а) правила введения нового знакового выражения — правила введения терминов Dfd взамен терминов Dfn, представляющих собой описания номинатов через их типичные примеры и способы употребления;

б) правила удаления введенных новых знаковых выражений состоят в замене вновь введенного выражения (термина Dfd) описанием, соответствующим Dfn, и в конечном итоге — такими терминами Dfn, значение которых вводилось остенсивно.

Можно было бы показать, что и на этом уровне овладения значениями знаковых выражений мы пользуемся способами анализа выражений, выдвигавшимися в качестве универсальных различными теориями значения и *implicite* содержащимися в указанных правилах. Подчеркнем лишь, что на этом уровне овладения семантической частью языка приобретает большое значение контекстуальный анализ, особенно настоятельно подчеркивающийся функционалистской теорией значения. Самостоятельное установление синонимичности выражений, вводимых вербально независимо друг от друга (они введены через разные Dfn), свидетельствует о наличии у обучающегося весьма тонкой мыслительной работы. Поэтому понимание новых знаковых выражений, вводимых вербально, проявляется в умении обучающегося самостоятельно осуществлять редукцию смысла одних выражений, усваиваемых на более высокой ступени интеллектуального развития, к смыслу ранее усвоенных и на этой основе устанавливая синонимичность различных выражений, введенных вербально независимо друг от друга.

О владении значением знаковых выражений на уровне систематического обучения

В процессе систематического обучения обучаемый, с одной стороны, усваивает новые знаковые выражения, овладевает новыми знаковыми системами в дополнение к естественному языку (например, идеографическим символично-топологическим языком науки), с другой — существенным образом уточняет значения знаковых выражений, усвоенных на предшествующих этапах, — человек начинает в определенном смысле переучиваться родному языку. Языковая практика человека существенным образом обогащается благодаря изучению иностранного языка, языковый кругозор расширяется благодаря систематическому изучению основ науки о родном языке.

Введение значений новых знаковых выражений (т. е. расширение естественного языка за счет языков изучаемых наук) и уточнение значений некоторых ранее усвоенных знаковых выражений, как правило, осуществляется при помощи определений (и явных и неявных). Введение и уточнение знаковых выражений при помощи явных определений осуществляется по схеме $Dfd \equiv \equiv Dfn$. При этом все требования, предъявляемые к научным определениям, соблюдаются в той мере, в какой это позволяет подготовка учащегося и уровень самой науки.

Новые выражения, вводимые путем определений, приобретают характер терминов, удовлетворяющих требованию однозначности. Более того, схема $Dfd \equiv \equiv Dfn$, посредством которой вводится Dfd, должна не только удовлетворять всем формальным

требованиям определения, но и отвечать ряду иных более сильных требований. Так, Dfn (если речь идет о расширении естественно-научного опыта) должен быть в качественном отношении полноценным: описание номинатов осуществляется на этом уровне по свойствам, оцениваемым в рамках определенной научной дисциплины, и с учетом конкретных задач, решаемых этой дисциплиной.

Многие слова и выражения естественного языка переводятся в ранг терминов (ср., например, перевод в ранг научных терминов таких слов естественного языка, как *теплота, вода, воздух*). При уточнении значения знаковых выражений естественного языка иногда изменяются не только их интенциональные, но и их экстенциональные характеристики: изменяется область приложения знаковых выражений.

Изменение интенциональной сферы выражений часто определяется тем, что даже простейшие чувственно воспринимаемые факты становятся как бы «знаками», свидетельствами о других фактах и процессах. Так, в физике колебание стрелки какого-либо прибора — не просто чувственно воспринимаемый факт как некоторое событие, явление, а факт, имеющий глубокий физический смысл. В криминалистике предметы, обнаруженные на месте преступления и как-то связанные с преступной деятельностью, — не просто чувственно воспринимаемые предметы, а факты, имеющие юридическое значение. Поэтому мы часто вводим для них новые имена и значение их поясняем не посредством описания чувственно воспринимаемых характеристик явления, а посредством описания физического, химического, юридического и т. п. смысла этих фактов. Часто мы говорим, что в таких случаях нами вскрывается природа, сущность явлений. В. И. Ленин, вводя новое слово «субботник», не просто описал, что делали рабочие депо станции Сортировочная Казанской железной дороги в субботу 12 апреля 1919 года, но вскрыл глубокий социальный смысл этого факта. Это описание социального смысла и является значением термина «субботник» (точнее: «коммунистический субботник»).

И опять к прежним правилам введения и исключения знаковых выражений добавляются новые.

Правила введения значения знаковых выражений представляют собой правила, по которым строятся многочисленные явные и неявные определения, удовлетворяющие всем общим формальным и некоторым содержательным требованиям.

Правила удаления есть правила элиминации введенных терминов путем их редукции к терминам Dfd (в случае явных определений), к пониманию смысла контекста, в котором фигурируют эти термины (сам контекст часто экземплифицируется некоторой непосредственно воспринимаемой

ситуацией); сюда же относятся правила сведения некоторых неявных определений к явным (такowymi мы пользуемся, например, при решении уравнений), правила интерпретации и практических применений неявных аксиоматических определений. К числу правил исключения относятся и правила практического применения общих положений науки (законов, соотношений и т. п.), в которых содержатся вновь введенные знаковые выражения и которые «сводятся» к непосредственному опыту в процессе их практического, экспериментального применения. В конечном итоге вновь введенные на этом уровне знаковые выражения могут быть сведены до значения терминов минимального словаря науки. Значения же выражений последнего устанавливаются при помощи языка иных наук, который нам уже известен или разъясняется на повседневном языке.

Подчеркнем, что в терминах Dfn на этом уровне очень часто описываются не только свойства номинатов, но и правила оперирования с ними. Эти правила иногда имеют весьма общий алгоритмический характер, а номинаты могут быть абстрактными идеализированными объектами (таковы, например, числа, точки и т. п.).

В этих правилах *implicite* содержатся многие способы установления значений, выдвигавшихся различными теориями. Подчеркнем в этой связи важность правил прагматистской, операционалистской, каузальной и синтаксической теорий значения. Правила последней здесь чрезвычайно важны, поскольку человек научается не просто описывать предметы через фиксацию тождеств и различий в каких-то их свойствах, через непосредственные способы их употребления, но и оперировать предметами окружающего нас мира на основе использования общих алгоритмических правил, часто формулируемых по отношению к абстрактным предметам. Усвоение значения многих знаковых выражений, терминов и означает умение оперировать по известным общим правилам соответствующими объектами (ср. выражения *решение уравнений, извлечение корня, разложение на множители, составление схемы, измерение площади, организация производства, склонение имен существительных, лечение больного* и т. п.). Уверенность же в том, что значение выражений, определяемых синтаксически, усвоено, осуществляется на основе прагматических правил (на основе практической, экспериментальной проверки).

Критерием усвоения значения знаковых выражений является умение сводить значения вновь вводимых выражений к другим (объяснять их значения в явной форме), объяснить их на основе «минимальных словарей науки» или на основе естественного языка; умение придавать выражениям, фиксирующим факты как не-

посредственно воспринимаемые явления, смысл выражений, фиксирующих научные факты; переводить описания, осуществляемые на обычном языке, на язык наук и т. п.

Перечень такого рода правил можно было бы расширить и детализировать. Однако именно на основе таких правил составляются толковые, фразеологические словари, словари иностранных слов, словари для перевода с иностранного языка на родной и т. п. На этих правилах основан процесс обучения. Проверка усвоенного через язык, через речь (например, во время контрольных работ, на экзаменах) также опирается на сформулированные выше правила.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АСПЕКТАЦИЯ ЯЗЫКА

Н. Г. КОМЛЕВ

Всякая наука упорядочивает и систематизирует свои составные части, свои категории, свои понятия, свой терминологический аппарат. Без преувеличения можно сказать, что прогресс в науках в значительной мере зависит от объема, качества и обозримости этой систематизации. Главным объектом лингвистики, как известно, является феномен, обозначаемый термином язык. Этот объект весьма неопределенен, и для детерминирования выражения языка необходима более или менее строгая систематизация компонентов или сторон этого объекта, которые зачастую без оговорок именуется термином язык.

В целях систематизации языка и его элементов мы используем принцип так называемой семантической аспектации. Этот принцип заключается в том, что предмет исследования, например речевую деятельность, мы в целях анализа сознательно, путем абстракции делим на части, выделяем стороны, т. е. рассматриваем в разных аспектах (например, физическом, логическом, психологическом, социологическом). Принцип семантической аспектации делает возможным одновременный и систематизированный учет разных по своей природе элементов содержания лингвистического объекта. Мы, понятно, не подменяем языкознание физикой, логикой, психологией или социологией, но учитываем все то, что они говорят об интересующей нас проблеме.

Нельзя согласиться со взглядами тех ученых, которые пытаются отмежеваться в семантических исследованиях от результатов названных наук. Науки выделяются в самостоятельные области не с целью избежать осложнений, связанных с учетом данных других, смежных наук, а для того, чтобы оперировать однородными законами и категориями.

Характер языка как объекта языкознания таков, что для полного и адекватного его научного отображения необходимы данные более чем одной науки. Это требование становится очевидным при принятии предварительного, исходного определения языка. Язык может быть определен в рамках лингвистики как найденный на базе неопределенно большого количества актов коммуникации (высказываний) конечный ряд постоянно повторяющихся звуков, имеющих единую для всей нации различительную значимость, в целях артикулирования систематизированных звуковых комплексов, наделенных также единой для всей нации и н ф о р м а ц и о н н о й значимостью.

Но значимость — это не свойство исключительно самих звуков как таковых, а скорее свойство отправителя и речестора, находящихся в данный момент в определенной ситуации. Если мы и употребляем термин «значимый», то это лишь сокращенное выражение вместо «значимый по отношению к чему», «значимый для кого».

Язык как конкретная речевая реализация и даже как абстракция нередко представляется нам отчужденным от человека феноменом. Язык мыслится не как явление или не как сложная система актов деятельности, а как некая (хотя и абстрактная) вещь. Эта «вещь» во всех европейских языках обозначается именем существительным: *langue — parole, die Sprache — die Rede, language — speech, język — mowa* и т. д.

Довольно большая часть современных лингвистов ограничивает лингвистику именно этим отчужденным объектом, устанавливая имманентные законы только для этой фиксированной системы звуков-знаков, которая, впрочем, бесспорно имеется в этой отчужденной звуковой материи, но которая никоим образом не исчерпывает всего языка даже в определенном выше виде. Наибольшей адекватности определения можно достигнуть только на основе многоаспектного подхода к языку.

Язык уходит за пределы материализованных знаков в социальную область. Говоря метафорически, язык — это ключ к созданию и пониманию цивилизации. Передавать наши мысли, запечатлевать события и накапливать знания, связывая прошлое с настоящим, а настоящее с будущим, помогает именно язык.

Развитие глубоко идущей специализации наук и их разветвление делают особенно актуальным, плодотворным и неизбежным синтез отдельных, смежных наук. Учет и разграничение частей явления, которые могут быть одновременно объектом разных дисциплин, вызывает нередко методологические и практические трудности. Сплошь и рядом случается, что в различных науках одни и те же объекты рассматриваются и выступают под другими названиями, выражены в иных терминах. На основании собственной методологии отдельные науки нередко получают одинаковые или подобные результаты, но интерпретируют их по-своему. Язык

со своей полиморфной природой не только не составляет исключения в этом плане, но может быть назван одним из наиболее многоаспектных объектов познания.

Языковой анализ производится обычно путем комбинации индуктивного и дедуктивного методов. Первое приближение к явлению делается зачастую путем выдвижения некоторых гипотетических предложений, родившихся в сознании исследователя на основе общего, индуктивного знакомства с языком и теориями языка. Затем эти предположения исследуются, анализируются на языковом материале. После эмпирического обоснования и подкрепления данных этого анализа соответствующими примерами дедуктивно выводятся некоторые следствия, которые, в свою очередь, в целях их проверки могут прилагаться к анализу конкретных актов речевой деятельности.

Осуждая лингвистов, пренебрегающих названными общими ступенями познания, Л. В. Щерба отмечал: «Большинство лингвистов обыкновенно и к живым языкам подходит... так же, как к мертвым... Исследователь живых языков должен поступать иначе. Конечно, он тоже должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но, построив из фактов этого материала некую отвлеченную систему, необходимо проверять ее на новых фактах, т. е. смотреть, отвечают ли выводимые из нее факты действительности»¹.

На основании произведенного таким путем предварительного анализа языкового материала мы нашли возможным и нужным выделить в семантическом исследовании девять аспектов языка. Язык имеет в каждом из девяти аспектов по три стороны.

Оказывается, таким образом, что термин «язык» может иметь по крайней мере 27 смысловых вариантов («значений»), выделенных и четко закрепленных в этих девяти аспектах. Иными словами, можно построить (или найти в арсенале зафиксированных высказываний на русском языке) 27 предложений, в которых слово-знак «язык» будет иметь неодинаковое значение (не считая, конечно, «язык» как орган в полости рта и метафорические варианты слова в этом значении).

Упомянутые выше девять аспектов таковы: общий, социально-индивидуальный, психофизический, абстрактно-конкретный, исторический, интерпсихологический, геносемиотический, метааспект и функциональный аспект.

Опишем эти аспекты и их стороны.

I. Первый, общий аспект (L) включает в себя всю совокупность коммуникативной и мыслительной деятельности человека. Эта совокупность может быть разделена на три части.

¹ Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — «Изв. АН СССР», Отд. обществ. наук, 1931.

1) Язык в целом (L_1), т. е. язык, включающий в себя все, что присуще отдельным национальным языкам. Имеются в виду как универсальные черты и свойства, которые действительны для любого языка, т. е. так называемые языковые универсалии², так и комплекс всех особенных средств.

Примеры: *Язык человека слишком беден, чтобы выразить все красоты природы. Язык — один из признаков, отличающих человека от животных. Не будет ошибочным и утверждение, что существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу. Именно эта идея лежит в основе опытов по общей лингвистике* (Ж. Вандриес).

2) Язык нации (L_2), конкретного народа.

Примеры: *Родственные языки. Правила, грамматика, словарь, структура языка. Переводить с польского языка на русский.*

3) Язык индивида (L_3). Имеется в виду инвентарь языковых средств и специфика его использования каждым конкретным носителем любого конкретного языка.

Примеры: *Язык Гоголя пестрый, неправильный, но яркий, сильный и выразительный* (Даль). *Лермонтов умел писать языком каждого из лучших поэтов наших* (Даль). *Витиеватый язык докладчика.*

II. В социально-индивидуальном аспекте (S) язык имеет следующие стороны.

1) Язык как система социально значимых знаков (инвентарь лексем и правила их употребления) (S_1). Это чисто социальная, общественно обусловленная сторона, совершенно не зависящая от индивида.

Примеры: *Язык есть бесспорно общественное явление* (А. Мейе). *В языке ничего нельзя изменить. Нацию объединяет, в частности, общность языка.*

2) Вторая сторона — речь (S_2), т. е. использование (актуализация) системы знаков в акте коммуникации или рассуждения. В этом смысле язык уже зависит от индивида, хотя лишь частично. Иными словами, зависимость выражается в активном использовании языка говорящим, который располагает свободой исполь-

² См. об этом: О. С. Ахманова. Вопрос о языковом значении и поиски семантических универсалий. — В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., 1961, стр. 24—32; Р. А. Будагов. Две проблемы изучения порядка слов. — «*Studii si cercetări lingvistice*», 1960, № 3, стр. 387—393; Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 11 и далее. См. также работы И. Хоккетта, И. Гринберга, Х. Вейнрейха, С. Ульманна, Р. Якобсона, Ч. Осгуда и др. в сб. «*Universals of Language*» (Cambridge, Mass., 1963).

зования (или неиспользования) средств языка (знаков), свободой выбора тех или иных языковых средств, значимость которых закреплена социальной жизнью ³.

Примеры: *Язык есть система знаков, выражающих идеи* (Ф. де Соссюр). *Язык является системой условных речевых символов, с помощью которых осуществляется общение членов определенной социальной группы* (Б. Блох и Г. Трегер).

3) В качестве третьей стороны мы выделяем чисто индивидуальный аспект языкового использования, языковой деятельности — мышление. Мышление, по мнению многих специалистов ⁴, также может изучаться с лингвистической точки зрения. Мышление в максимальной степени (по сравнению с системой знаков и характером речи) зависит от индивида, вплоть до того, что индивид может заменять общезначимые (социальные) знаки, переходить на мышление в знаках иного знакомого ему этнического языка или языка науки, может трансформировать «синтаксические» единицы мысли (сокращать, упускать их и т. д.), а знаки языка (S_1) заменять частично или целиком индивидуальными представлениями, переключать языковой код на так называемое изобразительное мышление и т. п. Процесс языкового мышления субъективен по характеру и скрыт в мозговой лаборатории индивида. Мы знаем о нем почти исключительно по интроспективным наблюдениям, а объективные данные о форме протекания этого пока загадочного процесса все еще невелики.

Примеры: *Думать на языке. Работая над математической задачей, я ловлю себя на том, что мыслю язык о м цифр.*

III. Психофизический аспект (Р).

1) Язык как физическое явление (P_1), иначе говоря, звуковое выражение, которое может изучаться физикой, акустикой, механикой, математикой, фонетикой. Наряду с этой акустико-физической (или любой другой чувственно воспринимаемой) стороной в этом же аспекте можно рассматривать язык с нейрофизиологической точки зрения, с точки зрения механизмов образования (порождения) и расшифровки (понимания), кодирования и декодирования чувственно воспринимаемых стимулов.

Примеры: *Язык — это множество нервных структур в речевом центре* (М. Джуз). *Это звуки какого-то неизвестного мне языка.*

³ См. о «свободе выбора» на разных языковых уровнях (фонематическом, словообразовательном, синтаксическом) в новом, авторизованном польском переводе книги Р. Якобсона и М. Халле: R. Jakobson i M. Halle. Podstawy języka. Warszawa, 1964, стр. 110—112.

⁴ Н. И. Ж и н к и н. О кодовых переходах во внутренней речи. — ВЯ, 1964, № 6, стр. 26—38; А. Н. С о к о л о в. Динамика и функции внутренней речи (скрытой артикуляции) в процессе мышления. — Изв. АПН РСФСР, 1960.

2) Язык как психофизическое явление (P_2), в обиходе, пожалуй, чаще всего именуемое языком.

Примеры: *Язык есть непосредственная действительность мысли* (К. Маркс). *Язык есть всякое намеренное произнесение звуков как психических состояний* (А. Марти).

3) Язык как мышление (P_3). Эта сторона языка так же индивидуальна, как и третьи стороны в двух предыдущих аспектах, но здесь подчеркивается не индивидуальность языка, а его «внутренняя» жизнь, психологичность языка в индивидуальном лингво-мыслительном процессе, его бытие в психике индивида.

Примеры: *На язык пошлостей нет* (мысли не облагаются пошлостью). *Возможно ли технически регистрировать язык в голове человека, когда он обдумывает какую-нибудь проблему?*

IV. Абстрактно-конкретный аспект (А).

1) Деление языковой деятельности по основанию «конкретность—абстрактность» логически соответствует делению «звук — смысл». Звуковая сторона (A_1), которая по природе материальна, может, как уже отмечалось выше, строго контролироваться органами чувств (в частности, слухом) и изучаться точными науками.

Примеры: *Язык есть мышление в звуке. Язык есть звуковое выражение мысли* (А. Шлейхер). *Проблема языка и мышления.*

2) Далее мы выделяем знаковую сторону (A_2), в которой переплетаются элементы конкретного и абстрактного. Знак, как известно, — это не только звуковая форма⁵, но и содержательный феномен.

Примеры: *Язык есть специфически человеческий неинстинктивный способ передачи идей, чувств и желаний посредством системы произвольно производимых символов* (Э. Сепир). *В языке есть материальная и идеальная стороны.*

3) Третий аспект — абстрактный (A_3) — смысловая сторона языка. Эта сторона языка не может быть отождествлена ни с каким звуковым или другим физическим обнаружением кода. Звуковая актуализация («манифестация») значения и смысла и сами значение и смысл — это не одно и то же. Существует нечто та-

⁵ См.: А. Г. Волков и И. А. Хабаров. К вопросу о природе языкового знака. «Вопросы философии», 1959, № 11, стр. 79—90; В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, стр. 40—52; Г. В. Колшанский. О природе лингвистического знака. «Питання прикладної лінгвістики. Тези доповідей міжвузівської наукової конференції Чернівецького держ. ун-ту», 1960, стр. 8—10; Е. Курілович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 9—20; Т. П. Ломтев. О природе языкового знака и языкового значения. «Вестник МГУ», серия 7, 1961, № 1, стр. 80—83; E. Koschmieder. Heteromorphe Zuordnung von Zeichen und Funktion in der Sprache. «Logik und Logikkalkül». Freiburg, 1962, стр. 127—138.

кое, что может оставаться тем же самым независимо от языкового выражения, например: *я не знаю, I don't know, ich weiß nicht, je ne sais pas, ja nie wíem*⁶.

Такая абстрактность языка отражена, например, в следующем определении: *Язык есть... структура чистых отношений... форма или схема, не зависящая от практических реализаций* (Л. Ельмслев).

V. Исторический аспект (Г).

В историческом аспекте язык имеет три следующих подразделения: язык до момента речи, в момент речи и после момента речи.

1) Первый аспект этого деления (Г₁) подразумевает язык (L) с момента зарождения до данного момента, до момента написания (чтения) этих строк.

Естественно, установить момент зарождения любого языка очень трудно или даже невозможно. Можно говорить только о более или менее продолжительном периоде зарождения. Точно так же и язык в момент написания этих строк (в момент исследования) — это только фикция. Кроме того, момент научной фиксации значения не совпадает по времени с моментом реализации слова-значения. Язык как система может быть нами зафиксирован и осмыслен лишь на протяжении какого-то периода, исчисляемого годами.

Примеры: *Древний язык. Русский язык XIX в.*

2) Под языком в момент исследования (Г₂) подразумевается, следовательно, язык в период исследования.

Примеры: *Современный русский язык. Неологизмы в языке после Великой Отечественной войны.*

3) Язык после момента речи, после «периода» исследования (Г₃) — это тот объект, на который нацелено внимание лингвиста, изучающего пути развития языка индивида, группы людей или всей нации. Когда хороший учитель иностранного языка формирует у ученика иностранную речь, когда он преподносит учащемуся лексику или прививает ему речевые навыки, то он представляет себе будущего, свободно говорящего на этом языке человека и лепит по этой модели «говорящий объект», подобно строителю, который заранее знает, что строит. Есть также большой смысл в том, чтобы представлять себе и предвидеть будущее национального языка в целях правильного осуществления языковой политики и повышения языковой культуры народа.

Примеры: *Русский язык в XXI в. Язык будущего.*

VI. Интерпсихологический аспект (I).

⁶ Н. А. С л ю с а р е в а. Смысл как экстралингвистическое явление. — В кн.: «Как подготовить интересный урок иностранного языка». М., 1963, стр. 185—208.

В этом аспекте язык рассматривается как игра, как более или менее слаженный механизм двух индивидов, из которых один всегда — центр речи. Речь в «соскоровском» смысле всегда эгоцентрична. В качестве экзоцентра речи выступает слушатель. Когда речь достигла слушателя, его понимания, она становится фактом языка (S), ибо она стала достоянием двух человек, стала социальной. Теперь говорящий смотрит на произнесенную речь, направленную на слушателя, уже как на нечто экзоцентрическое. Заговорив сам, слушатель тот час же стал эгоцентром речи, ее генератором, и так ось речи передвигается, пока продолжается диалог.

Этих двух индивидов (эгоцентр и экзоцентр) связывает нечто доступное не только им, но и любому третьему лицу, нечто абсолютно объективное — интерцентрическое — звучащая (или вообще чувственно воспринимаемая) речь.

Итак, эгоцентрический аспект (I_1) — это речеобразование, язык говорящего, интерцентрический аспект (I_2) — физически обнаруживаемая речь и экзоцентрический аспект (I_3) — понимание речи, язык слушающего.

Примеры: I_1 — *Языки данной страницы текста с моей (автора) точки зрения в момент написания.* I_2 — *Мы можем определить язык как систему изоглосс, соединяющих индивидуальные лингвистические акты* (В. Пизани). *«Сущность языка заключается в общении»* (Г. Шухардт). I_3 — *Полное понимание собеседниками друг друга зависит в первую очередь от полной адекватности языка говорящего и языка слушающего.*

VII. Гено-семиотический аспект (G).

В этом аспекте мы смотрим на язык с точки зрения вида и характера языка семиотической системы, с точки зрения однородности, «генотипа» и чистоты системы его знаков.

1) В качестве первого плана в этом делении выступает естественный язык (G_1), язык в том виде, в каком он сложился у народа в стихийном развитии социальной жизни нации, практически, без активного сознательного влияния на систему со стороны отдельных конкретных носителей.

Примеры: *Изучение языка нации. Повседневный, разговорный язык.*

2) В пределах естественного языка существует несколько «подсистем», главным образом лексического характера, с элементами «искусственных» знаковых систем⁷. Это смешение создает

⁷ П. Н. Денисов. Принципы моделирования языка. М., 1965; K. Schleichta. Philosophische and wissenschaftliche Sprachen der Gegenwart. «Universitas», 1964, N 11, стр. 1185—1194; B. W. Evert. The relationship between formalized languages and natural language. «Form and Strategy Sci.» Dordrecht, 1964, стр. 66—81.

специальные языки (G_2). Сюда относятся языки наук, нередко имеющие много своеобразия в употреблении общенародных элементов, разного рода аргю, языки возрастных групп, профессиональные языки, языковые стили и прочие «микросистемы», попадающие почти полностью на грамматическом строе общенародного языка. Примеры: *Язык ребенка. Язык художественной литературы. Язык химии. Канцелярский язык*.

3) Искусственный язык (G_3) как созданная сознательной волей человека система. Он не имеет непосредственной связи с общенародным языком, хотя, несомненно, осознание его структуры помогало создавать и искусственные языки. Кроме того, сюда же входят и не созданные человеком системы коммуникационных знаков, например язык животных. В этих языках нельзя усмотреть никаких общих с естественным человеческим языком (L_2) элементов, кроме некоторых универсальных для всех языков (L) семиотических закономерностей функционирования.

Примеры. *Язык формул. Язык цветов. Язык глаз*.

VIII. Мета-аспект (M).

В большинстве лингвистических исследований язык выступает и как объект исследования и как инструмент описания, фиксации каких-то теоретических результатов исследования. По правильному замечанию О. С. Ахмановой, «способность говорить на данном языке подразумевает способность говорить об этом языке»⁸. Различение уровней этого порядка необходимо для того, чтобы избежать некоторых ошибок (типа семантических антиномий) при анализе и описании свойств языка.

При ближайшем рассмотрении в языке (L_2) с точки зрения отношения языка к объекту можно различать не два, а три уровня, или, лучше сказать, три плана, зависящие от того, в какой функции в данный момент мы используем язык: язык как орудие мышления и коммуникации (1), язык как объект исследования (2), язык как орудие исследования самого себя (3).

В предлагаемом нами ниже трихотомическом делении мы не учитываем языка в значении (1). Язык, относительно которого не возникает никаких вопросов насчет того, используется ли он для описания самого себя или для описания обычных экстралингвистических реалий, вообще не анализируется в мета-аспекте.

Итак, в мета-аспект мы включаем:

1) Язык первой степени (M_1), язык—объект.

⁸ О. С. А х м а н о в а и др. О точных методах исследования языка, стр. 21. Ср. также: Ю. С. М а р т е м ь я н о в. К построению языка лингвистических описаний. «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов». М., 1962, стр. 10—13; Ю. С. С т е п а н о в. Метаописание в исторической грамматике. «Вестник МГУ», серия 7, № 2, 1962, стр. 3—16; K. a j d u k i e w i c z. Metodologia i meta-nauka. «Życie nauki», 1948, z. IV, стр. 31 и сл.

Примеры: *Глагол в предложении: Der Brief wird geschrieben — стоит в форме Präsens Passiv.*

2) Язык, на котором ведется рассуждение о другом языке, есть мета-язык (M_2).

Примером мета-языка могут служить все русские слова, вводящие и описывающие вышеприведенную немецкую фразу.

3) Язык, на котором идет речь о другом мета-языке, есть мета-мета-язык (M_2).

Примером может служить любое высказывание, описывающее фразу мета-языка.

IX. Функциональный аспект (F).

Язык (L) имеет три главных функции: коммуникативную, сигнификативную и эвристическую.

1) Понимание языка как инструмента коммуникации между людьми (F_1) входит во многие определения языка. В настоящее время в языкознании преобладает точка зрения, что это — главная функция языка (мы называем ее одной из главных).

Примеры: *Язык есть важнейшее средство человеческого общения* (Ленин). *Она без языка лежит, руками объясняется* (Тургенев). *Язык до Киева доведет*.

2) Сигнификативная функция (F_2) состоит в том, что язык способен обозначать экстралингвистические факты, называть их⁹ и этим самым закреплять наши знания о внешнем мире.

Примеры: *Нормы права и законодательные акты имеют свое бытие в форме соответствующего государственного языка. В каждом конкретном языке звуковой комплекс только закрепляется за тем или иным предметом и явлением* (Б. А. Серебряников).

3) Эвристическая, или мыслительная, функция языка, язык как средство познания (F_3)¹⁰, как орудие мышления¹¹.

Термин «эвристический» мы оправдываем тем, что он более определен и выделяет познавательную сторону мыслительного процесса.

Примеры: *Язык есть ко снисканию исторической истины вернейший руководитель* (А. П. Сумароков). *Язык есть орган, образующий мысль* (В. Гумбольдт). *Благодаря языку мы осуществляем умозаключения*.

Таковы семантические аспекты языка, их количество, по-видимому, этим не исчерпывается. Однако недостаточная разра-

⁹ Т. А. Дегтерева. О лексическом значении и назывной функции слова. «Уч. зап. МГПИИЯ», т. II, 1957, стр. 29—44.

¹⁰ Д. П. Горский. Роль языка в познании. «Язык и мышление». М., 1957; P. V e r n a u s. Zur Rolle der Sprache in erkenntnistheoretischer Hinsicht. «Logic Language». Dordrecht, 1962; G. K l a u s. Semiotik und Erkenntnistheorie. Berlin, 1963.

¹¹ Б. П. Ардентов. Язык — орудие мышления. «Октомврие». Кишинев, 1955, № 7, стр. 69—74; о н ж е. Мысль и язык. Кишинев, 1965.

ботка проблемы не позволяет нам расширить их число в рамках данной работы.

Но уже и эти аспекты дают довольно широкую картину языка и показывают, насколько неточен термин «язык», если в лингвистических работах специально не оговаривать, какой аспект «языка» имеется в виду. Важность же того или иного аспекта для лингвистического исследования зависит от характера и цели определенной операции, от вида конкретной работы.

В заключение хотелось бы отметить следующее обстоятельство. В приведенных нами примерах слово «язык» употребляется в значениях соответствующей его стороны, полученной в результате опущения тех или иных свойств, черт или отношений этого объекта лингвистики, т. е. путем отвлечения от его других сторон. Мы старались подобрать такие значения слова «язык» в примерах, которые не были бы уже или шире выделенной стороны наших аспектов. Следует признать, что это не везде удалось. Нам важно было, однако, показать разнообразие и многоаспектный характер значения термина «язык» и зафиксировать эти аспекты.

Некоторые приведенные здесь примеры — определения языка выходят за пределы одного и даже двух, а некоторые и трех аспектов. Другие же широко известные дефиниции языка вообще не могут быть охвачены предлагаемыми аспектами вследствие метафоричности этих дефиниций. Их, вероятно, вообще нельзя назвать в строгом смысле научными определениями: *Язык есть душа во всей ее совокупности* (В. Гумбольдт); *Наш язык — это также наша история* (Я. Гримм); *Язык есть духовное выражение... История языка есть не что иное, как история духовных форм выражения...* (К. Фосслер).

Аспектный подход к языку в некоторой модификации может быть применен и к слову с целью изучения его природы, содержания его семантической структуры.

СЕМАНТИКА СЛОВА В ЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Г. В. КОЛШАНСКИЙ

Поиски решения проблемы единства языка и мышления в конкретном плане взаимосвязи логических и языковых категорий постоянно находили свое выражение в исследовании семантики слова как явления, где тесно соприкасаются области логического содержания — понятия и лексического — значения.

Современное состояние разработки проблемы слова и его семантики в советском языкознании характеризуется прежде всего обилием развернутых аргументов для доказательства¹ или опровержения² положения о единой логико-языковой структуре семантики слова (неправомерность ее разложения на понятие и значение или необходимость признания их раздельного существования как разнородных элементов в семантике слова).

Представляется, однако, прежде всего необходимым рассмотреть семантику слова с точки зрения гносеологии, поскольку содержательная сторона слова непосредственно соприкасается с отражением предметов и свойств объективного мира в сознании человека в процессе его общественной практики, трудовой деятельности.

Абстрагирующая способность мышления извлекает из конкретных предметов и явлений в процессе практического и теоретического овладения ими определенные свойства, качества, отношения, закрепляемые в сознании в идеальных образах.

Формой существования в мышлении человека идеальных образов являются понятия и их отношения (суждения, умозаключения).

Понятие репрезентирует в сознании человека именно те познаваемые отличительные признаки вещи или явления, которые достаточны для выделения их из бесконечного ряда других вещей и явлений.

Субъективный образ как отражение объективных явлений находит свое выражение в языке и существует таким образом в рамках общественного сознания в слове.

В смысле субъективного образа содержание слова должно целиком покрывать его семантику, поскольку невозможно мыслить какую-либо другую языковую форму для выражения понятия — субъективного образа, кроме слова (и его сочетаний).

¹ П. С. Попов. Понятие слова в свете марксистского учения о непосредственной связи языка и мышления. «Вестник МГУ», 1954, № 4; он же. Значение слова и понятие. — ВЯ, 1955, № 6; Л. С. Ковтух. Значение слова. — ВЯ, 1955, № 5. См. также: М. М. Фалькович. К вопросу о понятийной стороне слова. — ВЯ, 1965, № 6; С. Д. Кацнельсон. Содержание слова, значение и обозначение. Л., 1965.

² В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. — ВЯ, 1953, № 5; Л. О. Резников. Понятие и слово. Л., 1958; Е. М. Галкина-Федорук. Значение слова и понятие. — «Вестник МГУ. Филология. Журналистика», 1961, № 1; Она же. Слово и понятие. М., 1956; О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957; К. Л. Левковская. Теория слова. М., 1962; Л. Д. Бланк. К вопросу о слове, понятии и значении. «Уч. зап. Орехово-Зуевского пед. ин-та», т. 2. Ф-т русского языка и литературы, вып. 1; Р. С. Гинзбург. Значение слова. «Иностранные языки в школе», 1952, № 4; В. А. Звегинцев. Семасиология. М., 1957.

Если признать язык единственной оболочкой мысли, то и мышление должно стать единственным содержанием, реализуемым в языке. С этой стороны единство семантики слова и его формы является неразрывным и исчерпывающим.

При этом понятие как форма логического мышления одинаково и адекватно вмещает в себя как признаки, существенные с точки зрения науки на определенном этапе ее развития (ср. *атом, теплота, электричество* и т. д.), так и признаки, достаточные для практического однозначного различения соответствующих явлений (так называемые бытовые понятия: *скамейка, зеркало, баловень* и т. д. и многие понятия, употребляемые в жизни не в их терминологическом определении: *вода, металл, газ* и т. д.). Состав признаков, входящих в содержание понятия, не влияет на качество понятия в общем гносеологическом аспекте как субъективного образа явлений мира.

Решающим обстоятельством для характеристики взаимоотношения слова и понятия и является условие их неразрывного единства как формы и содержания. Как это единство слово противостоит объективным предметам и явлениям, причем его звуковая, формальная сторона произвольна по отношению к предметам мира, а содержательная сторона находится к нему в отношении отражения.

В связи с тем, что семантика слова непосредственно затрагивает проблему отношения между языковым выражением и обозначаемыми им предметами и явлениями, она рассматривается в настоящее время как в лингвистике, так и в логике (логическая семантика).

В описании естественного языка, как и в анализе семиотических систем, в последнее время важное место занимает изучение смысловых критериев в целях более строгого определения семантической структуры знаков³.

Тенденция, ведущая к признанию значения как лингвистического факта только в рамках структурной функции («значимость») является по своему существу односторонней в интерпретации естественных языков, поскольку в отличие от формализованных систем функционирование слов обычного языка в конечном итоге является производным от их первичного абсолютного значения. Как сама структура языка не есть «автономная сущность с внутренними зависимостями»⁴, а есть взаимодействие относительно самостоятельных единиц языка (морфем) и их от-

³ См.: Ч. Ф р и з. Значение и лингвистический анализ. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, Е. Н а й д а. Анализ значения и составление словарей.— Там же; Ю. С. С т е п а н о в. О предпосылках лингвистической теории значения.— ВЯ, 1964, № 5.

⁴ Ср.: Л. Е л ь м с л е в. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру. «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 122, 125, 131.

ношений, так и семантика слова складывается из его содержания (значения) и из признаков, выявляющихся в отношении слов (значимостей).

Так, для образования структуры любого словосочетания или предложения необходимо прежде всего наличие некоторого первичного значения в слове, сочетаемость же его с другими строится на этой базе. Не будет оправданным сочетание *вкусный самолет*, *деревянный металл* и т. д.; *зубной доктор* вместо обычного — *зубной врач* именно в силу семантики слов, хотя структурные признаки — значимости — здесь и присутствуют.

Объектом семантики являются, поэтому, не только отношения между значениями слов, т. е. функциональные или дифференциальные значения, а и сам план содержания как таковой⁵.

В семантике языка отражаются различные признаки, присущие объективным предметам и явлениям⁶. Эти признаки не рождаются структурой языка — они закреплены в отдельных словах, и в целом — в системе конкретного языка.

Отношение между семантикой слова и реальными объектами определяется как отношение между денотатами и сигнификатами (в терминах Р. Карнапа — между экстенционалом и интенционалом, в терминах Г. Фреге — между значением и смыслом). При исследовании денотативного и сигнификативного аспектов семантики слова на первый план выступает отношение между языковым выражением и обозначаемым им предметом, экстралингвистическим объектом — денотатом (референтом).

А. Черч, продолжая теорию известного немецкого логика второй половины XIX в. Г. Фреге, называет денотатом предмет или вещь, обозначаемые именем. Например, собственное имя *Рембрандт* обозначает или называет голландского художника, а сам художник будет называться денотатом имени *Рембрандт*⁷. Понятием обозначаемого в слове объекта оперирует Р. Карнап, Б. Рассел, Куайн и другие логики.

Карнап разработал свой метод построения логико-семантической системы, основывающейся на двух фундаментальных понятиях — экстенционала и интенционала. Согласно его концепции, языковое выражение рассматривается «не как имя чего-нибудь, а как имеющее экстенционал и интенционал»⁸, причем экстенционал определяется как класс предметов. Так, «...слово *blau* в немецком языке... обозначает всякий синий объект; его экстенционалом является класс всех синих объектов»⁹.

⁵ См.: Т. П. Ломтев. Относительно двухступенчатой теории фонем. — ВЯ, 1962, № 6; Л. Резников. Указ. соч., стр. 56—73.

⁶ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 74.

⁷ А. Черч. Введение в математическую логику. М., 1960, стр. 18.

⁸ Р. Карнап. Значение и необходимость. М., 1959, стр. 23.

⁹ Там же, стр. 335.

Аналогичные взгляды изложены в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, но с уклоном, правда, в сторону субъективистского толкования понятий факта, образа действительности. Ср., например, его утверждение: «Образ изображает возможные положения вещей в логическом пространстве»¹⁰.

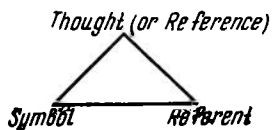
В плане теории денотата и сигнификата важно подчеркнуть, что приложимость слова к группе объектов, признак которых оно отражает в своем значении, определяется в естественных языках не конвенционально, а на основе эмпирических данных, практики человека.

Нет необходимости соглашаться здесь с Карнапом в том, что этот эмпирический фактор (определение экстенционала) для субъекта означает некоторое «предрасположение приписывать предикат Q любому объекту Y, если и только если Y имеет свойство F»¹¹ и что он действителен для некоторого лица (скажем, Карла) на основе простого опроса о приложимости некоторого выражения к некоторому классу вещей.

Здесь не может быть также речи о том, что денотат выступает предметом, с которым ассоциируется некоторое слово¹², поскольку в такой трактовке сквозит признание неизвестной силы, заставляющей каким-то образом человека ассоциировать определенный предмет именно с этим словом.

Возможность такой трактовки проистекает скорее всего из отнесения знака только к формализованным системам, не представляющим собой неразрывного единства плана содержания и плана выражения и допускающим поэтому операции условного характера, как приписывание значения или целенаправленная ассоциация слова с предметом.

В теориях знака, начиная от известного треугольника Огдена и Ричардса¹³:

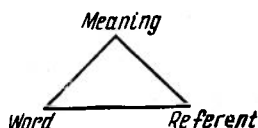
явно проступает условный характер связи формы, значения и объекта, являющийся для языковых единиц прежде всего изначальным единством выражения (формы) и содержания (семантики).

¹⁰ Л. Витгенштейн. Логико-философский трактат. М., 1958, стр. 36.

¹¹ Р. Карнап. Указ. соч., стр. 347.

¹² Б. Рассел. Человеческое познание. М., 1957, стр. 106

¹³ C. Ogden and J. Richards. The meaning of meaning. London, 1936, стр. 11.

слово выражает смысловое содержание (meaning, thought) и обозначает референт (у Огдена — Ричардса соответственно символ замещает референт и символизирует мысль). Под референтом Стерн понимает конкретный или абстрактный предмет мысли, реально существующий или воображаемый.

Ч. Моррис ¹⁵ называет реально существующие объекты обозначения денотатами и кроме денотата выделяет еще один член отношения — десигнат в связи с тем, что не каждый знак связан с конкретно существующим объектом. Десигнат по Моррису — это не конкретная вещь, а класс вещей; денотаты являются элементами класса. Классы могут состоять как из множества элементов, так и из одного или могут совсем не иметь их. Каждый знак имеет десигнат, но не каждый имеет денотат (подобное разграничение проведено у Стерна — конкретный и абстрактный референт).

Более четкое разграничение понятия денотата и десигната находим у Серенсена ¹⁶. Серенсен исходит из положения Ф. Соссюра о лингвистическом знаке как о двусторонней сущности и называет соответственно означающее десигнатором, а означаемое — десигнатом.

Языковый знак определяется им как поле отношения между десигнатом и десигнатором. Десигнат Серенсен рассматривает как значимую часть (meaning component) знака и считает термины «значение» и «десигнат» синонимами. Понятие денотата поясняет он следующим образом.

— *Андерсен встретил человека с собакой.* — Человек, произнесший эту фразу, имеет в виду объекты экстралингвистического мира и отношения между ними. Существует отношение между экстралингвистическими объектами, с одной стороны, и лингвистическими — с другой. Выражение *Андерсен* обозначает реально существующего человека, который является денотатом данного выражения, а само выражение является денотатором. Денотатор — всегда лингвистический знак, но лингвистический знак не всегда является денотатором, поскольку имеются знаки, не

¹⁴ G. Stern. *Meaning and Change of Meaning*. Göteborg, 1931, стр. 37.

¹⁵ Ch. Morris. *Foundation of the Theory of Signs*. Chicago, 1938, стр. 5.

¹⁶ H. Sørensen. *Word-classes in Modern English*. Copenhagen, 1958, стр. 11.

обозначающие ничего реального (например, *кентавр*)¹⁷. Денотаты лингвистического знака, по Серенсену, — экстралингвистические сущности, а десигнат или значение знака является неотъемлемой частью знака. Серенсен правильно подметил то положение, что мысль о предмете и выражение ее в языке, с одной стороны, имя и сам предмет — с другой, — это две различные связи. В первом случае одно без другого немислимо, во втором случае — предмет без названия мыслим.

В этой связи следует особо упомянуть концепцию А. Потебни, оригинальность и глубина которой более выпукло предстают в свете теории значения слова на базе денотата и сигнификата. А. Потебня исходил из выразительной функции языка и видел в значении слова выраженное в языке мыслительное содержание¹⁸.

Внутренняя форма слова связана, согласно А. Потебне, с его этимологией и может не иметь существенного значения в дальнейшей жизни слова. В процессе познания на первый план могут выдвинуться другие признаки того же предмета, которые становятся его представителями в сознании при сохранении прежнего звучания слова и забвения его внутренней формы, связанной с этим звучанием. Таким образом, из высказываний А. Потебни можно заключить, что он понимает под лексическим значением слова мысленное отражение предмета, содержание мысли о предмете с разными признаками в нем, из которых один является «центральным» и выступает как внутренняя форма слова. Не исключено как раз такое понимание его концепции внутренней формы, когда кроме возможного этимологического признака в нее вкладывается содержание познанного признака вещи¹⁹.

Таким образом, и лингвисты, и логики, изучавшие проблему значения, пришли к выводу (в том или ином виде) о необходимости расчленения смысловой (семантической) структуры слова на такие компоненты, которые бы дали возможность прежде всего различать два плана — объективный (экстралингвистический) и субъективный (идеальный момент) в относительно самостоятельных языковых единицах (словах). Далее, отношение этих планов должно характеризоваться не отношением коммутации слова и предмета (денотата), а отношением значения (сигнификата, десигната, интенционала) и объекта (денотата). Последнее отношение строится на базе фиксирования в семантике слова различных познанных сторон, признаков предметов,

¹⁷ Там же, стр. 14.

¹⁸ См.: А. Потебня. Мысль и язык, т. I. Харьков, 1926, стр. 77; Он же. Из записок по русской грамматике, т. 1, 2. Харьков, 1888, стр. 8.

¹⁹ А. Потебня. Из записок по русской грамматике, стр. 5.

свойств и отношений и многосторонних связей значений слов и обозначаемых объектов ²⁰.

Связь языкового выражения со смыслом (значением), с одной стороны, и связь названия и называемой вещи — с другой, носит различный характер. Если смысл, значение слова — это единое с лингвистическим знаком, то предмет высказывания (денотат) — это внешний по отношению к знаку момент, что не исключает, а обязательно предполагает уже совершившуюся, а не произвольную связь языкового знака с предметом через значение знака ²¹.

В данной связи стоит упомянуть одно из метких высказываний Ф. Соссюра: «Ряд звуков лишь в том случае является языковой величиной, если он является носителем какой-либо идеи; взятый в самом себе, он только материал для физиологического исследования. В языке понятие есть качество звуковой субстанции, а определенное звучание есть качество понятия. Часто сравнивали это двуликое единство с единством человеческой личности, состоящей из тела и души. Сближение мало удовлетворительно. Лучше его сравнивать с химическим соединением, например, с водой, состоящей из водорода и кислорода; взятый в отдельности, каждый из этих элементов, не имеет никаких свойств» ²².

Итак, слово как единство звучаний и значения соотносимо с объективными предметами и явлениями не в плоскости предмет—слово (денотат—слово), а в плоскости познанный признак предмета или явления — значение слова. Для семантики слова качество сигнификативной стороны не изменяется от того, является ли фиксируемый в ней признак свойством реальных предметов или так называемых иллюзорных («русалка», «фавн», «бог» и т. д.). Здесь надо провести строгую границу между общим онтологическим толкованием реальности воображения объектов и гносеологическим, диктующим определенные условия понимания фантастического отражения предметов в сознании человека.

Воображаемое как несуществующее имеет смысл по отношению к онтологии, но по отношению к самому себе оно есть реальное благодаря тому, что фиксировано в языке, воплощено в звуковой и графической материи.

«Мыслимость» подобных предметов как реальность мысли противостоит нереальности существования их в мире, но и образует в этом своем свойстве предмет мысли.

По тому признаку любого предмета, который отражен в значении слова, распознается сам предмет и отчленяются значения

²⁰ См.: Т. П. Л о м т е в. Метод бинарного семантического анализа в логике и лингвистике. «Проблема значения в лингвистике и логике. Тезисы докладов». М., Изд-во МГУ, 1963, стр. 35—36.

²¹ См. также: А. И. С м и р н и ц к и й. Значение слова.— ВЯ, 1955, № 2, стр. 89.

²² Ф. С о с с ю р. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 105.

слов в сети сложных отношений их в каждом языке (полисемия, синонимия, омонимия, сочетаемость и т. д.).

При определении значения слова необходимо, следовательно, не смешивать его так называемую предметно-логическую соотнесенность и значение слова, отражающего тот или иной признак предмета.

Сравнение значений слов по денотативной общности, следовательно, не есть их адекватное описание. Когда мы говорим, что *прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками*, то значения слов *прямая* и *кратчайшее расстояние между двумя точками* может быть сопоставимо с некоторым объектом (денотатом) и в данном случае может быть установлено тождество денотатов. Но это тождество никоим образом не означает тождества значений, сигнификатов слов левой и правой половины определения прямой. В значении слова *прямая* отражен признак характера линии (в отличие от кривой), а в значении слов *кратчайший, расстояние* и т. д. отражены другие качества этой линии. Аналогично построенны все дефиниции в науке.

Следовательно, с точки зрения теории отражения значение слова представляет собою субъективный образ предметов и явлений, закрепляющий какое-либо познанное их качество, свойство. В этом плане семантика слова, по существу, совпадает с понятием как логической формой, выражаемой в слове.

Есть ли другие основания, кроме этого гносеологического, решающего в данном случае плана, расщеплять сигнификативную сторону слова на несколько слоев или частей отношений? Каковы лингвистические и логические аргументы в пользу или в опровержение единой природы семантики слова, причем единой объективно, независимо от того, какие стороны ее могут изучаться с различных позиций в разных науках? Проблема взаимоотношения значения и понятия слова имеет своим стержнем выявление сущности семантики слова, в которой логические и языковые моменты слиты таким образом, что их изучение возможно только как одновременно логико-семантическое и лингвистическое.

Доказательство разноприродности составных частей семантики слова как идеальной стороны основывают на двух разных источниках формирования семантики слова: восприятия и представлении и обобщенном, понятийном отражении. Если не говорить об ограничивающих условиях выражения конкретных чувственных образов в семантике слова, то в принципе нельзя признать, что слово может содержать некоторый единичный образ, а не выражать уже обобщенное отражение предметов. Нет одного слова, включая и собственные имена, которые бы выражали образ единичного человека.

Функционирование языка в художественной литературе (создание «образов») принципиально ничем не отличается от обычного употребления языка и не опирается на чувственные, наглядные

представления, перерабатывая каким-то образом язык для этих целей. Художественный образ создается на базе слов, но его конструкция, структура специфична по характеру описания: характеристика качеств, поведения и т. д. личности, а не определение ее по логическим, научным законам — скажем, через ближайший род и видовой признак.

Язык как выражение актуализованного мышления не может в своей семантике выражать весь процесс становления, происхождения, формирования понятия предмета, явления. Но он фиксирует на каждом определенном этапе развития познания человека результат, достигнутый абстрагирующей деятельностью мышления.

При таком подходе к языку вопрос о выражении в нем, помимо мышления, других процессов — эмоций, воли, чувств — должен получить такое освещение, которое бы не вступало в противоречие с исходным положением о языке как действительности сознания. Некоторые исследователи полагают, что язык надо считать непосредственной действительностью этих психических процессов²³, включающихся в некоторую часть семантики слова — в его значение (см. Е. М. Галкина-Федорук²⁴, Л. Резников²⁵).

Верно, что в языке выражаются эмоции, чувства, воля, ибо язык в своей содержательной части — семантике способен выразить вообще все явления, относящиеся к предметам вне человека и к нему самому, поскольку в этом плане человек представляет собою тот же реальный объект. Вопрос заключается в том, каким образом осуществляется это выражение: или путем, обычным для языка, т. е. осознанно, мыслительно, или непосредственно, минуя сферу сознания.

Если признавать, что подобные явления реализуются в языке непосредственно, то в таком случае всякая рефлекторная реакция, не осознаваемая человеком, должна превращаться в некоторый звук, лишенный — вследствие его рефлекторного происхождения — мыслительного содержания, а следовательно, и значения его для других людей, что не будет иметь существенного общего с языком человека. Эмоции, воля и чувства находят свое выражение в системе языка, а не просто в звуках, как и прочие объекты, включенные в сферу психической жизни человека только как осмысленные явления, как осознанные факторы эмоциональных переживаний²⁶. Все отработанные лексические единицы языка, все виды слов выражают эмоции именно таким осознанным путем, который делает возможным их однозначное понимание. О звуках,

²³ Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 43.

²⁴ Е. М. Галкина-Федорук. Указ. соч., стр. 77—78.

²⁵ Л. Резников. Указ. соч., стр. 76.

²⁶ Ф. Травничек. Некоторые замечания о значении слова и понятия. — ВЯ, 1956, № 1.

подобных междометиям, но не закрепленных системой языка и не имеющих, следовательно, своей семантики — *ффф*, *иии*! — вопрос должен стоять не как о языковых явлениях, а только как о звуковых ²⁷.

Слова же с включенным эмоциональным моментом рассматривать как двуслойные.²⁸ (понятие + эмоция = значение) нет никаких оснований по той причине, что понятийное содержание именно эмоционального характера, отражающее в качестве объекта отношение человека к какому-либо явлению, и исчерпывает семантику языкового выражения. Это действительно и для таких слов, как *удовольствие*, *радость*, *гнев*, *печаль*, и для слов типа *дедушка*, *мамаша*, *брюхо*, *морда*, *баба* и т. д. В последнем случае семантика слова содержит признак определенного отношения человека к некоторому объекту. Так как вообще семантика слова никоим образом не может отождествляться с самим объектом, то и в данном случае неправомерно обосновывать отдельное существование эмоциональной части содержания слова тем аргументом, что в ней отражены не сами объекты (*дед*, *мать*, *лицо* и т. д.), а только «эмоциональное переживание» этих объектов. Осознание объектов, относящееся к области эмоционального отношения человека, и есть здесь сам отражаемый объект, это отражение и составляет сигнификат слова.

Говоря о единой природе семантики слова, независимо от того, какой объект она отражает, необходимо отметить действительно сопутствующий в языке момент эмоционального выражения. Речь идет о ситуационных обстоятельствах, сопровождающих процесс речи — характер голоса, мимика, жесты и т. д. Эти моменты, безусловно, передают эмоциональное состояние человека, но уже не непосредственно системой языковых средств, а совершенно другими приемами (громкость, интонация, тембр голоса, выражение лица, жесты и т. д.), используемыми параллельно с языком и служащими объективной опорой для опосредствованного заключения об эмоциональном состоянии говорящего. По голосу мы можем судить о состоянии говорящего, но не извлекать какое-либо понятийное содержание непосредственно ²⁹.

При всех возможных интерпретациях семантики слова как идеальной стороны языковых выражений важно учитывать, с одной стороны, план действительность — язык, а с другой — действительность — семантика — знак; возможно третье отношение — язык как объект, выражаемый самим языком. В последнем случае предметом рассмотрения может быть не только слово *дом*, *птица*, *корабль* и т. д., содержащее в себе понятия этих объектов, но и само

²⁷ Там же, стр. 75.

²⁸ См.: К. А. Левковская. Указ. соч., стр. 157.

²⁹ См. о паралингвистике: Т. Николаева, Б. Успенский. О новых работах по паралингвистике. — ВЯ, 1965, № 6.

слово как единица языка, элемент структуры языка, сигнификатом которого являются уже не признаки объектов, а признаки слова — единицы языка. Граница проходит здесь в разных плоскостях (первый уровень и мета-уровень) и не затрагивает по существу вопроса о соотношении значения понятия. Аналогичное соотношение существует и в плане понятийном, где одно понятие определяется через другое — с той только существенной разницей, что высказывание о понятии, различные операции с понятиями имеют непосредственное отношение к отражаемым в них объектам. Когда говорят: *Воробей — птица живая и веселая* и *В комнату влетел воробей*, то в первом и во втором предложении отношение сигнификатов имен к отражаемым объектам одинаковое, различие относится только к сфере констатации разных признаков отражения. Другими словами, денотаты слов охарактеризованы в его семантике различно, но природа самой семантики осталась неизменной.

Различная характеристика значения слова с точки зрения предметной соотнесенности должна учитывать диалектичность самого процесса познания, его противоречивость. Так как значение слова представляет собою обобщенное отражение предметов и явлений, то оно одновременно есть и отражение конкретных, единичных предметов. Именно это свойство «субъективного образа» и проявляется в возможности называния единичных предметов через общие признаки, составляющие семантику, идеальную сторону слова. Эта возможность реализуется путем присоединения «конкретизирующих» признаков к любому слову.

Слово же, взятое в отношении к самому себе, а не в отношении к определяющим его словам, содержит в своем значении противоречие единичного и общего. Это противоречие есть всеобщая категория, и оно присуще семантике слова, не требующей в этом смысле какого-либо расчленения на два отдельных момента — понятийный (отражение общего) и значимый (соотнесенность с конкретными предметами).

Понятийная сторона слова и обуславливает его функцию как обозначения предметов и отношений реального мира, его «предметную соотнесенность».

В общем плане эта содержательная сторона слова и составляет его значение, или, другими словами: значение слова и есть в сущности его понятийное содержание, обуславливающее его «предметную соотнесенность». Назначение семантики слова — выделить предмет среди многих других предметов. Входя в состав предложения, слова передают такое мыслительное содержание, которое всегда конкретно соотнесено с определенным явлением действительности. Причем конкретность слова может оформляться в языке как специальными определениями, так и одновременно составом и структурой всего предложения и контекстовым окружением: *обильный стол* и т. д. Вся система лексических значений, проявляющихся в самых разнообразных сочетаниях конкретного

языка, и есть реальность понятия, содержащего в слове, причем именно его конкретная реальность.

Отделять понятие от значения, а затем устанавливать их взаимоотношение на том основании, что понятие отражает общее, содержащееся в разных значениях слова (например, *прийти в институт, прийти к заключению, прийти к соглашению, прийти в ярость* и т. д.) неправомерно, на наш взгляд, потому, что в этом случае искаженно представляется характер самого сочетания. Так, в приведенном примере весьма объемное понятие «приходить» (условно — «процесс достижения некоторого результата») искусственно дробится на отдельные значения (*приходить в институт* и т. д.), а потом объединяется в общее понятие. Между тем правильно определенное понятие слова целиком покрывает всю содержательную сторону слова, которая и регламентирует затем сочетаемость слова.

Взгляд на слово как на обозначение понятия может быть последовательно развит до утверждения, согласно которому «слово не включает в себя понятие», поскольку «обозначение» предполагает, в свою очередь, некоторую связь составных элементов. Правда, идеальный характер понятия, обозначаемого словом, должен быть каким-то образом материализован, но если и понятие и значение материализуются в слове одинаковым образом, то разница между ними становится неуловимой или необъяснимой.

Несовпадение значения и понятия в семантике слова можно было бы объяснить тем обстоятельством, что в семантику слова входят два момента, различных по источнику отражения их в сознании. Первым моментом отражения является действительность, вторым — «восприятия внешней звуковой стороны языка, как особого рода частных, конкретных и индивидуальных явлений».

Однако для характеристики момента отражения как неотъемлемой идеальной стороны языковых единиц неправомерно разделять этот процесс на два или одновременных (сначала отражения реальных объектов, а затем — самого звучания слова), или разноплановых (один раз по отношению к экстралингвистическим факторам — денотатам, второй раз — по отношению к части самого себя — звуку), ибо понятия выступают как неразрывно связанные с их конкретными внешними проявлениями в виде звуков. Употребляя слово *звезда*, мы не в состоянии в этом слове непосредственно отразить и сам объект «звезда» и свое восприятие этого произнесенного слова, ибо последний момент есть действительно «вторичное отражение в сознании тех звучаний, в которых понятия воплощены». Что же касается сущности первичного отражения, то она остается субъективным образом, закрепленным в слове и, следовательно, его одноприродной семантикой. Далее, разграничение значения и понятия в слове иногда проводится на основе различного отношения разных групп слов к их семантике.

По основному вопросу проблемы — всякое ли слово выражает понятие или не всякое — мнения разделяются: одни считают, что понятия могут выражать лишь знаменательные слова и исключают слова не знаменательные³⁰, другие утверждают, что нет ни одной части речи, которая не могла бы служить выразителем понятия³¹.

Выражение понятий существительными не вызывает ни у кого ни сомнений, ни возражений. Относительно других знаменательных частей речи это можно доказать, анализируя их конкретные виды. Личные, указательные и другие местоимения также выражают общее понятие: *я* — понятие лица, *этот* — понятие указательности и т. д. Значение местоимения отличается лишь большей общностью, чем значение слов, принадлежащих к другим частям речи.

Несколько сложнее обстоит дело с незнаменательными или, как они более определенно называются, служебными словами: предлогами и союзами, частицами и междометиями.

Предлоги и союзы выражают крайне абстрактные отношения, в них лексическая абстракция достигает высшей ступени. Если знаменательные слова обозначают вещи, их признаки, а также признаки признаков, то в служебных словах выявляются отношения этих вещей, признаков. Союзы и предлоги непосредственно выражают связи и отношения между словами, передавая тем самым опосредствованно отношения действительных явлений.

Любой союз и любой предлог выражает какую-то мысль, т. е. является смысловой единицей языка. Так, союзы *и*, *также* выражают мысли о соединении предметов, *но* — о противопоставлении признаков. Предлоги *над*, *под*, *между* содержат мысль об отношении предметов в пространстве. В обоих случаях выражается нечто существенное и общее в данных конкретных рамках употребления слов. Поскольку предлоги и союзы не членятся на более мелкие смысловые единицы, они безусловно являются словами и как таковые выражают понятия.

Что касается междометий, то решение вопроса о выражении ими понятия должно быть связано прежде всего с разграничением междометий на подгруппы. Некоторые междометия, например *о*, *ах*, *ф-ф* и т. д., не являются вообще грамматически оформленными отрезками речи и не имеют никакого фиксированного значения. Они не выражают понятий, а являются лишь знаками эмоции, волеизъявления, о значении которых можно умозаключить опосредствованно из ситуации, контекста. Другие междометия типа *увы*, *баста* и т. п., вошедшие в систему того или иного языка в качестве заместителей предложений, вполне могут быть связаны

³⁰ А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1955.

³¹ Л. О. Резников. Указ. соч., стр. 66—68.

с определенным понятием и могут образовать группы слов с своеобразной неизменяемой грамматической формой.

Таким образом, необходимо признать, что всякое слово как грамматически оформленная единица языка, поскольку оно выступает смысловой единицей, выражает понятие.

В языке существуют различные структурные единицы, которые можно разделить на две большие группы: единицы смысловые и единицы только значимые. Смысловые единицы — это предложение, словосочетание и слово. Характерной особенностью данных единиц является то, что они не только имеют определенную значимость в языке, осмысленны, играют в нем какую-то роль при выражении мысли, но и, вместе с тем, сами выражают мысли, облекают последние в материальную оболочку.

Только значимые единицы — фонема, слог, морфема и др. никакой самостоятельной мысли собой не выражают. Они служат этой цели в соединении с другими элементами языка.

От других смысловых единиц слово отличается тем, что оно представляет собою наименьшую, предельно малую единицу. Деление же слова дает уже только значимые единицы.

Сложное слово предполагает деление на простые слова, основы, выражающие самостоятельные понятия, и поэтому к частям слова (например, *миросозерцание*) вполне применимо данное выше определение слова ³².

Сочетания слов находятся точно в таком же отношении к понятию, как слова, входящие в словосочетание. Это прежде всего относится к грамматическим словосочетаниям — *диалектический материализм, ускорение частиц, масса электрона* и т. д. Каждое слово в этих сочетаниях выражает самостоятельно определенное понятие, а как словосочетание оно выражает отношение понятий сложное понятие. Нельзя считать, что сложное понятие противостоит как единое понятие множеству слов на том основании, что «словосочетание не образует одного слова» ³³. Здесь сохраняется явно одноплановое и однозначное отношение, поскольку сложное понятие в таком же смысле выступает единым (но не одним) понятием, в каком словосочетание функционирует как единая группа (а не одно слово и не отдельные слова — *диалектика, материализм, ускорение, частица* и т. д.).

Что касается выражения одного понятия группой слов (ср. *помогать, оказывать помощь* и т. п.), то данный вопрос решается аналогичным образом, так как в случае признания за ними грамматического характера эти сочетания становятся синонимичными слову по своему денотату (предметной отнесенности), но различными по своему строению, адекватно передающему понятийный

³² См.: В. П. Григорьев. Несколько замечаний к дискуссии... — НДВШ, Филол. науки, 1959, № 2.

³³ Л. Резников. Указ. соч., стр. 87.

момент. Когда же рассматриваются слова типа *det up* 'поднимать', то речь должна идти не о противоречии понятия и значения слова, а о характере оформления слова, что может подтверждать лишь разнообразие форм выражения понятий в языках.

Идиоматические выражения (*бить баклуши* и т. п.) функционируют как словосочетания с внутренним строением, сохраняющим отношение слово — понятие. Их своеобразие кроется не в особой связи значения и понятия, а в особенности функционирования всего словосочетания (метафоричность). Эта особенность создается тем, что словосочетание вследствие своего оформленного единства, передающего сложное понятие, начинает функционировать только в этом закрепленном отношении, выражающем единое понятие. Метафоричность создается не тем, что слова *бить*, *баклуши* содержат понятия, отличающиеся от значения, или значения, не совпадающие с понятиями — в этом плане семантика слова остается единокачественной.

Часто усматривают в значении языковых единиц различие, относя их к одному и тому же понятию. Иногда же подчеркивают близость в значении и одновременно различие выражаемых понятий. И в том, и в другом случае значение и понятие противопоставляются одно другому. Так, например, такие слова, как *деточка*, *дети*, *отродье*, или *жилец*, *постоялец*, *квартирант* обозначают, казалось бы, одно и то же понятие, но имеют разное значение³⁴. Если иметь в виду, что понятие абсолютно не идентично денотату и по своей характеристике (объему) лишь соотносимо с предметами и классами предметов на базе своего содержания, т. е. признаков, отражающих свойства предметов (сигнификатов), то основание для подобного утверждения исчезает. В приведенных выражениях постоянным является не понятие как отражение свойств предметов, а денотаты. Отражение же признаков этого предмета, осмысление этого предмета в приведенных словах разное. Осмысление, понятийное содержание, выраженное в словах, и будет значением этих слов. В каждом из слов выражено разное понятие — значение (сигнификативная сторона), но сохраняется один объект (дети, определенный человек) — денотативная сторона как экстралингвистический (и в таком же смысле экстралогический) фактор, т. е. реальный, объективно существующий вне человека предмет. Когда указывают на ряд слов: *бездна*, *пучина*, *мгла*, *глубина* и т. д., считают их близкими по значению, но выражающими «с логической точки зрения совершенно различные понятия и по объему, и по содержанию»³⁵, то произвольно под-

³⁴ А. У е м о в. Проблема синонимов и современная логика. — В сб.: «Логико-грамматические очерки». М., 1961, стр. 29; П. В и з г а л о в. Некоторые вопросы диалектики соотношения языка и мышления. Казань, 1962, стр. 21.

³⁵ А. У е м о в. Указ. соч., стр. 30.

меняют различное содержание (различное значение слов) различными, или близкими, или одинаковыми денотатами выражений. Так здесь подчеркиваются разные признаки бесконечной глубины — очень глубокая пропасть, водоворот, темный непрозрачный воздух, провал, пространство от края до низа. Сопоставление значения и понятия по денотативной и сигнификативной стороне не выявляет каких-либо различий между ними.

Такое понимание значения слова не противоречит и полисемантической языковых единиц. В случаях полисемии при общей материальной оболочке слов имеется различие в денотативном отношении. С точки зрения синхронного функционирования языка полисемия предполагает прежде всего ряд различных обозначаемых предметов-денотатов. Между значениями же слова, его понятийным содержанием всегда имеется различие, но в пределах некоторой сходной по своим объективным признакам области. Только этот момент схождения, «общий семантический элемент»³⁶ дает повод говорить о связи между различными значениями полисемантического слова. В принципе каждое значение слова могло бы рассматриваться как основание для определения одинаково звучащих слов с разным значением в качестве омонимов³⁷, но два фактора — сигнификативное схождение, т. е. схождение отражаемых признаков (форма, функция, материал и т. д.) предметов и общий языковой источник развития (проявление в некоторой степени экономии языковых средств) — оправдывают признание полисемии³⁸. Существование полисемии слова не служит доказательством существования в слове двух идеальных сфер — значения и понятия, так как единая сфера — семантика слова состоит в одном и том же отношении к познаваемым объектам и демонстрирует лишь закономерную возможность, с одной стороны — иметь для различных значений одну материальную оболочку (часто характерно вообще для объективной диалектики), а с другой — классифицировать в науке определенные явления по признаку схождения (скажем, по схождению значений)³⁹.

С проблемой значения в языке непосредственно связаны и вопросы синонимии. Принятое понимание синонимов как языковых единиц с близким значением или единиц, выражающих одно и то же понятие⁴⁰, основывается, как правило, на подразумеваемой общности обозначаемого предмета. В логико-семантическом плане критерием синонимии считается тождественность смысла выра-

³⁶ См.: Е. Курилович. Заметки о значении слова.— В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 245.

³⁷ См.: А. А. Реформатский. Указ. соч., стр. 61.

³⁸ См.: Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1958, стр. 42—44.

³⁹ См. другую трактовку этого вопроса: С. Д. Кацнельсон. Указ. соч., стр. 40—76.

⁴⁰ Р. А. Будагов. Указ. соч., стр. 50.

жений или тождество содержания выражаемых понятий. В одних случаях это тождество понимается как абсолютное равенство смысла (языкознание — языковедение), в других — признается и некоторое различие. В качестве иллюстрации последнего положения приводят примеры типа: *жара, зной, пекло*, синонимичность которых определяется на основании одинакового объема понятий, выраженных этими словами, и равенства содержания данных понятий⁴¹. Наряду с равенством содержания подчеркивается и различие в нем, связанное с раскрытием в этих понятиях одного и того же предмета, но с разных сторон⁴². Как видно, общность обозначаемого предмета причисляется к факторам, определяющим синонимиию.

Однако признание синонимичности языковых выражений по признаку тождества предмета по существу выводит ее из языковой сферы, поскольку сравнение двух или более предметов — денотатов не есть еще сравнение самих языковых выражений по их семантике. Если исходить при определении синонимии из предметной общности, тогда все выражения, в которых содержатся различные признаки тех или иных предметов и явлений, будут синонимами.

Решающим обстоятельством должно быть признано здесь не тождество денотатов, а действительно семантическое тождество, тождество значений, понятий, сигнификатов.

Так, синонимами считают слова, выражающие различные оттенки одного и того же понятия; например, слова *распахнуть, открыть* в русском языке синонимизируются на основе того общего существенного, что заключается в роднящем их понятии. Общая основа в этом понятии — сделать открытым, что-либо закрытое⁴³. Что же представляет собой общая основа данного понятия? Это — денотат, выступающий здесь в форме некоторого действия. Одно и то же действие — сделать открытым что-либо закрытое — отражается по-разному, осмысливается с разных сторон, объективно присущих этому действию.

В словах, причисляемых к синонимам, выражены не разные значения одного и того же понятия, а разнообразные признаки одного и того же денотата.

Итак, значение слов, взятое по отношению к предметам-денотатам, свойства которых фиксируются в семантике слова, не выявило каких-либо своих особых качеств, отличающих его от понятия, а лишь еще раз подтвердило единство идеальной стороны (значимой, понятийной, сигнификативной) языковых выражений.

⁴¹ В. Павлов. Отношение тождества между понятиями.— В сб.: Гносеологическое содержание логических форм и методов. Киев, Изд-во КГУ, 1960, стр. 42.

⁴² Там же, стр. 42—43.

⁴³ В. Н. К л о е в а. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1961, стр. 4.

Одинаковым образом не влияет на соотношение плана содержания и плана выражения в слове и процесс изменения значения слова (например, ship в настоящее время означает любое судно, а раньше — парусное), ибо с изменением значения слова изменяется вообще его семантика. Нельзя сказать, что в слове ship понятие «парусное судно» осталось, а значение стало другим. Очевидно, что понятие слова ship теперь шире по объему, чем раньше.

Далее, находить различие понятия и значения в том, что понятие отражает существенные признаки явления, предмета, а значение только соотносит слово с этим явлением — значит предполагать, что понятие отражает признаки неизвестного явления, а значение способствует называнию этого явления. Разве можно утверждать, что отражение признаков некоторого явления не есть еще соотнесение с этим явлением? Функция слова — знака и состоит здесь как раз в том, что она закрепляет в звуковой оболочке состоявшийся акт познания, отражения в мышлении субъекта некоторого объекта мира.

Соображения этимологического характера могут быть отнесены только к выбору признака для наименования явления, но в семантическом плане функционирование слова в системе языка определяется все равно тем идеальным, что выражается в слове.

Одним из важных аргументов доказательства положения о различной природе понятия и значения, выявляющемся в слове, является указание на то, что значение слова определяется не только познавательной, общественной практикой человека, но и всей структурой языка, системой языка, выступающей в роли формирующего семантику слова фактора⁴⁴. Во-первых, даже признание определяющего влияния структуры языка на семантику слова еще не служит доказательством наличия двух идеальных сфер в содержании слова — оно служит лишь доказательством разнообразия факторов, участвующих в формировании семантики слова. Во-вторых, системный характер лексики никак не отрицает возможности системного характера понятий, ибо понятия также не существуют в мышлении изолированно, а образуют взаимосвязанную систему. В-третьих признание языка материальной оболочкой мышления (неразрывность связи звучания и значения) требует признания такого взаимодействия планов выражения и содержания, при котором любая понятийная структура находит свое адекватное выражение в формальной системе — языковой. В-четвертых, указание на национальный характер лексико-семантической системы языка может иметь целью подчеркнуть своеобразие структуры языка как системы средств выражения мышления, но не своеобразие самого мышления, своеобразие понятий в отличие от значений, выражаемых в каждом языке, своеобразие соотношения в языке понятийных и «значимых» моментов.

⁴⁴ См.: В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, стр. 346. О н ж е. Семасиология, стр. 145.

Функционирование языка может определяться каждый раз закономерностями связей фонетических, лексических и грамматических единиц конкретного языка, но это же функционирование и есть обнаружение конкретных связей содержательных элементов языковых единиц, что и создает так называемые лексико-семантические варианты, в которых понятийная (семантическая) сторона реализуется в соответствии с закономерностями, познанными коллективом и выраженными средствами этого языка. Взаимосвязь элементов языка не может рассматриваться как детерминирующее начало для формирования семантики слов, ибо определяющим фактором в конечном итоге будут объективные связи явлений.

Своеобразие функционирования лексической системы языка находит свое выражение прежде всего в сочетаемости слов, демонстрирующей таким образом семантический объем слова. Но с точки зрения соотношения значения и понятия этот объем не делится на две части (значение и понятие), ибо валентность сочетаемости есть признак в такой же мере значения слова, в какой и понятия, т. е. единой семантики слова, а не двух ее отдельных сфер, каждая из которых по-разному функционирует.

Сравнение лексико-семантических систем различных языков проводится обычно на базе перевода. Но надо заметить, что когда делаются ссылки на перевод как на доказательство разноприродности значения и понятия, то упускают из виду саму цель сравнения: проиллюстрировать несовпадение понятийного содержания — сигнификатов слов в различных языках.

Если английским *affairs run, rivers run, damages run* в русском языке соответствует *дела идут, реки текут, убытки составляют*, то это не значит, что в двух языках выражается одно понятие, но разные его значения. Понятие, выраженное в англ. *run*, очевидно, другое, чем в русск. *бежать, идти*. Этим и вызван различный перевод этого слова в данных сочетаниях. Частные несовпадения слов и выраженных в них понятий в различных языках свидетельствуют только о том, что лексико-понятийная структура любого языка представляет собой систему, а не непосредственно коммутированные отдельные элементы слова, систему, в которой зафиксированное в слове одного языка понятие определенного содержания на другом языке передается некоторой системой средств другого языка. Причем в данном случае соотношение слова и его содержания в исходном языке никоим образом не деформируется. Фундаментом же, на котором зиждется перевод, является не одинаковость понятий людей, говорящих на разных языках, и одновременно различие значений, а единство мышления человека вообще, его познавательной сущности.

Следовательно, в теоретическом плане значение слова, его семантика относится к сфере мышления и может рассматриваться как понятийная сторона комплекса «слово — понятие». Нет ни-

каких оснований проводить с гносеологической точки зрения грань между этими двумя категориями.

Слово как билатеральная единица (звуковая в плане выражения и идеальная — семантическая — в плане содержания) не может быть превращено в трехслойный элемент, где в сфере идеальной окажутся понятие и значение.

Идеальное, понимаемое как мыслительное содержание, не может быть далее расчленено на какие-либо ступени. Полагать, что слово выражает и понятие и значение одновременно — значит исходить из принципа разнородности сферы идеального, о чем наука не располагает никакими данными. Тем не менее такая предпосылка породила и саму проблему отношения этих двух сфер — понятия и значения.

Проблема же связи значения и понятия должна возникнуть лишь тогда, когда предварительно будет доказано наличие двух идеальных сфер в семантике слова. Факты языка склоняют, однако, к простому выводу о единстве идеальной стороны слова — плана содержания. Это единство семантики слова, покоящегося на том, что в слове звук выступает как форма, а понятие — как содержание, значение, никак не ведет к опасности отождествления языка и мышления даже в самой этой формулировке принципа единства языковой формы и мыслительного содержания.

Заслуживает внимания часто повторяющееся утверждение о том, что понятие — логическая категория, а значение — языковая. Сила этого аргумента состоит не в том, что необходимость разграничения значения и понятия в слове доказывается существованием различных наук — логики и лингвистики, а, на наш взгляд о том, что частично вскрывается причина, породившая саму проблему: изучение одного и того же явления — семантики слова в разных аспектах в разных науках создало иллюзию о разноприродности самого явления.

Мы полагаем, что обсуждение этого вопроса часто вызывалось не методологическими расхождениями в истолковании марксистского тезиса о неразрывном единстве мышления и языка, а включением в это обсуждение вопросов разграничения предметов наук — логики и языкознания, занимающихся исследованиями смежных областей. Однако в данном случае методически правильно различать не только аспекты изучения предмета, но и термины, символизирующие особенности подхода к своему объекту каждой конкретной науки. Термином, объединяющим оба аспекта изучения содержания слова, в логике и языкознании часто правомерно выступает термин «семантика» слова (или в настоящее время — сигнификат), однозначно выражающий единую идеальную природу слова.

Логика изучает форму мышления — понятие под тем углом зрения, который не может всецело удовлетворить интересы языковедческой науки — лексикологии, занимающейся исследованием

многообразных вопросов, связанных с семантикой, значением слова. Если логика ставит только общие вопросы содержания и объема понятия, отношения понятий, диалектической природы понятий и т. д., то лексикология решает такие вопросы, как этимология слова, значение слова и системе лексических значений рядов слов, конкретные пути изменения значений слов, употребление слов в переносном значении, проявление значения слова в контексте и другие вопросы. Факты, добытые логикой и лексикологией, не дают никаких оснований говорить о какой-либо многоступенчатой, разнородной природе семантики слова — в целом они подтверждают принципиальное положение о неразрывном единстве слова как звучания и понятия.

Природа самого явления, идеального содержания и его выражения в языке заставляет сформулировать в настоящее время проблему «значение и понятие» не как проблему противоречия логики и языка, а как проблему взаимодействия наук — логики и лингвистики — в изучении семантики слова.

ПОЛИСЕМИЯ И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К СЛОВУ И ПОНЯТИЮ

Э. В. КУЗНЕЦОВА

Полисемия — это способность слова выступать в различных значениях. Обычно полисемию характеризуют как явление чисто языковое, подчеркивая в данном случае то, что наличие полисемии свидетельствует о неадекватности слова и понятия. При этом имеется в виду не слово в целом, в единстве его формы и содержания, а так называемое фонетическое слово, которое может быть связано с разными понятиями. В действительности полисемия не нарушает основного закона единства слова и понятия, а свидетельствует лишь о несовпадении внутренней структуры словарного состава языка с системой понятий, которая находит свое выражение в нем. В то же время полисемия является ярчайшим доказательством того, что основу значения слова составляет понятийное содержание. Отдельные элементы словаря, лишенные понятийного содержания, например имена собственные, не обладают и способностью к развитию многозначности, по крайней мере до тех пор, пока они связаны с представлениями об единичных явлениях. Полисемия возникает только в процессе развития понятийного содержания, которое является ее источником и базой.

Хотя лексическое значение слова определяется разнообразными отношениями, которые связывают слово с действительностью,

с мышлением, с другими языковыми единицами как в системе языка, так и в речи, его основу составляет именно понятийное содержание, которое связывает слово с понятием о том реальном явлении, наименованием которого является слово. Понятийное содержание слова — это совокупность признаков, формирующее соответствующее понятие. Составные элементы понятийного содержания слова (дифференциальные признаки, элементарные значимости, семантические множители) соответствуют отдельным признакам явлений, создающих определенность этих явлений и отраженных в понятии о них. Таким образом, структура понятийного содержания слова находится в соответствии со структурой понятия, и это имеет огромное значение для развития словарного состава языка, в частности для развития многозначности.

Хотя мир реальных явлений бесконечно разнообразен, круг признаков, создающих это разнообразие, ограничен. Одни и те же признаки могут быть присущи различным явлениям, ибо определенность явлений создается не только спецификой их признаков, но и своеобразием комбинаций признаков в каждом из них. Сходство явлений отражается в понятиях, сближая те из них, в которых имеются общие признаки, что в свою очередь определяет семантическую близость соответствующих слов, создает базу для системных отношений в лексике, одним из видов которых является полисемия.

Наличие в понятиях А и Б общих признаков создает предпосылки для сближения этих понятий в сознании говорящего, что в свою очередь может вызвать развитие в слове, обозначающем понятие А, нового значения, связанного с понятием Б. Но такая возможность не всегда оказывается реализованной в языке. Все зависит от потребностей общения, от того, как часто слово, обозначающее одно понятие, оказывается «повернутым» в сторону другого понятия под влиянием слов, окружающих его в речи. В речи признаки, содержащиеся в понятийном значении слова, взаимодействуют с теми признаками, которые заключены в значении слов, составляющих его контекст. На основании изменения синтагматических связей слова в нем развиваются новые, производные значения, что в свою очередь меняет характер парадигматических отношений слова в системе языка. Естественно, что новые значения оказываются по своему характеру конструктивно обусловленными или фразеологически связанными.

Таким образом, факторы, определяющие развитие полисемии, оказываются различными. Один из факторов является логическим — это наличие в понятиях общих признаков. Другие факторы — языковые. Это, во-первых, условия речевого употребления слова, которые могут способствовать развитию новых значений, создавая необходимый контекстуальный «указательный минимум»; во-вторых, влияние слов, имеющих сходство в сочетаемости. Для различных частей речи роль этих факторов может быть различной.

Так, для существительных в развитии многозначности основным оказывается фактор логический, а в глаголе «в большинстве случаев (85—95%) логическая связь между исходным и производным значением перекрывается влиянием синтаксико-фразеологического окружения слова, которое выступает в глаголе основным фактором семантических изменений»¹.

Полисемия в глаголе представляется явлением особенно сложным и интересным. Различные значения многозначного глагола включают в себя разное понятийное содержание, т. е. являются средствами выражения различных понятий. Так, например, глагол *взять* может выражать кроме понятия о конкретном действии овладения предметом (*Он взял со стола тетрадь*), понятие «купить» (*Мы брали хлеб в соседнем магазине*), понятие «увезти» (*Он взял с собой сына в Москву*), понятие «захватить» (*Белые взяли Ростов*), понятие «охватывать» (*Меня сомнение берет*), понятие «преодолевать» (*Поезд берет крутой подъем*) и др.

Как же связаны между собой отдельные значения многозначного глагола, соотнесенные с разными понятиями? Они оказываются сходными по одним признакам и отличающимися по другим. Например, во фразах: *Он взял со стола хлеб* и *Он взял хлеб в булочной* — выступают два различных значения глагола *взять*: «взять в руки» и «купить». В понятийном содержании этих значений имеются общие признаки: связь с активным деятелем, цель (овладение пассивным объектом), но есть и специфические для каждого из них, например, способ овладения: в первом с помощью руки, во втором посредством денежной компенсации. Во фразах: *Мы взяли эту высоту без больших потерь* и *Спортсмен легко взял и эту высоту* — глагол *взять* выражает соответственно понятия «захватить, отняв у кого-то» и «преодолеть». Общим признаком в этих значениях является наличие усилий, которые выступают в качестве средства достижения цели действия, а различие проявляется в том, что цели оказываются различными (овладение и преодоление).

Различие отдельных значений проявляется в том, что каждое из них представляет собой особую, специфическую комбинацию признаков. При этом не всегда представляется возможным выделить один какой-либо признак в качестве общего для всех значений слова (хотя возможен и такой случай). Признак, который связывает значения А и Б, может выступать как отличительный в значении Б по сравнению со значением В того же слова. Например, признак «усилий» как средства осуществления действия является общим в глаголе *взять* для значений «захватить» и «преодолеть», но отличительным для этих же значений при сопоставлении их со значением «купить».

¹ Г. С. К л ы ч к о в. Специфика семантических изменений в различных частях речи. «Вестник МГУ», ист.-филол. серия, 1958, № 2, стр. 165.

Сходство и близость отдельных значений многозначного глагола заключается не в наличии одного, общего для всех значений признака, а в совпадении любых признаков одного значения с признаками других. Как ни велика роль признака «овладения» в семантике глагола *взять*, но и его нельзя назвать главным и обязательным, ибо в отдельных значениях он выступает как второстепенный (*он взял с собой сына*), а в некоторых вообще отсутствует (*он взял барьер*).

Но, признав, что одно и то же слово может выражать несколько понятий, мы как бы становимся перед необходимостью признать, что в лексике нарушается один из основных законов языка: всякое различие в содержании (означаемом) выявляется в различии формы (означающем). Здесь же, на первый взгляд, явное противоречие: одна форма для нескольких значений. Это противоречие заключено не в самом языке, а в неточности определения понятия «формы» применительно к лексическому значению. Противоречие существует, если под формой лексического значения понимать только звуковую оболочку основы слова, но такое понимание допустимо лишь для прямых значений слов, да и то с известными ограничениями.

Как правило, средством выявления вторичных значений наряду с фонетической оболочкой самого слова служит его контекстуальный указательный минимум, без которого слово не может раскрыть своего содержания.

Как мы уже указывали, развитие вторичных значений слов происходит в речи в условиях определенного окружения. Синтаксический контекст влияет на формирование значения слова через те грамматические значения, которые свойственны словоформам контекста или их синтаксическим функциям, а лексический контекст — через те признаки, из которых складываются лексические значения окружающих слов. Когда новое значение слова становится фактом системы языка, закрепляется в ней, контекст из средства формирования превращается в средство выявления значения, становится частью формы вторичного значения, которая и знаменует собой установление соответствия между формой и содержанием в этом вторичном значении.

Обратимся за примерами к вторичным значениям глагола *взять*. Значение «купить» развивается рядом с прямым значением «конкретного овладения» в этом глаголе на основе того, что соответствующие понятия имеют ряд сходных признаков, в частности признак «овладения объектом». Но формирование, а следовательно и выявление этого значения, происходит при определенных условиях, а именно, при наличии: в прямом дополнении — названия того, что может быть объектом купли, а в косвенном дополнении — обозначения источника (*я беру хлеб в булочной*). Позиция (*в булочной*) становится элементом указательного минимума, т. е. частью формы значения «купить» в глаголе *взять*.

Другой пример: понятие «охватывать» может быть выражено глаголом *взять* только в том случае, если в качестве подлежащего при нем выступает существительное неодушевленное, относящееся к тематической группе слов, обозначающих душевное состояние человека, проявляющееся помимо воли (*тоска, злость, страх, сомнение* и пр.). При этом лицо, испытывающее состояние, должно быть обозначено в прямом дополнении (*тоска взяла меня*). К общему значению воздействия, заключенному в глаголе *взять*, здесь как бы присоединяются в качестве признаков, уточняющих понятие о действии «охватывать», самый общий признак из лексического значения подлежащего (душевное состояние) и общий лексико-грамматический признак прямого дополнения (одушевленность). Соединяясь, все эти признаки и выражают понятие «охватывать».

Значение «увести» или «унести» может быть выражено глаголом *взять* при наличии косвенного дополнения с собой (*он взял с собой удочки*). Признаки, заключенные в этом специфическом для глагола виде местоименного дополнения, объединяются с признаками глагола для выражения понятия о действии направленного совместного движения. Круг таких примеров можно было бы значительно расширить (при детальном рассмотрении в глаголе *взять* можно выделить около трех десятков вариантов значений, различающихся как по своему содержанию, так и по форме реализации). Но уже из приведенных примеров ясно, что во вторичных значениях за фонетической оболочкой самого глагола закрепляется как бы только часть признаков понятия о действии, другая часть заключена в указательном минимуме контекста. В связи с этим выражение понятия в речи становится аналитическим, границы выражаемых понятий не совпадают с границами фонетических слов. В этих условиях создается известное противоречие между значением глагола, связанным с выражением того или иного понятия, и его содержанием, т. е. теми признаками, которые содержатся в самом глаголе, но не являются достаточными для выражения соответствующего понятия о действии, ибо необходимо должны быть дополнены признаками, заключенными в контекстуальном указательном минимуме. Это противоречие особенно ощутимо в невозможности выявления вторичного значения глагола вне контекста. При этом слова контекста, выполняя функцию уточнения значения глагола, остаются самостоятельными элементами высказывания, выражают свое собственное значение. Только часть признаков их понятийного содержания несет как бы двойную нагрузку: во-первых, они являются частью значения самого слова, входящего в контекст глагола, во-вторых, «подключаются» к глаголу, дополняя его содержание признаками, необходимыми для выявления вторичного значения, для выражения соответствующего понятия.

Чем большую роль в выявлении значения глагола играет его окружение, тем менее содержательным предстает перед нами сам

глагол. Исходное прямое значение глагола является самым конкретным, самым содержательным, в наименьшей степени нуждающимся в контексте. «Свобода» прямого значения у переходных глаголов ограничена определенной конструкцией, основным показателем которой является наличие справа от глагола прямого дополнения, но это ограничение относится уже к области грамматики. В содержании прямого лексического значения глагола имеется полный набор признаков — общих и конкретизирующих, — обеспечивающих понимание этого значения при минимуме контекста и даже вне его.

Развитие вторичных значений происходит на базе расширения общей сочетаемости глагола, в связи с чем содержание глагола становится все более обобщенным и менее содержательным. В этих условиях глагол не может выразить понятие о действии без поддержки указательного минимума, который конкретизирует слишком общее содержание самого глагола. Чем обобщеннее это содержание, тем специализированней указательный минимум глагола. Общие признаки понятия о действии заключены в глаголе, а признаки-конкретизаторы — в лексических и грамматических значениях слов указательного минимума.

Своеобразный предел наступает в глагольных описательных оборотах типа *взять на учет, взять под сомнение, взять на поруки* и пр., в которых глагол содержит в себе только общее значение действия, т. е. выражает только самый общий признак понятия о действии, обозначением которого является оборот в целом, являющийся неразложимым. Тенденция к расширению сочетаемости приходит как бы к своему отрицанию, к явлению постоянного лексического контекста, представляющего высшую ступень специализации указательного минимума. Оборот, состоящий из двух слов, выражает одно понятие. При этом существительное при глаголе выполняет в этих оборотах только функцию уточнения понятия о действии, выраженного оборотом в целом, и не имеет полной самостоятельности.

Таким образом, между понятием, выраженным отдельным значением полисемантического глагола, его содержанием и средствами его языкового выражения могут существовать следующие основные типы соотношений.

1. В прямом значении содержание совпадает с понятием о действии, обозначаемом глаголом. Средством его выражения является фонетическая оболочка основы глагола.

2. В производных значениях, характеризующихся переменным указательным минимумом (*беру хлеб в булочной, в магазине, в буфете* и т. д.), понятие о действии складывается из содержания самого глагола и отдельных признаков окружающих его слов. Средством выявления значения в данном случае служит фонетическая оболочка основы глагола плюс элементы указательного минимума.

3. В производных значениях, имеющих характер фразеологических (*взять на учет*), понятие о действии выражено суммой содержания глагола и слова, составляющего его постоянный контекст, образующих¹ семантическое единство. В качестве средства выявления понятия о действии здесь выступает неразложимый комплекс двух фонетических слов.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ В ПЛАНЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

К. Г. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

Вопрос о грамматических значениях, как и о языковых значениях в целом, связан с проблемой взаимоотношения языка и мышления двояким образом. Несомненно, что изучение содержательной стороны языка должно способствовать решению этой сложнейшей проблемы. Ведь важнейшим (и пока почти единственным) источником, из которого мы можем получить знание о мышлении, является язык. Но теоретическое осмысление языковых значений в свою очередь зависит от того, какой характер связи постулируется между языком и мышлением. Именно этим определяется в конечном счете квалификация языковых значений и их место в лингвистическом исследовании. Фактически значение при любой его интерпретации не может быть устранено из лингвистического анализа. Об этом наглядно свидетельствуют неудачные попытки сторонников формалистических направлений (включая споры 30-х годов нашего века) выступить против значения¹.

Однако неправильная теоретическая квалификация значения, например, как экстраязыковой субстанции, т. е. отождествление его с денотатом, или же — другая крайность — отождествление значения с отражением объективного мира (в том числе с логическими и психологическими категориями) приводит к тому, что значение вовлекается в исследование случайно, бессистемно.

Обе крайние точки зрения на языковое значение основываются на разном понимании взаимоотношения языка и мышления. Первая концепция вообще исключает мышление из лингвистических построений, сводя значение к функциям, понимаемым как отношения между языковыми знаками. Из второй концепции вытекает отождествление языка и мышления, рассмотрение отно-

¹ См., например: А. М. Пешковский. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? — Изб. труды. М., 1959.

шения между ними как отношения формы и содержания, прямолинейное сведение языка к звуковой оболочке, содержанием которой является мышление как отражение внешнего мира.

Предлагаемые соображения основываются на следующем понимании взаимоотношения языка и мышления и сущности языкового значения. Язык и мышление связаны не как форма и содержание, а как самостоятельные феномены, каждый из которых имеет свою специфическую форму и свое специфическое содержание. Такое понимание и вытекает из формулы «единство языка и мышления». Ее можно расшифровать как единый процесс, в котором осуществляется познавательная и коммуникативная деятельность человека как члена общества. Дальнейшее теоретическое изучение языка и особенно мышления, по-видимому, будет способствовать более четкому разграничению этих явлений и более глубокому познанию законов их взаимодействия.

Но уже и сейчас на основе имеющихся исследований и наблюдений можно сформулировать наиболее общие положения, принципиально важные для нашей проблемы.

Самое мышление представляет собой весьма сложное явление, в котором необходимо различать прежде всего две стороны: собственно познание, включающее чувственное познание и абстрактное мышление, и оформление знаний в качестве информации. Следует отметить, что сложность мышления все больше учитывается и подчеркивается в работах не только психологов, но и философов, и логиков, и лингвистов. Однако у некоторых авторов, в том числе занимающихся проблемой связи языка и мышления, наблюдается тенденция к упрощенному толкованию того, что далеко неоднозначно именуется «мышление», «сознание», «познание», к сведению сложного явления к общему тезису «мышление отражает объективный мир», совершенно правильному в общеносеологическом плане, но требующему конкретизации при рассмотрении более частных проблем. К тому же часто смешивается мышление в широком плане и научное мышление. При помощи языка, который является орудием всякого понятийного мышления, познание реальное содержание преобразуется в коммуникативном плане, подвергаясь при этом в той или иной степени воздействию структуры каждого конкретного языка.

Таким образом, языковое значение есть не простое отражение объекта, а нечто гораздо более сложное. Оно является результатом, так сказать, двойного преобразования. Как познание не есть зеркально-мертвое отражение объективного мира, ибо «...идеальное есть материальное, пересаженное в человеческую голову и пре-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, изд. 2-е, стр. 21.

образованное в ней»³, так и языковое значение не есть зеркально-мертвое отражение объекта, а представляет собой познанное объективное содержание, преобразованное языком.

И в первом, и во втором случае добавочным компонентом преобразования является отношение познающего и сообщающего субъекта. Человек познает окружающий мир не созерцательно, не пассивно, а активно относясь к нему в аспекте практики. Ведь именно такое понимание процесса познания отличает диалектический материализм от созерцательного материализма фейербаховского толка, как показал К. Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе». «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»³. В процессе общения человек, как член социального коллектива, не только передает определенное познанное им объективное содержание, но и выражает свое отношение к нему, оценивая его с точки зрения целей коммуникации. В этом особом единстве объективного и субъективного и заключается специфика языкового значения, отличающая его и от понятия и тем более от денотата.

Вопрос о сущности языкового значения непосредственно связан с проблемой функций языка. Представляется правильной точка зрения, разграничивающая две его основные функции: познавательную и коммуникативную. Язык является и орудием мышления-познания и средством сообщения мысли другим людям путем преобразования мыслительного содержания в коммуникативную информацию. Таким образом, многофункциональность языка и многокомпонентность языкового значения являются двумя сторонами одного и того же — сложного взаимодействия языка и мышления.

В этой связи нужно отметить две точки зрения, которые являются следствием упрощенного прямолинейного понимания взаимоотношения языка и мышления.

Нередко смешиваются два вопроса: участие языка в формировании мышления-познания и непосредственное вербальное выражение всех элементов мысли в конкретном акте общения. Из обязательности первого неправоммерно выводится обязательность второго. Именно на этом основаны споры по поводу таких специфических языковых явлений, как односоставные предложения, различного вида эллипсы и т. д. В традиционной логике с этим связывается также проблема двусоставности суждения и возможности односоставных суждений. Нужно отметить, что в некоторых последних работах, затрагивающих этот вопрос, делаются попытки более реально и конкретно подойти к его решению. Отсутствие доста-

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 3, изд. 2-е, стр. 1.

точной четкости является результатом того, что не разграничиваются указанные две стороны взаимосвязи языка и мышления⁴.

Как раз наличие указанных явлений в языке служит доказательством возможности имплицитного выражения отдельных компонентов мысли-сообщения в тех случаях, когда конкретные условия общения и общий опыт общающихся позволяют не называть их непосредственно при помощи соответствующих языковых единиц.

Обратной стороной рассмотренной тенденции является стремление в каждой языковой форме усматривать особое содержание, в частности в каждой особенности конкретной языковой структуры видеть проявление особенностей мышления данного народа.

Интерес к проблеме языкового значения сосредоточивается главным образом на значении слова, соотношении значения, понятия и денотата. Грамматическим значениям уделяется в этом плане значительно меньше внимания. Между тем изучение грамматических значений представляется особенно плодотворным для исследования содержательной стороны языка. Это обусловлено качественной спецификой грамматических значений, благодаря которой они представляют собой семантическую систему, несравненно более количественно строго ограниченную, следовательно, более легко обозримую, чем лексическая система.

Не будет преувеличением сказать, что в системе грамматических значений проявляются в наиболее общей форме и закономерности мышления во всей его многокомпонентности, и закономерности процесса общения. Изучая эту систему, можно установить, какие общие отношения важны для процесса познания тех или иных явлений и какие отношения характерны специально для коммуникации.

Качественное различие между грамматическими и лексическими значениями обусловлено прежде всего характером отражаемого объекта. Если в лексических значениях отражаются предметы и явления (существующие объективно, независимо от человека, и субъективно как представления и чувства самого человека), то в грамматических значениях отражаются наиболее общие отношения между предметами и явлениями.

Но отражаемые отношения только в том случае выступают как грамматические значения, если они образуют грамматическую категорию, основные признаки которой состоят в следующем:

⁴ См., например: П. В. Ч е с н о к о в. Логическая фраза и предложение. Ростов, Изд-во Ростовского ун-та, 1961; В. З. П а н ф и л о в. Грамматика и логика, гл. III. М.—Л., 1963; Г. В. К о л ш а н с к и й. Логика и структура языка, гл. 3, § 5. М., 1965.

а) она включает по меньшей мере два соотносительных значения, т. е. отражает отношения, между которыми существует дизъюнктивная связь (оппозиция), — они однородны, но противоположны; б) эти отношения обязательно (по принципу альтернативы) выражаются специальными соотносительными грамматическими формами: некорневыми морфемами, чередованием фонем, служебными словами, местоположением, просодическими средствами⁵. Важно подчеркнуть, что эти средства могут выступать не только изолированно — одно какое-либо из них для выражения одной категории (значения), но и в различных совокупностях. (Представляется необоснованным ограничивать грамматические категории лишь теми случаями, когда те или иные грамматические значения выражаются только одним способом, и считать наличие нескольких способов выражения недопустимым для грамматической категории). При таком понимании формального выражения и морфологические и синтаксические категории обнаруживают сформулированные здесь признаки.

Таким образом, качественная специфика грамматического значения проявляется и в плане отражаемого содержания — отношение, и в плане языкового преобразования — обязательное выражение антонимических отношений соотносительными грамматическими формами. Именно это особое выражение и является решающим для идентификации той или иной грамматической категории в конкретных языках. Ведь одни и те же реальные отношения не обязательно преобразуются в грамматические категории в каждом языке. Однако различия в «категоризации» отношений действительности в конкретных языках, обусловленные особенностями формальной структуры языка, его исторического развития и развития самого народа, ограничены определенными видами грамматических категорий; есть отношения, которые, по-видимому, во всех языках выражаются в форме грамматической категории.

Как видно из изложенного, я разделяю ту точку зрения, согласно которой и грамматические значения представляют собой

⁵ Эти признаки в той или иной степени и форме отмечаются в работах, посвященных проблеме грамматического значения и грамматической категории. См., например: М. И. Стеблин-Каменский. Об основных признаках грамматического значения. «Вестник ЛГУ», 1954, № 6; И. П. Иванов. К вопросу о типах грамматических значений. «Вестник ЛГУ», 1956, № 2; А. И. Моисеев. О грамматической категории. — Там же; Д. А. Штелин. О неоднородности грамматических категорий. — ВЯ, 1959, № 1; Е. О. Шендельс. О грамматическом значении в плане содержания. — В сб.: «Принципы научного анализа языка». М., 1959; А. В. Исаченко. О грамматическом значении. — ВЯ, 1961, № 1 и др. Что же касается вопроса об обязательности бинарности для оппозиции, то я присоединяюсь к авторам, отрицающим ее. См.: А. А. Реформатский. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка. — В сб.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961; Е. О. Шендельс. О грамматической полисемии. — ВЯ, 1962, № 3.

обобщенное отражение объективного. В этом отношении они сходны с лексическими значениями и не являются исключением из общего принципиального положения, о котором говорилось выше: в языковом значении отражается через мышление-познание реальная действительность. Этого взгляда в различных вариантах придерживаются многие лингвисты и логики.

Но существуют и другие мнения по этому вопросу. Некоторые видят только количественные различия между лексическими и грамматическими значениями, а именно: различия в степени абстракции, обобщения объективного мира, пренебрегая тем, что разная степень абстракции есть следствие качественно различных объектов познания. Ведь отношений неизмеримо меньше, чем предметов и явлений, между которыми они существуют, и эти отношения имеют значительно более общий характер. Другие же особенность грамматических значений усматривают в том, что они выражают отношения между словами, абстрагируются от слов, в то время как лексические значения представляют собой отражение реальных вещей⁶. Здесь явно имеет место пропуск важнейшей ступени: отношения между словами отражают отношения между предметами, следовательно, грамматические категории, выражая отношения между словами, тем самым выражают отношения между предметами⁷.

В конкретных языках имеются, конечно, и такие формально-структурные явления, которые не отражают никаких реальных отношений. Но здесь вообще не может быть речи о грамматических значениях. Эти явления нужно отграничивать от значимых грамматических явлений. Так, например, отдельные типы склонений, спряжений, будучи дифференцированы формально, не выражают никаких дифференцированных значений в современных языках.

Общие признаки грамматических значений, обусловленные характером отражаемого объекта, определяют также те наиболее общие различия, на основании которых выделяются виды грамматических значений. Исходным признаком в предлагаемой классификации является тип отражаемого реального отношения, которым обусловлена языковая специфика отдельных видов грамматических значений: в них в разной форме и степени выступает коммуникативный момент, роль участников акта обще-

⁶ Во многих современных работах эта точка зрения отражает тенденцию сведения синтаксиса естественных языков к синтактике символической логики и противопоставления его семантике. См., например: И. А. Мелъчук к. О некоторых типах языковых значений. — В сб.: «О точных методах исследования языка». М., 1961, гл. II.

⁷ См.: А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка. М., 1957, гл. II, где хорошо показана взаимосвязь этих двух сторон.

ния, по-разному соотносятся объективный и субъективный компоненты содержания.

В этом плане выявляются три вида грамматических значений.

1. Значения первого вида (1) выражают объективные отношения между предметами и явлениями: отношение предмета и признака, субъектно-объектные, пространственные, количественные и другие отношения. Эти значения могут реализоваться уже на уровне слова (способы их выражения различны в зависимости от формальной структуры языка). Именно они с полным правом могут рассматриваться как «сопутствующие» грамматические значения. Выступая в словоформе и образуя единое целое с лексическим значением слова, эти значения соотносятся с независимым от акта общения денотатом. Таким образом, субъективный компонент в них минимален, а коммуникативная направленность реализуется только на уровне предложения. Все эти особенности можно наблюдать на любом из этих значений, хотя и проявляются они не одинаково прозрачно во всех случаях.

Так, например, категория числа существительных включает два соотносительных значения (единственное и множественное число), обязательно выражаемых грамматическими средствами. «Немаркированность» единственного числа здесь чисто внешняя, ибо отсутствие форманта множественного числа однозначно выражает единственность. Эти значения отражают наиболее общие количественные отношения, познанные человеком. Наличие этих форм в языках и их частое употребление без конкретизации количества, по-видимому, может служить доказательством того, что для целей информации важно (а в большинстве случаев и достаточно) указание на то, идет ли речь об одном предмете или больше, чем об одном.

2. Значения второго вида (2) выражают отношение объективного содержания высказывания к действительности. Это категории лица, времени, наклонения. В отношении значений (2) можно говорить об опосредствованной соотносительности с действительностью: выражаемые ими отношения, хотя и существуют независимо от участников коммуникации, обусловлены ее обстоятельствами и являются необходимыми компонентами сообщения.

Формы лица дифференцируют носителя действия как говорящее, слушающее или некое третье лицо. Формы наклонения характеризуют действие, а тем самым событие, как действительное, только возможное либо желательное, что очень важно именно для коммуникации.

В категории времени глагола коммуникативная специфика выступает еще отчетливее: понятие времени, познанного человеком, преобразуется в языке в грамматические значения настоящего, прошедшего и будущего, которые определяют относительно времени сообщения о данном действии, т. е. момента речи. Лексические же средства выражают абсолютное время действия, если считать

абсолютным временем, скажем, даты, выраженные непосредственно или опосредствованно через наречия и другие существительные.

3. Значения третьего вида (З) выражают отношение говорящего к высказываемому. Но в грамматическое значение преобразуется не всякое субъективное отношение говорящего, а только отношение коммуникативно актуальное, необходимое для информации. Определяющим для этих значений является ориентация на определенного реципиента, учет его осведомленности.

Это коммуникативно-оценочное отношение говорящего к высказываемому реализуется в следующих категориях: а) в категории коммуникативной установки (КУ), включающей значения: сообщение — вопрос — побуждение (каждое предложение обязательно оформляется как повествовательное, вопросительное или как побудительное); б) в категории коммуникативного задания (КЗ), включающей значения данного—нового. Обе эти категории имеют общую основу: говорящий оценивает осведомленность слушающего. Различия заключаются в том, что в значениях КУ не менее важным компонентом является и осведомленность самого говорящего. Говорящий сообщает то, что знает, но чего, как он предполагает, не знает слушающий; говорящий спрашивает о том, чего он не знает, но что предполагается известным слушающему.

Значения данного и нового дифференцируют компоненты высказываемого только на основе предполагаемой осведомленности слушающего: данное — известное для него — служит опорой, исходным пунктом для сообщения нового — неизвестного. При этом коммуникативное задание переплетается с коммуникативной установкой: и в сообщении, и в вопросе и в побуждении выделяется новое. Ср.: *Петр пришел* и *Петр пришел*; *Пришел Петр?* и *Петр пришел?*; *Приходи к нам завтра* и *Приходи к нам завтра*. Но в вопросе определяющим для нового является осведомленность говорящего, соответственно коммуникативной специфике вопроса.

К значениям (З) следует также отнести: в) определенность — неопределенность (конечно, в том случае, если эти значения образуют в данном языке грамматическую категорию); эти значения весьма сходны с КЗ по своей коммуникативной основе, но в большинстве языков они ограничены именем существительным и представляют собой, следовательно, морфологическую категорию части речи; г) категоричность — предположительность, в основе которых лежит степень осведомленности говорящего. Ср.: *Он уехал в Ленинград — Очевидно (вероятно, может быть), он уехал в Ленинград*.

В значениях (З), как видим, преобладает субъективный компонент, хотя и субъективное отношение говорящего обусловлено объективными обстоятельствами: осведомленностью слушающего и ситуацией общения.

Семантические различия между выделяемыми видами грамматических значений в плане выражения проявляются в двух направлениях: а) в способах формального выражения; б) в различной валентности, ограниченности лексическим материалом и синтаксическими структурами. Значения (1) выражаются, как правило, морфологическими средствами — синтетическими и аналитическими. Эти значения ограничены прежде всего частями речи, но также и отдельными разрядами слов внутри частей речи. Это объясняется именно характером отражаемых ими отношений: не все отношения этого типа свойственны всем предметам, обозначаемым соответствующими классами слов. Так, например, противопоставленные залоговые формы во многих языках имеют только переходные глаголы, основная масса которых имеет общий семантический признак, требующий точного выражения субъектно-объектного отношения во всех случаях, что и достигается залоговыми формами; степени сравнения возможны только у слов, выражающих признак, доступный количественному измерению, и т. п. Значения (2) также выражаются морфологическими средствами, но они ограничены (речь идет об индоевропейских языках) личными формами глагола, а тем самым актуализируются только на уровне предложения.

Значения (3) выражаются такими синтаксическими средствами, как порядок слов, особые синтаксические конструкции, а также некоторыми модальными словами и частицами. Но особая роль среди способов выражения значений (3) принадлежит интонации. Интонационные структуры (интономы) являются обязательным и, что особенно важно, однозначным средством актуализации коммуникативного задания. При выражении же коммуникативной установки роль интонационных структур может варьироваться от обязательного средства до ослабленных вариантов и даже полной нейтрализации (вопрос, побуждение)⁸. Значения (3) в силу своего общего коммуникативно-оценочного характера не ограничены лексическим материалом. Но они — как и значения (2) — ограничены синтаксически: как эксплицитно выраженные и те и другие возможны только в предложении, но в каждом предложении значения (2) и (3) обязательны независимо от его лексического состава. Именно эти значения превращают некоторую последовательность слов в законченную коммуникативную единицу — предложение, являются необходимыми компонентами коммуникативного преобразования некоего объективного содержания. Подчеркиваем, что значения (3) также обязательны в каждом предложении, как и значения (2). Группа слов с личной формой глагола, т. е. с выраженными значениями лица, времени и наклонения (нужно учиты-

⁸ См.: О. А. Норк. Основные интонационные модели в немецком языке. «Иностранные языки в школе», 1964, № 3.

вать также возможность нулевой формы связки в некоторых языках) еще не есть предложение, если: а) она не оформлена как сообщение или вопрос, или побуждение; б) если в ней не выражено коммуникативное задание, т. е. не показано, что является данным и что новым.

Таким образом, именно в предложении и только в предложении реализуются (в единстве с лексическими) все виды грамматических значений, отражающих отношения, актуальные для сообщения как в плане познавательного-объективного содержания, так и в плане коммуникативно-субъективной оценки. Внешне это единство проявляется в том, что словоформы, выражающие объективные отношения, преобразуются в члены предложения, которые располагаются относительно друг друга и объединяются интонационной структурой соответственно коммуникативной установке и коммуникативному заданию. При этом КЗ реализуется как коммуникативная нагрузка членов предложения, которые в каждом реальном предложении совмещают в себе объективные значения и значения данного—нового.

Конечно, это «единство во множестве» для наблюдения и изучения может и должно быть аналитически расщеплено, могут быть выделены все три вида значений как закономерно накладывающиеся друг на друга в предложении⁹. С этой точки зрения можно говорить о разных уровнях грамматических значений. Но представляется неверным выводить из этого наличие двух уровней самого предложения или же противопоставлять предложение высказыванию или фразе. При ближайшем рассмотрении за этими уровнями скрывается не что иное, как уровень словосочетания и уровень предложения, которые и выделяются обычно при изучении синтаксиса. Критерием разграничения является отсутствие или наличие значений (2) и значений (3).

В заключение охарактеризуем кратко положение рассмотренных здесь видов значений в языкознании. Значения (1) общепризнаны как грамматические значения. Больше того, они нередко рассматриваются как эталон грамматических значений вообще. Они также наиболее изучены в конкретных языках. Значения (2), по-видимому, общепризнаны как грамматические категории глагола. Более спорными являются вопросы об их месте в предложении, в частности, связанные с проблемой предикативности и модальности.

⁹ См. А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 76—77; В. Г. Адмони. О многоаспектно-доминантном подходе к грамматическим явлениям. — ВЯ, 1964, № 2; Он же. Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении. — НДВШ, Филол. науки, 1961, № 3.

Из значений (3) только коммуникативную установку безоговорочно относят к грамматическим явлениям, при этом она рассматривается, как правило, не столько в системе грамматических значений, сколько в плане классификации предложений по цели высказывания.

Особо спорным является значение коммуникативного задания. Хотя это явление все больше завоевывает место в грамматиках конкретных языков, теоретически оно интерпретируется многими как логико-психологическая категория или относится целиком к области стилистики.

По-видимому, никто не станет отрицать, что правильная квалификация данного явления, как и любого другого, — не просто формально-терминологический вопрос, она важна и в общетеоретическом плане и для конкретных исследований. Ведь если данное — новое — это не что иное, как логические категории, то языковое выражение — это только внешняя оболочка логических категорий, которые сами по себе не входят в систему языка и, следовательно, не взаимодействуют с другими ее компонентами. Изучение языковой стороны сводится, таким образом, к перечислению средств выражения как механической сумме примеров. Если же это грамматическая категория, то ее нужно изучать во взаимосвязи с другими категориями, соответственно принципам языкового исследования.

Но правильная интерпретация коммуникативного задания, представляющего собой одну из самых массовых и универсальных языковых категорий (она несомненно имеется во всех языках), важна не только для изучения самого явления, но и для общей теории языка, ибо если выключить из рассмотрения один из компонентов структуры языка, то картина всей структуры не может быть полной.

ЧАСТИ РЕЧИ И КАТЕГОРИИ МЫШЛЕНИЯ

А. Н. САВЧЕНКО

Исследуя проблему взаимоотношения языка и мышления, мы должны искать ответ прежде всего на два главных вопроса: 1) формируется ли язык под непосредственным воздействием мышления и соответствует ли его структура структуре мышления; 2) формируется ли мышление под воздействием языка и зависит ли оно от структуры последнего. С этой точки зрения я и рассматриваю вопрос о частях речи.

Части речи я понимаю как наиболее общие грамматические и лексико-грамматические классы полнозначных слов. Служебные слова не являются частями речи, поскольку они не выполняют их главной функции — быть членами предложения. Не имея самостоятельных значений, они не выражают логических категорий, а, подобно аффиксам, связывают слова в предложении или выражают дополнительные смысловые оттенки. Что же касается частей речи, то они имеют определенное отношение к логическим категориям как наиболее общим понятиям, но это отношение имеет сложный характер.

Значение существительного принято определять как предметность, но это определение нуждается в объяснении, поскольку известно, что существительные обозначают не только предметы, но и действия (*бег, работа*), и качества (*белизна, высота*), и отношения (*связь, различие*) и др. Многие характеризуют предметность, выражаемую существительным, как грамматическую, но никто не объяснил удовлетворительно, в чем состоит грамматическая предметность и чем отличается она от лексической или логической.

Существительное типа *бег* отличается по значению от соответствующего глагола не тем, что действие, выраженное им, мы представляем себе как предмет, как полагал А. М. Пешковский, а тем, что оно выражает действие в отвлечении от действующих предметов, как нечто самостоятельно существующее, не как признак предмета, а как носитель признаков, т. е. субстанцию. Значение субстанции имеет и всякое другое существительное. Понятию субстанции противостоит понятие признака. Признаки выражаются остальными главными частями речи — прилагательным, глаголом и наречием. Прилагательное выражает атрибутивный признак субстанции, глагол — признак, утверждаемый или отрицаемый в отношении к субстанции, т. е. предикативно относящийся к ней, наречие — признак признака. Субстанция и признак принадлежат к числу наиболее общих понятий, которые именуются логическими категориями.

Порядковые числительные являются по существу прилагательными и также выражают атрибутивные признаки. Количественные числительные выражают понятие количества, которое нельзя поставить в один ряд с понятиями субстанции и признака. Этот вопрос оказывается сложнее, и мы возвратимся к нему позже. Тогда же рассмотрим и местоимения.

Итак, существительное отражает логическую категорию субстанции, прилагательное, глагол и наречие — категорию признака. Однако определение значения существительного как понятие предметности, прилагательного — как понятие качества и глагола — как понятие действия также имеет известное основание.

¹ См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 71—72.

Существительное полностью соответствует категории субстанции только в независимой форме — именительном (в некоторых языках — также эргативном) падеже, поскольку понятие субстанции есть независимое понятие. В косвенных же падежах существительное ставит субстанцию в объектные отношения к действию (глаголу) и даже в отношении признака к другой субстанции (существительному). Последнее бывает всегда, когда существительное выполняет синтаксическую функцию определения. Это происходит оттого, что ядро существительного как части речи составляют названия предметов. Предметы бывают субъектами и объектами действий и признаками других предметов, что и выражается падежными формами существительных, а при отсутствии их в языке — предлогами или послелогами. Существительные, обозначающие абстрагированные действия, качества, отношения, по законам грамматики также обладают этими формами, и тем самым субстанция, выражаемая ими, грамматически уподобляется предмету и в предложении становится в такие же отношения, как предмет. Значение предметности в том и состоит, что существительное обозначает либо предмет, либо субстанцию, грамматически уподобляющуюся предмету. Таким образом, в существительном объединяются и взаимодействуют категории субстанции и предмета, вступая иногда в противоречие между собой.

Ядро прилагательного как части речи составляют качественные слова, как видно хотя бы из того, что только они бывают производными. Отношение качественного признака к носителю во многих языках выражается согласованием прилагательного с существительным. Относительный же признак может быть выражен не только прилагательным, но и родительным падежом существительного, иногда — и другими падежами; например, в русском языке *берег моря* значит то же, что и *морской берег*. Из этого можно видеть, что выражение относительного признака само по себе не нуждается в согласовании с названием носителя признака. Но относительные признаки, выраженные прилагательными, согласуются с названиями носителей потому, что они грамматически уподобляются качественным. Таким образом, хотя прилагательное в общем выражает признак, в нем важную роль играет и понятие качества.

Значение глагола определяется одними как действие, другими — как действие и состояние. Второе вернее. Действие и состояние суть различные проявления движения. Но глагол выражает движение только как предикативный признак субстанции. Если же движение мыслится как атрибутивный признак, то оно выражается причастием, если мыслится как признак признака, то выражается деепричастием, если мыслится как субстанция, то — существительным. Итак, в глаголе сочетаются категории движения и предикативного признака, в причастии — движения и атрибутивного признака.

Таким образом, в существительном, прилагательном и глаголе (а также причастии) отражаются не только субстанция и признак, но и предмет, качество, движение. Последние также являются логическими категориями, но иного рода, чем субстанция и признак. Категории предмета, качества, движения отражают различные стороны объективной действительности. Назовем их к а т е г о р и я м и п е р в о г о р о д а. Категории субстанции и признака отражают отношения между понятиями и представлениями в мысли и обусловлены свойствами человеческого мышления, поскольку любой элемент действительности может мыслиться как признак или как носитель признаков. Назовем их к а т е г о р и я м и в т о р о г о р о д а. Как видим, каждая из рассмотренных частей речи соответствует двум различным логическим категориям. Это не случайное явление. Оно органически вытекает из двойственной природы частей речи. Части речи различаются определенными типами лексических значений слов (если тип не вполне однороден, как в существительном и прилагательном, то в нем есть ядро, наиболее характеризующее часть речи). Но в еще большей степени части речи характеризуются своей синтаксической сочетаемостью и теми грамматическими категориями, посредством которых она осуществляется. Лексические значения отражают объективную действительность, синтаксическая сочетаемость отражает отношения, в которые вступают соответствующие понятия в мысли. В части речи эти свойства обобщаются в двух различных логических категориях.

Наречие соответствует одной категории второго рода (признак признака), но различным категориям первого рода: качество (*хорошо, тяжело, звонко*), пространство (*далеко, там, ширь*), время (*давно, теперь*) — и имеет некоторые значения, выходящие за пределы этих категорий. Это объясняется тем, что наречие есть особая часть речи, представляющая собой не лексико-грамматический, а чисто грамматический класс слов. Наречия имеют совершенно различные лексические значения и объединяются только тем, что в предложении примыкают к глаголу (некоторые — к прилагательному) и лишь под влиянием глагола — в отдельных случаях к существительному. Как правило, наречия являются грамматическими формами других частей речи; например, *хорошо* есть особая форма от слова *хороший*, *вдали* — от слова *даль*, *даром* — от *дар*; нем. *gut* как прилагательное (в предикативной функции) и наречие есть формы одного и того же слова; точно так же англ. *after* 'задний' и 'позади'. И только те наречия, которые оказались изолированными вследствие исчезновения в языке остальных форм данных слов, являются отдельными словами. Такую сущность наречия, в свою очередь, можно объяснить самой природой категории признака признака. Если носителями признаков в действительности являются прежде всего предметы, постоянными признаками предметов являются прежде всего их

качества, а признаками, возникающими во времени, — действия и состояния, то признаки признаков бывают самых различных категорий. Так, признаком качества является его степень, признаком движения — качество, способ, пространство, время.

Есть также части речи, соответствующие какой-нибудь одной категории. Количественное числительное выражает категорию количества. Это одна из категорий, отражающих объективную действительность. Но числительное не имеет значения ни признака, ни субстанции. Местоимение, наоборот, выражает категории второго рода: местоимения, обладающие некоторыми свойствами существительных, имеют значение субстанции, но не имеют значения предмета; местоимения-прилагательные выражают признаки, но без значения качества. Не случайно эти части речи выделяются менее четко, чем другие, и многие сомневаются в том, что они являются особыми частями речи.

Рассмотренные свойства частей речи свидетельствуют о том, что части речи формируются в соответствии с системой логических категорий. Это говорит в пользу мнения, что грамматический строй языка, по крайней мере в самых общих чертах, обусловливается логической системой мышления.

Но вместе с тем в связи с потребностями синтаксиса части речи различным образом сочетают логические категории и порождают в них своеобразные особенности. Так, грамматические свойства существительного приводят к тому, что абстрагированные понятия признаков, движений, отношений связываются с другими таким же образом, как и понятия предметов, и уподобляются последним. От грамматических свойств прилагательного и наречия зависит противопоставление или непротивопоставление в сознании людей признака субстанции и признака признака. В тех языках, в которых прилагательное и наречие формально полностью разграничиваются, — как, например, в славянских и балтийских, — противопоставляются и соответствующие понятия. Но в некоторых языках это разграничение не проводится последовательно. В тюркских языках прилагательные не склоняются и поэтому не согласуются с определяемыми словами, а примыкают к ним. В связи с этим качественное прилагательное, если это не противоречит его лексическому значению, в одной и той же форме может примыкать не только к существительному, но и к глаголу, выполняя в последнем случае функции наречия. Например, в балкарском предложении *Ахшы уста ахшы ишлейди* 'Хороший мастер хорошо работает' прилагательное *ахшы* определяет и существительное *уста* 'мастер', и глагол *ишлейди* 'работает'. Есть такие случаи и в индоевропейских языках. Например, в немецком прилагательное, выполняющее функцию сказуемого, формально не отличается от наречия (ср. *das Pferd ist schnell* 'лошадь быстрая' и *er geht schnell* 'он идет быстро'). В этих случаях в языке отсутствует фактор, вызывающий противопоставление признака суб-

станции признаку признака. По-видимому, отсутствует и само противопоставление в сознании говорящих.

Отношение между частями речи и логическими категориями особенно усложняется тем, что глагол и существительное выражают отношения между понятиями не только по их содержанию, как свойственно вообще частям речи, но и по их роли в суждении. Глагол, как выше уже упомянуто, не только обозначает движение как признак субстанции, но благодаря своим формам времени и склонения выражает также предикативное отношение этого признака к предмету мысли. Поэтому глагол в предложении бывает только сказуемым, а если сказуемое нужно выразить другой частью речи, то его предикативное отношение выражается глагольной связкой. Наиболее же подходящим средством для выражения субъекта мысли является существительное в независимой форме, которое и выполняет функцию подлежащего. Однако то, что эти части речи выражают одновременно и определенные наиболее общие понятия по их содержанию (существительное — понятие предмета, глагол — понятие движения) и обладают соответствующими грамматическими свойствами, не дает им возможности всегда соответствовать более подвижным, изменчивым элементам суждения — субъекту и предикату. Например, в предложении *Советским ученым принадлежит главная роль в завоевании космического пространства*, субъект мысли выражен дополнением *советским ученым*, а предикат — всеми остальными словами.

Распространено даже мнение, что при соответствующем фразовом ударении сказуемое может выражать субъект мысли, а подлежащее — предикат. Например, П. В. Таванец полагает, что если в предложении *Стакан разбился* сделать ударение на слове *стакан*, то оно будет выражать предикат, а слово *разбился* — субъект². Эта точка зрения широко распространена и среди языковедов. Она основана на том, что субъект суждения понимается как нечто данное, составляющее исходный момент мысли, а предикат — как то новое, что содержится в нем. Из нее следует вывод, что сказуемое не имеет необходимой связи с предикатом суждения, а подлежащее — с субъектом. С этим мнением нельзя согласиться. Сказуемое с его предикативным значением имеет явную связь с предикатом суждения, значит имеет ее и глагол, который всегда выполняет функцию сказуемого.

Дело в том, что субъект не обязательно бывает «данным», а предикат — «новым» в суждении. В логике субъект правильно определяется как отражение предмета мысли, а предикат — как признак, который приписывается этому предмету. Предмет и признак понимаются при этом наиболее обобщенно, по их функции, т. е. по отношению друг к другу, а не с точки зрения конкретного

² П. В. Таванец. Суждение и его виды. М., 1953, стр. 39.

смыслового содержания и не по объему³. Но при любом толковании нельзя согласиться с П. В. Таванцем⁴, что в предложении *Иванов пишет письмо* слова *пишет письмо* могут выражать предмет суждения, а *Иванов* — признак этого предмета. Предмет суждения обычно бывает «данном», а признак — «новым», потому что человеческому мышлению свойственно идти от предмета к признаку. Бывает и нарушение этого правила, когда на основании внешней ситуации или предыдущих суждений возникает определенное содержание мысли, но нужно выяснить предмет, к которому оно должно быть отнесено как признак.

Основу для правильного решения этой проблемы нашел П. В. Чесноков. По его теории, логема, т. е. форма мысли, объединяющая суждение, вопрос и побуждение, имеет трехплановое членение. В плане отнесения к действительности она состоит из отражения предмета, подлежащего рассмотрению, и содержащая мысли, относимого к этому предмету. Это и есть субъект и предикат. С точки зрения хода мысли она состоит из «исходного» и «нового», за которыми автор сохраняет термины К. Бооста «тема» и «рема». С точки зрения структуры мысли она состоит из смысловых элементов, соответствующих членам предложения⁵. Относительно сказуемого П. В. Чесноков полагает, что оно всегда входит в состав той части предложения, которая служит выражением предиката.

Вызывает возражение тезис П. В. Чеснокова, что сказуемое находится в предикативном отношении не только к подлежащему, но и к второстепенным членам, подчиненным сказуемому⁶. Ведь из этого можно сделать вывод, что одно только сказуемое выражает предикат, а все остальные члены по отношению к нему являются субъектами. Можно сомневаться и в том, что весь состав членов предложения отражает определенный план членения логемы («структуру мысли»), поскольку это членение обусловлено больше грамматическим строем языка, чем законами логики. Но то, что деление логемы на субъект — предикат и ее деление на тему — рему представляют собой различные стороны ее структуры, — мысль совершенно правильная. Правильно и то, что сказуемое имеет непосредственное отношение к выражению предиката. Об этом свидетельствуют его предикативные формы времени и наклонения.

Однако далеко не всегда сказуемое выражает полностью содержание предиката и даже не всегда выражает главное в нем. Так, в нашем примере *Советским ученым принадлежит главная*

³ М. Н. Алексеев. Диалектика форм мышления. М., 1959, стр. 128—129.

⁴ П. В. Таванец. Указ. соч., стр. 40.

⁵ П. В. Чесноков. Логическая фраза и предложение. Ростов-на-Дону, 1961, стр. 84—88.

⁶ Там же, стр. 49.

роль в завоевании космического пространства основное содержание предиката выражено не сказуемым *принадлежит*, а подлежащим с второстепенными членами *главная роль в завоевании космического пространства*. Важная роль сказуемого состоит в том, что в нем выражается предикативное отношение одной части предложения к другой, т. е. указывается, что та часть логемы, которая выражается сказуемым и подчиненными ему словами, по отношению к другой является предикатом.

Что же касается подлежащего, то оно не всегда выражает логический субъект и не всегда имеет отношение к нему. Субъект, как в нашем примере, может быть выражен второстепенными членами предложения. Но в этом случае сказуемое по грамматическим законам языка грамматически подчиняется все же не второстепенным членам, а подлежащему, и этим самым относит именно к нему то утверждение или отрицание, которое в нем содержится. Таким образом, происходит раздвоение субъекта: наряду с логическим появляется второй, грамматический субъект.

Рассмотренные факты приводят к заключению, что существуют языковые формы мышления, отличные от логических форм, и что они накладывают свой отпечаток на мышление. Однако эти факты не подтверждают мнения неогумбольдтианцев и школы этнолингвистики, что языковые формы определяют структуру мышления и осознание людьми действительности. Они воздействуют на мышление в узких пределах, допускаемых логической системой, т. е. до тех пор, пока они не вступают в противоречие с логическими формами. Когда же между ними начинается расхождение, то победа остается за логическими формами, и последние определяют структуру мысли. Так, противопоставление признака субстанции признаку признака не противоречит логике, равно как и непротивопоставление их. В мышлении также возможно и то, и другое в зависимости от особенностей грамматического строя языка. Но предметное грамматическое значение такого существительного, как *бег*, противоречит его лексическому значению абстрагированного движения; однако оно не влияет на понятие, заключенное в этом лексическом значении. Если слово *бег* грамматически оформлено как название предмета, то это не значит, что говорящие думают, что *бег* — это предмет. Опыт педагогов показывает, что при грамматической характеристике этого (или аналогичного другого) слова бывают случаи, когда ученик по ошибке говорит, что *бег* — глагол, но при характеристике его лексического значения никто не скажет, что *бег* — это предмет. Если в предложении существительное в именительном падеже, будучи подлежащим, не соответствует субъекту мысли, то возникает расхождение между логическим субъектом и грамматическим. Однако от этого логический субъект не устраняется, и хотя наличие отличающегося от него грамматического субъекта создает в сознании говорящих возможность иного членения мысли,

все же логический субъект остается основным. Языковые формы мысли служат для выражения ее в языке, но содержание мышления органически осуществляется не в них, а в логических формах.

КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗЛИЧЕНИЯ СОЗНАНИЯ, МЫШЛЕНИЯ, ЯЗЫКА И РЕЧИ

Г. П. МЕЛЬНИКОВ

Проблема соотношения языка и мышления со времен древних философов вплоть до конца прошлого века оставалась в основном чисто теоретической. С развитием таких наук, как психология, физиология высшей нервной деятельности, языкознание, возникло немало практических вопросов, успешное разрешение которых в значительной мере зависело от решения проблемы соотношения языка и мышления, а также языка и речи. В связи с бурным развитием кибернетики эта проблема оказалась в ряду важнейших технических проблем. Уже существует обмен программами, которые разработаны вычислительными машинами автоматически, путем самонастраивания. Этот факт следует рассматривать как кибернетический аналог самосовершенствования, накопления опыта и обмена этим опытом, пусть пока между двумя, но уже в каком-то смысле социальными элементами кибернетического «общества». Причем та форма сигналов, которая необходима для передачи накопленного опыта, не только по некоторым формальным признакам, но и по основной функции может рассматриваться как подобие языка. Техническая и математическая проблема разработки наилучших методов машинного самосовершенствования программ и обмена этими программами вплотную смыкается с проблемой выявления сущности понятий мышления, языка и речи. Теперь в разрешении этой проблемы заинтересованы инженеры. Причем, опираясь на свой опыт создания кибернетических автоматов, моделирующих некоторые (пусть пока простейшие) стороны умственной деятельности человека, они пытаются осветить определенные стороны этой проблемы.

Здесь мы попытаемся соотнести основные понятия, которыми обычно пользуются при ее обсуждении, с важнейшими кибернетическими представлениями и терминами.

Прежде всего необходимо уточнить ряд исходных терминов, которые будут использоваться в определениях мышления, языка

и речи. По возможности они должны отражать объективную действительность, не зависящую от наличия или отсутствия мыслящих существ.

Любое реальное, в каком-либо отношении самостоятельное целое мы будем называть объектом, его составные части, если они имеются, — элементами, сам объект — сложным объектом. Между элементами сложного объекта всегда существуют определенные связи или отношения, причем сеть — схема этих связей представляет структуру сложного объекта. Сложный объект, структура которого по каким-либо причинам изменяется, будем называть динамическим. Любой сложный объект, структура которого совпадает со структурой данного объекта, будем рассматривать как модель данного объекта (структурную), причем совершенно безразлично, совпадает ли субстанция элементов оригинала с субстанцией элементов модели. Даже более того, практический интерес представляют главным образом те модели, субстанция которых существенно отличается от субстанции оригинала (построена из «более легкого материала»). Очевидно, что если модель способна изменять свою структуру, то она может оставаться моделью и при изменении структуры оригинала (при условии, что есть какой-то физический посредник, который обеспечивает сохранение соответствия между структурой оригинала и модели). Такую модель с изменяющейся структурой мы будем называть динамической, а тот физический посредник, без наличия которого соответствие структур модели и оригинала нарушилось бы, мы назовем знаком. Это наиболее общее определение знака, не требующее наличия какого-либо договора мыслящих существ, поэтому такое понимание знака дает нам право использовать его при определении самого понятия «мышление».

Нейроны мозга являются «легкими» субстанционными элементами, способными вступать во взаимные связи и, в случае необходимости, разрывать эти связи. Следовательно, нейроны мозга могут образовывать сложные структуры связей и перестраивать эти структуры, и поэтому мозг является типичным динамическим сложным объектом. Внешняя действительность через органы чувств и нервные сети человека воздействует на структуру нейронных связей и приводит ее в соответствие со структурой связей элементов реального мира. Сознание, материально воплощенное в мозге, есть динамическая согласуемая модель реального мира, отражающая структуру связей его элементов. Те внешние воздействия (звуковые и световые волны, механические раздражения и т. д.), без которых невозможно было бы такое согласование, являются знаками по отношению к сознанию.

Существенным отличием сознания от других видов согласующихся моделей является то, что в сознании отражаются не только наличные элементы объектов действительности и связи между

ними, но и потенциальные связи и отношения, скорости изменений этих связей и т. д. Следовательно, сознание не только отражает динамику структуры внешнего мира, но способно прогнозировать его новые состояния, причем за счет «легкости» субстанции нейронов сознание способно делать это за время, существенно более короткое, чем время, необходимое для протекания прогнозируемого процесса в самой действительности.

Чем точнее отражено в сознании текущее состояние реального мира, тем вернее и глубже прогнозирование. А так как структура мира непрерывно изменяется, то только за счет непрерывной подстройки сознания в соответствие с этой меняющейся структурой прогнозирование оказывается эффективным. Степень эффективности может быть оценена целесообразностью поведения человека в непрерывно изменяющейся обстановке.

Сам процесс прогнозирования и перестройки структуры сознания следует, по-видимому, назвать мышлением.

Представим, что имеется два динамических объекта: оригинал и модель, причем элементы и связи оригинала определенным образом связаны с элементами и связями модели, так что изменение структуры оригинала приводит к изменению структуры модели, и каждая структура модели соответствует вполне определенной структуре оригинала. Если при этом соответствии сами структуры оригинала и модели неодинаковы, то сеть связей между рассматриваемыми сложными объектами, т. е. структуру этих промежуточных межобъектовых связей, мы будем называть кодом, а конкретные структуры динамической модели — закодированным текстом.

Теперь представим, что оригинал — определенный участок мозга, который в схеме связей нейронов является определенной частью структуры сознания; динамическая модель — управляемые нервными сигналами органы артикуляции. Тогда любая структура взаимодействий и взаимосвязей между органами артикуляции, изменяясь во времени, выступает закодированным текстом, который в данном случае является речью. Следовательно, схема, структура взаимосвязей между органами артикуляции и элементами структуры определенного участка мозга является кодом. Вот этот код между сознанием и органами артикуляции, задающий конкретный вариант соответствий структуры сознания структуре речи, и является языком. Таким образом, находясь в неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости, мышление, сознание, язык и речь четко различаются по своим функциям и воплощены в структурах разных материальных носителей.

Язык как код — обратим, т. е. способен осуществлять как функцию кодирования, так и функцию декодирования. Звуки речи, воспринятые органами слуха, анализируются, выявляется структура взаимосвязи ее элементов. Эта структура связывается через декодирующую структуру языка со структурой элементов

сознания. Так, слушающий, воспринимая речь говорящего, видоизменяет структуру своего сознания в соответствии со структурой сознания говорящего. Если опыт говорящего богаче, т. е. если структура сознания говорящего ближе к структуре внешней действительности, то благодаря наличию языкового общения слушающий также обогащает свой опыт. Естественно, что это возможно лишь при условии, что кодирующая и декодирующая структуры говорящего и слушающего в достаточной степени одинаковы, т. е. что говорящие пользуются общим языком.

Итак, сознание — это динамическая прогнозирующая модель действительности, мышление — сам процесс согласования модели с оригиналом и прогнозирования состояний оригинала, речь — закодированный текст, отражающий структуру выбираемого участка сознания, и, значит, речь — это последовательность знаков между говорящим и слушающим, а язык — кодирующая и декодирующая структура между артикуляционно-слуховыми органами и сознанием.

Чем достигается единство языка между всеми членами языкового коллектива? Всякая несогласованность между кодами говорящего и слушающего рано или поздно приводит к появлению несогласования структуры сознания (кого-либо из разговаривающих) со структурой внешнего мира. Такое рассогласование ведет к нецелесообразному поведению человека, и когда это обнаруживается, то в языковый код вносится соответствующая поправка, предотвращающая повторение недоразумения. Так за счет громадного количества актов перекрестных общений коды (т. е. языки) всех членов коллектива становятся практически одинаковыми, вырабатывается язык как социальное явление, как средство общения. Благодаря языку сознание каждого члена общества обогащается как опытом современников, так и опытом предшествующих поколений людей. Таким образом, человек оказывается снабженным наиболее полной моделью реального мира, и его прогнозирование становится чрезвычайно точным и глубоким.

В структуре элементов речи за заданное время может быть отражена, в закодированном языке виде, структура лишь определенного выбранного участка сознания. В зависимости от конкретного кода (т. е. структуры языка) это последовательное кодирование может протекать в различных вариантах. Следовательно, и перестройка сознания слушающего (т. е. мышление) под воздействием воспринимаемой речи тоже в какой-то мере оказывается зависящей от особенностей используемого кода. И наоборот, когда перестройка и обогащение сознания протекают под воздействием неречевых сигналов (например, под воздействием увиденного), то все равно воспринимающий «переосмысливает» увиденное таким образом, чтобы наиболее просто и естественно перекодировать полученную информацию в речь, так как скорее всего приобретенным опытом понадобится поделиться с другими людьми.

Так что наличие той или иной структуры языкового кода не может не оказывать влияния на мышление. Язык — дискретный код. Поэтому отражение в сознании реальной действительности хотя и дает цельную картину познанного мира, но складывается эта картина из мозаичных дискретных элементов, величина и форма которых в какой-то мере варьируется в зависимости от того, на каком языке мыслит человек. Однако, когда пытаются выявить различие в сознании в зависимости от специфики языкового дискретного кодирования, то, по-видимому, нередко преувеличивают степень этого различия. Объясняется это тем, что чаще всего производят сравнения конкретных слов и категорий двух языков, а не целостный результат восприятия высказывания в его речевом и ситуативном контексте. Неповторимость информации, воспринятой сознанием, определяемая спецификой языкового кода, оказывается существенной лишь в сфере поэтической и эмоциональной речи.

Существуют языки (например, индоевропейские), в которых изолированное слово за счет богатого грамматического оформления позволяет указать довольно четкие границы семантического поля понятия, обозначаемого этим словом. Столь же богаты в таком языке грамматические средства указания взаимосвязи слов в конкретном предложении. В результате этого структура внеязыковой ситуации и функции ее элементов, отражаемые в предложении, очень редко расходятся со структурой связи и членением на грамматические категории используемых слов. Поскольку логика отражает структуру взаимодействия объектов реального мира, в языках рассмотренного типа наблюдается глубокий изоморфизм между грамматической и логической формой.

В языках другого типа (особенно в изолирующих) слово, взятое само по себе, практически не имеет грамматического оформления и способно поэтому служить означаемым как бы лишь для центральной точки семантического поля понятия, от которой семантические ассоциации могут расходиться в различные стороны. Не приводит ли это к тому, что говорящий на таком языке уже не способен столь же полно отразить логику взаимодействия элементов описываемой ситуации? Психолингвистический анализ показывает, что такой вывод неверен.

Когда слова изолирующего языка складываются в предложение, то часто количество упомянутых в высказывании понятий сильно отличается от количества понятий в предложении неизолирующего языка. Хотя каждое из изолирующих слов способно вызвать цепь смысловых ассоциаций в самых различных направлениях, совокупность употребленных слов такова, что происходит взаимная конкретизация этих направлений и ограничение их по длине. Поэтому в конкретном высказывании семантическое поле всех понятий, представленных словами, оказывается столь четко очерченным, и взаимосвязь между понятиями столь явно выраженной,

что структура взаимодействия элементов и их функций в описываемой предложением внеязыковой ситуации предстает во всей полноте. Следовательно, логическая структура высказывания практически не зависит от того, отражена ли она формально в структуре слов и частей речи, или соответствующая информация заложена в рациональном ограничении семантических ассоциаций семантическими же средствами. Непонимание этого приводит к тому, что в языках, пользующихся преимущественно семантическими средствами выражения логической структуры высказывания, многие ученые всеми силами пытаются выявить «грамматические категории», в чем проявляется неосознанное отождествление логики и грамматики.

Предлагаемое определение сознания сводится к понятию структуры взаимосвязей, а в качестве функции сознания указывается способность «моделировать», отражать реальную действительность. Но мир многообразен, и отражать нужно не только «схемы взаимосвязей», т. е. структуры из элементов действительности, но и чисто качественные свойства этих элементов, их субстантные свойства. Не вытекает ли из структурного понимания сознания принципиальная ненужность обращения к субстанции (к чему нередко призывают представители некоторых структуралистических направлений)? Можно ли структурными методами отразить субстантные свойства элементов и нужно ли вообще их отражать?

Наполняя одну и ту же схему связей (одну и ту же структуру) элементами различной субстанции, мы получаем сложные объекты, отличающиеся не только по качеству. Несколько видоизмененными оказываются параметры и самой исходной структуры. Например, замена в органическом соединении углерода кремнием влияет как на физические свойства вещества, так и на взаимное расположение атомов в молекуле, несмотря на аналогичность полученных структур. И наоборот, когда пользуются элементами одной и той же субстанции и изменяют только структуру их взаимосвязей, то снова получают объекты различного качества, например, различные органические вещества, отличающиеся только структурой связи (между углеродом и водородом). Следовательно, принципиально невозможно разделить диалектическое единство структуры и субстанции, нельзя понять структуру без учета особенностей субстанции и наоборот. Когда познается какой-либо объект, то обязательно нужно выявить структуру взаимодействия его составных частей, элементов. Но чтобы понять, почему эта структура такова, необходимо учесть не только взаимосвязи этого объекта с другими объектами (т. е. снова структурные отношения), но и субстантные свойства элементов, из которых состоит данный объект. Но как мы уже сказали, особенности субстанции в конечном счете зависят от микроструктуры элементов; в свою очередь, анализ микроструктуры элементов требует учета качества микросубстанции и т. д. И в этом

процессе бесконечного углубления в анализ как структуры, так и субстанции — залог безграничности возможностей отражения действительности в нашем сознании за счет усложнения структуры взаимосвязей нейронов мозга.

Можно было бы показать, что и язык, который определен нами как кодирующая сеть связей между выбираемыми участками сознания и органами артикуляции или восприятия, может быть понят достаточно глубоко лишь при условии учета его функций, а также физических свойств субстанции, в которой он реализован (физиология органов артикуляции и слуха, акустические условия общения и т. д.). Сколь ни многообразны языковые коды (в этом проявляется их условность, конвенциональность), конкретная реализация их структуры не может не отражать особенностей субстанции, в которой воплощен и которую обслуживает язык (и в этом проявляются некоторые безусловные, универсальные черты всех языков мира). Как и любая другая абсолютизация, абсолютизация таких сторон языка, как его структурность и условность, приводят к ряду серьезных недоразумений. Следует также затронуть проблему знаковости языка. Тезис о знаковости языка, а также тезис о необходимости четкого различия языка и речи наиболее четко сформулирован Ф. де Соссюром¹. Однако когда Соссюр говорит о «языковом знаке» как о «двусторонней психической сущности», представляющей «комбинацию понятия и акустического образа», то уловить границу между обычной речью, внутренней речью и языком становится весьма трудно. Это не значит, что сущность определений Соссюра не верна, но свидетельствует о неполноте этих определений. Поэтому, пользуясь приведенными ранее кибернетическими представлениями о сущности сознания, языка, речи и знака, попытаемся уточнить понятие языкового знака.

Знак, по нашему определению, есть тот физический посредник, который приводит структуру динамической модели в соответствие со структурой динамического оригинала, что оказывается возможным благодаря наличию соответствий между структурой элементов знака и структурой элементов означаемого участка оригинала. Знак как связующее звено по необходимости должен распространяться в пространство. Процесс речи есть процесс передачи и восприятия знаков, причем значительную долю расстояния между слушающим и говорящим эти знаки проходят благодаря наличию акустической проводящей среды. Эти знаки мы назовем речевыми знаками. Если сначала рассмотреть процесс восприятия речи, то ясно, что после улавливания органами слуха и после некоторых предварительных преобразований соответствующие нервные возбуждения попадают на один из «входов» кодирующей (в данном случае — декодирующей) языковой струк-

¹ Ф. де С о с с ю р. Курс общей лингвистики. М., 1933.

туры (которую для наглядности можно представить как сеть «знакопроводов», сеть проводников возбуждения). С «выходов» (вполне определенных, зависящих от принятого речевого знака) эти возбуждения попадают в нужный участок сознания и перестраивают его структуру в соответствии со структурой сознания говорящего. Таким образом, структура, сеть «знакопроводов», т. е. язык, остается постоянным и одинаковым у каждого из разговаривающих, но при поступлении различных речевых знаков возбуждается различная комбинация «знакопроводов», и такие конкретные комбинации возбуждений, распространяющихся по кодирующей структуре, мы тоже имеем право называть термином «знак». Но теперь это уже знак, воплощенный непосредственно в субстанцию языковой кодирующей структуры, и относится он к факту функционирования, динамики языка в процессе речевого общения. Знак, находящийся на этом кодовом участке при распространении от говорящего к слушающему или наоборот, мы и будем называть **я з ы к о в ы м з н а к о м**, что наиболее полно согласуется с определением Соссюра и в то же время дает более глубокое представление о сущности этого понятия. В чем проявляется двусторонность языкового знака, о которой говорит Соссюр? В том, что с одной стороны кодирующей сети он действительно смыкается с соответствующим участком структуры сознания, т. е. с понятием, а на другой стороне «знакопроводов» кодирующей сети он переходит в речевые, акустические возбуждения, в «акустический образ». Неполнота определения Соссюром языкового знака проявляется лишь в том, что, подчеркивая эти две стороны языкового знака, он упускал из поля зрения самую сущность — кодирующую, языковую сеть, так что языковый знак превращался в единство двух концов без середины.

После приведенных уточнений легко ответить на давнишний лингвистический вопрос: если ночью все пятьсот существующих ныне юкагиrow спят, то существует ли в это время юкагирский язык? Да, существует, поскольку в голове каждого содержится кодирующая и декодирующая сеть «знакопроводов», соединяющая сознание с органами артикуляции и восприятия. Но в это время, безусловно, нет юкагирской речи и юкагирских языковых знаков (если, конечно, ни один из юкагиrow не имеет обыкновения разговаривать во сне).

Ясно также, что если найдены литературные памятники, написанные на неизвестном языке, то этот язык не существует. Но текст позволяет реконструировать и воссоздать этот язык сначала в виде грамматических описаний, потом, возможно, и в виде живого языка в головах определенного круга ученых.

Очень много споров вызывает проблема соотношения статики, динамики, синхронии, диахронии и порождающей модели языка. Поскольку структура кодирующей сети (язык) одинакова у всех членов данного языкового коллектива в данный период времени,

то естественно изучать эту структуру в синхронном плане. Однако очевидно, что понятие синхронности не связано с понятием статики. Действительно, реальность языкового знака — это некоторая возбужденная часть кодирующей, знакопроводовой цепи, т. е. часть структуры языка, выделенная из общей структуры, это «подграф графа», как говорят математики. Язык-граф остается в синхронном плане неизменным, а языковые знаки-подграфы непрерывно изменяются в процессе функционирования языка, оставаясь также фактом синхронии. Языковые знаки представляют динамику существования языка в синхронном плане, а сама кодирующая структура, обеспечивающая потенциальную возможность возникновения всех языковых знаков данного языка, представляет статику языка в синхронном плане.

Однако сама кодирующая структура может изменяться: исторически — во времени, диалектально — в пространстве. Следовательно, в данном случае речь идет как бы о изменении самой статической структуры, т. е. о «динамике самой статики». Очевидно, что эта динамика совсем не тождественна динамике, возникающей в процессе функционирования языка. Обычно, когда говорят о диахронии, то подразумевают именно эту вторую динамику, «динамику статики». Из рассмотренного ясно, что сам термин «диахрония» слишком узок потому, что он не предполагает возможности исследовать перестройку статики языка, если эта перестройка связана не с временным, а пространственным или любым другим параметром. Более правильно было бы говорить не о синхроническом и диахроническом изучении языка, а о изучении языка при постоянных и при переменных параметрах структуры языкового кода. Безусловно, что чаще всего изменяется только один параметр, и именно время. Этот наиболее вероятный частный случай и отражен в терминах «синхрония» и «диахрония». Но ясно, с другой стороны, что будущее лингвистики не сможет ограничиться только параметром времени.

В своих последних работах С. К. Шаумян совершенно справедливо поднял вопрос о том, что необходимо в синхронии различать статику и динамику и что изменение самой статики языка представляет предмет диахронического исследования². Но в его концепции есть некоторая непоследовательность. Во-первых, поскольку динамика языка — это процесс образования «подграфа» в общем «графе», представляемом структурой языка, то как статика, так и динамика — это разновидности структур. Следовательно, изучать и то, и другое можно и нужно структурными методами, а С. К. Шаумян предлагает считать структурной только методику изучения динамики синхронного состояния языка³. Во-вторых, как бы ни изменилась структура самой коди-

² См.: С. К. Шаумян. Структурная лингвистика. М., 1966.

³ Там же.

рующей сети, т. е. языка, во времени или в пространстве, все равно в любой фазе своего изменения она продолжает функционировать, следовательно, имеет и динамику. Но С. К. Шаумян, расчленив синхронию языка на динамику и статику, почему-то отказывает в таком расчленении диахронии языка⁴.

После уточнения понятий динамики и статики, синхронии и диахронии языка легко уточнить понятие порождающей модели, столь широко используемое в современной структурной лингвистике.

Если нам удалось каким-то способом выявить структурную схему кодирующей сети (пусть сугубо предположительную), то эта схема является предположительной статической моделью языка. Однако трудно представить дальнейшее изучение этой модели без попытки проверить ее кодирующие возможности. А это значит, что проверка будет основана на наблюдении за тем, какая комбинация на «входе» кодирующей цепи выдает на «выходе» ту или иную комбинацию возбуждений (т. е. выходной текст), какие звенья «знакопровода» при этом возбуждаются, какие «подграфы» они образуют. Получающиеся результаты будут сопоставляться с известными фактами функционирования языка, исследуемого с помощью модели. Такая модель отражает и статику и динамику языка. Она является порождающей, а порождающая модель, отражающая только динамику языка, которую пытается сделать С. К. Шаумян, принципиально невозможна. Фактически он строит статическую модель и изучает ее динамические возможности.

Рассмотренная порождающая модель является «синхронической», т. е. не имеет переменных параметров, влияющих на статическую структуру модели. Но по мере освоения способов создания сложных порождающих моделей станет возможным ввести переменный параметр, приводящий к некоторому изменению статической структуры модели. С этого времени методику использования порождающих моделей можно будет перенести и на изучение диахронических процессов в языке. Поскольку при этом будут продолжаться изучаться структуры и подструктуры и их перестройка, то все равно эти диахронические исследования останутся в компетенции структурной лингвистики. Отождествление понятия структуры языка с синхронией — временное недоразумение.

В свете сказанного легко сделать вывод, что сознание и мышление противопоставлены примерно так же, как статика и динамика языка, как язык и языковый знак, с той лишь основной разницей, что сознание, в отличие от языка, непрерывно пересматривает свою «статическую» структуру под воздействием получаемой и осмысливаемой информации. Мышление — это

⁴ С. К. Шаумян. Указ. соч.

конкретное функционирование сознания. Значительная часть мыслительных процессов непосредственно связана с функционированием языка (говорение, слушание, «осмысление» для будущего разговора, чтение и т.д.), но ясно также, что некоторые из процессов мышления могут протекать без непосредственной связи с динамикой языка.

Задача исследования сознания, мышления, языка и речи может рассматриваться как усложненный вариант изучения внутреннего устройства кибернетического «черного ящика», т. е. сложного объекта, внутреннее устройство которого исследуется путем сопоставления поведения этого объекта с характером различных внешних воздействий. Анализируя протокол, в котором зафиксированы сведения о воздействии и о реакциях на них черного ящика, удастся с определенной степенью приближения установить возможные составные части и структуру взаимосвязей между этими частями, не заглядывая внутрь «ящика». На основании полученных выводов строится модель внутреннего устройства, скрытого в черном ящике, и дальнейшее исследование объекта в значительной мере сводится к исследованию свойств модели (в частности, порождающей). Поскольку как сознание, так и язык являются структурными образованиями, а мышление представляет динамику «переструктуризации» сознания по мере углубления соответствий между структурой внешней действительности и структурой его «модели» в нашем мозгу, то методика «черного ящика» целиком применима и фактически всегда применялась при исследовании сознания, мышления, языка и речи. В частности, так как речь, в виде речевых знаков, поддается непосредственному наблюдению, она используется как основное средство «воздействия» на «черный ящик» — человеческую голову с целью выяснения структуры кодирующей сети — языка. Однако если при анализе технических «черных ящиков» ученый имеет возможность наблюдать как за «входом», так и за «выходом» «черного ящика», то при исследовании языка проблема существенно усложняется. Только одна сторона «языкового знака», т. е. языкового кодирующего устройства частично поддается наблюдению в виде речевого знака, тогда как вторая его сторона («вход» или «выход», в зависимости от того, рассматривается процесс говорения или процесс восприятия речи) закрыта от непосредственного наблюдения и может исследоваться лишь по косвенным данным, связанным с особенностями второго «черного ящика» — сознания, находящегося при речевом общении в процессе перестройки, т. е. представляющего мышление. Оба этих «черных ящика» заключены в буквальный «черный ящик» — черепную коробку, приоткрывать которую дозволено только физиологу, да и то пока в очень незначительной степени. Это обстоятельство чрезвычайно усложняет проблему исследования мышления, языка и речи, и лишь при содружестве психологов и лингвистов, инженеров и философов, логиков и физиологов можно будет раскрыть

многие тайны мышления, языка и речи, причем широкий кибернетический взгляд на данную проблему немало будет содействовать успехам в этом сложном и важном общем деле.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ СЕМИОТИКИ И О СВЯЗИ МЫШЛЕНИЯ И ЯЗЫКА

А. Ф. ДЕМЬЯНЕНКО

Проблемы семиотики, как и вопросы теории знака вообще, были и продолжают оставаться предметом анализа многих статей, обзоров и монографий. Наличие обширной литературы¹ не позволяет вместе с тем считать, что многие стороны этой сравнительно новой отрасли знания окончательно выяснены и решены. Отсутствует единство мнений в понимании знака и значения, не выяснена специфика объектов семиотики и ее систем, не выработаны и не определены их методологические и гносеологические основы.

С гносеологической точки зрения к числу актуальных задач общей семиотики относятся: «...природа знака вообще; роль знаков в процессах познания и общения; виды знаков; соотношения знака и значения, знака и предмета, знака и образа; специфика языковых знаков; роль знаков в процессе формализации научного знания и другие»².

В семиотике как науке сложилось и существует несколько направлений. Анализ этих направлений, как и выявление, описание особенностей комплекса названных выше проблем, сопряжено с определенными гносеологическими трудностями, поскольку здесь приходится иметь дело не только со спецификой знаковых объектов, но и, говоря словами В. Н. Садовского, с теориями построения теорий³.

¹ См. библиографию в работах Ч. Морриса «Signs, Language and Behavior». New York, 1946; Х. Спанга-Ханссена «Recent Theories on the Nature of the Language Sign». — «Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague», v. IX. Copenhagen, 1954; Я. Котарбинской «Pojęcie znaku». «Studia logica», t. VI. Poznań, 1957; М. Жеудкой «Semiotyka w literaturze anglosaskiej 1910—1957...» — «Ruch filozoficzny», t. XVIII, № 4. Toruń, 1958; Г. Клауса «Semiotik und Erkenntnis theorie». Berlin, 1963.

² Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964, стр. 7.

³ В. Н. Садовский. Проблемы методологии дедуктивных теорий. «Вопросы философии», 1963, № 3, стр. 63—75. — О процессах и особенностях построения теорий см.: Ф. Джордж. Мозг как вычислительная машина. М., 1963, стр. 85—87 и сл.

В логико-философских и лингвистических исследованиях знаковые теории подразделены либо на «объективистские», «субъективистские» и «смешанные»⁴, либо, в зависимости от целей исследования, только объективистские⁵. Ученые, занимающиеся вопросами теории знаков, в работах различных исследователей фигурируют то в роли «ассоцианистов» (С. Шобер, А. Шафф и др.) и «интенционалистов» (Э. Гуссерль, С. Оссовский, К. Айдукевич), то в роли «биологистов» (И. П. Павлов, Ч. Моррис и др.)⁶, «бихевиористов» и т. п. Характеризуя представителей субъективной и объективной точек зрения в вопросах понимания знака, Я. Котарбинская пишет: «Представители первой концепции ищут связь между знаком и его денотатом (т. е. предметом, к которому относится данный знак) исключительно в субъективной области, в области реакции лиц, пользующихся знаками, тогда как представители второй кладут в основу объективное отношение, существующее между знаком и его денотатом, независимо от какого-либо интерпретатора или производителя знака»⁷. Причем она замечает, что «эти тенденции не исключают друг друга», подчеркивая тем самым условность предложенного ею отнесения того или иного ученого к указанным направлениям.

Не отличается особой стройностью и группирование некоторых семиотиков⁸ у М. Жеуцкой вокруг «менталистов»⁹, «бихевиористов»¹⁰, «социальных психологов»¹¹ и др.

⁴ См.: Я. Котарбинская. Pojęcie znaku. «Studia logica», t. VI, PWN. Poznań, 1957.

⁵ Ср.: А. А. Зиновьев. Об основах абстрактной теории знаков. М., стр. 9—22.

⁶ Я. Котарбинская, например, отводит место К. Айдукевичу среди «интенционалистов» (см. указ. соч., стр. 69—76), а А. Зиновьеву — среди объективистов (см. указ. соч., стр. 9); П. Миклау в статье «Знак, сигнал, понятие о „произвольности“» («Revue de linguistique», VIII, 1963, № 1, стр. 43—67) характеризует Ф. де Соссюра как психологиста и формалиста, а А. Зиновьева — как объективиста (см. указ. соч.) и т. д.

⁷ Я. Котарбинская. Указ. соч., стр. 135.

⁸ М. Rzeuska. Semiotyka w literaturze anglosaskiej 1910—1957... «Ruch filozoficzny», t. XVIII, № 4. Toruń, 1958, стр. 146—172.

⁹ В числе «менталистов» у М. Жеуцкой фигурируют С. К. Огден и И. А. Ричардс «The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and Science of Symbolism». London, 1923; С. В. Кунингхем «Perspective and Context in the Meaning — Situation». — «University of California, Publications in Philosophy», v. 16, № 2. Berkeley, 1935; К. И. Дьюкас «Symbols, Signs and Signals». — «Journal of Symbolic Logic», v. 4, 1939, стр. 41—52.

¹⁰ Среди «бихевиористов» — Г. А. Ларуна («Speech, its Function and Development». New Haven, 1927; К. Фриш «Bees: Their Vision, Chemical Senses and Language». Ithaca, 1950; Н. Тинберген «Social Behavior in Animals». London, 1953; «The Problem of Meaning in Primitive Languages». London, 1923; Ф. Боас «Handbook of American Indian Languages». Washington, 1911; его же «General Anthropology». Boston, 1938; Б. Л. Уорф «Language Thought and Reality». New York, 1956) и др.

¹¹ Среди «социальных психологов» находим Г. Х. Мнда («Mind, Self and Society from a Standpoint of a Social Behaviorist». Chicago, 1934); П. В. Бриджмена («The Intelligent Individual and Society». New York, 1938) и др.

Не вдаваясь в анализ концепции этих ученых, отметим лишь, что предложенное распределение не охватывает и не учитывает всего многообразия сцеплений элементов социального, философского, психологического, лингвистического и иных планов в их работах. Больше того, как видно из текста обзора, такие, например, ученые, как Г. А. Лагуна, К. Фриш, Ф. Боас, П. В. Бриджмен, Э. Сепир и др., фигурирующие в роли «бихевиористов», «социальных психологистов» и «культуристов»¹², по другим признакам — тематическим — подводятся под одну общую рубрику.

Иное рассмотрение направлений в исследовании Х. Спанга-Ханссена. Все семиотические теории (и соответственно ученые) делятся им на три основные: теории логического позитивизма, психологизма и лингвистические¹³.

Разнообразие подходов к изучению семиотических объектов, с одной стороны, и многоаспектность знака, с другой, сами по себе предполагают многоликость и пестроту теорий. Этой пестроты можно будет избежать лишь после дальнейшего уяснения специфики семиотики науки, ее места в системе наук и ее теоретических основ.

Названные здесь концепции разграничения представителей семиотики в плане объективного и субъективного, с одной стороны, и социально-поведенческого (бихевиористского, психологического) или культуристского, — с другой, в одних случаях могут рассматриваться — в зависимости от того, какая сторона явлений нас интересует, — и в положительном и в отрицательном планах. Все обуславливается тем, что понимается и как понимается под «субъективным» и «объективным». Субъективное должно рассматриваться только как такое, которое имеет отношение к субъекту. Под субъектом, как известно, в современной марксистской философии понимается не отдельно взятый индивидуум, а индивидуум как продукт общества¹⁴. Действительным и настоящим субъектом познания, подчеркивает П. Копнин, является общество, а не отдельный индивидуум. Взаимоотношения между обществом и индивидуумом такие же, как между общим и отдельным: «Следовательно, человек, или, точнее, организованное общество человечества является субъектом. В процессе практики и познания он взаимодействует с предметами внешнего мира, которые находятся вне его и которые образуют противополож-

¹² К числу представителей «культуризма» отнесены Э. Сепир «Language. An Introduction to the Study of Speech». New York, 1921, Ф. Боас — см. выше, Х. Хойер (редактор) «Language in Culture. Conference on the Interrelations of Language and other Aspects of Culture». Chicago, 1954; Л. Брисон «Symbols and Society». New York, 1955 и др.

¹³ H. S p a n g - H a n s s e n. Recent Theories on the Nature of the Language Sign. Copenhagen, 1954.

¹⁴ П. К о п н и н. Теория познания та кибернетика, Київ, 1964, стр. 15.

ность субъекта — объект»¹⁵. На предметы материального мира человек смотрит как на объекты своей чувственно-материальной практически-преобразующей деятельности¹⁶.

На этой основе необходимо рассматривать все гносеологические, методологические и иные проблемы, связанные с мышлением и языком, с семиотическими системами, объективирующими не только синхронно, но и диахронно действительность мысли через действительность языка. Последняя есть не что иное как частица общей действительности. Такой же ее частью является и мышление.

В философской концепции одного из наиболее видных семиотиков — Ч. У. Морриса, взгляды которого сформировались «на основе синтеза идей прагматизма и логического позитивизма»¹⁷, понятие мышления, представленное в его работах¹⁸, сводится к оперированию условными знаками — регуляторами поведения субъекта. Подобное определение мышления, вполне понятно, не может рассматриваться в позитивном плане.

Но, как показали М. Б. Митин, Л. О. Резников и др., в исследованиях Ч. Морриса есть многое, что заслуживает внимания. Это относится в первую очередь к его разделению семиотики (о чем ниже) и к уяснению роли знаков в конкретных речевых ситуациях.

Знаки вообще и лингвистические в частности объективируют мышление и в то же время зависят от него, хотя категории мышления и не соотносительны с языковыми и неязыковыми знаками (в их языково-мыслительной интерпретации).

В связи с общими философскими концепциями Ч. Морриса и других семиотиков необходимо хотя бы вкратце остановиться на понятиях «материальное» и «идеальное». Понятие «идеальное», закрепившееся в философии и других науках со времени античности, в работах семиотиков, логиков, философов, психологов, физиологов, кибернетиков, биоников, лингвистов и др. чаще всего фигурирует как нечто связующее между образом предмета и самим предметом, либо выступает только как связь между обозначаемым предметом и отраженным в мышлении звуковым комплексом — знаком¹⁹ (будь он во внешней или во внутренней речи). Связь между обозначаемым и обозначающим закономерна; она зиждется на коммуникативно-мыслительной функции языка, но

¹⁵ П. К о п н и н. Указ. соч., стр. 15, 17, 18.

¹⁶ Там же, стр. 19.

¹⁷ Л. О. Р е з н и к о в. Гносеология прагматизма и семиотика Ч. Морриса. «Вопросы философии», 1963, № 1, стр. 103.

¹⁸ См.: Ch. W. M o r r i s. Logical Positivism, Pragmatism and Scientific Empiricism. Paris, 1937; О н ж е. Foundations of the Theory of Science. «International Encyclopedia of Unified Science», v. I, № 2. Chicago, 1938; О н ж е. Signs, Language and Behavior. New York, 1946 и др. работы.

¹⁹ А. С. М е л ь н и ч у к. Что понимается под языковым знаком. — В сб.: «Zeichen und System der Sprache», Bd. II. Berlin, 1962.

она отнюдь не отрицает самодовлеющей силы и системы мышления. Говоря о развитии высшей нервной деятельности, И. Сеченов замечал: «Но это не простое нарастание вещества; оно связано с процессом размножения клеточных элементов и собиранием их в нарастающее число групп или систем»²⁰. Идеальное, в трактовке советских философов,— это «образ внешнего мира, возникающий в мыслящем теле не в виде результата пассивного созерцания, а как продукт и форма активного преобразования природы (как внешней, так и природы самого человека) трудом поколений, сменяющих друг друга в ходе исторического развития»²¹. «Идеальное есть... не что иное, как форма вещи, но вне этой вещи, а именно, в человеке, в виде формы его активной деятельности»²². Идеальное, таким образом, есть в определенном смысле нечто материальное, так как любая связь, осуществляемая органами ощущения и мышлением— скрытой, но контролируемой человеком взаимодействующей цепью раздражений — торможений первой и второй сигнальных систем устанавливается только в том случае, если существует и функционирует система высшей нервной деятельности человека. Если она не функционирует, то ее носитель и обладатель перестает быть субъектом, он не может уже фигурировать в роли деятеля (или наблюдателя).

В плане взаимоотношений субъекта — объекта, с одной стороны, и языка — мышления — с другой, отношение «материального (комплекса словесных звуков) и идеального (отражение объектов внешнего мира) здесь состоит,— говорит В. И. Мальцев,— не в отображении идеальным материального, а в выражении идеального через материальное и «отягощении» материальным идеального»²³.

Объектом семиотики является не анализ и исследование идеального и материального, взаимоотношений и связи мышления и языка в философском понимании, а изучение функционального проявления и соотношения этих категорий в пределах того или иного знака, в пределах той или иной знаковой системы.

Теоретической основой семиотики, как и любой другой науки, является марксистско-ленинская философия; методология семиотики — часть общей материалистической методологии.

В настоящее время человечество располагает очень многими науками (свыше 1200). Каково место семиотики в общей системе наук? Нельзя согласиться с утверждением о том, что семиотика есть «наука наук».

²⁰ И. Сеченов. Элементы мысли.— В сб.: «Научное слово», кн. I. М., 1903, стр. 47.

²¹ Э. Ильенков. Идеальное. «Философская энциклопедия», т. I. М., 1962, стр. 219.

²² Там же, стр. 221.

²³ В. И. Мальцев. Значение и понятие.— В кн.: «Проблема значения в лингвистике и логике», I. М., Изд-во МГУ, 1963, стр. 4.

Объект семиотики, действительно, является весьма сложным и специфичным: в его роли могут выступать и естественные объекты знакового характера (объекты наук), и сами науки как своеобразные знаковые системы. Имея дело с соответствующими объектами наук как знаками и с науками как знаковыми объектами, семиотика, как и другие науки, соприкасается с философией. Соприкосновение²⁴, однако, не означает их замены.

Исходя из особенностей объекта семиотики (а объект, как известно, определяет специфику науки) в общей семиотике следует различать семиотику конкретную («естественную») и абстрактную. Первая должна изучать естественные знаки (знаки живой речи, различные явления, вовлекаемые в качестве знаков в коммуникацию), вторая — знаки знаков, т. е. знаки, абстрагированные от естественных знаковых систем, от их первичных физических, биологических и иных свойств (электронный, логический, математический и иные языки, модели естественных языков, коды и т. п.).

Общую конкретную семиотику необходимо, в свою очередь, подразделять в соответствии с существующими науками на естественные частные семиотики (семиотика физики, химии, лингвистики и т. п.)²⁵, которые изучают функционирование знаков во всех их конкретных случаях проявления в процессе семиозиса.

Выделяемые некоторыми учеными внутренние структурные части общей семиотики (синтаксис, семантика и прагматика у Ч. Морриса²⁶, информация, семантика и прагматика у В. Яссема; синтаксис, семантика, синтагматика и прагматика у Г. Клауса и В. Зегета; синтаксис, семантика и прагматика у Л. О. Резникова и др.) более успешно могут быть разработаны в общей естественной семиотике и менее — в абстрактной.

Общая абстрактная семиотика должна иметь дело прежде всего с моделями, т. е. образами отображаемых («моделируемых») объектов и базироваться на частных абстрактных теориях, исследующих систему абстрактных знаков «своей» отрасли (лингвистики, естествознания и т. д.) в их противоопоставлениях, безотносительно к генезису объектов и т. п. В общей абстрактной семиотике важнейшую роль должны играть такие дисциплины, как: а) теория синтагматики и парадигматики знаков (поперечная, продольная, радиусная и круговая перестановка знаков), т. е.

²⁴ О необходимости развития смежных, соприкасающихся наук см.: А. С п и р к и н. Социально-историческая сущность языка и мышления. Тезисы докладов и сообщений на научной дискуссии по проблеме «Язык и мышление». М., 1965, стр. 10 и сл.; ср. также: А. А. Л е о н т ь е в. Слово в речевой деятельности. М., 1965, стр. 3 и др.

²⁵ См.: Л. О. Р е з н и к о в. Гносеологические вопросы семиотики, стр. 6.

²⁶ Ср.: В. S o n d e l. The Humanity of Words. New York, 1958, стр. 136 и сл.

«омонимический» и «синонимический» синтаксис; б) структурная морфология, задачей которой является уяснение формальных в широком смысле различий знаков в пределах отдельных систем; в) семантика, охватывающая, во-первых, систему замен в пределах одной знаковой системы и, во-вторых, соотношение семантик нескольких модельных систем.

Знаковый характер языка до сих пор в науке рассматривался и продолжает рассматриваться как объект семиотики. Такое положение требует некоторых уточнений. Все науки, в том числе и семиотика, интерпретируются не абстрактно-искусственными теориями (объектами абстрактной семиотики), а естественными языками (или метаязыками) через ступень языков-объектов (языков построения теорий), что вносит соответствующие двойственные и тройственные отношения не только между естественным языком и науками, но и между двумя разновидностями общих и частных семиотик: конкретная семиотика через ступень естественного языка интерпретирует (через язык-объект) абстрактную семиотику.

Разделение общей семиотики на конкретную и абстрактную диктуется не только спецификой их объектов и не только потому, что такое разграничение дает возможность провести более четкую грань между различными семиотическими направлениями, но и содержанием тех работ, которые рассматривают теорию знаков, знаковые особенности отдельных систем и т. п. Предлагаемое разграничение общей семиотики на конкретную и абстрактную, как и на общую и частные, не исключает иных возможных подходов к разновидностям существующих теорий. Вместе с тем подобная концепция не противоречит ни марксистской философии, ни диалектически сложным взаимосвязям мышления и языка, поскольку направлена в основном на выяснение специфики семиотики как определенной отрасли знания.

СЕМИОТИКА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Л. Б. БАЖЕНОВ, В. В. БИРЮКОВ

Возникновение и развитие кибернетики стимулировало постановку целого ряда вопросов, ранее не входивших в исследовательскую проблематику (или остававшихся на уровне общих рассуждений). В частности, именно с развитием кибернетики начинают выходить на передний план проблемы семиотики.

В настоящее время в науке, технике, народном хозяйстве, в различных сферах жизни общества все большую роль приобре-

тают информационные процессы. В соответствии с этим все более насущной технической и социальной потребностью становится исследование тех явлений, в которых существенна роль информации. Наряду с проблематикой, которая входит в созданную К. Шенноном статистическую теорию информации (исследование процессов передачи и переработки информации на основе понятия количества информации, разработка способов повышения пропускной способности и помехоустойчивости каналов связи и др.), весьма важную роль играет и тот аспект подхода к информации, который основан на трактовке информационных процессов как функционирования некоторых знаковых систем. Подход к информационным процессам как к процессам, относящимся к знаковым системам, необходимым для дальнейшей рационализации информационных процессов. Именно такой подход лежит в основе того научного направления, которое получило название семиотики.

Разработка семиотики как общей теории знаковых систем была впервые предпринята Ч. Моррисом; им же было выдвинуто разделение семиотики на синтактику, семантику и прагматику. Но именно развитие кибернетики актуализировало эту проблематику.

До той поры, пока развитие научных исследований могло осуществляться «вручную», требуя соответствующей материально-технической базы лишь для экспериментальных исследований, ученые обходились естественно сложившимися знаковыми системами, т. е. естественными языками и исторически сложившимися специально-научными языками. Использование этих знаковых систем казалось чем-то само собою разумеющимся и их исследование могло носить лишь абстрактно-теоретический характер.

В середине XX в. была ясно осознана необходимость автоматизации научных исследований (автоматизация обработки экспериментальных данных, автоматизация нахождения и выборки необходимой научной информации и т. д.). Решение соответствующих задач связано с двумя проблемами:

а) технико-кибернетической, относящейся к разработке соответствующих технических устройств;

б) семиотической, состоящей в изучении особенностей знаковых систем, общих принципов их построения и в разработке новых знаковых систем, могущих быть использованными в кибернетических устройствах. Эта вторая проблема и превращает семиотику из абстрактно-теоретической дисциплины в дисциплину, начинающую приобретать большое прикладное значение.

Семиотика имеет предметом своего исследования системы знаков, используемые в человеческом обществе в различных его сферах, включая технику; она изучает общие закономерности их строения и применения, исследует пути и способы разработки искусственных знаковых систем, предназначенных для решения опре-

деленных познавательных и практических задач. Поскольку со знаковыми системами мы сталкиваемся в самых разнообразных областях социальной жизни, в процессах познания, в технических разработках, в народном хозяйстве и даже в явлениях живой природы, постольку предмет семиотики и сфера действия ее методов достаточно обширны. Однако это обстоятельство не превращает семиотику в философскую науку. Широта семиотики родственна широте таких наук, как математика и кибернетика. С этими областями знания семиотика имеет черты сходства и тесные связи.

В наших научных кругах определилось довольно четкое понимание семиотики, и это во многом связано с деятельностью секции семиотики Научного совета по кибернетике АН СССР. Эта секция провела большую работу по выявлению состояния исследований по семиотике в нашей стране и за рубежом, по определению кардинальных линий семиотических исследований и по постановке самих научных работ в своей области.

В настоящее время в исследованиях по семиотике можно выделить ряд различных направлений. Одни из них — например, работы по созданию языков обобщенного программирования для цифровых машин — имеют косвенное отношение к проблеме взаимоотношения языка и мышления. Другие связаны с этой проблемой более непосредственно. В числе этих последних направлений можно назвать построение, исследование и применение искусственных языков науки и техники; разработку проблем машинного перевода с одного (естественного) языка на другой; изучение естественных языков (устных и письменных) как знаковых систем, — вообще, математическую и структурную лингвистику. Вопреки высказываемому иногда в философской литературе сомнению в правомерности выделения математической и структурной лингвистики в особую область знания, мы считаем, что они имеют право на самостоятельное существование и развитие не меньше, чем, скажем, математическая логика или математическая физика.

Наибольшее значение для проблем соотношения языка и мышления имеют семантические аспекты теории знаковых систем и исследования по общим проблемам семиотики (к их числу можно отнести, например, вопрос об определении понятия знаковой системы и элементов ее структуры, понятия перевода информации из одной системы в другую, разработку аппарата, позволяющего оперировать с этими понятиями, сравнение разных типов знаковых систем, выявление иерархической структуры систем знаков, исследование психологических и социальных аспектов построения и употребления знаковых систем и др.)¹.

¹ Ср.: В. В. Иванов. Роль семиотики в кибернетическом исследовании человека и коллектива. В сб.: «Логическая структура научного знания». М., 1965.

Общесемиотические рассмотрения находятся в тесной связи с методологическим анализом роли знаков и знаковых систем в познании, с выявлением роли знакового аспекта в происходящем в ходе коммуникативной, познавательной и практической деятельности людей при взаимодействии языка и мышления. Ниже мы рассмотрим некоторые связанные с этим методологические вопросы.

* * *

Понятие знака тесно связано с понятием информации. Под знаком естественно понимать любой предмет (событие, явление), несущий информацию (сообщение, сведения, знание) о чем-то, отличном от себя самого. Знаки обычно делят на естественные (признаки предметов, явлений) и искусственные. В собственном смысле знаками являются лишь последние, ибо лишь они могут образовывать в совокупности знаковые системы с определенными правилами оперирования со знаками, причем эти правила отличаются от природных законов, которым знаки подчинены как физические объекты (например, правила оперирования со словесными знаками отличны от законов акустики, которым подчинены знаки как просто физические объекты).

Для естественных знаков связь знака с тем, знаком чего он является, носит причинный характер (например, спектральные линии атома причинно связаны с его энергетическими уровнями). Поэтому в данном случае естественно говорить о п р и з н а к а х объекта, а не о знаках. Искусственные знаки могут быть названы коррелятивными знаками: отношение между знаком и его референтом — предметным значением — устанавливается в силу соотношения двух рядов материальных процессов в рамках функционирования какой-либо более широкой системы (в частности, управляющей системы, кибернетической системы). Знак не является здесь п р и з н а к о м референта: связь между ними не вытекает из законов, определяющих поведение референта.

Язык представляет собой знаковую систему, способную выполнять познавательную и коммуникативную функцию в процессе человеческой деятельности (и даже шире: в процессе функционирования достаточно сложно устроенной кибернетической системы). Вполне правомерно в литературе отмечается, что знаковая система лишь в том случае образует язык, если задачи, которые решаются ее средствами, лежат вне сферы данной знаковой системы. Если этого нет, то знаковая система представляет собой игру: «язык тем отличается от игры, что имеет по крайней мере одну интерпретацию, в то время как игра неинтерпретируема»². Ины-

² Б. С. Г р я з н о в. О двух аспектах понятия «значения». — В сб.: «Проблема значений в лингвистике и логике». М., изд-во МГУ, 1963, стр. 54.

ми словами, для языка необходимо наличие семантики, тогда как игра может быть ограничена рамками одной лишь синтактики.

Весьма важным является установление отличий естественных человеческих языков от различных искусственных языков. Естественный язык является генетически и функционально первичным, базовым. Любой искусственный язык создается лишь на основе естественного. Забвение этого обстоятельства приводит к неверным философским взглядам на природу языка вообще, идущим прежде всего по линии конвенционализма.

В связи с различиями между естественными и искусственными языками можно выделить некоторые специфические черты словесных знаков, т. е. знаков естественного языка.

1. Для знаков других типов значение обладает известной автономностью: значение, которое получает данный знак, может сформироваться — и обычно формируется — независимо от данного знака; для словесных знаков их значения теснейшим образом связаны с данными знаками как таковыми. Эту особенность словесных знаков иногда называют «прозрачностью для значения»³. Этой «прозрачностью для значения» как необходимым свойством знаки искусственных языков в общем не обладают.

Следует, однако, подчеркнуть, что в некоторых пределах знаки специальных научных языков (и прежде всего математические символы) могут становиться «прозрачными для значения». Это особенно ясно выступает в развитии теоретической физики, где значения многих специальных знаков хотя и формируются вначале на базе естественного языка, затем существенно обогащаются именно за счет включения специального знака в различные связи, за счет его операционного использования.

Следует также заметить, что по мере дальнейшего возрастания социальной роли науки, по мере растущего ее вторжения в самые различные области деятельности людей будет, по-видимому, происходить все более органическое включение знаков специальных научных знаковых систем в естественные языки, и многие знаки научной символики будут приближаться по своему характеру к словесным знакам.

³ Так, А. Шафф пишет: «Говоря о связи значения со знаком, нельзя ограничиваться проблемой значения словесных знаков. Ведь они имеют специфический характер, и именно поэтому связь между знаком и значением является особой, не такой, как связь между другими категориями знаков. Хотя бы потому, что все другие знаки в некотором смысле производны от словесных знаков, в конечном счете они переводятся на значение словесных знаков. Собственно знаки, за исключением словесных, оперируют актуальным, готовым значением, которое существует некоторым образом «вне их» и связывается с автономно понятым знаком, т. е. с определенным предметом или материальным событием. Совершенно иначе дело представляется в отношении словесных знаков, не имеющих никакого значения «вне себя», органически связанных со своим значением и в этом смысле являющихся, как часто говорится, «прозрачными для значения» (А. Шафф. Введение в семантику. Перев. с польского. М., 1963, стр. 291—292).

2. Совокупность словесных знаков и значений словесных знаков не замкнута заранее никакой предметной областью и обладает возможностью к неограниченному расширению и «впитыванию» новых значений. Это свойство может быть названо «открытостью семантического ареала» естественного языка ⁴. Нам представляется, что это свойство словесных знаков как компонентов естественного языка может быть понято по аналогии с известной идеей Джона фон Неймана о необходимости достижения кибернетической системой некоторой критической сложности для приобретения свойства самовоспроизведения с самоулучшением. Знаковая система должна обладать некоторой «критической сложностью», чтобы в ней могло появиться свойство «открытости семантического ареала».

Исключительный философский интерес имеет выяснение природы значения знака. Этой проблеме посвящена огромная литература; в ней уже выделено множество различных аспектов «значения». Простое рассмотрение всех этих аспектов как равноправных друг другу не способствует, на наш взгляд, продвижению вперед в решении проблемы; необходимо выделить что-то основное, некоторую «клеточку» значения, начав с которой можно было бы привести в ясность наши представления о различных аспектах «значения».

Методологическим отправным пунктом должен, на наш взгляд, явиться основной тезис материализма, отрицающий субстанциональность идеального, не допускающий никаких «идеальных бытий» как самостоятельных сущностей, — тезис о единстве языка и мышления. При этом единство языка и мышления должно пониматься не как более или менее внешняя связь двух самостоятельных сущностей, а как связь двух аспектов единого в своей основе образования язык — мышление (аналогично тому, как волна и корпускула в физике — это не две самостоятельные сущности, а два аспекта одних и тех же материальных образований). С этой точки зрения следует решительно отвергнуть попытки некоторых философов изобразить значение знака как связь между знаком и независимой от знака существующим понятием. Например, В. И. Мальцев пишет: «Значение не есть отражение объективной реальности в какой бы то ни было форме, а является связью, отношением между словом (звуковым комплексом) и различного рода духовными формами, отражающими внешний мир» ⁵. В этих словах проглядывает представление о «духовных формах, отражающих внешний мир» как

⁴ См.: П. Н. Денисов. Проблема значения слова в связи с моделированием языка. — В сб.: «Проблема значения в лингвистике и логике». М., 1963, стр. 40—41.

⁵ В. И. Мальцев. Значение и понятие. — В сб.: «Проблема значения в лингвистике и логике». М., 1963, стр. 6.

о неких существующих независимо от материальных знаков субстанциональных «духовных бытиях».

По нашему мнению, последовательно материалистический взгляд на значение заключается в понимании его как предметной отнесенности словесного знака. Это — исходный пункт в трактовке значения; остальные аспекты значения производны так или иначе от этого. Такое понимание значения полностью согласуется и с идеями кибернетики. Пользуясь «кибернетической» терминологией, значение можно охарактеризовать как и н ф о р м а ц и ю, н е с о м о у ю з н а к о м. Причем эта информация не есть «внутреннее» свойство знака как материального объекта; она есть именно о т н о ш е н и е, устанавливаемое в ходе функционирования кибернетического устройства.

Трактовка значения как предметной отнесенности знака наталкивается, однако, на ряд трудностей, обнаруженных в ходе развития семантики (например, различие экстенциональных и интенциональных контекстов, что приводит к необходимости введения «смыслового значения» как не только отличного от предметной отнесенности знака, но и определяющего ее). Нам эти трудности не представляются непреодолимыми, и ключ лежит в историческом подходе к я з ы к у — м ы ш л е н и ю. Значение как предметная отнесенность (предметное значение) является исторически первичным, но в ходе дальнейшего развития я з ы к а — м ы ш л е н и я происходит явление, названное в свое время К. Марксом «оборачиванием результата». На базе значений первичных знаков возникают более сложные знаковые образования, которые прежде всего характеризуются своим «смысловым значением» и могут даже вообще не иметь денотата (например, «король Франции, правивший в 1905 г.»; но «смысловое значение» этого термина в конечном счете раскрывается через значения образующих его «первичных» терминов, которые [значения] могут быть в конце концов поняты лишь в плане их предметной отнесенности). Следовательно, смысловое значение, как нечто определяющее собой «предметную отнесенность», есть именно проявление «оборачиваемости результата». Это же, на наш взгляд, может быть показано и в отношении других аспектов значения.

Значение словесного знака как его предметная отнесенность (отношение обозначения предмета, — или денотата, референта — знаком) является бинарным отношением лишь в очень сильной абстракции. Фактически оно всегда предполагает человека, выполняющего это отнесение, причем не изолированного человека, а коллектив людей, общество, а также тот язык, который используется в обществе и в который входит данный словесный знак, т. е. является по сути дела четырехместным или пятиместным отношением. Только в рамках отношений людей друг к другу и к природе, могла возникнуть и сформироваться столь сложная знаковая система, как естественный язык.

Нам представляется также целесообразным остановиться на проблеме соотношения знака и гносеологического образа. В нашей философской литературе почти повсеместным является противопоставление их друг другу. Обычно знак понимается как нечто всецело условное, непохожее на объект, а образ — как отражение объекта. Но, на наш взгляд, образ в гносеологическом смысле не следует путать с образом в повседневном, житейском смысле этого слова. Для гносеологического образа существенно наличие изоморфизма двух материальных процессов, из которых один является источником информации (отражаемый сознанием объект), а второй — носителем информации (процессы в головном мозге, с помощью которых осуществляется отражение этого объекта в сознании). Процессы в головном мозге как некоторые материальные образования, разумеется, «непохожи» на те объекты, отражением которых они являются; в отношении к отражаемым объектам они являются их знаками и сам факт отражения состоит в наличии изоморфных (или гомоморфных) отношений между множеством этих знаков и множеством состояний внешних процессов, которым эти знаки соответствуют. Отражение есть всегда характеристика по содержанию того отношения, которое по форме является знаковым. Попытка представить отражение как-то само по себе, вне его обязательной знаковой формы ведет, на наш взгляд, к субстанциализации идеального, к допущению существования каких-то самостоятельных «идеальных бытий».

Только на этом пути нам кажется возможным преодолеть тот разрыв, который фактически получается (при критикуемой трактовке) между чувственным познанием и познанием рациональным. В отношении чувственного познания все марксисты согласны с его образным характером. Рациональное познание необходимо связано с языком, со словесными знаками. Если его тоже считать образным (в принципиально-гносеологическом плане, как отражение [образ] действительности), то надо или признать словесный знак отражением действительности, или встать на путь постулирования каких-то независимых от знаковой формы отражений, лишь позднее и внешне связанных со словесными знаками. Нам представляется, что лишь первая возможность соответствует материалистической точке зрения. Она же находится в соответствии и с подходами физиологии (идея И. П. Павлова¹ о двух сигнальных системах) и с данными кибернетики (обязательное наличие материального носителя информации, в отношении к источнику информации выполняющего роль знака).

Базовый характер естественных языков в отношении всех остальных (искусственных) знаковых систем бесспорен. Однако это вовсе не отменяет большой — и все возрастающей — роли искусственных знаковых систем в коммуникативной, познавательной и практической деятельности людей. Опыт построения и исследования таких систем — к какой бы области естественных и гуманитарных наук, техники и т. п. они ни относились — полностью подтверждает принципиальный тезис о том, что знаки и знаковые системы, естественные и искусственные языки возникают и развиваются как материальная форма, в которой осуществляется приобретение, хранение, преобразование и передача сообщений (информации, знаний) в коллективах людей; знаки и знаковые системы являются материальной формой выражения мысленных и чувственных образов, в которых происходит отображение действительности в сознании человека; объективные свойства определенных предметных областей внешнего мира определяют, в конечном счете, существенные черты тех материальных образований, которые могут быть использованы в качестве знаковых систем для выражения знаний об этих областях; знаковые системы являются важным средством познания, а их изучение — актуальной задачей науки.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ФОРМАЛИЗОВАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ю. А. ПЕТРОВ

Наиболее важная гносеологическая роль формализованных языков состоит в том, что они являются инструментом уточнения научных понятий, а тем самым уточнения знания об объектах, отображаемых понятиями. Так как в понятиях отображается сущность объектов, то термин «уточнение понятия» равнозначен термину «уточнение знания о сущности объекта, отображаемого этим понятием», а так как сущность и закон явления однопорядковые, то последний термин равнозначен термину «уточнение законов, описывающих сущность объекта, отображаемого данным понятием». Например, если мы говорим, что имеем точное понятие сложения натуральных чисел, то это означает не что иное, как точное описание законов, которым подчиняется операция над натуральными числами, называемая сложением.

Вновь формулируемые законы науки, как правило, выражаются первоначально предложениями какого-либо естественного

языка. Затем встает задача их переформулирования на более точном языке. Для точной формулировки законов совсем не безразлично, насколько используемый в этих целях язык позволяет в силу своей собственной структуры отвлекаться от несущественного и фиксировать то существенное, что отображается в понятиях, насколько этот язык позволяет фиксировать это отображаемое существенное в «чистом виде», насколько точно он позволяет отличать предложения, являющиеся законами данной науки, от предложений, не являющихся таковыми, насколько точно он позволяет из уже известных законов получать другие, ранее неизвестные законы. Чем лучше язык обеспечивает решение этих задач, тем глубже и точнее мы будем знать законы, раскрывающие сущность тех или иных объектов, отображаемых научными понятиями.

Подобного рода требования, предъявляемые к языку науки, обуславливают применение в науках формализованных языков.

Прежде всего следует выяснить, почему построение научных теорий с помощью формализованных языков во многом способствует уточнению научных понятий, используемых данными теориями. Нашей первой задачей будет являться задача выяснения причин этого факта, имеющего кардинальное значение для всей проблемы, поставленной в настоящей статье. Прежде всего обратим внимание на то, что формализованные языки имеют особую структуру, во многом отличную от структуры естественного языка.

Мы покажем, что в специфике этой структуры таится ключ к объяснению того, почему формализованные языки являются средством уточнения научных понятий и, кроме того, способствуют решению целого ряда других гносеологических проблем.

Любая формализуемая область науки может быть формализована с той или иной степенью полноты. Мы будем различать две стадии полноты формализации. Первая стадия формализации будет иметь место тогда, когда формализованный язык уточняет только специфические термины данной науки, но остаются еще не формализованными и не уточненными термины логики, которую эта наука использует.

Вторая стадия формализации предполагает, кроме того, уточнение методом построения формализованных языков не только специфических терминов науки, но и логических терминов, ею используемых. Например, обычно изучаемая арифметика натуральных чисел имеет первую стадию формализации, ибо в ней уточняются методом построения формализованного языка только арифметические термины «сложение», «умножение», «больше», «меньше» и т. д., но не уточняются подобным же методом логические термины, т. е. логические связки «и», «или», «если..., то», «не», «все», «существует». Если теория уточняет методом построения формализованных языков как собственные термины, так и логические термины, то она называется чисто формальной (или формальной теорией).

В частности, уточнив подобным образом все термины обычной арифметики, можно построить формальную арифметику.

В дальнейшем мы будем говорить о формализованных языках независимо от того, являются ли они формализованными языками специфической области науки или формализованными языками логики.

Формализованные языки, как и естественные языки, имеют синтаксис и семантику. Построение синтаксиса как тех, так и других языков предполагает наличие алфавитов, представляющих собой конечные наборы исходных символов, или знаков.

Символами языков могут быть любые материальные объекты, представленные непосредственному наблюдению, которые можно четко различать или отождествлять, либо можно построить из первоначально взятых символов с помощью алгоритмов. Подобного рода объекты называются конструктивными объектами. О каждом символе можно вполне однозначно сказать, является ли он символом данного языка или не является. Ответ дается только на основании формы символа, независимо от того, имеет или не имеет он какое-либо значение, и независимо от того, знаем или не знаем мы это значение. Из исходных символов по алгоритмическим правилам можно образовывать конечные последовательности символов, одни из которых могут быть формулами, а другие — терминами. Аналогом формул в естественном языке являются предложения, аналогом термов — существительные. Ответ на вопрос, является ли данная формула (терм) правильно построенной формулой (термом), не предполагает какого-либо осмысления этих формул (термов), ибо он основывается только на анализе структуры самих формул (термов). Это объясняется тем, что правильно построенная формула (терм) определяется конструктивно посредством: 1) указания исходных символов, являющихся конструктивными объектами, которые просто объявляются правильно построенными формулами (термами), и 2) указания конструктивных правил (алгоритмов) образования произвольных правильно построенных формул (термов) из исходных.

В естественных языках в отличие от формализованных языков до сих пор неизвестна какая-либо система правил (алгоритмов), с помощью которых из символов языка можно было бы, не опираясь на смысл, строить только лишь те последовательности символов, которые являются словами и предложениями языка. Трудность разделения синтаксиса и семантики естественного языка создает большие препятствия выяснению структуры этого языка, что в свою очередь препятствует точному формулированию законов науки, использующей этот язык.

Формализованный язык использует различные методы уточнения. Как мы уже видели, синтаксис формализованного языка основан на конструктивном методе уточнения, который был необходим для уточнения понятий термина и формулы.

Уточнение понятия формулы является необходимым, но недостаточным условием уточнения понятия закона. Действительно, если мы не можем точно отделять формулы от выражений, не являющихся формулами, то заведомо не сможем точно отделять формулы, являющиеся законами, от выражений, таковыми не являющихся. С другой стороны, если мы хотим, чтобы формализованный язык был теорией, то не каждая формула должна выражать закон. Это требование соответствует тому, что не каждое предложение, сформулированное на языке какой-либо науки, является законом этой науки.

Кроме точно построенного (конструктивного) синтаксиса, формализованный язык в отличие от естественного языка имеет более точную семантику. Понятие точности семантики приобретает некоторый специфический смысл. Точность семантики в общем случае достигается за счет того, что из множества семантических значений каждого из уточняемых понятий, выбирается только одно значение, а от остальных значений абстрагируются.

Семантические правила формализованного языка вполне однозначно определяют приписывание символам (знакам) соответствующих значений. Поэтому формализованный язык обладает свойством моносемичности. Законы, через которые раскрывается сущность уточняемых методом формализации понятий, относятся именно к выделенным значениям. В частных случаях выделенные значения можно так упростить и идеализировать, что они становятся конструктивными объектами. Значениями исходных формул в таком случае будут являться конструктивные объекты, а значения сложных формул будут определяться через значения исходных формул посредством алгоритмов, и потому значения сложных формул тоже будут конструктивными объектами. В таких случаях можно установить конструктивные способы определения законов, через которые уточняются понятия. Установление процедуры, позволяющей однозначно ответить на вопрос, является или нет данная формула законом, называется решением проблемы разрешения. При этом под законом понимается формула, общезначимая при всех значениях входящих в нее переменных. Формализованные языки, для которых решается проблема разрешения, имеют относительно простой синтаксис и относительно простую конструктивную семантику.

Для формализованных логических языков есть возможность найти такие синтаксические свойства, которые будут заменять семантическое свойство формулы быть истинной при всех значениях переменной (т. е. быть законом). Тогда появляется возможность решать проблему разрешимости чисто синтаксически, не прибегая к семантике, и таким образом точно определять формулы, выражающие законы, не используя семантических значений. Формализованный язык, в котором решается проблема разрешимости, дает возможность конструктивно определять законы и

тем самым уточнять научные понятия чисто конструктивными методами. В таком случае уточнение понятий в конечном счете опирается на какое-либо из уточненных понятий об алгоритме. Однако подобные уточнения составляют скорее исключение, нежели правило, так как для более или менее сложных формализованных языков (например, для исчисления предикатов первой степени) проблема разрешения не только не решена, но в общем случае и не может быть решена. Тогда для уточнения понятий методом построения формализованных языков дополнительно используется другой метод выявления законов, отображающих сущность уточняемых понятий. Этот метод называется аксиоматическим методом. Его применение требует дальнейшего развития формализованного языка. Прежде всего необходимо дальше развить синтаксис и семантику формализованного языка с тем, чтобы построить логический синтаксис и логическую семантику. Заметим, что логический синтаксис и логическая семантика могут быть созданы также для формализованных языков, имеющих решенную проблему разрешения. Хотя для уточнения понятий путем выявления законов это ничего нового не дает, но зато позволяет дать точное понятие вывода и тем самым уточнить логический строй науки, т. е. логику рассуждений.

Построение логического синтаксиса формализованного языка состоит в том, что к синтаксису этого языка добавляются некоторые формулы из числа формул данного языка, называемые аксиомами, а также правила преобразования одних формул в другие, называемые правилами преобразования. Аксиомы должны удовлетворять той семантике, которую имеет данный формализованный язык, иначе говоря, они должны быть формулами, истинными при всех значениях переменных в данной семантике, т. е. должны быть законами. Иногда аксиомы формулируются на метаязыке и являются выражениями, называемыми схемами аксиом. На метаязыке формулируются также и правила преобразования формул, по которым из аксиом (исходных формул) можно получать теоремы (доказуемые формулы). Вывод из одних формул других не зависит от семантического значения этих формул, однако правила должны быть такими, чтобы из истинных формул можно было бы получать только истинные формулы. Более того, смысл самого понятия истинности (а он бывает различный) должен при этом сохраняться.

Очевидно, что если аксиомы являются законами, то и теоремы тоже будут являться законами.

Логическая семантика содержит, кроме семантических правил обозначения, правила истинности. Последние говорят о том, что аксиомы являются истинными формулами (законами) и что при данных правилах преобразования теоремы тоже истинные формулы (законы).

Аксиоматический метод уточнения понятий посредством выяв-

ления законов, раскрывающих сущность этих понятий, по сравнению с конструктивным методом решения этой задачи, имеет как преимущества, так и недостатки. Преимущество аксиоматического метода состоит в том, что там, где задача уточнения понятий не может быть решена чисто конструктивным методом, она с некоторой степенью точности может быть решена аксиоматическим методом. Более того, аксиоматический метод не требует непременно конструктивной, т. е. наиболее точно заданной, семантики. Зато он не дает столь точного выявления законов, как конструктивный метод, ибо далеко не всегда формула, выражающая закон, является в то же время и теоремой. Этот факт выражает неполноту формализованной теории, использующей аксиоматический метод выявления законов. Неполнота говорит о существовании формул в данном формализованном языке, с семантической точки зрения являющихся законами, но с точки зрения логического синтаксиса не могущих быть определенными как законы ввиду их невыводимости (и неопровергаемости) в аксиоматике данного формализованного языка. Формулы последнего типа называются неразрешимыми формулами. Их наличие свидетельствует о том, что логический синтаксис языка не может достаточно полно выразить всех тех свойств формул, которые придает им логическая семантика, в частности, он не может достаточно полно выразить свойство формул быть законами формализуемой науки. Если конструктивный метод непосредственно дает уточнение понятия закона, то аксиоматический метод непосредственно уточняет лишь понятие о доказательстве формулы, выражающей закон, но не понятие самого закона. Это значит, что с помощью аксиоматического метода о произвольной формуле мы не можем сказать, выражает она закон или нет, если не представлено ее доказательство. Поэтому аксиоматический метод определения законов, уточняющих понятие, заключает значительные трудности. Во-первых, исследуемая формула может оказаться неразрешимой формулой. Во-вторых, если она объективно является разрешимой, то надо представить ее доказательство. Это далеко не простое дело, ибо из самих по себе аксиом, правил преобразования и анализируемой формулы еще нельзя извлечь доказательства этой формулы. Поэтому представленное в готовом виде доказательство является конструктивным объектом, а процесс его получения таковым не является. В настоящее время только для очень простых языков процесс получения доказательств конструктивизирован.

Несмотря на изложенные недостатки, наибольшее практическое применение для уточнения понятий методом построения формализованных языков имеет именно аксиоматический метод и именно потому, что он не требует столь большого уточнения семантики, как это требует конструктивный метод. А уточнение семантики — наиболее трудная проблема формализации. Об этих трудностях мы скажем несколько позже.

Выполняя основную гносеологическую задачу — задачу уточнения понятий, формализованные языки попутно решают и ряд других проблем, иногда имеющих самостоятельное гносеологическое значение.

Во-первых, они способствуют не только выявлению сущности отображаемых уточняемыми понятиями объектов, но и представлению этой сущности в так называемом чистом виде, т. е. в наиболее полном отвлечении ее от всего несущественного при удержании самого существенного для данного рода уточнения. Этому благоприятствует сам способ построения синтаксиса формализованного языка, который содержит символы двух родов: переменные и постоянные. Введение переменных в формализованный язык способствует (самой по себе символической записью закона) отвлечению от всего несущественного при формулировании законов, так как переменные говорят о том, что некоторые свойства или отношения справедливы для всех объектов, являющихся значениями переменных, независимо от их индивидуальных свойств. Введение постоянных позволяет точно выделить то существенное, что описывают законы, определяемые аксиоматической системой. Кроме того, использование символов обеспечивает краткость, четкость и легкую обозримость предложений, в том числе и тех, которые выражают законы. Разумеется, основным фактором выделения сущности объектов, отображаемых формализуемыми понятиями, является вся формальная система.

Во-вторых, формализованный язык дает возможность произвести такое восхождение от абстрактного к конкретному, при котором оперирование с абстрактными понятиями заменяется оперированием с символами, как с конструктивными материальными объектами. Это дает возможность целый ряд научно-практических задач перевести на соответствующий формализованный язык и решить машинным способом, ибо машина тоже может оперировать с конструктивными материальными объектами согласно конструктивным правилам.

В-третьих, формализованный язык может выполнять функцию концентрирования знания о самых разнообразных, но изоморфных, системах объектов.

Эту познавательную функцию формализованный язык может выполнять благодаря отсутствию нерасчлняемой взаимосвязи логического синтаксиса и логической семантики, в результате чего один и тот же формализованный язык может иметь вообще говоря неограниченное количество интерпретаций. Поэтому после формализации одной области науки, дающей уточнение одной системы понятий, мы можем находить целый ряд других наук с другими системами понятий, которые можно уточнять с помощью логического синтаксиса вышеупомянутого формализованного языка, если логическая семантика новых систем понятий будет удовлетворять этому логическому синтаксису.

В-четвертых, построение какой-либо науки с помощью формализованного языка дает пока что непревзойденный по точности способ проверки правильности научных рассуждений. Это позволило решить ряд научных проблем, до того не могущих быть решенными, например получить точный ответ о проблемах непротиворечивости математики, несводимости математики к логике и т. п.

В-пятых, метод построения формализованных языков позволяет глубже проникать в сущность изучаемых объектов благодаря тому, что дает возможность открывать такие законы, которые порой кажутся не только не относящимися к характеристике исследуемых объектов, но и противоречащими очевидности и в этом смысле парадоксальными. Иначе говоря, формализованный язык способствует переходу от более очевидных истин к менее очевидным и даже вовсе неочевидным, что особенно важно для современной науки.

С этой точки зрения интерес представляет попытка уточнить категории обычного естественного языка, которые точно описываются, вероятно, весьма неочевидными законами. По мере того как все большее количество наук ставит задачу уточнения своих понятий, роль формализованных языков в познании будет возрастать. Достаточно сказать, что в настоящее время формализованные языки употребляются для уточнения понятия причинной связи, понятий этики, юриспруденции, некоторых категорий философии (необходимости, случайности, возможности и т. п.). Еще недавно их уточнение казалось неосуществимым делом. В настоящее время наибольшее применение формализованные языки находят в математике и логике. Следует заметить, что сама математика стала наукой точной в современном смысле этого слова лишь тогда, когда используемая ею логика уточнила свои понятия методом построения формализованных языков.

В свое время Лейбниц мечтал создать универсальный формализованный язык, пригодный для всех наук, чтобы представители любой науки могли так же точно проверять свои рассуждения, как это делают математики, проверяя доказательства математических теорем.

В настоящее время хорошо известно, что невозможно построить формализованный язык, раз и навсегда охватывающий не только все отрасли человеческого знания, но даже наиболее простую его часть — арифметику натуральных чисел. Таким образом, мечте Лейбница в абсолютном смысле не суждено осуществиться. Однако относительное ее осуществление может продвигаться сколько угодно далеко. История науки показывает, что этот процесс действительно прогрессирует и захватывает все новые области научного познания.

Вероятно, ни одна наука не отказалась бы быть столь же точной, как математика. К тому же, как мы видим, есть и метод для достижения этой цели. Однако, несмотря на то, что никаких прин-

ципальных границ для применения метода формализации не существует, практическое его применение наталкивается на значительные трудности. Дело в том, что тот высокий уровень точности, который достигается построением формализованных языков, или формальных систем, предполагает довольно высокий уровень уточнения научных понятий на так называемом досистемном уровне. Сейчас принято называть системы понятий, уточняемые методом построения формализованных языков, э к с п л и к а н д о й, сам процесс уточнения — э к с п л и к а ц и е й, а полученное этим методом уточнение — э к с п л и к а т о м. Чтобы получить экспликат, надо провести определенную обработку экспликанды, применяя целый ряд гносеологических принципов. Эти принципы являются дальнейшей конкретизацией диалектических принципов всякого процесса познания, которые были сформулированы В. И. Лениным в «Философских тетрадах», а именно: 1) принципа разделения единого, познания диалектически противоречивых частей его с последующим установлением синтеза этих частей; 2) принципа упрощения и огрубления познаваемого; 3) принципа «омертвления живого», т. е. постоянно изменяющегося объекта познания и потому не имеющего четких границ для различения и отождествления. Практика построения формализованных языков показывает, что создание экспликата какой-нибудь системы понятий требует весьма глубокого разделения единых и взаимосвязанных их смыслов. Из общей системы смыслов надо выделить узкие смысловые значения, без чего сколько-нибудь адекватного экспликата получить невозможно. Например, чтобы создать экспликаты для такой сравнительно простой системы понятий, какой является система логических связок «и», «или», «если... то» и «не», потребовалось очень скрупулезно расчленять смыслы этих связок, и для каждой системы вычлененных смыслов строить свой экспликат. При этом возникала масса затруднений. К тому же надо не просто выяснять какие-то смыслы каждой из этих связок самой по себе, а сделать это так, чтобы выбранные смыслы имели между собой вполне определенные взаимоотношения. Иначе адекватного экспликата опять-таки не построить.

Логика и в настоящее время не закончила работу по построению экспликатов для упомянутой системы связок.

Еще более трудным оказалось построение экспликатов системы таких понятий, как «необходимо», «возможно», «случайно», или системы понятий этики и юриспруденции («позволено», «запрещено» и т. п.), так как здесь и вычленение смыслов и установление правильной взаимосвязи между ними имеют большую степень сложности.

Чтобы экспликанда была подготовлена для эксплицирования, необходимо достигнуть довольно значительной конструктивизации экспликанды. Практическое проведение процесса конструктивизации встречает немалые трудности (например, это касается

установления четких граней между объектами экспликации). Так, построение экспликата для логических категорий, известного под названием классического исчисления высказываний, потребовало конструктивизации экспликации на досистемном уровне, а именно, отвлечения от всех несущественных с точки зрения логики свойств суждений, выделения лишь одного их свойства — быть истинными либо ложными, т. е. иметь некоторые истинностные значения. Это, конечно, является идеализацией суждений, так как мы рассматриваем суждения только как либо истинные, либо ложные, хотя на самом деле четкую грань между двумя этими значениями практически провести далеко не всегда возможно. Конструктивизация предполагает идеализацию эксплицируемых понятий.

Ввиду сложности подготовки экспликации для эксплицирования, т. е. для построения ее экспликата, не все науки оказались в равной мере подготовленными для уточнения систем своих понятий методом построения формализованных языков. Лучше других к этому были подготовлены те науки, которые отличались большей моносемичностью и большей конструктивностью своих понятий (математика, классическая механика, термодинамика, логика, отчасти лингвистика, генетика и некоторые другие). Большинство же областей научного познания пока находятся на досистемном периоде своего развития, и их уточнение объективно идет в направлении подготовки тех или иных экспликаций к высшему этапу уточнения, проводимому уже методом построения формализованных языков.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ИНФОРМАЦИИ

В. А. ПОЛУШКИН

С проблемой «язык и мышление» тесно связана задача выявления сущности понятия информации и определения этого понятия. Развитие кибернетики и ее отдельных направлений, а также быстрый рост информационной теории и практической информационной работы привели к тому, что понятие «информация» прочно вошло в повседневную разговорную практику и в научную терминологию. В то же время в отношении трактовки информации как научного понятия существуют различные взгляды и подходы. Рассмотрим два основных подхода к определению понятия «информация», которые сформировались в последнее время.

В сороковых годах текущего столетия Клодом Шенноном было положено начало развитию нового научного направления — теории оптимального кодирования информации, в которой дается

общее математическое обоснование задач, связанных с количественными характеристиками процессов передачи информации. Известно также, что идеи Шеннона вскоре вышли за рамки задачи определения оптимальных условий передачи сообщения по заданному каналу связи. Сейчас это направление, известное под названием «теория информации», рассматривается как часть математической теории вероятностей, а полученные результаты успешно используются в самых разнообразных отраслях науки (лингвистике, кибернетике, медицине и др.).

Одним из основных положений теории Шеннона является то, что реально существующие объекты материальной действительности представляются в виде некоторых абстрактных систем, основными количественными характеристиками которых служат число состояний системы и вероятности этих состояний. Зная эти основные характеристики, можно количественно оценить степень неопределенности, присущую той или иной системе, т. е. величину, называемую энтропией.

Под процессом получения информации в теории оптимального кодирования понимается устранение неопределенности состояния системы. Таким образом, создается возможность численно определить количество информации, получаемой от какого-либо сообщения или опыта, связанного с выяснением состояния системы.

Если энтропия системы может быть определена как мера ее неопределенности, то информация будет являться мерой устранения этой неопределенности или мерой организации системы.

Следует подчеркнуть, что в теории оптимального кодирования речь идет именно об абстрактных системах, а не о конкретных объектах. С точки зрения этой теории, нет принципиальной разницы между такими материальными системами, как подбрасываемая монета и лампочка, зажигающаяся и гаснущая через равные промежутки времени. Исходные характеристики (число состояний и их вероятности), а также величины энтропии и количества полной информации в обоих случаях оказываются равными.

Такой подход к понятию информации позволил, с одной стороны, использовать точные математические методы при изучении вопросов передачи сообщений и выявил общую численно измеряемую вероятностную характеристику различных объектов, связанную с движением материи. Но, с другой стороны, принятые в теории Шеннона условия накладывают существенные ограничения на возможность ее применения для изучения вопросов, связанных с выявлением содержания передаваемого сообщения, особенно в тех случаях, когда информация предстает как результат человеческого мышления и выражается при помощи естественного языка.

Очевидно, что любой реальный объект в действительности будет значительно сложнее, чем представляющая его в рамках тео-

рии оптимального кодирования абстрактная система. Кстати, пользуясь методами этой теории, можно показать, что каждый конкретный материальный объект можно рассматривать как систему, энтропия которой будет равна бесконечности. Следовательно, о любом конкретном объекте можно получить бесконечно большое количество информации. Этим еще раз подтверждается известное положение о неисчерпаемости материи и процесса познания.

Итак, в рамках теории Шеннона рассматривается не содержание сообщения, а его вероятностная форма.

Подобный подход не является чем-то исключительным. В целях создания условий для применения математических методов все многообразие реально существующих объектов заменяют, например, абстрактными геометрическими моделями (системами). Основной характеристикой таких систем будет их линейная протяженность. При введении той или иной системы координат другие (производные) характеристики (площадь, объем) также будут в пределах принятого ограничения правильно представлять реальную действительность, отражая свойство материи быть распределенной в пространстве. Но, как и в теории Шеннона, это представление неизбежно является приближенным и упрощенным.

Следует совершенно отчетливо представлять возможности, заложенные в основах какой-либо математической теории. Принятые в теории оптимального кодирования исходные предпосылки исключают возможность учета таких свойств информации (в широком понимании этого термина), как ее ценность, актуальность, истинность или ложность и т. п. Вероятностный подход позволяет исследовать лишь одно из свойств информации, которое можно назвать *н е о ж и д а н н о с т ь ю* *и н ф о р м а ц и и*. Существенно важным, с нашей точки зрения, является то обстоятельство, что введение вероятностного понятия информации как количественной меры неожиданности той или иной ситуации, явилось, по существу, формированием принципиально нового понятия, для обозначения которого было принято слово *и н ф о р м а ц и я*, уже имеющее достаточно широкое распространение и установившееся, хотя и не получившее строго научного определения значение.

Это привело к известной терминологической путанице, и часто даже в пределах одного научного сообщения бывает трудно определить, о каком понятии информации идет речь. Терминологическая неразбериха усложняется, кроме того, неясностью использования терминов «информация» и «количество информации» (в ряде случаев эти понятия почему-то отождествляются), а также полисемичностью слова «информация» в его повседневном употреблении.

Возможность замены термина «информация», трактуемого с позиций теории Шеннона, каким-либо другим термином является, по-видимому, уже нереальной. Поэтому остается только учитывать возникшую многозначимость этого термина.

Кроме теории оптимального кодирования, существует еще одна отрасль знания, которая непосредственно связана с информацией. Эта научная дисциплина, известная под названиями «теория научной информации», «теория информационных систем», «документалистика» и т. п.¹, возникла в результате практических потребностей наиболее целесообразного представления, переработки и использования знаний, получаемых в сфере науки и производства. Возникновению теории научной информации предшествовало бурное развитие практической информационной деятельности, сопровождавшееся созданием специализированных информационных органов и учреждений.

Теория научной информации в настоящее время сформировалась как самостоятельная отрасль знания, основными предметами изучения которой являются: информация и ее материальные носители; информационные процессы (т. е. процессы сбора, систематизации, анализа, преобразования, хранения, поиска, выдачи и распространения документальной информации) и информационная деятельность; средства и методы осуществления информационных процессов.

Основной задачей, стоящей перед теорией научной информации, является выявление закономерностей, которым подчиняется создание, обработка и передача информации, и обеспечение наиболее оптимальной организации информационной деятельности на основе широкого применения современных технических средств.

Документальная информация составляет один из основных предметов изучения данной теории. Поэтому представляется необходимым изложить точку зрения на общее понятие информации с позиций этой дисциплины.

Марксистская диалектика рассматривает окружающую нас реальную действительность в постоянном движении, изменении, развитии. Взаимосвязь предметов и явлений материального мира представляет собой объективную закономерность, на которой должно основываться изучение процессов передачи информации и сущности понятия информации.

Материальные объекты воздействуют друг на друга. Это воздействие может быть однонаправленным (при отсутствии обратной связи) или же принимать форму взаимодействия двух и более предметов. Результатом воздействия одного объекта на другой является изменение состояния объекта, испытывающего воздействие. Это изменение состояний зависит от вида воздействия, организации самого объекта, испытывающего воздействие, и от организации воздействующего объекта.

¹ Наиболее удачным, с нашей точки зрения, для обозначения этой новой дисциплины является термин «информатика», предложенный в октябре 1962 г. директором Института проблем передачи информации АН СССР академиком А. А. Харкевичем.

Наиболее существенным, с точки зрения изучения информационных процессов, является то, что в процессе воздействия свойства, признаки, качества одного объекта отображаются другим объектом путем изменения им своего состояния.

Рассмотрим в качестве примера процесс фотографирования. Воздействующим объектом в этом случае будем считать фотографируемый предмет, например здание. Объектом, испытывающим воздействие, будет являться светочувствительный слой фотопленки. При этом мы можем абстрагироваться от промежуточных объектов, через которые осуществляется воздействие, а также не принимать во внимание, что фотоаппарат и пленка специально созданы человеком, который выполняет процесс съемки и проявления. (Если угодно, аналогичный информационный процесс может быть представлен как отражение какого-нибудь предмета в луже воды, с той лишь разницей, что изображение здесь не сохраняется во времени в закрепленном виде).

В процессе воздействия, которое в данном примере имеет ярко выраженный однонаправленный характер, на фотопленке фиксируются признаки, присущие фотографируемому предмету (форма здания, освещенность его отдельных частей и т. д.). Светочувствительный слой фотопленки становится материальным носителем признаков другого предмета, иначе говоря, он становится предметом, содержащим информацию о здании.

В дальнейшем признаки, присущие фотографируемому предмету, могут все более и более «отдаляться» от него. С фотопленки может быть изготовлен позитивный отпечаток, который затем может быть переведен на типографское клише и т. д.

Таким образом, некоторые признаки, присущие зданию, в результате процесса воздействия становятся признаками других предметов. Вполне естественно предположить, что информационный характер в этом материальном процессе будет носить содержательные связи между взаимодействующими предметами.

Более сложным примером является процесс воздействия, при котором отображающим объектом будет объект органического мира. Им может быть, например, растение, поворачивающее свой цветок вслед за движением солнца. В этом случае происходит не только пассивное отображение содержания воздействия, но уже имеет место активная реакция с ясно выраженными процессами управления.

Наиболее сложно организованным из известных нам объектов является человек, обладающий способностью мышления. В процессе мышления при помощи языка человек наиболее полно отображает признаки и свойства воздействующих на него объектов, проникая в их сущность.

Если мышление носит творческий, исследовательский характер, то его результатом являются какие-то новые знания (научные выводы, гипотезы и т. п.). Естественно, что полученные зна-

ния предназначены для использования и для этого они должны быть переданы другим людям. Поэтому результат процесса мышления, рассматриваемый в аспекте его передачи в человеческом обществе, является информацией, наиболее сложной в качественном отношении. Сам человек предстает здесь как создатель и источник семантической информации, имеющей языковую форму.

Общим для всех приведенных примеров является то, что во всех случаях воздействия одного предмета на другой некоторые признаки, свойства, качества воздействующего объекта передаются отображаемому объекту и проявляются в изменении его состояний. Таким образом, эти признаки, свойства, качества, рассматриваемые в процессе их передачи от одного объекта к другому и составляющие содержание связи между объектами, и будут составлять сущность понятия информации. Исходя из этих соображений общее определение информации может быть следующим: информация — это содержание связи между взаимодействующими материальными объектами, проявляющееся в изменении состояний этих объектов.

В свете такого подхода наиболее успешно могут быть решены такие вопросы, как отношение информации и материи, информации и управления и др.

Так как свойство всех материальных объектов находиться во взаимной связи является одним из основных общих свойств материи, то понятие информации, по-видимому, следует отнести к ряду категорий.

Но очень редко мы можем говорить об информации вообще, т. е. об информации в самом широком ее понимании. Обычно нам приходится сталкиваться с какими-либо конкретными видами информации. Отсюда возникает необходимость классификации информации по различным признакам. При этом, очевидно, следует учитывать различия между отдельными видами информации и несводимость высших видов информации к низшим.

Основным признаком, определяющим качественную сторону информации, будет являться степень организации объекта, формирующего и содержащего информацию. Причем каждому качественному скачку в эволюционном ряду материальных объектов с усложняющейся организацией, видимо, должно соответствовать качественное различие в видах информации. Информация, содержащаяся в фотоснимке, безусловно, качественно отлична от информации, заключенной в печатном тексте. Более того, информация, содержащаяся в букве (если эта буква не является словом), будет качественно отлична от информации, заключенной в слове.

Если принять за основу распространенное деление всего многообразия вещественных материальных объектов на три основные группы: неорганические, органические и объекты, обладающие мышлением, то в самом общем плане им будут соответствовать

три основных вида информации. По уровню организации объекта, закрепляющего содержание связи, информация может быть элементарной, биологической и семантической. Разумеется, вполне возможно и необходимо дальнейшее разделение видов информации в пределах каждой основной группы. Так, например, в области биологической информации вполне ясно можно выделить такие виды информации, как генетическая, чувственная и т. п. Но в любом случае классифицирование информации по этому признаку должно основываться на установлении качественных скачков в организации материальных объектов, являющихся источниками содержащейся в них информации.

Основное внимание в теории научной информации уделяется семантическому и отчасти элементарному видам информации. Биологическая информация, как известно, является предметом исследования других отраслей знания.

Элементарная информация представляет для нас интерес по следующей причине. Непосредственное наблюдение и изучение предметов и явлений в самых различных отраслях знания не всегда является удобным, а иногда оно вообще невозможно. Поэтому исследователь в большинстве случаев предпочитает иметь дело не с самим изучаемым предметом, а с информацией о нем, содержащейся в других объектах, с которыми данный предмет находится и находится в связи. Так, например, изучение небесных светил целесообразнее проводить по их спектрограммам и фотоснимкам. Изучение ископаемых животных ведется по следам (отпечаткам), сохранившимся в слое отложений. Наконец, для осуществления возможности не прямого, а косвенного, более удобного и точного наблюдения человеком были специально созданы самые разнообразные измерительные и другие приборы. Поэтому элементарная информация часто является существенной частью научных и других сообщений.

Но все же основное значение в обмене информацией между людьми, в частности в научном процессе, имеет смысловая, семантическая информация, тесно связанная с языком и мышлением. Эта информация как осмысленный результат переработки человеком внешних приходящих воздействий может выступать в явной (устной или письменной) форме, т. е. может быть выражена непосредственно на естественном языке. Но она может быть затем подвергнута значительным преобразованиям и выступать в скрытой, закодированной форме. Причем для кодирования практически может быть использован любой знак, любое контролируемое явление.

Необходимо также отметить еще одну важную особенность семантической информации, отличающую ее от других видов. Эта особенность заключается в том, что семантическая информация всегда имеет общественный характер. Это обстоятельство теории Шеннона учесть, разумеется, не может.

Однако не следует думать, что такая трактовка понятия информации закрывает дорогу дальнейшему применению математических методов. Количественное измерение семантической информации, по-видимому, вполне возможно. Правда, измерить количество смысла, содержащегося в том или другом сообщении, — задача колоссальной сложности. Однако первые полученные в этом направлении результаты являются весьма обнадеживающими. Современные отечественные исследования показывают, что прежде всего при решении этой задачи следует учитывать относительный характер информации. Количество семантической информации может быть определено только по отношению к конкретному приемнику, которым может быть и отдельный человек, и электронно-вычислительная машина, и, пожалуй, человеческое общество в целом. Основой для количественного определения семантической информации является возможность численно оценить информационную организацию приемника уровнем его «словарной памяти» и количеством имеющихся связей между отдельными понятиями. Каждое новое сообщение может пополнять тезаурус, создавать новые связи и разрушать старые. В целом же понятие информации может быть охарактеризовано не одной численной величиной, а целым рядом количественных характеристик, относящихся к различным свойствам информации.

Возвращаясь к вопросу о классификации информации, следует сказать и о целесообразности разделения информации по другим признакам.

В определении информации мы указали, что она проявляется через изменения состояний взаимодействующих объектов. Состояния приемника информации могут изменяться непрерывно и не фиксироваться во времени, например при механическом воздействии одной непрерывной вращающейся шестерни на другую. Но они могут и закрепляться, оставаясь относительно неизменными на протяжении некоторого отрезка времени (письменный текст, след животного на снегу, запись на ленте сейсмографа и т. п.). Поэтому в зависимости от возможности передачи во времени, от устойчивости состояний отображающего объекта целесообразно информацию подразделять на незакрепленную (нефиксируемую) и закрепленную. Основной частью закрепленной информации будет являться документальная информация, представляющая в настоящее время одно из основных средств передачи смысловой информации во времени и в пространстве ³.

Существует еще несколько основных признаков, по которым следует различать информацию.

³ Под документом мы понимаем материальный объект, который содержит закрепленную информацию и предназначен для ее передачи и использования.

Применительно к элементарному и семантическому видам информации можно разделять информацию в зависимости от той области целенаправленной человеческой деятельности, в сфере которой эта информация создается. По этому признаку можно различать информацию научную, производственную, политическую и т. д.

Таков в общих чертах второй подход к определению понятия информации и разделению ее на виды.

Успешное развитие информационной деятельности, механизация и автоматизация различных информационных процессов будут существенно затруднены без детального изучения сущности информации, выявления законов, которым подчиняется создание информации, ее представление, переработка и передача.

В решении этой проблемы необходима активная помощь со стороны специалистов в области языкознания, за плечами которых богатейший опыт исследовательской работы и научных достижений.

О ЗНАКОВОЙ СИТУАЦИИ

Н. А. СЛЮСАРЕВА

Решение проблем, связанных с теорией знака, важно для более глубокого понимания функционирования языка как средства общения, орудия обмена мыслями и выражения чувств человека. Семиотический аспект занял прочное место в рассмотрении языковых явлений, наряду с прочими возможностями¹. Развитие науки и техники привело к необходимости изучить знаковую природу языка и производных от него систем искусственных языков, т. е. знаковых систем, которые используются в современном обществе. Проблема знака настолько овладела умами, что в некоторых философских концепциях ею оказался подмененным основной вопрос философии — о соотношении бытия и сознания, а сама философия стала рассматриваться как отрасль общей семиотики (Пирс, Моррис, Кассирер и др.). В значительном количестве философских работ выводы о свойствах языка делаются на основе анализа одного из формализованных языков науки, а общие заключения распространяются на все типы языков, включая естественный язык человека, правда, обычно оговаривается особая роль этой системы.

¹ См.: В. А. Звегинцев. История языкознания в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1965, стр. 467 и сл.

Аналогичную трактовку языка мы находим и в работах советских философов (Резников, Горский, Бирюков и др.)², которые также опираются на данные формализованных языков, но всюду подчеркивают общественный характер человеческого языка, его возникновение вследствие трудовой деятельности человека.

Труды лингвистов дают гораздо более глубокое рассмотрение специфики языка, так как предметом их исследования всегда являлся естественный язык человека со всей многогранностью, присущей этой знаковой системе. Правда, в работах лингвистов нет той подкупающей строгости изложения, которую мы находим в философских трудах, особенно в области формальной логики.

До языковедческих работ, продемонстрировавших сложность внутренней стороны слов (Потебня, Бреаль и др.), философы подходили к ней лишь с точки зрения выяснения особенностей понятий, выражаемых словами (средневековый спор номиналистов и реалистов, дискуссия Локка и Лейбница и т. п.). Но уже А. А. Потебня расчленил четко на два типа значение слова — б л и ж а й ш е е, относящееся к ведению лингвистов, и д а л ь н е й ш е е, составляющее область изучения представителями других наук. Учение о ценности языковых единиц (Бодуэн, Соссюр, Поливанов), устанавливаемой на основе отношения знаков друг к другу в пределах системы, возникает задолго до определения этого свойства знаков философами (Моррис).

Не приходится указывать на то, насколько беднее выглядит теория значения, опирающаяся на труды философов и выделяющая три типа значения (в плане синтактики, семантики и прагматики), по сравнению с многосторонней классификацией типов значения, учитывающих фразеологические, стилистические, эмоционально-оценочные и прочие влияния на семантическую структуру слова (школа акад. В. В. Виноградова).

И тем не менее в области знаков еще многое остается далеко не полностью выясненным, вероятность разных гипотетических построений остается равной.

Определение знака обычно связывается с понятием знаковой ситуации на том основании, что знак может функционировать лишь в ее пределах. Однако, остается без определения, что же представляет собой знаковая ситуация, не уточняется и ее категориальная отнесенность.

Так, например, объяснение понятия знаковой ситуации дано известным польским философом А. Шаффом из сравнения двух примеров: 1) при обращении к человеку на незнакомом языке знаковая ситуация не имеет места, так как значение сказанного непонятно для собеседника, 2) при обращении на знакомом языке между людьми осуществляется процесс взаимопонимания, т. е.

² См., например: Л. О. Г о р с к и й. Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964, стр. 36, 139 и сл.

знаковая ситуация имеет место. Далее показано, что знаковая ситуация имеет место и при знакомстве со знаками уличного движения, когда усваивается их значение. «И так происходит всегда, — заключает А. Шафф, — когда мы имеем дело со знаковой ситуацией: она результативна только тогда, когда общающиеся стороны одинаково понимают значение знака»³.

Проблеме знаковой ситуации в книге А. Шаффа уделяется целый параграф, в котором анализируется становление данной проблемы. Основное положение сводится к тому, что, занимаясь анализом значения знака, следует исходить из реального процесса общения людей, т. е. из знаковой ситуации. Главная мысль А. Шаффа о том, что при исследовании значения следует исходить из процесса общения людей, не вызывает сомнения и не нуждается в дополнительной аргументации, так как является положением марксистской диалектики.

Однако вызывает сомнение отождествление процесса общения и знаковой ситуации. Язык возникает в процессе общения людей, неотделим от процесса общения, являясь средством, и притом важнейшим, этого общения. Будучи средством общения, язык в то же время представляет собой систему знаков: функционирование языке — это функционирование системы знаков, а знаки составляют неотъемлемую составную часть знаковой ситуации. Знаковая ситуация возникает в процессе общения людей, а раз так, она не может рассматриваться в качестве явления, тождественного самому процессу общения. То явление, которое возникает в результате какого-либо процесса, не может быть тождественным самому процессу.

Это заставляет нас говорить о том, что необходимо отличать знаковую ситуацию от процесса общения и от ситуации общения, т. е. от тех окружающих условий и обстоятельств, при которых протекает процесс общения. Однако при этом возникает ряд вопросов: относится ли знаковая ситуация к ряду явлений, существующих вне и независимо от нашего сознания, можно ли отделить знаковую ситуацию от тех мыслительных процессов, которые протекают в сознании, или ее следует рассматривать в непосредственной связи с этими процессами и т. д.

Предлагая попытку ответа на эти вопросы, мы исходим из процесса общения людей, поскольку этот процесс первичен. Процесс общения при помощи языка имеет место в реальной действительности и его непосредственными компонентами являются: г о в о р я щ и й, с л у ш а ю щ и й, п р е д м е т, о котором идет речь, и я з ы к, на котором это общение осуществляется (при этом мы полагаем заранее данным общественный характер анализируемых явлений).

Все четыре компонента процесса общения материальны (для

³ А. Шафф. Введение в семантику. М., 1963, стр. 219.

простоты рассуждения полагаем, что предметом общения является материальная вещь). Однако, хотя язык и предстает перед нами в виде движущихся слоев воздуха, т. е. в виде звуков. именно этот компонент общения является тем звеном, которое служит своеобразным «переключателем» материального в идеальное: вспомним слова К. Маркса, что на духе с самого начала тяготеет проклятье отягощения его материей. В четвертом компоненте общения — в языке — это «отягощение материей» выступает через функционирование его в речи.

Язык, как признается большинством лингвистов и психологов, существует в речи и познается через речь: язык существует как в бесчисленных актах речи, так и в силу абстрагирования от этих актов. Иначе говоря, язык существует в речи в силу диалектики соотношения общего и отдельного, общего и частного, т. е. язык существует в речи, как общее существует в частном, отдельном. В единичном акте речи человек использует знак в качестве инструмента общения, но любой знак входит в общее — в систему языка, на котором осуществляется общение.

Язык занимает совершенно уникальное положение среди других явлений, он материален в речи и идеален в сознании говорящих, пользующихся им как средством общения. Язык нельзя отнести к категории либо идеальных, либо материальных явлений (разумеется, гносеологически).

Особое положение языка среди других явлений подтверждается не только возможностью анализа его через речь, но и тем, что анализ языка может совершаться лишь с помощью его самого. Иными словами, язык одновременно выступает и объектом, и инструментом анализа. Ни одно другое явление не может сравниться с языком в этом отношении.

Язык занимает особое положение и потому, что только через него нам становятся известны категории абстрактного мышления, для которого язык является непосредственной действительностью. Никакое другое явление и в этом отношении несравнимо с языком.

Все эти особенности языка связаны с тем, что язык является прежде всего важнейшим средством общения, является инструментом процесса общения, который протекает в реальной действительности и компоненты которого материальны в силу этого.

По нашему мнению, знаковая ситуация является идеальным ⁴, т. е. имеющим место в сознании людей, противочленом процесса общения. Компонентами знаковой ситуации как идеального противочлена процесса общения являются знак и смысл.

Знаковая ситуация не является зеркальным отражением в сознании людей процесса общения, т. е. таковым является само

⁴ См.: Э. И л ь е н к о в. Идеальное. «Философская энциклопедия», т. II. М., 1962, стр. 219 и сл.

отражение этого процесса, его компонентов. А знаковая ситуация является противочленом процесса общения, т. е. представляет собой явление соотносительное с процессом общения. Разумеется, процесс общения при помощи языка может принимать различные формы. Так, например, при чтении вывески, при виде указателя дорог и т. п. первый компонент, т. е. говорящий, не присутствует, но он не может быть исключен из процесса общения, так как письменное сообщение было сделано им в расчете на второго участника, т. е. на других членов общества. Даже при трактовке так называемых естественных знаков (лужи как знаки прошедшего дождя; дыма как знака огня и т. п.) процесс общения выступает в завуалированной форме, первый его компонент потенциально присутствует, он виртуален, актуализируясь в интерпретирующем, так как осмысление данных явлений как знаков опирается на знания, полученные из общения с другими людьми. При интерпретации явлений такого рода знаковая ситуация выступает на первый план, закрывая соотносительное с ней явление — процесс общения.

Следует подумать о разграничении знаковой ситуации и процесса интерпретации явлений как знаков, так как первая возникает как результат интерпретации; процесс интерпретации является процессом включения знака, точнее, явления в пределы знаковой ситуации, в результате которого данное явление осмысливается как знак другого явления. Ведь явление внешнего мира становится знаком лишь в том случае, если оно интерпретируется человеком. Об этом пишет и А. Шафф: «Ни одно из естественных явлений не представляет собой... само по себе знак (признак) и ничего само по себе не значит»⁵. И за так называемыми «естественными знаками» стоит абстрагирующая работа сознания, которая приводит к намерению интерпретировать данное явление как знак, т. е. включить его в знаковую ситуацию. Без такого включения данное явление существует лишь в силу взаимосвязи предметов и явлений окружающего нас мира, вне и независимо от нашего сознания.

Интерпретация явлений как знаков генетически, т. е. с точки зрения филогенеза, является производной от процесса общения людей, она создается на основе общественной практики человека, его трудовой деятельности, в результате которой человек от пассивного созерцания и восприятия природы переходит к активному познанию ее законов и их использованию на благо человечества. Из потребности общения у человека возникла особая способность создавать знаки как средство этого общения, а это дало возможность интерпретировать явления окружающего мира как знаки других явлений, связанных с ними разного рода отношениями, и, наконец, возникла необходимость создавать искусственные знаки.

Первый этап этого пути — возникновение естественного язык-

⁵. А. Шафф. Указ. соч., стр. 180.

ка — проходил, видимо, бессознательно, т. е. язык не явился результатом чьего-то изобретения, а развивался в связи с развитием общественных отношений, так же постепенно, как шло формирование общества в процессе труда, сопутствуя труду. Использование свойств вещей в качестве знаков данных вещей уже предполагает сознательную деятельность абстрагирующего мышления. В деятельности подобного рода имело место сознательное намерение, которое в дальнейшем позволило изобрести искусственные знаки от мнемонических средств до научной символики⁶. Этап создания искусственных знаков важен тем, что этим знакам стал присваиваться смысл слов, лежащих вне данных систем, т. е. в естественном языке. Этот смысл сообщается членам общества при помощи естественного языка.

Язык возникает в процессе общения людей, неотделим от него и в то же время не совпадает с ним, являясь средством, и притом важнейшим, этого общения. Как средство общения язык представляет собой систему знаков, а знаки составляют неотъемлемую составную часть знаковой ситуации.

Знаковая ситуация возникает как результат интерпретации в процессе общения людей и не может, следовательно, рассматриваться в качестве явления, тождественного самому процессу общения. Знаковая ситуация возникает в процессе общения людей, когда определенному явлению присваивается свойство быть знаком другого явления.

Из-за того, что знаковая ситуация и процесс общения представляют собой соотносительные явления, они легко смешиваются, свободно выступают одно вместо другого. Такое смешение соотносительных явлений часто приводит к подмене одного другим. Такое смешение мы обнаруживаем и в упоминаемой концепции А. Шаффа. Онтологически знаковая ситуация неотделима от процесса общения, существует как результат этого процесса, но гносеологически они представляют собой, по нашему мнению, разноплановые явления, расчленение которых позволяет наметить еще один путь к решению проблемы соотношения языка и мышления.

Английский лингвист А. Гардинер в книге, посвященной теории соотношения языка и речи, дает характеристику компонентов знаковой ситуации, причем, по его мнению, этими компонентами являются говорящий, слушающий, предмет и язык, т. е. компоненты, которые, по существу, составляют процесс общения. К его мнению присоединяется и А. Шафф, замечая, что в этой точке зрения «схвачены существенные элементы и отношения, возникающие в знаковой ситуации»⁷. По мнению А. Шаффа, в этой

⁶ См. статью «Знак». «Философская энциклопедия», т. II. М., 1962, стр. 177.

⁷ А. Шафф. Указ. соч., стр. 229.

концепции отбрасывается утверждение, что знаковая ситуация означает отношение знаков между собой, или отношение знака и предмета, или, наконец, отношение знака и мысли (имеются в виду теории Огдена-Ричардса). А. Шафф считает, что «осознан и отчетливо показан тот факт, что знаковая ситуация возникает как отношение между общающимися людьми, которые с целью общения создают знаки»⁸. Однако определение знаковой ситуации как отношения между людьми дает нам лишь один из вариантов решения проблемы.

Другим вариантом, предлагаемым в данной работе, является определение знаковой ситуации как особого преобразованного в сознании людей отражения процесса общения. В процессе общения знаковая ситуация является генетически производной, вторичной. Отношения между людьми преобразовываются в мыслительной деятельности участников процесса общения при помощи языка, и если это особое преобразованное отражение является адекватным у всех разговаривающих, то между ними устанавливается взаимопонимание.

Люди не могут быть включены в пределы знаковой ситуации, так как они являются участниками процесса общения, по отношению к которому знаковая ситуация является производной. Общение ведь может осуществляться и без своего идеального противочлена — знаковой ситуации, т. е. непосредственно, например, тактильно.

Предмет речи также не может быть включен в пределы знаковой ситуации, потому что он, как и участники процесса общения, материален. Материален и язык, существуя в речи собеседников. Все четыре компонента процесса общения материальны: без материальности языка процесс общения не мог бы осуществляться.

Идеальный противочлен процесса общения — знаковая ситуация, характеризуется двумя компонентами: в ее состав входят знак и смысл как категории идеальные. При этом следует подчеркнуть особую роль знака как единицы системы языка. В пределах знаковой ситуации происходит «наполнение» знака смыслом.

В качестве компонента знаковой ситуации знак выступает как идеальное явление, однако, включаясь в процесс общения, знак выступает как материальное явление.

Вопрос о такой своеобразной характеристике знака весьма сложен и дискутируется на протяжении веков. Многие ученые отрицают возможность рассмотрения знака в виде некоего двуликого Януса как псевдопроблему на том основании, что не существует явлений, которые были бы одновременно и материальными, и идеальными. Однако не надо забывать, что противопоставление материального идеальному является противопоставле-

⁸ А. Шафф. Указ. соч., стр. 229.

нием гносеологическим, а не онтологическим. Если же не признать наличие явлений, которые одной своей стороной обращены к материальному, а другой — к идеальному, то останется необъяснимым переход от материального к идеальному, который совершается в сознании людей.

Знак занимает совершенно уникальное положение среди явлений окружающего нас мира, т. к. именно благодаря знаку осуществляется «переключение» материального в идеальное. Оно совершается в знаке благодаря наличию у знака двух его сторон: материальной и идеальной — внешней и внутренней. Уникальная особенность знака как единицы системы языка определяет особое положение языка, о котором говорилось выше. Знак как единица языка является связующим звеном между знаковой ситуацией и процессом общения, благодаря которому эти два явления представляют собой неразрывное единство.

Признавая двусторонний характер знака, в том числе и лингвистического, следует отметить и то, что внутренняя сторона знака, т. е. идеальная его сторона, противопоставляемая внешней, т. е. материальной, стороне, в свою очередь неоднородна. Внутренняя сторона также представляет собой двучленное единство образа материальной формы и значения. Именно в таком виде представлена структура слова в концепции А. И. Смирницкого⁹, но несомненно, что такое понимание может быть распространено на любой знак, как языковой, так и неязыковой¹⁰. Каждый знак состоит из материальной формы, т. е. внешней стороны, и отражения материальной формы в виде ее образа и значения, т. е. внутренней стороны.

Будучи явлением материальным, знак воспринимаем органами чувств человека, но знак представляет собой не просто объект восприятия, знак функционирует как таковой лишь в результате осмысления его, в результате интерпретации его как знака. Это осмысление достигается на основе общественной практики человека, на основе его общения с другими людьми. Восприятие знака не всегда является пониманием его, хотя обратное обязательно: знак может быть понят лишь в том случае, если он воспринят. Понимание знака определяется включением его в пределы знаковой ситуации, т. е. в результате соединения его со смыслом как вторым компонентом знаковой ситуации¹¹. Если восприятие материального явления, т. е. отражение его в сознании, не попадет в пределы знаковой ситуации и, следовательно, не произойдет

⁹ А. И. Смирницкий. Объективность существования языка. М., 1954, стр. 25.

¹⁰ См. статью «Знак». — «Философская энциклопедия», т. II, стр. 177 и сл.

¹¹ Вычленение двух компонентов знаковой ситуации как одной из составных частей мыслительного процесса, возможно, находит некоторую аналогию в гипотезе двухзвенности языка внутренней речи, развиваемой Н. И. Жинкиным (см.: ВЯ, 1965, № 6).

соединения его со смыслом, то взаимопонимание между говорящими не будет иметь места, процесс общения не достигнет своей цели.

Смысл и знак как компоненты знаковой ситуации соотносятся между собой как два одноплановых идеальных явления. Однако оба они не представляют собой результат деятельности лишь индивидуального сознания, а являются созданием мыслительной деятельности человека, протекающей на основе общественной практики людей.

Смысл рассматривается нами как особое экстралингвистическое явление, которое представляет собой совокупность всех связей какого-либо понятия как категории мышления с другими понятиями и представлениями; смысл связан с содержанием понятия. Смысл как экстралингвистическое явление реализуется в самых различных формах, среди которых главным является значение слова. Значение слова представляет собой реализацию смысла в системе языка¹². Смысл входит в сферу мыслительной деятельности человека и целиком определяется внеязыковой реальностью, тогда как значение слова, входя в систему языка, определяется не только связью со смыслом, но и особенностями данной языковой системы. То, что смысл и значение слова не тождественны, доказывается возможностью адекватного перевода с одного языка на другой, а также случаями передачи одного и того же смысла как внеязыковыми средствами, так и разными средствами в пределах одного языка.

Значение знака связывает знак в целом со смыслом. В то же время, материальная форма знака выступает в процессе общения, как противочлен знаковой ситуации. Материальная форма знака обеспечивает возможность использования его в качестве инструмента общения, идеальная сторона знака осуществляет его функционирование в процессе мышления.

Компоненты внутренней стороны знака, т. е. образ материальной формы и значение, не нуждаются в присвоении им особых наименований, материальная же форма обычно именуется *о б о з н а ч а ю щ и м*. Поскольку в процессе общения знак выступает как явление материальное, и именно вследствие этого осуществляется данный процесс, то нередко материальную форму знака называют знаком на основании обычного переноса слов по смежности явлений, обозначаемых словами (точнее на основании переноса названия с целого на часть — «часть по целому»). Для простоты обиходного употребления такое использование слов вполне возможно, но при научном анализе следует разобщать стороны знака и знак как целое. Знак есть единство образа мате-

¹² Н. А. С л ю с а р е в а. Смысл как экстралингвистическое явление. — В сб. «Как сделать урок иностранного языка интересным». М., Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1963, стр. 185 и сл.

риальной его формы и значения, реализованное в данной материальной форме.

Предмет, к которому относится данный знак, обычно терминологически определяется как обозначаемое (денотат, номинат, референт). Связь между обозначаемым и обозначающим произвольно устанавливается в результате общения людей и активного познания ими явлений природы¹³, т. е. благодаря знаковой ситуации.

Связь двух компонентов знаковой ситуации, т. е. знака и смысла, не стабильна, а подвижна, и в этой подвижности кроется возможность разобщенного и независимого изменения каждого из компонентов. Смысл изменяется в результате общественной практики людей и все расширяющегося познания природы и ее закономерностей.

Изменение знака связано главным образом с областью языковых знаков, особенностью которых является независимое варьирование внешней и внутренней сторон. Изменение внутренней стороны знака (точнее — значения знака, так как изменение образа материальной формы зависит от изменений в самой материальной форме) происходит, с одной стороны, из-за влияния изменений в смысле, а с другой стороны, из-за сдвигов в историческом развитии системы языка (в отдельных случаях изменение внешней стороны знака также зависит от влияния системы), а история языка зависит как от внешних, так и от внутренних факторов.

Внешними по отношению системы языка являются: история народа, развитие знаний и т. п., внутренними — давление системы, тенденция к экономии произносительных усилий и т. п.

Знаковая ситуация неотделима от процесса общения людей, но, представляя собой его идеальный противочлен, не тождественна ему. Их взаимоотношение является подвижным и гибким, но онтологически они неотделимы. Разобщение их целесообразно с точки зрения гносеологии, поскольку они представляют собой соотносительные явления.

¹³ Термин «произвольно» используется нами вслед за Соссюром как синоним к слову «условно» или к выражению «вследствие употребления, выработавшегося в данном обществе».

КАКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ЦЕЛЕСООБРАЗНО СЧИТАТЬ ЗНАКАМИ?

Ю. С. МАСЛОВ

Решение вопроса о том, какие языковые единицы следует считать знаками¹, очевидно, не может быть дано на базе чисто языкового материала. Здесь нужен выход в общую семиотику и сопоставление языка с различными «классическими», т. е. искусственными знаковыми системами. Генетически все эти искусственные системы являются вторичными (нередко даже «третичными» и т. д.) по отношению к языку; они созданы в большей или меньшей мере по его образу и подобию, как его очень видоизмененные и упрощенные модели. Но самые общие свойства языка как знаковой системы ими все-таки моделируются и притом в «логически очищенном» виде. Именно это и делает их весьма удобным, классическим объектом семиотического анализа.

Коммуникативным знаком (знаком, используемым для общения), или просто знаком условимся называть всякий преднамеренно воспроизводимый материальный факт, рассчитанный на чье-то восприятие и предназначенный служить средством передачи информации о чем-то, находящемся вне этого факта. Не следует включать в понятие знака так называемые «естественные знаки» (тучи — знак приближающегося дождя), так как эти «знаки» (лучше: симптомы, сопутствующие признаки) не имеют отношения к общению, хотя и используются воспринявшими их людьми для получения информации о чем-то, находящемся вне самого симптома. В рамках данной статьи мы, конечно, не можем касаться вопроса о вероятной генетической связи древнейших коммуникативных знаков с некоторыми «естественными знаками» — симптомами реакций проточеловеческого организма. Широко распространенная в языкознании и отчасти в семиотике билатералистическая концепция знака выделяет в нем две стороны — «означающее» и «означаемое» (по формуле $\text{signum} = \text{signans} + \text{signatum}$)².

¹ О больших расхождениях между лингвистами по этому вопросу свидетельствуют, в частности, материалы Эрфуртского симпозиума. См. сб. «Zeichen und System der Sprache», Bd. I. Berlin, 1961; Bd. II. Berlin, 1962 (в дальнейшем соответственно ZuS I и ZuS II). Ср. также: L. A n t a I: Sign, Meaning, Context. «Lingua», X (1961), стр. 211—219; B. T r n k a. On the Linguistic Sign and the Multilevel Organization of Language. «Travaux Linguistiques de Prague», I, (1964), стр. 33—40; В. В. М а р т ы н о в. Уровни и планы языка как знаковой системы. — В кн.: «Тезисы докладов к симпозиуму по проблеме «Методы различения и отождествления единиц языка». Минск, 1964, стр. 1—6.

² Точка зрения, восходящая еще к Блаженному Августину, а в языкознании XX в. представленная, как известно, Ф. де Соссюром и его последователями, а также Р. Якобсоном (см. ZuS II, стр. 66—67) и многими другими.

Противоположная унилатералистическая концепция приравнивает знак к означающему ($\text{signum} = \text{signans}$)³. Вероятно, правильное говорить о материальном э к с п о н е н т е знака, чувственно воспринимаемом в процессе общения, и об идеальной стороне знака, включающей: а) отражение экспонента в сознании и б) общественно закрепленную за этим экспонентом содержательную информацию, т. е. с о д е р ж а н и е знака.

Соссюровское понимание знака охватывает фактически только идеальную сторону знака, так как «означающее» равно у Соссюра нашему «отражению экспонента в сознании». Но любой знак, языковой или неязыковой, существует прежде всего для общения, существует «для других людей и лишь тем самым также и для меня самого»⁴. Существовать же для других людей, для коллектива, для общения, значит, в частности, быть чувственно воспринимаемым, т. е. воплощенным в материальном экспоненте. Поэтому семиотический анализ принципиально не может игнорировать материальный экспонент знака (а следовательно, и материальную субстанцию этого экспонента).

Частной разновидностью экспонента является нулевой экспонент — чувственно воспринимаемое отсутствие материального факта, противопоставленное наличию материального факта в соотносительных случаях. Так, в светофоре, снабженном одной или двумя дополнительными стрелками, нулевым экспонентом является невключение любой из этих стрелок, несущее информацию «движение в данном направлении запрещено». Мы имеем здесь в виду систему многоочковых светофоров, принятую в СССР. В многоочковых светофорах некоторых зарубежных стран та же информация выражается не нулевым, а положительным экспонентом — красной стрелкой, обращенной соответственно влево или вправо. Наконец в трехочковых светофорах та же информация также передается положительным, но не специальным экспонентом (т. е. слитно с другой информацией). Интересный семиотический анализ сигналов, регулирующих движение на перекрестках (хотя и не в

³ К числу сторонников унилатералистической концепции принадлежат, с теми или иными оттенками, А. Граур (ZuS I, стр. 59), Я. Бауэр (там же, стр. 34), Л. Завадовский (там же, стр. 153), Г. Ф. Мейер (ZuS II, стр. 239 и сл.), Э. Кошмидер (E. K o s c h m i e d e r. Die strukturbildenden Eigenschaften sprachlicher Systeme. — «Die Welt der Slaven», II, 1957, стр. 1—29); см. и др. статьи, опубликованные в том же журнале в последующие годы), Г. Горак (G. H o r á k. Vzt'ach jazykových a myšlienkových prvkov v oblasti slovnéj zásoby. «Problémy marxistické jazykovědy». Praha, 1962, стр. 288), А. А. З и н о в ъ е в (Об основах абстрактной теории знаков. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1963, стр. 19). Своеобразную попытку преодолеть спор уни- и билатералистов предпринимает Л. А. А б р а м я н. К вопросу о языковом знаке. «Вопросы общего языкознания». М., 1964, стр. 5—15).

⁴ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Немецкая идеология. — Соч., т. 3, стр. 29.

связи с проблемой нулевых экспонентов), дает А. А. Зализняк⁵. Что касается содержания знака, то оно представляет собой отражение, всегда более или менее схематичное и неполное отражение (однако все же не просто «обозначение»), какого-то элемента объективной действительности⁶, или, во всяком случае, чего-то, находящегося вне данного знака (отражение его денотата, референта, реалии и т. д.). Так, содержание дорожного знака 'извилистая дорога' есть обобщенное и схематичное отражение целого класса реально существующих извилистых дорог, а в каждом конкретном случае применения этого знака — схематичное отражение реальной извилистости соответствующего участка данной конкретной дороги. Содержание знака 'объезд препятствия справа' — обобщенное и схематичное отражение соответствующих реальных изменений в направлении движения транспортных средств, водители которых подчиняются указанию этого знака (ср. содержание форм повелительного наклонения в языке). Связь между экспонентом и отражением экспонента в сознании, с одной стороны, и содержанием знака — с другой, может в той или иной мере опираться на мотивировку или носить чисто условный характер.

Свойство знака служить средством передачи информации уместно назвать его *и н ф о р м а т и в н о й* функцией. Смысл существования и использования знака как раз и состоит в реализации его информативной функции, но эта реализация была бы принципиально невозможна без чувственной восприимчивости экспонента и без отличимости его в восприятии от «окружающего фона» и от экспонентов других знаков той же системы. Имея в виду эти два момента, мы говорим о *п е р ц е п т и в н о й* и *д и с т и н к т и в н о й* функциях знака, подчеркивая их неразрывную связь с его информативной функцией. В простейших знаковых системах единство всех трех функций выступает особенно наглядно: машинист паровоза видит на фоне неба или леса поднятое плечо семафора, отличает его поднятое положение от возможного в других случаях опущенного положения и понимает выраженную в этом знаке адресованную ему информацию: «путь свободен». В более сложных знаковых системах (не только в языке) наблюдается своеобразное обособление перцептивной и дистинктивной функции от функции информативной. В таких системах приходится выделять по меньшей мере два главных знаковых яруса; кроме яруса знаков-информаторов, или знаков, обладающих всеми свойствами знака, еще второй нижний ярус зна-

⁵ А. А. Зализняк. Опыт анализа одной относительно простой знаковой системы. «Структурно-типологические исследования». М., 1962, стр. 172—188.

⁶ Ср. схему соотношения знака, значения и предмета, которую предлагает Л. О. Резников. («Гносеологические вопросы семиотики». Л., 1964, стр. 56).

ков-дистинкторов, или, по терминологии Ельмслева, «фигур», «незнаков, из которых составляются знаки»⁷.

Знаки-информаторы непосредственно несут ту или иную информативную нагрузку, т. е. для всех «посвященных» прямо связаны с определенным мыслительным содержанием и передают (выражают) это содержание, или что-то значат. Знаки-дистинкторы не имеют непосредственной связи с мыслительным содержанием, с ними не ассоциируется прямо какая-либо, пусть даже минимальная частица смысла, они лишь косвенно служат для передачи информации, являясь «строительным материалом» для экспонентов знаков-информаторов, конститутивными и дистинктивными элементами, используемыми при формировании этих экспонентов. Составляя материальную субстанцию знака-информатора, его экспонент, знаки-дистинкторы выполняют к о н с т и т у т и в н у ю функцию. Воспринимаясь адресатом коммуникации и обеспечивая возможность распознавания тех знаков-информаторов, в состав экспонентов которых они входят, знаки-дистинкторы осуществляют свою перцептивную и дистинктивную функцию. Тем самым они обеспечивают возможность функционирования знака-информатора, а значит и выполнение им его основной, информативной функции.

В некоторых знаковых системах выделяется еще группа з н а к о в - д е л и м и т а т о р о в, или разграничительных сигналов. Они ограничивают в синтагматической цепи экспоненты всех или некоторых знаков-информаторов от экспонентов соседних знаков-информаторов, т. е. выполняют д е л и м и т а т и в н у ю функцию.

По аналогии с понятиями «экспонента», «отражения экспонента в сознании», и «содержания знака-информатора», мы можем говорить о материальной субстанции знака-дистинктора и знака-делимитатора, об отражении этой субстанции в сознании, и о функциях этих знаков, как они были сейчас перечислены. Примером относительно простой знаковой системы, располагающей всеми тремя типами знаков, может служить телеграфный код Морзе. Поскольку назначение этого кода состоит в точном (почти полностью изоморфном) перекодировании букв, цифр, знаков препинания и некоторых других знаков, используемых в общем письме (полный изоморфизм нарушается только нейтрализацией в азбуке Морзе противопоставления строчных и прописных букв, открывающих и закрывающих кавычек, открывающей и закрывающей скобки, а также слитной передачей латинского sh). Тем самым значащими единицами, т. е. знаками-информаторами в рамках кода Морзе, следует считать его единицы, соответствующие отдельной букве, цифре, знаку препинания и т. д. Такие единицы

⁷ См.: Л. Ельмслев. Прологомены к теории языка. «Новое в лингвистике», вып. 1. М., 1960, стр. 305.

представлены, как известно, линейными последовательностями некоторого количества точек и (или) тире. Эти точки и тире и являются здесь знаками-дистинкторами. Паузы же, отделяющие в передаваемом тексте одну последовательность от другой, служат знаками-делIMITаторами.

Знаки-информаторы могут быть простыми или сложными (разной степени сложности). Простым знаком-информатором условимся считать такой, который не разлагается на элементы, могущие быть признанными знаками-информаторами. При определении того, имеем ли мы дело с простым или сложным знаком-информатором, важна, таким образом, не сама по себе возможность выделить в его экспоненте какие-то составные части, повторяющиеся в других комбинациях в экспонентах других знаков, а установление того, семантизованы эти составные части или нет, связывается с ними как таковыми та или иная информация — частица общей информации, заключенной в данном знаке, или нет. Таким образом, например «буквы» азбуки Морзе — простые знаки, несмотря на их четкую составленность из вполне дискретных точек и тире. Примером же сложного знака может служить любой из дорожных сигнальных знаков, принятых сейчас в СССР. Так, в группе «запрещающих знаков» в каждом знаке четко выделяются вполне семантизованные элементы: 1) элемент, который обозначает императивность (круглая форма знака, общая у «запрещающих» знаков с «предписывающими»), 2) элемент, который конкретизирует во всех «запрещающих» знаках эту императивность как запрещение или ограничение (красная кайма вокруг желтого или, в одном случае, синего поля, а иногда еще и красная полоса по диаметру, проходящая под углом 45° к горизонту), и 3) элемент, который дает дальнейшую конкретизацию запрещения или ограничения, указывая, что же именно запрещается (например, изображение велосипеда — запрет велосипедного движения) или ограничивается (например, цифра без букв — ограничение скорости, цифра с добавлением буквы Т — ограничение веса) и насколько ограничивается (например, цифра 30 — ограничение скорости до 30 км/ч). Каждый из этих выделенных элементов и является простым знаком-информатором, а их сочетание представляет собою, следовательно, сложный знак, обладающий определенной семантической и формальной структурой.

Знаки-дистинкторы также неоднородны. Среди них можно выделить два подтипа: относительно самостоятельные дистинкторы, способные в частном случае (или хотя бы потенциально) в одиночку, вне сочетания с другими знаками-дистинкторами, составлять экспоненты каких-либо знаков-информаторов, и абсолютно не самостоятельные дистинкторы, никогда не выступающие и не способные выступать в такой роли. Примером первого подтипа могут служить точки и тире в телеграфном коде Морзе: точка сама по себе (т. е. между паузами) соответствует букве *e*, тире —

букве *m* русского или *t* латинского алфавита. Примеры второго подтипа дает международная морская сигнализация набором флагов. В этой системе знаком-информатором, соответствующим отдельной букве алфавита, отдельной цифре и т. п., является флаг, а в роли знаков-дистинкторов выступают различительные элементы флага, обеспечивающие его распознавание: 1) форма полотнища (прямоугольная, треугольная, прямоугольная с вырезом), 2) цвет или цвета, использованные в этом флаге, 3) в неоднородных флагах (а таких большинство) порядок расположения, количество и форма разноцветных полей (разделение полотнища по вертикали, по горизонтали, по диагонали либо крест на крест на то или иное количество полос или клеток, дополнительные фигуры, например прямоугольник или круг в центре полотнища, вписанный ромб и т. д.). Совершенно очевидно, что экспонент знака-информатора ни в коем случае не может состоять здесь из одного знака-дистинктора: даже одноцветные флаги имеют всегда по два различительных признака, т. е. включают минимум по два знака-дистинктора, так как не только цвет, но и форма полотнища является всегда релевантной, существенной для распознавания.

Теперь, на основе всего сказанного, можно перейти к рассмотрению знаковой системы языка. В естественных языках представлены все упомянутые типы знаков. Однако, как подчеркивал еще Трубецкой⁸, специальные знаки-делимитаторы в структуре языка не обязательны. Там, где они встречаются, они служат обычно для синтагматического разграничения слов (один из примеров — фиксированное словесное ударение, падающее на первый или, наоборот, на последний слог слова), иногда — для синтагматического разграничения морфем внутри слова. Подробнее нужно остановиться на знаках-дистинкторах и знаках-информаторах.

Знаками-дистинкторами являются в языке дифференциальные признаки фонем, фонемы и те просодические и другие супrasegmentные особенности, которые не служат самостоятельными носителями информации. При этом фонемы, по-видимому, относятся к таким знакам-дистинкторам, которые мы назвали самостоятельными дистинкторами. Звуковые оболочки сегментных морфем и слов состоят из линейных последовательностей фонем, а, в частном случае, могут состоять и из какой-нибудь одной фонемы — минимальной линейной (сегментной) единицы языка. Таким образом, фонема, будучи в общем случае носителем лишь перцептивной⁹, конститутивной¹⁰ и дистинктивной (морфемораспознава-

⁸ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 300.

⁹ См.: А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1960, стр. 24.

¹⁰ См.: Л. Завадовский. — *ZuS* I, стр. 152.

тельной и словораспознавательной) функции¹¹, может в частном случае вполне самостоятельно, вне комбинации с другими фонемами, составлять экспонент единицы, несущей информацию. Как подчеркивал акад. Л. В. Щерба, именно такого рода потенциальная связь со смыслом является существенным моментом, обеспечивающим выделение фонемы в потоке речи¹². Конечно, в инвентаре фонем различных языков процент фонем, реально выступающих в составе однофонемных морфем и слов, оказывается разным и нередко лишь небольшим. Но это не меняет дела в принципе: ведь речь идет о возможности, о существовании частных случаев, характер которых заключается, между прочим, и в том, что они вовсе не обязаны реализоваться по отношению к каждой фонеме.

Дифференциальные признаки фонем следует, очевидно, считать знаками-дистинкторами не только иного (нижнего) яруса (дистинкторы дистинкторов), но и несколько иного подтипа. В отличие от фонемы дифференциальный признак является не сегментом (линейным элементом) в потоке речи, а лишь некоторым свойством, одной из характеристик минимального сегмента—фонемы. Тем самым дифференциальный признак принципиально не может сам по себе, вне «пучка признаков», выступать в качестве «звукового тела» сегментной морфемы или слова. Это ставит его в ряд несамостоятельных дистинкторов, хотя сложность отношений в языке не позволяет безоговорочно уподобить дифференциальные признаки фонем дифференциальным (дистинктивным) признакам флагов морской сигнализации. Дело в том, что в случае чередований сменяющие друг друга фонемы нередко различаются между собой только относительно какого-то одного дифференциального признака, так что при морфологическом использовании данного чередования этот признак может рассматриваться как самостоятельный носитель грамматической информации. Например, можно считать, что в немецких *Bruder : Brüder, Mutter : Mütter, Tochter*

¹¹ Дистинктивную функцию фонемы часто называют «смыслоразличительной». Однако о неточности этого выражения писали уже неоднократно (ср., например: Л. Р. Зиндер. *Общая фонетика*. Л., 1960, стр. 39; А. И. Смирницкий. *Звучание слова и его семантика*.— ВЯ, 1960, № 5, стр. 112). Еще менее удачным представляется выражение «сигнификативная функция фонемы», применяемое А. А. Реформатским (см.: А. А. Реформатский. *Указ. соч.*, стр. 24), тем более, что, например, в получившей широкое признание концепции «двойного членения языка» А. Мартине понятие «*unité significative*» как раз противопоставлено понятию «*unité distinctive*» (т. е. фонемы) и относится к значащим единицам языка (А. Мартине. *Основы общей лингвистики*. «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963, стр. 376—379).

¹² См.: Л. В. Щерба. *Русские гласные в качественном и количественном отношении*. СПб., 1912, стр. 6. Подробнее об этом: Л. Р. Зиндер. *Указ. соч.*, стр. 33—38; Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич. *К истории учения о фонеме*. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», XII, 1953, № 1, стр. 69—70.

Töchter, Ofen : Ofen принадлежность корневого гласного к заднему или переднему ряду (в отвлечении от всех других характеристик этого гласного, т. е. долготы, степени подъема и т. д.) есть показатель соответственно единственного или множественного числа, причем показатель самостоятельный, не всегда (т. е. не в каждом контексте) дублируемый другими (артиклем, окончаниями глагола и т. д.). Впрочем, представляется, что и в случае любых морфологических чередований вполне допустимо описание, выдержанное не в терминах дифференциальных признаков, а в терминах фонем, обладающих фонетической плотью и кровью. Но при таком описании наша трактовка дифференциальных признаков фонем как несамостоятельных дистинкторов целиком сохранила бы свою силу и для этих случаев.

Из просодических особенностей большая часть выступает в языке в качестве самостоятельных носителей смысла, т. е. знаков-информаторов. Такова, в частности, роль мелодики, паузы, фразового и логического ударения, а также словесного ударения, наделенного самостоятельной грамматической функцией, например в английских /'ɪmpɔ:t : ɪm'pɔ: t/. Но словесное ударение может быть и знаком-дистинктором. В тех языках, где оно не является фиксированным, оно входит необходимым компонентом в индивидуальную звуковую характеристику слова или морфемы (например, постоянно ударенного префикса или суффикса), в общем функционально на равных правах с фонемами, составляющими «тело» этого слова или морфемы. В ряде случаев существуют «минимальные пары», различающиеся ударением, вроде русских *мука́* — *му́ка* (вполне аналогичные «минимальным парам» типа *мука́* — *рука*, различающимся одной фонемой), или болгарских *пó-* (префикс сравнительной степени) — *по-* (без ударения — глагольная приставка). Следует ли отнести словесное ударение к самостоятельным или несамостоятельным дистинкторам, можно решить только индивидуально для каждого отдельного языка. В частности, в русском языке (несмотря на ходячие примеры «грамматического использования ударения» вроде *ру́ки* — *руки́*, *узна́ю* — *узнаю́*) словесное ударение не представляется мне самостоятельным дистинктором.

Из других супraseгментных явлений нужно сказать несколько слов об аранжировке (порядке расположения) языковых элементов. Аранжировка может быть носителем смысла (например, порядок слов — разумеется, не только в так называемых «грамматических» случаях типа *Pierre frappe Paul*, но и при выражении актуального членения предложения и т. п.). Однако аранжировка фонем в составе морфем (и слов), конечно, есть лишь знак-дистинктор (ср. *кот* — *ток* — *кто*) и притом дистинктор несамостоятельный.

Простыми минимальными знаками-информаторами являются в языке морфемы в смысле Бодуэна де Куртене (т. е. сегментные мор-

фемы — положительные и нулевые) и супрасегментные заместители (replacives) грамматических морфем (так называемые «супрасегментные морфемы» дескриптивистов), т. е. используемые в грамматических непосредственно-информативных целях чередования фонем, просодические особенности и особенности аранжировки. Подробное рассмотрение всех перечисленных типов не входит сейчас в наши задачи. Отмечу только, что с точки зрения содержания оправданным представляется подразделение морфем (и, очевидно, вообще простейших языковых знаков-информаторов) на а) «понятийные»¹³, несущие информацию о каких-то внеязыковых референтах, и б) «структурные», несущие информацию лишь о тех или иных внутриязыковых связях, о внутренних отношениях между языковыми знаками в парадигматическом или синтагматическом плане¹⁴.

Сложными языковыми знаками-информаторами следует считать (в порядке нарастающей сложности), во-первых, разного рода устойчивые объединения и сцепления морфем, например, производные основы слов и групп форм, сложные основы, составные аффиксы (в том числе и объединения неконтактно расположенных аффиксов вроде *ge... -t* или *ge... -en* в формах немецкого причастия II); во-вторых, слова — словоформы и лексемы (кроме окказиональных слов, о которых ниже); в-третьих, фразеологические и вообще устойчивые сочетания слов вплоть до таких, которые функционируют в качестве целых предложений (т. е. вплоть до пословиц, сентенций, ходячих цитат из литературных произведений и т. д.).

Не являются языковыми знаками свободные речевые комбинации языковых знаков: свободные сочетания слов, окказиональные слова типа русских *семнадцатизатяжной*, *двадцатшестиметровый*, немецких *Goethebeispiel* (и основы таких слов), инкорпорированные комплексы ряда языков (поскольку эти комплексы не обнаруживают устойчивости своего конкретного состава) и «свободные предложения» (т. е. все, кроме тех, которые характеризуются подобного рода устойчивостью). Дело в том, что конкретный фонемный состав морфемы (хотя и неодинаковый в ее различных алломорфемах), конкретный морфемный состав любого сложного знака-информатора (хотя и нетождественный в различных словоформах одного слова), и, наконец, конкретный словесный состав фразеологизма и устойчивого сочетания (тоже допускающий порой некоторую вариантность) есть

¹³ О том, что именно морфемы (а не только слова) выражают понятия, правильно, на мой взгляд, пишет А. А. Реформатский (Указ. соч., стр. 24).

¹⁴ О противопоставлении понятийных и структурных морфем см.: С. С. М а с л о в а - Л а ш а н с к а я. К характеристике морфем шведского языка. — В сб.: «Проблемы морфологического строя германских языков». М., 1963, стр. 30—32.

факт языка; конкретный же морфемный состав окказионального слова (и основы) или инкорпорированного комплекса, конкретный словесный состав свободного словосочетания и «свободного предложения» относятся не к языку, а только к речи. Этот состав не сформирован заранее, не существует в готовом виде как повторяющаяся традиционная единица, как элемент системы, а формируется говорящим (пишущим) *ad hoc*, в процессе пользования языком, в процессе создания высказывания, в данном речевом акте, применительно к данному тексту. Правда, формируется этот состав не как угодно, а по определенным структурным моделям. Эти модели безусловно следует относить к языку и, очевидно, считать языковыми знаками (супрасегментными заместителями морфем или сцеплениями таких заместителей). Однако сами конкретные речевые комбинации языковых знаков остаются лишь индивидуальными реализациями языковых моделей и, как индивидуальные реализации, принадлежат только речи, т. е. речевому акту и тексту.

Теперь необходимо хотя бы кратко коснуться особенностей формирования высших знаковых языковых единиц из низших. Если экспоненты высших единиц обычно более или менее равняются сумме экспонентов их составляющих (хотя нередко наблюдаются упрощения и ассимиляции на стыках морфем, явления фузии, отдельные усечения слов и т. п.), то в плане содержания дело обстоит куда сложнее. Здесь простое механическое суммирование почти никогда не имеет места. Содержание целого не складывается из суммы содержаний частей, а как бы надстраивается над содержанием частей, вырастает на их базе, а иногда (в случаях полной утраты мотивировки) даже, по-видимому, не имеет к содержанию частей никакого отношения (хотя бы в структурном плане эти части выделялись очень отчетливо). Это хорошо известно в применении к фразеологизмам разного рода, но по большей части не иначе обстоит дело и в других типах сложных языковых знаков. Слово *булочная* (я нарочно беру пример с предельно прозрачной внутренней формой) по составу своих морфем должно значить лишь «нечто, относящееся к булке», а тем, что оно значит именно «магазин, в котором продают булку и другие хлебные изделия», оно обязано не своему морфемному составу, а сложившейся традиции. Оно с равным правом могло бы значить и «хлебозавод» и «склад хлебопродуктов» и «место в буфете, где лежит хлеб» и т. д. Слова *чайная*, *зеленная*, *сосисочная*, *пельменная*, *пирожковая* (последние три — неологизмы последних лет) могли бы подсказать мысль о закреплении содержания «магазин», «торговое предприятие» за данной словообразовательной моделью (субстантивированное относительное отыменное прилагательное женск. рода с суффиксом *-н-* или *-ов-*). Но этому противоречат *котельная*, *диванная*, *ванная*, *столовая* (не «место, где продают столы») и т. д. В диахроническом плане можно говорить об «опущении» разных суще-

ствительных (*лавка, комната, мастерская* — например, в случае *переплетная*); но в синхронии перед нами неполная выводимость содержания целого из содержания частей, известная традиционность содержания целого. В очень многих других случаях нетождественность содержания целого сумме содержаний частей, т. е. идиоматичность содержания сложного знака выступает еще более неоспоримо. Появление разного рода переносных значений, синхронически сосуществующих с исходными, еще более углубляет многоплановость сложных языковых знаков (впрочем в ряде случаев развитие переносных значений создает семантическую двухплановость даже в простых знаках-информаторах — морфемах, например, *прав-, лев-, голод-* и мн. др.). В общем можно сказать, что в языке в большинстве случаев низшая знаковая единица существует в составе высшей «в снятом виде», а вся область содержания представляет собой чрезвычайно сложную, многоярусную иерархическую структуру, по существу еще очень мало исследованную.

Выше отмечалось, что существуют знаковые системы, обходящиеся вообще без знаков-дистинкторов (см. пример с железнодорожным семафором). Но знаковых систем, в которых отсутствовали бы знаки-информаторы, принципиально не бывает. Подобные системы были бы просто ненужны, так как с их помощью нельзя было бы передать никакой информации. Конечно, типографский каталог шрифтов может содержать в числе других представленных в нем литер и такие, значения которых не установлено, пока неизвестно, в каком наборе (математическом, химическом, шахматном и т. д.) они будут использованы и какие специфические значения захочет придать им тот или иной автор. Но такой каталог не есть знаковая система. Знаковую систему мы получим лишь тогда, когда припишем литерам или их комбинациям те или иные информативные функции. В свете этих соображений я не могу согласиться с А. А. Реформатским, считающим языковыми знаками прежде всего фонемы и графемы, а уж во вторую очередь (лишь постольку, поскольку они составлены из фонем и графем) также морфемы и слова¹⁵.

При подобной постановке вопроса в ранг подлинных знаков незаслуженно возводятся одни знаки-дистинкторы, тогда как только наличие знаков-информаторов является необходимым и достаточным условием существования знаковой системы. Вместе с тем любая сколько-нибудь развитая знаковая система предполагает наличие и знаков-дистинкторов, из более или менее ограниченного репертуара которых складывается гораздо большее число (в естественном языке — практически неограниченное число) экпонентов знаков-информаторов.

¹⁵ См.: А. А. Реформатский. Указ. соч., стр. 18—19.

СХЕМА СООТНОШЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ МЫСЛИТЕЛЬНО-РЕЧЕВОЙ СИСТЕМЫ

Г. А. ХАБУРГАЕВ

Успехи в изучении того или иного физического или общественного явления рано или поздно приводят к такому состоянию науки, когда возникает необходимость расчленить то, что некогда казалось неделимым. Так, когда-то неделимый атом оказался сложной системой более мелких, так называемых элементарных частиц, признание которых позволило физикам объяснить многие прежде необъяснимые физические процессы. Точно так же синкретическое представление древних о едином «языке-мышлении» в связи с развитием сравнительно-исторического языкознания уступило место понятию о двух элементах (двух частных системах) — мышлении и языке, находящихся в тесной связи друг с другом, но не составляющих тождества.

В начале нашего столетия, после работ И. А. Бодуэна де Куртене и Ф. де Соссюра, лингвисты пришли к необходимости различать «язык» и «речь» как частные системы лингвистического порядка, тесно взаимосвязанные, но не тождественные¹. В настоящее время язык и речь различаются (по крайней мере, декларативно) всеми языковедами².

По всей вероятности, необходимо расчленить на составляющие и то, что принято называть мышлением³.

Мышление как отражение действительности на основе чувственного опыта и психическая деятельность (продукт физиологической деятельности мозга) существует и без языка; именно таково мышление высокоорганизованных животных⁴. Таково же по своей природе и физиологической основе (но не по уровню раз-

¹ Принято считать, что язык и речь впервые были разграничены Ф. де Соссюром («Курс общей лингвистики». М., 1933, стр. 42 и др.). Однако, как заметил В. В. Виноградов, «будущее соссюрское различение «langue» и «parole» нашло совершенно четкое выражение уже в относящейся к 1870 г. статье Бодуэна де Куртене «Некоторые общие замечания о языкознании и языке» (И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию, I. М., 1963, стр. 12).

² См., например: А. И. Смирницкий. Объективность существования языка. М., 1954; А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 26—29; П. С. Кузнецов. О языке и речи. «Вестник МГУ», серия VII. Филология и журналистика, 1964; Т. П. Ломтев. Язык и речь. Там же и др. раб.

³ Необходимость такого расчленения в последние годы ощущается некоторыми лингвистами; ср., например: В. З. Панфилов. К вопросу о соотношении языка и мышления. «Мышление и язык». М., 1957, стр. 119 и сл.; В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, стр. 293.

⁴ И. П. Павлов утверждал, что анализ и синтез внешних раздражений, падающих на кору головного мозга животных, «можно и должно называть элементарным, конкретным мышлением», «законно считать и называть вме-

вятия) и мышление человека, располагающее неязыковыми единицами переработки и хранения информации о реальной действительности⁵.

В связи с возникновением и развитием речи мышление создает новые формы мыслительных операций (формы переработки информации)⁶, которые в философии получили название логического, а в психологии — понятийного мышления⁷. Систему категорий логического мышления условно можно назвать *р а с с у ж д е н и е м*. Так же, как и язык и речь, рассуждение представляет одну из частных систем мыслительно-речевой системы (системы систем) человека. Категории этой частной системы изучаются логикой; именно они обуславливают качественное отличие человеческого мышления от мышления животных, не обладающих этими категориями. Видимо, поэтому в исследовательской практике мышление (как психический процесс), когда речь идет о человеке, и рассуждение (логическое мышление) как правило смешиваются⁸.

Указанные четыре элемента (мышление, рассуждение, язык, речь) составляют единство — мыслительно-речевую систему (систему систем), внутри которой их соотношение, если отбросить ряд сложностей, можно схематически изобразить в виде квадрата без диагоналей (см. рис. 1; сокращения: *М* — мышление, *Я* — язык, *Л* — рассуждение, *Р* — речь), где выделяются пары: *М* — *Я*, *М* — *Л*, *Я* — *Р* и *Л* — *Р*.

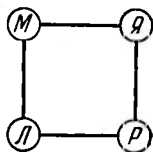

Рис. 1

Предложенная схема означает, что не все элементы (частные системы) мыслительно-речевой системы (системы систем) находятся в одинаковых отношениях. Так, мышление (в указанном выше понимании) непосредственно связано с рассуждением (*Л*) и

сто прежнего термина «психической» — *высшей нервной деятельностью*» (Полн. собр. соч., III, 2, М.—Л., 1961, стр. 222). Мышление как деятельность коры головного мозга животных (впрочем, как правило с ограничивающими определениями) признается многими современными психологами (см.: Ф. Н. Ш е м я к и н. Некоторые проблемы современной психологии мышления и речи. «Мышление и речь». М., 1963, стр. 20; А. Н. Л е о н т ь е в. Мышление. «Вопросы философии», 1964, № 4, стр. 87—89; ср. также: В. А. З в е г и н ц е в. Указ. соч., стр. 293).

⁵ Это убеждение, складывающееся в результате психологических опытов, достаточно определенно сформулировано Н. И. Ж и н к и н ы м («О кодовых переходах во внутренней речи». — «Вопросы языкознания», 1964, № 6, стр. 35—37).

⁶ Отвлеченные, внечувственные формы мышления, как убедительно показал еще И. М. Сеченов, являющиеся дальнейшим развитием того, что представляет собой мышление животных, на основе второй сигнальной системы (ср.: А. Н. Л е о н т ь е в. Указ. соч., стр. 89).

⁷ Ср., например: В. А. З в е г и н ц е в. Указ. соч., стр. 293—294.

⁸ Впрочем, психологи, в отличие от философов, замечают опасность такого смешения. Так, А. Н. Л е о н т ь е в пишет: «Так как система мыслитель-

языком (*Я*) и лишь через их посредство — с речью (*Р*). *Л*, будучи непосредственно связано с *М*, формируется на базе речевого опыта и непосредственной связи с *Я* не имеет: с языком *Л* связано через посредство *М*, с одной стороны, и *Р* — с другой. Те же связи обнаруживает и *Я*, который представляет систему, параллельную *Л*.

Материальное звено в системе этих отношений — *Р*, которая, представляя частную систему иного порядка, существует на базе категорий *Я* и *Л*. Нормально *Р* непосредственной связи с *М* не имеет: *М* отражается (материализуется) в *Р* через посредство категорий *Я* и *Л* (нельзя выделить пару *М* — *Р*, как и *Л* — *Я*). Именно поэтому мы так мало знаем о *М* как субстанции (хотя в изучении физиологических основ *М* достигнуты определенные успехи): материально нам дана *Р*, непосредственно отражающая категории и особенности *Я* и *Л*, которые, следовательно, доступны для наблюдения. Впрочем, некоторые патологические случаи (бред тяжелобольного и под.; ср. также результаты опытов над людьми, находящимися под гипнозом), вероятно, отражают непосредственную связь *М* — *Р* при нарушении обычных, нормальных связей⁹. Эти случаи могут многое дать для изучения особенностей собственно *М*.

Единство элементов мыслительно-речевой системы проявляется в том, что во всех актах мыслительно-речевой деятельности участвуют все звенья системы; но удельный вес каждой частной системы в зависимости от характера конкретного мыслительно-речевого акта, его задач и т. п. может меняться, подобно тому как, по мнению физиологов, меняется активность разных участков головного мозга в зависимости от характера осуществляющейся функции, хотя в осуществлении любой функции принимают участие фактически все мозговые участки¹⁰.

Отмеченные частные системы (элементы, или звенья, мыслительно-речевой системы), в соответствии с распространенной среди некоторых исследователей терминологией¹¹, могут быть оха-

ных операций, осуществляющих умственные действия, полностью покрывает по своему объему их содержание, может создаться представление, будто она целиком исчерпывает мышление, т. е. будто формальная логика является единственной наукой о мышлении и ее законы суть единственные его законы» (указ. соч., стр. 94).

⁹ На рис. 1 такие случаи могут быть отображены диагональной пунктирной линией *М* — *Р*.

¹⁰ Современная нейрофизиология приходит к выводу «об исключительной сложности структуры любой функциональной системы, о ее топографической распространенности, приводящей к вовлечению в реализацию даже самой простой функции практически всего мозга, но при строго дифференцированном участии разных его частей, разных мозговых образований» (Н. И. Г р а щ е н к о в, И. П. Л а т а ш. Современные вопросы организации и локализации функций мозга. «Вопросы философии», 1964, № 10, стр. 62).

¹¹ См.: Н. И. Ж и н к и н. Указ. соч.

рактированы и как разные кодовые системы, каждая из которых имеет свои кодовые единицы.

Такую единицу *М* условно можно назвать *мыслью* (о которой, по указанным выше причинам, мы мало что знаем). Единицами *Л* являются логические категории, причем основной, кодовой, видимо, следует считать *суждение*, формирующееся на базе понятий как необходимых, но частных единиц этого кода, и отражающее единицы *М*. Основной кодовой единицей *Я* является *слово*, делимое на морфемы (обращенные в сторону *М*) и фонемы (как отражение связи *Я* с *Р*). Кодовой единицей *Р* является *предложение*, которое ни в коем случае нельзя относить к единицам языка. Как факт *Р* каждое конкретное предложение произвольно (представляет результат творчества), но оно отражает языковые и логические категории (которые произвольны и лежат в основе предложения как творчества) и через их посредство оформляет единицы *М*.

Единицы разных уровней мыслительно-речевой системы обладают различной степенью объективности и социальной обусловленности.

Мысль объективна в том смысле, что она отражает окружающий человека мир, и социальна постольку, поскольку в ней отражен общественный опыт человека, ибо, как справедливо писал К. Маркс, «индивид *есть общественное существо*. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме *коллективного*, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — является проявлением и утверждением *общественной жизни*»¹².

Объективность и социальный характер единиц *Я* и *Л* обусловлены их связью с *М* и *Р*.

Единицы *Р* формируются в процессе общения человека с себе подобными в определенной социальной среде; именно поэтому *Р* целиком национальна и социально окрашена. Национальный характер единиц *Я* и *Л* обуславливается тем, что они формируются в процессе речевой практики; но, будучи непосредственно связаны также и с *М*, единицы *Я* и *Л* характеризуются и признаками *наднациональными*, общечеловеческими (например, на уровне *Я*, с одной стороны, национальный характер значения того или иного конкретного слова, не говоря уже о его материальной оболочке, с другой стороны, общечеловеческая соотнесенность значения с материальной стороной знака).

Мышление общечеловечно. Известны случаи, когда общечеловеческий характер *М* ставился под сомнение¹³. В основе «нацио-

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 590.

¹³ Критику соответствующих взглядов В. фон Гумбольдта и «неогумбольдтианской этнолингвистики» И. Л. Вайсгербера см.: В. А. Звегинцев.

нализации» мышления лежит отождествление *М* с *Л* и даже с *Я*: как было отмечено, *М* отражается в *Р* через посредство *Л* и *Я*; отсутствие соответствующих методов изучения *М* (с точки зрения его содержания и форм, а не физиологически) мешает отделить категории *М* от категорий *Л*, с одной стороны (а в последних, наряду с общечеловеческим, действительно отражается национальный опыт), и от категорий *Я* — с другой. Отсюда приписывание *М* того национального, что на самом деле характеризует *Л* и *Я*.

Как следует из предложенной схемы, непосредственно не связаны друг с другом и слово и понятие: они являются единицами разных уровней; оба они отражают опыт человеческого *М* и формируются на базе речевого опыта, но то и другое отражают по-разному. Поэтому можно говорить о том, какому понятию соответствует в *Я* то или иное слово; но нельзя говорить об отражении понятий в слове в языковом плане: в мыслительно-речевой деятельности они функционируют как самостоятельные единицы¹⁴.

Напротив, с *Р* единицы *Л*, как указывалось, связаны непосредственно. Это, между прочим, отражается в тесной связи суждения и предложения: предложение, как правило, непосредственно отражает суждение, откуда и смещение предложения с суждением в так называемой логической грамматической школе.

Наконец, в связи со сказанным нельзя не обратить внимания и на соотношение необходимого (и произвольного) и идеального (и материального) на разных уровнях мыслительно-речевой системы. *М* характеризуется минимумом произвольного при максимуме идеального (оно материально лишь по своей физиологической основе); *Р* — максимумом произвольного при максимуме материального. В *Л* и *Я* строго необходимо все, что связывает их с *М* (идеальным), однако материальное оформление единиц *Л* и *Я* (в *Р*) произвольно (носит национальный характер, зависит от социальных условий и даже индивидуальных особенностей и т. д.).

Мыслительно-речевая система имеет два канала связи с окружающим миром. Один — *М*, которое отражает мир («вход») с помощью органов чувств и (опосредствованно) — через *Р*; «выход» —

Очерки по общему языкознанию, стр. 299—312; К. А. Левковская. Некоторые зарубежные языковедческие теории и понятия. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961.

¹⁴ Мысль о единстве (но не тождестве) слова и понятия высказана недавно Л. А. Брамяном, который поясняет: «Использование языковых знаков (слов. — Г. Х.) невозможно, если предмет обозначения не представлен в сознании субъекта его обобщенным идеальным образом», т.е. понятием (Гносеологические проблемы теории знаков. Ереван, 1965, стр. 146). Ср. очень характерное для многих авторов, пытающихся разрешить вопрос о взаимоотношении слова и понятия, рассуждение: «Слово обозначает понятие и выступает его материальным представителем, но слово не включает в себя понятие, которое является формой обобщенного отражения объективно существующих вещей и явлений, идеальным, находящимся в голове человека фактором» (В. И. Малайцев. Значение и понятие. «Проблема значения в лингвистике и логике». М., 1963, стр. 7).

реакция на окружающее и сообщение (факт речевой деятельности). Второй канал — *P*, которая является средством сообщения и получения информации об окружающем мире и (опосредствованно) является средством обогащения и выражения *M*.

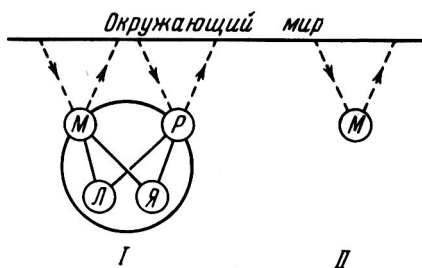

Рис. 2

Если не касаться вопросов физиологических, мышление человека потому и отличается качественно от мышления животных, что последние, имея *M* как систему, не имеют более общей мыслительно-речевой системы. *M* животного имеет только один канал связи с внешним миром — органы чувств с двигательными реакциями в качестве «выхода» (это хорошо видно на рис. 2, где показана связь мыслительно-речевой деятельности человека (I) и мышления животного (II) с окружающим миром). Звуковые «сигналы» животных, которые иногда условно называют «речью», по своему характеру являются таким же импульсом, что и любое движение, отражающее реакцию живого существа на те или иные явления, изменения в окружающем мире. Они не отражают категорий *Л* и *Я*, которыми животные не обладают, не являются источником отражения действительности (получения информации) с помощью категорий *Л* и *Я*. Это и обуславливает качественное отличие звуковых «сигналов» животных от человеческой речи¹⁵.

Одной из особенностей человеческого мышления является врожденная способность к формированию *Л* и *Я*. При ненормальных условиях эта способность не получает развития (известные случаи «воспитания» детей похитившими их животными; глухонемые дети в семье, не владеющей кинетической речью, и под.). Од-

¹⁵ Принципиальное отличие именно в этом, а не в примитивности звуковых «сигналов» животных (последнее — фактор производный): попугая или скворца можно приучить четко и «правильно» произносить «зочу есть» при виде пищи; но это будет такой же реакцией, как слюноотделение у собаки. В этом плане очень уместны рассуждения Л. А. Абрамяна о «сигнальной деятельности» животного и общественной сущности языковых знаков (указ. соч., стр. 104—109).

нако как только появляется речевая практика, эта врожденная способность тотчас дает о себе знать, причем *Л* и *Я* развиваются по мере овладения *Р* и развития речевого опыта. *Р*, таким образом, является необходимым условием формирования *Л* и *Я* (ибо она — их материальная основа!). При этом не имеет значения, каков конкретно речевой опыт. Так, если ребенок, родившийся от родителей одной национальности, оказывается в среде представителей иной нации, то его *Л* и *Я* формируются на базе речевых особенностей последней.

Язык — система социально обусловленных знаков, формирующихся и используемых в процессе общения (*Р*) и мышления (*М*). Сами по себе эти знаки случайны (произвольны), но они необходимо соотносятся с определенными (социально обусловленными) значениями¹⁶. Именно это и позволяет им участвовать в мыслительно-речевом процессе, в развитии мыслительно-речевой системы. Яркой иллюстрацией этого положения является формирование категорий *Я* и *Л* у глухонемых.

Хорошо известны случаи, когда глухонемые (никогда не владевшие звуковой речью) в процессе обучения обнаруживают большие мыслительные способности. Нередко такие случаи вызывают удивление не только в быту, но и среди специалистов. Между тем явление это закономерно: как было сказано, не имеет значения, каковы те материальные знаки, которые обуславливают формирование категорий *Я* и *Л*; важно только, чтобы такие знаки были. Если глухонемой овладевает кинетической речью, то разница между ним и обладателем звуковой речевой практики проявляется только в материальном выражении (материальной оболочке) формирующихся категорий *Я* и *Л*, но не в характере этих категорий и, тем более, не в соотношении между элементами мыслительно-речевой системы. Поэтому возможности *М* глухонемого, владеющего теми или иными формами *Р*, принципиально не отличаются от возможностей *М* человека, владеющего звуковой речью. Другое дело, что сами по себе возможности кинетической речи в какой-то степени ограничены, что должно сказываться и на развитии категорий *Я* и *Л*; однако когда глухонемой обучается чтению и письму, его возможности оказываются равнозначными возможностям обладателей звуковой речи (разница опять-таки лишь в том, что используются зрительные, а не слуховые знаки).

¹⁶ Нельзя не согласиться с Л. А. Абрамяном, когда он пишет: «Знаком может служить любая чувственно воспринимаемая вещь. Для этого не требуется, чтобы вещь, предназначенная для функционирования в качестве знака, приобрела какие-то заданные физические свойства» («Значение как категория семиотики». — «Вопросы философии», 1965, № 1, стр. 59). «Обладание значением — необходимое условие функционирования вещи как знака» (там же, стр. 60).

Предложенная схема мыслительно-речевой системы, несмотря на ее несовершенство, дает возможность удачно объяснить ряд ситуаций, возникающих при изучении мышления и языка. Эта схема позволяет решать и ряд проблем, связанных с особенностями языка и речи; однако подробное рассмотрение всех относящихся сюда вопросов — материал для специального разговора между лингвистами.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ ОБОБЩЕНИЯ И АБСТРАКЦИИ

М. М. КОЛЬЦОВА

Философия, психология, языковедение и физиология дают много определений слова, показывающих, что в его основе лежит обобщение, т. е. отражение того общего и устойчивого, что имеется в бесконечном разнообразии окружающих нас явлений и предметов. Важной особенностью этого обобщенного отражения через слово является его внечувственный характер. Еще Аристотель говорил, что общее «нельзя чувственно воспринимать»¹.

«Чувства показывают реальность, мысль и слово — общее», — писал В. И. Ленин².

С помощью словесного отвлеченного мышления человек получает возможность познавать явления и предметы глубже, чем это достигается посредством чувственного опыта.

В настоящее время философия, психология и лингвистика исходят из теоретического допущения, что обобщение и отвлечение, как и все психические явления, представляют результат деятельности мозга.

Однако в ходе исследований это допущение никак далее не реализуется и самые явления рассматриваются лишь в качестве сугубо психических или философских и логических категорий. Нам представляется крайне важным попытаться рассмотреть, что представляют собой обобщение и отвлечение как функции мозга.

Для правильного выбора направления исследования важно определить, что именно должно стать предметом изучения.

Философия и психология в термины «обобщение» и «абстракция» вкладывают двоякий смысл: ими обозначаются и процессы

¹ Аристотель. Аналитики. М., 1952, стр. 242.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 246.

обобщения и отвлечения, и их результаты, т. е. возникающие общие понятия, идеи ³.

Очевидно, что для физиологии основной интерес представляет изучение обобщения и отвлечения как процессов. Насколько точно совпадают представления психологов и философов с представлениями физиологов об «умственных процессах»? Можно ли быть уверенными, что речь идет об одном и том же, когда философ и физиолог говорят о процессе обобщения или процессе отвлечения?

И. М. Сеченов и И. П. Павлов, впервые употребившие в физиологических трудах эти термины, заимствовали их из психологических и философских работ и применили именно в том смысле, в каком они были даны там. Так же понимаются эти термины и физиологами, которые ведут работу в этом направлении. Поэтому можно считать, что в упомянутых науках терминами «обобщение» и «отвлечение» обозначаются одни и те же явления.

Однако имеется существенное отличие: в то время, как философия и психология изучают обобщение и абстракцию как логические категории, физиология сосредоточивает внимание на нервных механизмах, лежащих в основе протекания изучаемых процессов. Кроме того, сейчас, когда физиология начала накапливать соответствующие факты, возникли некоторые различия в понимании изучаемых явлений. В теоретическом отношении крайне важно, что философия и психология рассматривают обобщение и абстракцию как два самостоятельных умственных процесса, причем абстрагирование считают первичным, а обобщение — вторичным. По описаниям, даваемым философами и психологами, сначала происходит абстрагирование существенных, основных свойств предметов, а затем уже обобщение этих абстрагированных свойств. Отвлечение является процессом, как бы подготавливающим последующее развитие обобщения.

Так, Д. П. Горский ⁴ иллюстрирует это положение примером формирования понятия (абстракции) «многоугольник»; сначала происходит выделение основного свойства предъявленных геометрических фигур — наличие у них углов, и отвлечение, абстрагирование от второстепенных свойств — числа углов, их величины, формы получившейся геометрической фигуры и т. д. Далее, на основе выделенного основного свойства — наличия углов и происходит обобщение ряда геометрических фигур понятием «многоугольник».

Но что же такое существенные, основные и несущественные, второстепенные свойства предметов (явление)? Как происходит вычленение существенных свойств?

³ Д. П. Горский. Вопросы абстракций и образования понятий. М., 1961, стр. 20.

⁴ Д. П. Горский. Указ. соч., стр. 314.

Со времени И. М. Сеченова известно, что всякий предмет (явление) при своем действии вызывает ряд непосредственных ощущений. Процесс разложения комплекса ощущений на отдельные ощущения, отражающие отдельные свойства предметов, называется процессом анализа. Наблюдения показывают, что выделяемые свойства предмета с самого начала неравноценны в физиологическом отношении: одни из них вызывают более сильную ориентировочную реакцию и, следовательно, как раздражители оказываются сильнее; другие свойства остаются для ребенка более индифферентными раздражителями. Для ребенка раннего возраста наиболее сильным компонентом раздражения в предмете будет его цвет⁵. Постоянно наблюдается, что в качестве сильного раздражителя у ребенка действует осязательное ощущение. На ранних этапах развития деятельности мозга основой для развития обобщения служат именно эти физиологически наиболее сильные компоненты из всего комплекса ощущений, который вызывает предмет.

Приведем пример развития совершенно элементарного обобщения. Леша В. (1 г. 2 мес.) знакомится с новым для него предметом — красным карандашом. Он разглядывает его, вертит в руках, стучит им по столу — получает при этом ряд отдельных ощущений, т. е. выделяет ряд свойств предмета: красный цвет, удлиненную форму, гладкую твердую поверхность и т. д. В действиях Леша с карандашом обращают на себя внимание попытки копать им. Оказывается, ребенок постоянно копает песок красным совочком. Как произошло обобщение карандаша с совком? Основой для обобщения явился здесь красный цвет карандаша. Он оказался более сильным раздражителем, чем другие свойства этого предмета. Ребенок обобщил этот новый предмет (карандаш) со знакомым предметом (совочком) именно по цвету.

Постоянно наблюдается обобщение детьми предметов по тактильным ощущениям, которые они вызывают (например, кошка, плюшевые игрушечные звери, меховая шапка и т. п. обобщаются именно по этому признаку).

Сейчас мы не будем останавливаться на том факте, что полученное обобщение неправильно по своему существу, так как большая часть случаев обобщения у детей первых двух лет жизни не отражает действительных соотношений предметов и далее в опыте ребенка должна корригироваться. В этом элементарном случае представляет интерес не содержание обобщения, а его механизм. Очевидно, что здесь пока не удастся выделить процесса, соответствующего абстрагированию. Здесь можно видеть только процесс анализа и последующее обобщение.

⁵ См.: Г. Л. Розенгарт-Пупко. Речь и развитие восприятия в раннем возрасте. М., 1948.

Процесс анализа по своей сущности не может быть отождествлен с явлением абстрагирования. Анализ уточняет, конкретизирует восприятие предмета, абстрагирование же должно удалять нас от конкретного предмета или явления.

Вот поэтому тот элементарный пример обобщения, который был приведен выше, в физиологии получает несколько иное толкование, чем в психологии или философии.

Психологическое толкование	Физиологическое толкование
<p>Первый процесс — анализ свойств предметов</p>	<p>Первый процесс — анализ свойств предметов Нет специального процесса выделения существенного свойства. Выделенные при анализе свойства имеют сразу равную физиологическую значимость</p>
<p>Второй процесс — выделение наиболее существенного свойства, признака, т. е. абстрагирование от второстепенных несущественных свойств</p>	<p>Второй процесс — обобщение физиологически более сильных раздражителей (значимых свойств)</p>
<p>Третий процесс — обобщение выделенных существенных свойств</p>	

Философы или психологи, исходя из логики протекания умственных процессов, вычленивают абстрагирование от несущественных признаков как самостоятельную умственную операцию. Физиологически же мы здесь обнаруживаем лишь анализ действующих на нервную систему раздражений, причем продукты анализа сразу неодинаковы по своей физиологической значимости. Одни из полученных при анализе ощущений физиологически сильнее, другие — слабее. Далее, поскольку процесс возбуждения всегда распространяется по направлению к сильному очагу (по принципу доминанты), действие более сильного раздражителя легко генерализуется.

Здесь может быть сделано возражение, что в приведенном примере рассматривался случай примитивного обобщения, которое происходило по сильному в физиологическом отношении признаку предметов. Однако физиологически более сильный признак далеко не всегда может быть оценен как существенный признак. Так, цвет не является существенным признаком карандаша или сопочки. Поэтому обобщение предметов по этому признаку оказалось несоответствующим действительности и в последующем коррегировалось в опыте ребенка, как и многие другие проявления обобщения, возникающие у ребенка в этом возрасте. По-видимому, форма предметов является более характерным и

надежным критерием (т. е. более существенным свойством) для обобщения этих предметов или отличения их одного от другого. Попытаемся разобрать случай, когда обобщение происходит по существенному признаку. Тот же Леша В., играя в песке, научается выделять совочки любого цвета и размера среди других игрушек. Это происходит в результате того, что действие копания и зачерпывания песка успешнее всего получается совочком — это является своего рода подкреплением. Так постепенно ребенок научается выделять форму предмета среди других его свойств.

Аналогично этому в процессе выработки условных рефлексов на отношения раздражителей с существенный признак — более частый ритм действия раздражителя, например, также выделяется в результате подкрепления одного ритма и неподкрепления другого. Без выработки, т. е. без обучения, этот существенный признак не может быть выделен.

Приводимые примеры можно усложнять, но суть их останется та же самая: физиологически более сильным будет то свойство, которое выделяется в результате того, что оно чаще сопровождается подкреплением.

Работами лаборатории Э. А. Асратяна (Янь Уй-цаино, 1957; Чжу Цзы-цяло, 1957) показано экспериментально, что физиологическая сила условного раздражителя прямо пропорциональна силе безусловного подкрепления этого раздражителя. Д. Н. Меницкий (1960) подчеркивает, что фактором, определяющим силу условного сигнала, является вероятность его безусловного подкрепления. Для количественной оценки эквивалентной силы условного раздражителя может служить формула условной вероятности, определенной через вероятности появления в данной ситуации (системе событий) условного и безусловного раздражителей в их сочетании.

Таким образом, то свойство раздражителя (предмета), которое чаще других свойств совпадает с безусловным подкреплением, и становится постепенно более сильным (например, форма предметов нескольких различных кукол). Другие свойства — величина, цвет и т. д. этих предметов (кукол) при этом варьируют, и эти свойства получают соответственно меньшее число подкреплений, и, следовательно, остаются более слабыми раздражителями.

Ребенку, например, предъявлены по 20 раз пять кукол разной величины, сделанные из различных материалов и отличающиеся по цвету. Оказывается, что форма предмета совпала с безусловным (игровым) подкреплением все 100 раз; определенный цвет и та или иная величина были подкреплены лишь 20 раз из 100. Вероятность подкрепления этих свойств в 5 раз меньше и соответственно действие этих свойств предмета оказалось очень слабым.

Значит существенное свойство предмета (в данном случае его форма) вырабатывается в опыте ребенка. И процесс этот

совершается под руководством взрослых. Если ребенка не обучать выделять то или иное свойство как основное (т. е. не давать нужного подкрепления при его действии), то оно и не выделится.

Таким образом, выделение «существенного» свойства предмета (или предметов) есть, по сути дела, выделение физиологически наиболее сильно действующего свойства: на ранних этапах развития деятельности мозга — это те свойства, которые вызывают сильный ориентировочный рефлекс, на более поздних этапах — те, которые чаще других совпадают с безусловным подкреплением. Процесс выделения существенных признаков есть процесс анализа, и для выделения какого-то дополнительного процесса абстрагирования нет оснований.

Что происходит, когда предмет обозначают определенным словом? Если развивать далее пример с куклами, то увидим следующее. Если предмет является для ребенка комплексом приблизительно равнозначных раздражителей, то слово (название предмета) не отличается от них по силе. Когда ребенка научили выделять какое-то свойство как основное, то слово становится эквивалентом этого свойства. Например, форма куклы — продолговатого предмета с головой и туловищем, — выделяется как наиболее сильный признак; слово, которым взрослые постоянно называют этот предмет, связывается именно с формой предмета, становится его эквивалентом. Поскольку данное свойство было физиологически более сильным, то и его словесный эквивалент оказывает сильный рефлекторный эффект. Когда это же самое слово употребляется применительно ко многим предметам, то оно остается эквивалентом этого же свойства, но выделяемого теперь в нескольких предметах. Например, ребенок выделяет определенную форму в нескольких показываемых ему куклах, тогда слово *кукла*, которое стало эквивалентом этого свойства в первой кукле, будет в равной мере эквивалентом формы и второй куклы, и третьей и т. д.

Чрезвычайно интересен механизм развития этой формы обобщения, когда слово становится эквивалентом одного и того же свойства, выделяемого во многих предметах.

Как наблюдения, так и эксперименты дают основание говорить, что здесь имеет место своеобразное явление подкрепляемой генерализации.

В физиологии высшей нервной деятельности явление генерализации обычно рассматривается как быстро проходящее, уступающее место дифференцированию. Здесь же генерализация упрочивается, так как в игровой деятельности ребенка она постоянно подкрепляется. В примере с куклами выясняется,

что форма их схожа только приблизительно: пропорции различны, а иногда и нарушены — может быть оторвана голова или ноги куклы, и все же ребенок реагирует на них как на куклы: берет на руки, баюкает или «кормит». Это происходит вследствие того, что реакция, возникающая на новую куклу сначала по механизму генерализации, далее подкрепляется окружающими взрослыми или старшими детьми: ребенок берет новую куклу с очень длинным туловищем и ногами, и ему показывают, как ее завернуть в одеяльце и покачать, и называют словом *кукла*; а потом деревянная матрешка, почти круглая, без рук и ног получает в игре то же подкрепление и т.д. В этом процессе постоянно подкрепляемая приблизительно одинаковая форма становится основой для обобщения всех этих предметов.

Данные этих экспериментов позволяют сделать вывод о том, что процесс обобщения есть реальный процесс, имеющий свой определенный функциональный субстрат. При изменениях этого функционального субстрата изменяется как объем обобщения, так и его уровень.

Что же касается абстрагирования, то нет никаких физиологических оснований выделять его как реальный процесс. Возникающий в результате развития того или иного уровня обобщения образ уже может быть охарактеризован, как конкретный, чувственный или как абстрактный, внечувственный.

Иначе говоря, конкретность и абстрактность есть лишь характеристика формы отражения действительности. Форма же отражения определяется функциональным уровнем процесса обобщения.

Следующий вопрос, имеющий принципиальное значение, — это природа процесса обобщения, вырабатываемого с помощью слова. Важно выяснить, является ли обобщение, развивающееся на высшем уровне кортикальной деятельности, в физиологическом отношении тождественным тому обобщению, которое имеется на уровне первой сигнальной системы, или же оно имеет принципиальные отличия.

По своим внешним проявлениям эти формы обобщения очень различны.

Ниже в таблице приводятся основные формы нервной деятельности, осуществляемые на непосредственные раздражители и соответствующие им формы обобщения.

Как видно из этой таблицы, в основе всех форм обобщения, получаемого на уровне первой сигнальной системы, лежит образование системности. В одних случаях получаемые системы очень просты и коротки — состоят из двух-трех-четырёх условных связей. В других случаях эти системы очень сложны и длинны.

Когда берем те формы высшей нервной деятельности, которые

Формы нервной деятельности и соответствующие им формы обобщения

Форма нервной деятельности	Форма обобщения	Физиологический механизм
Замыкание временной связи при безусловном подкреплении	Эффект безусловного раздражения передается на связанные с ним клетки соответствующей сенсорной зоны коры	Единичная условная связь
Замыкание сенсорной временной связи при ассоциировании раздражителей	В результате совпадения раздражения двух сенсорных пунктов в коре, раздражение одного из них начинает вызывать возбуждение другого	Единичная условная связь
Образование условного рефлекса 2-го, 3-го и т. д. порядка	Эффект безусловного раздражения передается на связанный с ним сенсорный пункт в коре и далее на ассоциируемый с этим последним другой сенсорный пункт	Система из условной связи, полученной при сочетании условных и безусловных раздражителей и одной или более сенсорных условных связей, возникающих при ассоциировании раздражителей
Условные рефлексы на комплексный раздражитель (последовательный)	Эффект безусловного раздражения последовательно передается на ряд связанных между собой сенсорных пунктов. При замене одного компонента другим, комплекс действует как новый раздражитель	Система из нескольких связей, получаемых при сочетании условных и безусловных раздражителей и сенсорных условных связей
Условные рефлексы на комплексный раздражитель (одновременный)	То же	То же
Динамический стереотип	Многие сенсорные пункты коры, связанные с ними подкорковые центры функционируют в определенной последовательности. Значение отдельных раздражителей утрачивается, они действуют как единое целое	То же
Переключение условно-рефлекторной деятельности	Вырабатываются две взаимодействующие системы условных связей	То же

формируются при воздействии словесных раздражителей, то здесь встречаемся с чрезвычайно сложной формой кортикальной деятельности — образованием понятий. На первый взгляд процесс образования понятий по своей сложности и сущности физио-

логических механизмов никак неопоставим с образованием элементарных условных рефлексов второго или третьего порядка или выработкой динамического стереотипа на непосредственные раздражители. Однако и здесь выявляется значение образования системности в развитии обобщающего действия слова, как решающее условие.

Вторым важным принципом развития обобщения в деятельности головного мозга является постепенное сокращение сигнального образа.

При изучении системности (на примере выработки у собак динамического стереотипа) впервые Э. А. Асратяном (1935) был отмечен крайне важный факт: когда стереотип уже был упрочен, т. е. несколько рефлексорных актов уже слились в прочную функциональную систему, оказалось возможным вызвать весь последовательный ряд рефлексов, применяя один из раздражителей, входящих в данный стереотип.

В одном варианте экспериментов Э. А. Асратян применял лишь первый входящий стереотип раздражителя, в других — любой из последующих раздражителей подставлялся последовательно на места других раздражителей.

Основной интерес представляет именно первый вариант: когда первый раздражитель из системы давался однократно и воспроизводил всю сложную цепь рефлексорных актов. В одном раздражителе теперь оказывалась как бы заложенной вся программа для последующих развернутых действий. При выработке системности сначала отдельные разрозненные раздражители сливаются в единый комплекс — раздражитель усложняется. На следующей фазе, когда система упрочена, оказывается, что один элемент (именно, начальный) может заменить всю систему.

Таким образом, принцип сведения комплекса раздражителей в один выявляется уже в тех формах обобщения, которые относятся к уровню первой сигнальной системы.

На высшем функциональном уровне, когда через посредство слова происходит обобщение многих непосредственных сигналов, мы сталкиваемся с этим же процессом сведения комплекса раздражителей в один, т. е. с процессом сокращения сигнала, и здесь он приобретает особое значение. Сначала формируются сложные комплексы раздражений, каждый элемент которых несет определенную сигнальную функцию. Затем постепенно эта функция переносится на слово. Так, вначале можно видеть, что слово и различные свойства предмета соотносятся как компоненты сложного раздражителя. Например, слово *киса* и зрительные, тактильные, слуховые и другие ощущения от реальной кошки действуют как единый комплекс. Непосредственные компоненты этого комплекса обозначим буквами *a*, *b*, *c*, *d* и словесный компонент — буквой *e*. Далее, слово начинает замещать собой все непосредственные компоненты данного комплекса: $e = (a + b + c + d)$. Теперь

слово замещает, обобщает собой все эти непосредственные компоненты и представляет собой их сокращенное выражение.

Но далее слово *киса* начинает обозначать не только одну конкретную Мурку, но всякую кошку. Если комплекс непосредственных раздражений, получаемый от второй кошки, обозначим буквами a_1, b_1, v_1, z_1, d_1 , а от третьей — a_2, b_2, v_2, z_2, d_2 , то слово *киса*, представленное буквой e , получает еще более широкое значение. Оно включает в себя уже многие комплексы: $e = (a + b + v + z + d) + (a_1 + b_1 + v_1 + z_1 + d_1) + (a_2 + b_2 + v_2 + z_2 + d_2)$. и т. д., и т. д. Теперь слово *киса* стало «сигналом сигналов» и замещает собой уже целый ряд комплексов непосредственных ощущений. Постепенно слово становится эквивалентом многих таких комплексов.

Изучение формирования функции обобщения у ребенка показывает, что чем более развернут самый процесс интеграции явлений, тем экономнее форма, в которой он выражается.

Таким образом, развитие обобщения на обоих функциональных уровнях (т. е. в первой и второй сигнальных системах), как это видно из приведенных материалов, определяется двумя основными принципами: 1) образованием системности и 2) сокращением как сигнальной раздражителя, так и возникающего под его влиянием обобщенного образа.

Исходя из этих фактов, можно считать, что развитие функции обобщения на всех уровнях деятельности больших полушарий представляет собой единый физиологический процесс.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<u>[И. И. Мещанинов]</u> Соотношение логических и грамматических категорий	7
А. С. Чикобава. К вопросу о взаимоотношении мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции	16
Г. М. Керт. К вопросу о взаимоотношении языка и мышления	30
Ф. Н. Шемякин. Язык и чувственное познание	38
В. В. Бабайцева. О выражении в языке взаимодействия между чувственной и абстрактной ступенями познания действительности	55
А. Д. Наседкин. Язык как средство формирования мысли	65
А. С. Мельничук. О роли мышления в формировании структуры языка	74
П. В. Чесноков. О взаимосоответствии формальных типов языковых и логических построений	88
В. И. Кодухов. Мышление и языковые значения и функции	102
И. Ф. Вардуть. К обоснованию актуального синтаксиса	115
Н. З. Котелова. О логико-грамматическом уровне в языке	122
В. С. Юрченко. О взаимосвязи мышления, языка и речи на коммуникативном уровне	136
В. М. Павлов. Проблема языка и мышления в трудах Вильгельма Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании	152
<u>[П. С. Попов.]</u> Различные типы нарушений правильности речи и их значение для выяснения характера взаимоотношения языка и мышления	162
Д. П. Горский. О проблеме значения [понимания] знаковых выражений	166
Н. Г. Комлев. Семантическая аспектация языка	177
Г. В. Кошанский. Семантика слова в логическом аспекте	187
Э. В. Кузнецова. Полисемия и ее отношение к слову и понятию	208
К. Г. Крушельницкая. Грамматические значения в плане взаимоотношения языка и мышления	214
А. Н. Савченко. Части речи и категории мышления	224
Г. П. Мельников. Кибернетический аспект различения сознания, мышления, языка и речи	232
А. Ф. Демьяненко. О методологических направлениях семиотики и о связи мышления и языка	243
Л. Б. Баженов, В. В. Вирюков. Семиотика и некоторые аспекты проблемы языка и мышления	249
Ю. А. Петров. Гносеологическая роль формализованных языков	257
В. А. Полушкин. К вопросу об определении информации	266
Н. А. Слюсарева. О знаковой ситуации	274
Ю. С. Маслов. Какие языковые единицы целесообразно считать знаками?	284
Г. А. Хабургаев. Схема соотношения элементов мыслительно-речевой системы	295
М. М. Кольцова. Физиологическое изучение явлений обобщения и абстракции	302

1938

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

